

Исчезающий трон

Элизабет Мэй

книга вторая трилогии Охотницы

Битва, в которую оказалась втянута соколиная охотница Айлиэн, завершена, теперь девушка является пленницей чужого для нее мира, в который она попала через могущественный портал фейри, открывшийся в ее родном городе. Девушке предстоит пройти немалое количество трудных испытаний, каждое из которых поставит ее жизнь под угрозу, но если она этого не сделает, то вся Великобритания будет под угрозой полного уничтожения, так как фейри, давно мечтающие попасть на Землю, своего шанса не упустят.

Элизабет Мэй

Исчезающий Трон

трилогия Охотницы, книга 2

Перевод: Елена Курак, Алена Спеней

Корректор: Ксения Боцилина (1-20гл), Алена Спирина (21-39гл)

Редактор: Анюта Солнцева

Я помню, как воздух вокруг меня пылал, пепел и обломки повсюду. Как его клинок вонзился в кожу на моей шее, как стекали струйки крови. Как война вокруг показалась такой тихой, будто время замерло.

Только Лоннрах и я... Вся моя жизнь висела на кончике его клинка. Легкое нажатие — темнота.

Мои веки отяжелели и жгут. Перед глазами мелькают моменты битвы и те драгоценные секунды, когда я должна была собрать механизм, чтобы запереть фейри под землей, пока ещё не поздно. Столб света вокруг меня постепенно ослабевал и разрушался от их силы.

Смех отвлёк меня от мыслей. Между картинками воспоминаний послышались голоса. Где я? Мелодичный голос, как у Киарана, разнесся эхом вокруг меня, тихо нашептывал слова, которые я не узнавала или не понимала.

“Открой свои глаза”, - я приказываю себе, — ” Открой свои глаза.” Страх заставил меня очнуться, перед глазами сверкнул слабый свет, прежде чем меня снова прижали к земле рукой; виски пронзила ужасная боль.

— Никто не разрешал тебе двигаться, — слова медленно переходили в шипение.

Моё тело онемело. Кто-то сжимает моё запястье; ногти впиваются в плоть так сильно, что на коже выступает кровь. В воздухе повис громкий и удовлетворённый смех.

Над ухом раздался тихий шёпот, я ощутила поток горячего воздуха на шее.

— Ты проиграла. Теперь ты принадлежишь мне.

Меня снова охватывает волна воспоминаний: моменты из моей прежней жизни, тот день, когда я чуть не умерла... Передо мной выстраивается целая цепочка событий: как Киаран спас меня от водяного коня, сотни убитых мной фейри. Каждый из них оставил свой след в моём сердце. Первый, испугавший меня фейри. Первый, которого я убила...

— Мы убьем их всех, — говорил он с тенью улыбки на лице.

Воспоминания меняются, словно дым. Вдруг я опять на поле боя; каждая минута в тяжёлых доспехах казалась мне настоящей пыткой. Неподвижное тело Киарана возле меня, часть его лица обожжена щитом, кожа почернела, сквозь неё виднеется кость. Мёртв?

Нет, нет, этого не может быть! Я трясусь его. Бью по груди.

— Очнись, очнись, очни..!

Я широко открыла глаза, прищуриваясь от яркого света. Жадно хватаю воздух и тут же морщусь от пульсирующей головной боли. Прижимаю пальцы к вискам. Мокрые.

В глазах медленно начинает проявляться.

— Никто не разрешал тебе двигаться.

Я быстро обнаружила, что доспехи пропали. Кожа на груди была местами расцарапана, виднелись всё ещё кровоточащие следы от когтей. Похоже на предупреждение.

— Ты проиграла. Теперь ты принадлежишь мне.

Я встряхиваю головой, пытаюсь преодолеть страх, растущий внутри. Ну же, сосредоточься! Мои мысли заполняет голос Киарана, один из его важнейших уроков. Но мысли о нём завладевают мной — где он, жив ли он, и...живы ли те, кого я люблю? Его голос вновь останавливает меня. Осмотрись. С трудом подавляю растущую панику и заставляю исчезнуть стеснение в груди. Контролируй эмоции.

Только сейчас замечаю, что на мне свободное белое платье, как у Сорчи. Легонько

провожаю рукой по шёлковой ткани, хотя, я неуверенна, что это именно шёлк. Эта ткань намного мягче, белее и нежнее. Кажется, словно она соткана из лепестков цветов и лёгких перьев птиц. Свободные рукава легко скользят по коже, когда я приподнимаю руку. Ноги украшают изысканные туфельки из тёмных орхидей и металлических бусин.

После быстрого осмотра своих ран, я оглядываюсь. Боже. Я всеми силами пытаюсь успокоиться и взять себя в руки. Этого не может быть! Или может?

Я на платформе из черного камня, который переливается и сверкает, как обсидиан, отколовшегося и парящего над ущельем чёрных скал, которое простирается за пределы моего поля зрения. Как будто земля вокруг раскололась на тысячи платформ, витающих в воздухе, словно листья. На других плитах были здания — сверху одной из них возвышался замок; низ плиты являл собой острые грани, напоминающие клинки. Замок был великолепным, красивее любых построек, которые я когда-либо видела. Он выглядел, словно был сооружен из чистого, сверкающего металла, блеск которого придавал замку таинственности. Даже с этого расстояния видно, что он мерцал, подобно опалу. Осколкоподобные башни обрамляли углы замка, окружая величественное здание в центре, словно скопления звёзд.

Здания на других платформах ниже парящего замка, зависли в пространстве между возвышающимися скалами. Куполообразные верхушки, сделанные из металла и других сверкающих камней, увенчивали некоторые здания. В отличие от них, скалы по обе стороны от меня — одноцветные, тусклые. Даже деревья тут кажутся стеклянными, с тонкими колючими ветвями. Вдоль скалы сверкают цветы, нежные бутоны которых переливаются на морозе. Когда я вдыхаю, ледяной воздух обжигает грудь. Пахнет зимней свежестью.

Мне все мерещится. Это всё лишь сон. Я касаюсь ладонью холодной скалы, провожу пальцами по глянцевой поверхности. Вдоль внешнего края платформы мелкие осколки вонзаются в кожу, оставляя красные ноющие раны.

Это не сон, не сон. Резко выдыхаю, лёгкие сдавливают от боли. Я быстро отдергиваю руку, отступаю и оказываюсь у самого края платформы. Глянув через край, понимаю, что совершила ошибку.

Мой желудок сворачивается. Ниже меня нет ничего, кроме устрашающей темноты. Ни один луч света не проникает сквозь эту толщу тьмы, и нет ничего, за что я смогла бы ухватиться, в попытке убежать. Поблизости нет ни платформы, ни скалы, чтобы прыгнуть, и, парящие здания, расположены слишком далеко. Это тюрьма, выход из которой — смерть. Где же я, чёрт возьми?

— Хорошо. Ты очнулась.

Я оглянулась и увидела Лоннраха на соседней платформе. Растерявшись, я даже не заметила, что вкус его силы осел на моём языке, оставляя сладкий привкус природы и мёда. Его доспехи исчезли. Он был одет как человек: дымчато-серые брюки и белая льняная рубашка. Его светлые волосы были собраны на затылке. Взгляд был прикован к ране на моей голове.

— Я надеялся, что это не доставит тебе неудобств.

Почему? Я уже хотела расспросить его об этом, но увидев его живым, меня наполнила ярость. Мой взгляд остановился на его щеке, где виднелся след от моего клинка. У меня был шанс убить его, но я им не воспользовалась. И я не повторю эту ошибку снова.

— Где мы? — Я замечаю, что мой голос охрип. Спокойствие. Успокойся.

— Sith-bhruth, когда-то это была территория Неблагих. — Его взгляд задерживается на утёсах вокруг нас. — То, что от неё осталось.

Если бы мы были на балу, и я не знала, что Лоннрах не человек, я бы сказала лишь то, что он чертовски красив. Но это всё — лишь часть его физической привлекательности, его способность убивать с такой лёгкостью — навык, которым обладают все daoinesith. Я поддалась соблазну этой силы на поле боя, но сейчас, он просто ублюдок, который ранил меня, заставил меня страдать и оставил истекать кровью, и...

— Если ты хоть что-то сделал с моим домом, — мой голос грубеет, — Я убью тебя.

Я убью тебя в независимости от обстоятельств. Я просто сделаю это.

Лоннрах слегка наклоняет голову. На его лице мелькнула едва заметная улыбка, будто мы на свидании, и он пытается флиртовать. Его улыбка нервирует. Явный намек на то, что он знает что-то, чего не знаю я, и от этого я теряю самообладание.

— Неужели?

Я прикусила язык, чтобы удержаться от расспросов о Киаране и всех, кого я люблю. Я не могу позволить ему увидеть моё беспокойство: я должна сделать вид, что ничего не чувствую.

Вместо этого я перебираю веточки сейгфлора на своей шее. Мягкий чертополох смертельно опасен для daoinesith, и достаточно эффективен, чтобы прожечь его плоть. Я могла бы обернуть его вокруг горла Лоннраха, если бы только пожелала. Это не самая быстрая смерть. Я уже видела это.

Лоннрах спрятал руки в карманах брюк и, казалось, что даже при столкновении платформ, он бы так и стоял, не пошатнувшись. Холод, очевидно, несколько его не беспокоил.

Возможно, он такой же искусный лжец. Как и я.

— Ты не в том положении, чтобы угрожать, маленькая охотница, — сказал он спокойным голосом, глядя в крошечную тьму.

Я пытаюсь так же осмотреться. И проигрываю. Даже если я и попыталась бы убить Лоннраха, то оказалась бы в ловушке. Столкнуть его в пропасть — не выход, он, вероятней всего, выживет. Чёрт бы побрал их неуязвимость.

Я сохраняю бесстрастный и холодный взгляд. Это удалось только благодаря всему тому, чему я научилась после того, как Сорча убила мою маму. Для фейри это всего лишь игра. Даже человеческое горе. Даже если бы у меня была возможность убить его, Лоннрах использовал бы это против меня. Ну что же, сыграем!

Вдох-выдох, пытаюсь взять себя в руки.

— Откуда мне знать, что это не очередная уловка? — Мой голос звучит игриво. Я мастерски лгу. Я училась у лучшего, в конце концов. — Это место?

Выражения лица Лоннраха остается безразличным.

— Никак.

Я думаю о его улыбке, и не упускаю вероятности того, что она вызвана смертью всех, кто мне дорог. Если это так, тогда мне больше нечего терять.

Но не Лоннраху. Есть кое-что, что ему нужно: я. Если бы это оказалось неправдой, то я была бы мертва.

Самое время проверить. Я подхожу к краю своей платформы, оказываюсь недалеко от Лоннраха.

— Что будет, если я сделаю это? — спрашиваю я, балансируя на одной ноге на выступе. — И падение будет смертельным...

Я даже не успела моргнуть, как Лоннрах прыгнул со своей платформы, сбивая меня с

ног. На мгновение мне показалось, что мы свалимся в пропасть.

Но нет. Он резко хватает меня за руку и силой тащит от края платформы. Его серебряные глаза пылают гневом. Я удивлена таким проявлением эмоций: обычно они скрывают свои чувства.

— Глупая девчонка!

Теперь я поняла. Лоннрах забыл главное правило нашей с ним игры: никогда не позволяй своему врагу знать то, как сильно ты в чем-либо нуждаешься. Я нужна ему живой, не только в качестве пленника. Вот почему он беспокоился о моей травме.

Но я не могу сосредоточиться на этом. Не могу. Единственный вопрос, на который я хочу получить ответ — он убил всех, кого я люблю? — но не могу, к горлу подходит ком. Тогда задаю другой вопрос:

— Где Киаран?

Я замечаю, как Лоннрах в спешке отводит свои глаза, чтобы я не успела заглянуть в них и попытается сгладить изначальное выражение своего лица.

— Его сестра убила моих людей ради его спасения. — Его ухмылка жестока. — Вероятно, они решили, что ты не стоишь спасения.

Ещё одно воспоминание о Киаране на поле боя вспыхнуло в моем сознании. Его неподвижное тело и обгоревшее лицо. Очнись! Очнись! Но он даже не шелохнулся.

Лоннрах сказал, что Киаран выжил, но если бы это было правдой, он не оставил бы меня. Он не мог бы.

— Ты что-то чувствуешь к нему, — его пальцы вцепились в мой подбородок, заставляя на него посмотреть. — Он заставил тебя поверить в то, что ты ему небезразлична. — Его взгляд полон сочувствия, но я знаю, что это не так. — Таких, как он, не волнуют маленькие девочки вроде тебя.

Нужно притвориться, что мне все равно. И я пытаюсь, но слова Киарана, сказанные той ночью, всплывают в моем сознании. Настоячивый поцелуй, два слова, сказанных мне в губы, которые я прочувствовала всем сердцем. Aoramdhuit. Я буду служить тебе. Мои воспоминания оборвали слова Лоннрахы:

— Ты не первая, кого он приручил.

Прежде, чем я сумела себя остановить, мне удалось вырваться из его хватки и ударить его кулаком по лицу. Он слегка пошатнулся. Я бью его снова, коленом в живот. И еще раз. Сильный порыв ветра откидывает меня назад, но Лоннрах успевает схватить мою руку, и выкрутить её у меня за спиной. Он позади меня, его дыхание щекочет мою шею.

— Я нужна тебе живой. — Мне пришлось сглотнуть, чтобы скрыть дрожь в голосе. Я пытаюсь освободиться из его рук, но его хватка сильна; любое мое движение мучительно. — Зачем? — Ответа не последовало. — Зачем?!

— Ты можешь достать то, что мне нужно. Это все, что от тебя требуется. — Я понимаю, к чему он клонит: Когда он получит то, что ему нужно — он убьёт меня. Закидываю голову назад и ударяю его в нос. Я слышу ругательства на его фейском языке и это не может не принести мне удовольствия. Я попыталась атаковать, но он держит меня мертвой хваткой, пальцы впиваются в моё запястье.

Любое лишнее движение — и он ломает мне руку. Мои раны заживают быстрее, чем у обычного человека, но я бы предпочла не знать, сколько времени мне потребуется восстановиться от этого. Словно предупреждая, он сжимает мою руку сильнее. Я стискиваю зубы от боли.

— Если бы я знала, что ты ищешь, то уничтожила бы это прежде, чем оно попадет тебе в руки.

Я чувствую, как его плоть содрогается от дикой ярости.

— Ты действительно веришь в это? Думаешь дело в войне? Твой вид против моего?

— Разве не так? — Я удивляюсь

— Оглянись, Охотница.

Своей свободной рукой он указывает на местность.

— Или ты думаешь, это место всегда было таким? Некогда цветущая территория Sith-bhruth была единым целым, а теперь она разваливается на части.

Он притягивает меня ближе, ослабляя хватку на моем запястье.

— Я привел тебя сюда для того, чтобы ты увидела эти руины. Это напоминание о том, что в один прекрасный день здесь всё превратится в прах. Королевство погибает, трон начинает исчезать.

Я ничего не могу с собой поделаться и смотрю на скалы вокруг нас, изучая местность серо-голубых цветов. Мне не верится, что это останки того места, которое описывает Лоннрах.

— Я не понимаю, что ты хочешь от меня.

— То, что я ищу, может помочь спасти Sith-bhruth. Ты можешь помочь мне отыскать это.

Я молчу. Не то, чтобы меня хоть немного заботило Sith-bhruth, но Киарана может. Однажды он сказал мне, что его мир был красивым и жестоким, что он любил и ненавидел его с одинаковой силой. Интересно, хотел бы он сохранить его?

Но я должна знать еще кое-что. Я задаю вопрос, который должна была задать уже давно:

— Почему спасаем твой дом вместо моего?

Молчание Лоннраха оглушительно; кажется, он будет молчать вечно. Он не скажет этого, если... если только... Мне уже нечего спасать. Тяжелый ком подходит к горлу.

— Покажи мне, — когда он медлит, я хватаю его, — Сейчас же.

Лоннрах отпускает мое запястье. Я даже не успеваю пошевелиться, как он зарывается в мои волосы и пальцем касается виска.

Я моргаю... и в скором времени понимаю, что попала в ад.

Слишком много всего, чтобы понять это сразу. Мне едва удастся сосредоточиться на чем-либо. Каменные осколки, падающие с неба на землю, разбиваются о землю, словно снег. Вокруг меня лишь разрушенные здания, как будто что-то ударило по ним с невероятной силой. Мостовая полностью разбита, на улицах ничего, кроме едва заметного щебня, покрытого толстым слоем пыли. Я едва могу видеть то, что находится передо мной: сильно заметная дымка не позволяет мне этого сделать. Я вдыхаю запах сожженного дерева, металла и камня, и мои легкие стискиваются с невероятной силой.

Из-за большого количества пыли и копоти, я с трудом могу различить, где нахожусь, но все же мне это удастся. Принцесс-стрит. Вернее, то, что от нее осталось. Некоторые магазины так и остались там стоять, будто ничего и не случилось. Памятник Вальтеру Скотту. Красивый, цвета слоновой кости памятник, сооруженный совсем недавно, сейчас был похож просто на груды камней.

Я сделала это. Я причина. Это моя вина, что они все мертвы. Это только моя вина.

— Хватит. — Слово было едва слышным. — Я сказала хватит!

Внезапно я вернулась обратно: в реальность фейри; упала на колени, оцарапав их об острый обсидиан. Слезы покатались из глаз, размыв все видения.

Как такое могло случиться за столь короткое время? Я дотрагиваюсь до раны чуть выше моего уха. Все ещё мокрая. Кажется, я чувствую прикосновения Лоннраха. Всё ещё жгучая и воспаленная рана, даже не начавшая заживать.

— Это уловка. Должна быть уловка. Фейри не могли уничтожить Эдинбург так быстро. Мои раны ещё свежие.

Лоннрах всё так же непоколебим.

— Ты в Sith-bhruth, — единственное, что он произнёс.

На мгновение я закрываю глаза. Боже. Как я могла забыть? В мире фейри время идёт медленней. Несколько часов тут могут равняться неделям в мире людей. Дни могут длиться месяцами.

— Сколько я здесь? — Дрожь в голосе предает меня. Я выгляжу слабой и уязвимой. — По нашему времени. Сколько?

— Я не веду счет вашему времени. — Его ответ равнодушен и холоден. — Дни, недели, месяца, может быть годы. Они ничего для меня не значат. Всё, что мне нужно — найти нечто, спрятанное в твоём мире. И ты мне с этим поможешь, хочешь того или нет.

Перед глазами вспыхивают и гаснут картинки Эдинбурга, того, что от него осталось. Это всё из-за меня. И только. Что теперь обо мне подумают Деррик и Гэвин? Кэтрин? Они должно быть уверены, что я мертва, что я бросила их, что я просто сдалась.

По щеке стекает одинокая слеза, я перехватываю взгляд Лоннраха.

— Ты уничтожил всё, что мне дорого, ради поисков. Пожертвовал моим миром ради спасения своего.

Его взгляд всё так же бесчувственен.

— Ты говоришь так, словно у меня был выбор. Ты бы уничтожила нас всех ради их спасения. Ради спасения людей. — Он медленно опускается на колени, теперь, когда его лицо так близко он шепчет, — Ты бы убила ради спасения. Как и я.

Где-то глубоко в моём подсознании звучит голос Киарана. Теперь ты такая же, как я.

Создание ночи. Дьявол. Нечто, живущее смертью и разрушением. Я и он, мы одинаковы.

Так оно и было. Мой взгляд встречает его и в нем читается едва различимый страх. Хорошо. Ты должен меня бояться.

— Надеюсь, твоё Королевство падёт. Я сама сожгу его до тла.

Черты лица Лоннраха грубеют.

— Сколько угроз. Я мог бы оставить тебя здесь на любое время, на столько, сколько потребуется МНЕ. Может, я запру тебя в водонепроницаемом ящике и брошу на дно моря вниз. В вашем мире пройдут годы. Тысячи лет, но ты всё ещё будешь оставаться такой же, как и в первый день пребывания здесь. Ты в моей власти.

Море. Так вот что находится внизу. Волны, разбивающиеся о скалы, напоминают тяжелое, сбитое дыхание.

Прежде, чем я решаюсь ответить, Лоннрах уже стоит на своей платформе, которая, по крайней мере, в двадцати футах от меня. Надеяться преодолеть такое расстояние бесполезно. Его взгляд прикован ко мне:

— У тебя нет выбора, Охотница. Если королевство падёт, то ты погибнешь вместе с нами.

Я думаю о тысячах потенциальных способах побега. Я пытаюсь использовать собственный вес, для того чтобы подтолкнуть платформу ближе к скалам. Я вскакиваю, и мои ноги ударяются о почву так сильно, что по всему телу проходи дрожь, но платформа даже и не думает двигаться в нужную мне сторону.

Вместо этого она уверено плывет через овраг, как будто здесь протекает река. Замок и другие здания находятся на том же расстоянии что и раньше: не ближе и не дальше.

Минуты или даже часы проходят, но я никогда не знаю сколько. Теперь я знаю, почему Лоннрах не задумывается о счете времени: его здесь просто не существует. Свет всегда остается неизменным: серый, создающий туманную дымку, которая так похожа на ту, что ожидала по возвращению домой. Тяжелые дождевые облака не двигаются, даже учитывая, что платформа постоянно перемещается вперед, сквозь пустое пространство.

За все время пребывания здесь, я не увидела ни одного фейри; даже тени в одном из величественных зданий, парящих в разломе. Это место мертво, оно абсолютно пустое. Мой крик никто не услышит.

Должно быть в этом и заключался план Лоннрах: Изолировать меня, сделать меня беспомощной, а затем, используя меня — убить.

По ходу движения платформы, я пытаюсь найти хоть намёк на спасение, хоть что-нибудь, но мои попытки тщетны. У этой пропасти нет начала или конца, она бесконечна. Медленно проплывая над пропастью, я рассматриваю постоянно меняющиеся пейзажи из гор и лесов; все такое же монотонное. Поля стеклянных цветов и леса, словно из темного металла, настолько тёмные, что я не вижу ни проблеска света за ними.

Этот пейзаж будто нарисован углём. Скалы вокруг меня словно выгравированы резкими, агрессивными штрихами.

Ранее цельная земля, треснула прямо в центре, образовав этот разлом. Камни, парящие в воздухе, разбиваются о зазубренные скалы и падают в ущелье. Это место рушится и вскоре сотрется в пыль.

Как и Эдинбург. Все эти здания теперь не больше, чем просто гора обломков. Всё уничтожено. Как и...

Я закрываю глаза и прижимаю колени к груди, сев на гладкий холодный камень. Пытаюсь удержать самообладание; все эти образы, воспоминания, мои чувства...

Где-то в глубине ущелья дышит море. Наслаждаюсь тихим шумом волн и представляю, что я там. В Шотландии. В мире людей. Я искренне верю, что там осталось хоть что-то, ради чего стоит бороться. Что люди, которых я люблю — живы. Что я не единственная выжившая.

Когда я очнулась, вокруг царила тишина: шум морских волн утих; зимняя прохлада успокаивала.

Открыв глаза, понимаю, что больше не над ущельем. Вместо грубых пород платформы под моими ногами гладкий пол. Единственное напоминание о том месте — красные отпечатки на моих руках, оставленные камнем на поверхности платформы. Временные следы.

Я переворачиваюсь на спину и невольно вздрагиваю от неожиданной мысли. Она проникает в каждую клеточку моего тела, словно яд от укуса.

Не важно где я сейчас. Виной моему одиночеству лишь то, что я обрекла всех на верную

смерть. Я не спасла их. Я...

Ногти впиваются в кожу ладони. Боль перенаправляет моё внимание на то, что я усвоила после смерти матери. Всё это лишь маленький осколок целого, и всё произошедшее это моя, моя, и только МОЯ вина. Это чувство пульсирует где-то в груди, оно никогда не покидает меня. Оно словно шрам: от этого невозможно избавиться. Можно лишь приглушить, временно.

Когда мысли уходят, я вновь открываю глаза. Где я теперь?

Высоко надо мной выгибается зеркальный купол, каждое зеркало которого, сосредоточено на центре — где я и лежу. Пол был будто сплетен из ярких зеленых травинок, прижатых к земле так, что казалось, словно они росли прямо оттуда. Это, пожалуй, первый естественный и “живой” цвет, который я увидела в мире фейри; единственный не из стекла, черного камня или металла. Зелень укрывала всю поверхность пола и вилась вверх по стенам между зеркалами.

Я лежу среди мягких листьев; медные локоны волос — полная противоположность зеленому. Даже на зеркальном потолке, видно веснушки на щеках и неприкрытые плечи: места, где легкая ткань слегка спадала, обнажая кожу.

Ран будто и не было, не осталось ни одного кровавого следа. Касаюсь рукой виска, шеи. Единственным доказательством ранений остались лишь тонкие светлые шрамы.

Я содрогаюсь от мысли о его прикосновениях, о том, как он передел меня и привел в порядок. Знаю, что не из-за доброты или сострадания.

Только я могу найти и открыть то, что он ищет. Это его единственная цель и моё предназначение.

Нужно придумать, как выбраться отсюда. Возможно, я навсегда потеряла свой дом, но Киаран всё ещё там. Может быть Гэвину и Деррику удалось выжить.

Может быть. Может быть. Может быть и то, что все они мертвы. Нет. Отталкиваю любую мысль об этом.

Сначала, мне казалось, что эта комната на самом деле — просторный зал, как во дворце, с зеркальными стенами до самого потолка. Я осматриваюсь, пытаюсь найти дверь или что-то, что поможет мне выбраться, но вижу лишь мои отражения.

Каждое отражение совершенно разное. Одно, например, словно насмехалось надо мной. Другое — излучало боль и страдание. Ещё одно — забрызгано кровью; ярко-зелёные глаза излучали ярость и жестокость. Эта Айлиэн пугала больше всего: её взгляд, острый, словно лезвие клинка, впивался в грудь. Будто она желала вырвать моё сердце ради своего же удовольствия.

Я делаю шаг назад, но отражение приближается. Её взгляд прикован ко мне. По телу пробегает холодок, боль в груди становится сильнее. А затем она улыбается.

Я бегу. Так быстро, как только возможно в этих чёртовых тапочках. Меня охватывает чувство, что я миновала тысячи “версий” себя, но так и не приблизилась к выходу. Это последнее зеркало тянется всё дальше и дальше.

Жестокая Айлиэн, казалось, была так близко; она приближалась всё ближе и ближе. Одно её присутствие нагнетало и до того жуткую атмосферу вокруг. Каждый её взгляд, словно удар клинка, впивался в кожу вновь и вновь. Этот образ всё ещё мелькал перед глазами: ярко-зеленые, пылающие яростью и излучающие лишь смерть глаза, как и у убийцы моей матери — Сорчи. Она — чудовище, не человек. Она — сама смерть.

Она служит живым напоминанием о каждом убитом мной фейри, как я наслаждалась

каждой смертью. Алый идёт тебе больше всего.

Что-то внутри меня ломается, меня охватывает поток воспоминаний, и я не могу это контролировать. Они душат и не отпускают. Моя мама, лежащая в луже крови, мертва. Мой отчаянный крик, который никто не слышит...

Со всей силы ударяю зеркальную стену, пальцы скользят по гладкой поверхности. Бью кулаком по ближайшему зеркалу и понимаю, что это не зеркала. Это камень.

Чёрт, черт, чёрт! Ноги подкашиваются, когда кто-то хватается меня за плечи и грубо разворачивает к себе.

Лоннрах.

Инстинктивно пытаюсь ударить его, но ноги тут же запутываются в виноградной лозе. Растения поднимаются вверх, изо всей силы переплетаясь вокруг ног. Я пытаюсь выпутаться, хоть немного, но всё бесполезно — не могу даже шелохнуться. Лоза тут же завивается вокруг моих рук, блокируя любое движение.

— Чем больше сопротивляешься, тем быстрее она растёт. — Его улыбка словно дразнит, насмехается. Теперь он облачён в чёрное.

Я замираю, и виноградная лоза тут же застывает на моих бёдрах.

— Моя новая тюрьма? — Язвительно отвечаю, не отводя взгляда с Лоннраха. — Наверное раньше это место было другим. Более красивым и ярким. Просто ещё одно напоминание того, что твоё Королевство рушится. — Черты его лица грубеют. — Надеюсь, оно падёт, а если нет, то я подожгу всё к чертям.

Его взгляд холодеет. Он нежно касается пальцем моей щеки. Я вздрагиваю, и лоза сильнее впивается в кожу, продолжая расти.

— Не могу дождаться, чтобы посмотреть, от какого воспоминания ты убегала.

Воспоминание. Так вот кем было то отражение. Это воспоминание. Её образ исчез из зеркала, но я всё ещё чувствую её взгляд. Такой холодный, он всё ещё впивается в мою плоть.

— Что ты имеешь в виду?

— Мы обнаружили, что нужную информацию можно извлечь из воспоминаний, — Лоннрах отступает на шаг и медленно снимает пальто. — Этот зал позволяет приобретать воспоминаниям форму. И так как Кадамах выскользнул у меня из рук, то придётся довольствоваться тобой.

Боже. От услышанного меня охватывает ужас. Сорча использовала мои воспоминания и заставляла вновь переживать те моменты, которые я предпочла бы забыть.

— Что бы ты ни искал, я не знаю где это.

Лоннрах бросает черное пальто на пол и закатывает рукава, обнажая блестящую кожу, словно боится запачкаться.

— Это просто невероятно, как работает человеческий разум! Мой народ помнит каждую мелочь, наши воспоминания остаются нетронутыми всю жизнь. Люди же помнят отрывками. Только то, что кажется им важным, остальное забывается. Конечно, это требует времени и концентрации, ведь ваш разум такая хрупкая вещь.

Требует времени. Хрупкая вещь. Он способен на всё, он разрушит мои воспоминания в пепел, пока не найдёт то, что ему нужно. Даже будучи Соколиной Охотницей, я всё же человек.

— Если бы я знала, что может помочь фейри, я бы запомнила это.

Лоннрах перехватывает мой взгляд.

— Ты провела год, тренируясь с моим врагом и пикси-лгунишкой. Уверен, они часто

говорили о вещах, которые ты не понимала.

Я стискиваю губы, чтобы не выдать эмоции. Клянусь Киаран и Деррик нередко разговаривали о вещах из своего прошлого, которые отказывались объяснять. Иногда они использовали совсем другой язык, иногда язык фейри, но, черт побери, я не могла понять и слова.

— Даже если ты этого не понимаешь, это будет полезно. — продолжил он. — Их слабости. Твои слабости.

Прежде чем я успеваю что-либо сказать, Лоннрах возвышается прямо надо мной, пытаюсь ухватить мое запястье.

— Я хочу знать, — шепчет он, а его серые глаза гневно пылают, — Я загляну в каждое твоё воспоминание, возможно, там найдется что-то полезное. Мне лишь нужна твоя кровь.

Моя кровь.

Воспоминание о смерти мамы врезается в голову, подобно острому клинку. Она в руках Сорчи, капли крови стекают с зубов фейри, пачкая ее белое платье. Маминой кровью.

Нет, нет, нет. Только не снова. Ветки, похожие на виноградные лозы, хватают мою руку и подносят ее вверх, прямо к губам Лоннраха. Он открывает рот и обнажает два ряда идеально белых и ровных зубов, потом опускает их на мое запястье.

Такие же как у Сорчи.

Я вздрагиваю. Не смогу пошевелиться, даже если и захочу. Он baobhansith. Вампироподобныйфейри, больше похожий на кошмар, чем на что-либо реальное.

Лоннрах шипя произносит несколько слов над моей рукой, улыбаясь:

— Это будет очень больно.

Затем следует укус.

Укус Лоннраха, словно яд, обжигает мое тело и вены, двигаясь вниз по спине. Эта боль настолько невыносимая, что я чувствую все и не чувствую ничего: моя кожа обтягивает кости, кровь несется с бешеной скоростью, разливаясь по венам и приливая к конечностям, мышцы стискивает боль.

Лоннрах поднимает голову лишь на одно мгновение. Его лицо измазано моей кровью. Он даже не удосужился открыть глаза. Прежде чем я снова ощущаю его клыки на моей руке, он шепчет:

— У тебя вкус смерти.

Воспоминания врываются в мой разум, картинки сменяют друг друга так быстро, что я не успеваю их различать. Вначале они все из того времени, когда мама была жива. Время, когда важными были лишь уроки этикета и танцев, чайные посиделки и мои первые изобретения.

Я чувствую, как Лоннрах пропускает их, словно они ничего не значат.

Мамин смех потрясает меня до глубины души. Я почти приказываю ему остановить это, но он лишь показывает мне образ ее улыбки, такой ясный, словно она находится здесь. Запах ее духов заполняет мои ноздри, а потом исчезает так же быстро, как и появляется.

Вновь уносимся прочь. Наводить четкость на изображения все сложнее. Бессонные ночи, когда Киаран и я охотились вместе, будто мы напарники. Картинки воспоминаний представляют собой охоту, стрельбу, убийства, а затем снова исчезают.

Я чувствую, как Лоннрах пытается замедлить скорость, с которой воспоминания “мигают” в моей голове, чтобы разглядеть их получше. Он собирается вернуться к началу, к ночи, когда я впервые встретила Киарана.

Не делай этого!

У меня не получается остановить его, я оказываюсь в бальном зале. На мне белое шелковое платье с кучей рюш и оборок. Туфельки, выглядывающие из-под него, расшиты бутонами роз и мерцают при свете луны. Глинтвейн согревает желудок, и видение немного расплывается.

— Не заставляй меня вспоминать об этом, — говорю я Лоннрашу, — там нет ничего, что тебе нужно.

Но все мои просьбы, похоже, только усиливают его желание посмотреть видение внимательней. Он играет с ним.

Я точно знаю, что случится. Этот кошмар преследует меня каждую ночь. Сначала сбитое дыхание, едва слышное из другого конца сада. Я иду к нему, а потом слышу крик умирающего от удушья.

Нет, нет, нет. Я сворачиваю туда, где сад выходит на улицу. Независимо от того, сколько раз я это видела, я никогда не перестану надеяться на иной исход. Я надеюсь, что я побегу за помощью. Я надеюсь, что вытащу лезвие и буду драться. Я надеюсь, что кто-то придет. Я надеюсь, надеюсь, надеюсь...

Но оно всегда заканчивается одинаково.

Я чувствую, как смотрит Лоннрах. Мы видим его сестру, ее рот крепко прижат к горлу моей матери. Сорча поднимает голову, чтобы показать острые зубы, обливающиеся кровью в лунном свете. Мы слышим ее смех: глубокий, похожий на мурлыканье, и это заставляет мой

желудок сжаться. Одно быстрое движение — она вырывает мамино сердце из груди.

Лоннрах всё ещё спокоен, в то время как я едва нахожу силы, чтобы дышать. Воспоминания меняются, и Сорча исчезает в ночи. Картинки вспыхивают и гаснут до тех пор, пока я не нахожу себя возле тела своей мамы.

Мы наблюдаем за тем, как я отчаянно кричу ее имя, пока не теряю свой голос.

Без предупреждения я уже стою в зеркальном зале. Лоннрах всё ещё сжимает моё запястье, его губы мокрые от моей крови, ручейки алой жидкости медленно стекают по его щеке. Так же, как и тогда у неё.

У Сорчи.

Когда я встречаю взгляд Лоннраха, то не могу сдержать удивления: он полон эмоций. Его грудь, которая ещё секунды назад была неподвижной, вздымается от тяжелого дыхания.

Прежде чем я полностью прихожу в себя, он резко отворачивается, поднимает руку и вытирает рот, размазывая жидкость по бледной коже.

— Достаточно. Пока что.

Лоннрах быстро поднимает с пола пальто и исчезает сквозь ближайшее зеркало, как будто это вода. По зеркальной поверхности пробегает рябь, прежде чем отражение полностью восстанавливается.

На одну меня становится больше. Виноградная лоза возвращается в пол, оставляя меня в окружении сотен версий самой себя. Снова.

Только тогда я замечаю, что мои щеки мокрые от слез.

Во время своего следующего визита Лоннрах приложил все усилия, только бы не встречаться со мной взглядом, он был молчалив и не проронил и слова.

Поначалу я пыталась сопротивляться. Я настолько отчаялась, что пыталась его атаковать, но лоза завивалась вокруг моего тела с такой скоростью, что я вынуждена была сдаться. Из-за физической слабости от потери крови и яда, вскоре я потеряла любую надежду на спасение. Каждый раз, когда его зубы впивались в плоть, я закрывала глаза, и всё казалось таким нереальным. Он казался нереальным.

Спустя время я уже настолько привыкла к боли от его укусов, что едва чувствую их. Теперь это не более чем просто укус.

Лоннрах просматривает всё. Каждое воспоминание с Дерриком и Киараном тщательно проверяется, проигрывается медленно и осторожно.

Благодаря его поискам, я вновь пережила последний год. Его новый укус — это всего лишь передышка от времени, проведенного в полном одиночестве и окруженным моими отражениями. Жестокая Айлиэн больше не атакует, но я до сих пор чувствую её где-то позади себя. Она наблюдает, ждёт. Краем глаза я видела ее ужасную улыбку, напоминающую о Сорче, а потом она ушла.

Я пыталась сбежать, пройти, прижимая ладони к гладкой поверхности, как это делал Лоннрах, но каждый раз заканчивался провалом. Поверхность была всё такой же жесткой и твёрдой. Всего одна тысяча четыреста шестьдесят семь зеркал, и все они неизбежны. В особо плохие дни я была по зеркалу и продолжала бить до тех пор, пока не исчезало отражение или пока руки не начинали кровоточить. Была до тех пор, пока руки не покрылись шрамами и синяками.

Чем дольше Лоннрах пьет мою кровь, тем слабее я становлюсь. Я едва поддерживала силы благодаря приносимых им фруктов и хлеба. Я помню, Киаран не раз говорил, что, принимая еду или питье от фей, человек поддается их контролю, позволяет завладеть собой.

Похоже, что я добровольно согласилась на пребывание в Sith-bhruth.

Он убьет меня, как только появится такая возможность.

Форма его зубов отпечаталась на мягкой коже. Аккуратно провожу пальцем по следу — я помню каждое воспоминание, которое он просматривал, оставляя их.

Тридцать шесть человеческих зубов. Сорок шесть тонких клыков, как у змеи. Вместе это напоминало два полумесяца; они покрывали мои руки и шею, не оставляя “живого” места.

Двадцать семь.

На одних всё ещё выступала кровь, другие — почти незаметны от яда baobhansith. Раньше я называла свои шрамы медалями, каждый из которых я получила, убивая фейри. Но это... это не медали. Они не являются признаком победы.

Они лишь напоминают, что я проиграла и потеряла всё.

Сегодня Лоннрах в очередной раз копается в моих воспоминаниях. Он задерживает внимание на моментах ещё до смерти матери. Разве они важны? Интересно, понимает ли он, что я заметила, то, как внимательно он изучает мгновения, проведённые с мамой и Кэтрин. Совсем несущественные воспоминания о простых радостях, еще до того, как я ощутила вкус смерти.

Мне кажется, будто Лоннрах смущают мои воспоминания, но всё же он продолжает смотреть. Я наблюдаю за бесконечным потоком образов до тех пор, пока внимание не останавливается на воспоминании о Киаране в Парке Королевы. Такое чувство, что та ночь, ночь битвы, была так давно. Киаран решил занять место своей сестры после повторной активации печати. Я думала, что больше никогда его не увижу.

Раньше я бы сопротивлялась вторжению Лоннрах в это видение, но сейчас охотно иду с ним. Такой спектр эмоций перегружает мой разум. Это напоминает мне о том, кто я, что я все ещё человек.

Я часто думаю об этом, поэтому мне есть за что держаться.

Похоже, что Лоннрах шокирован, смотря, как Киаран меня целует, как он хватает меня за плащ, чтобы притянуть к себе ещё ближе. Это одно из немногих воспоминаний, которое осталось полным. Этот поцелуй запечатлен в голове: настойчивые губы Киарана, его пальцы на моей коже. Я знаю: это был искренний поцелуй.

В моём воспоминании я отстраняюсь.

— Уходи, — я слышу отчаяние в голосе, — у тебя еще есть время. Спасайся.

Еще один поцелуй, как будто он тоже пытается запомнить мои губы, как будто говорит, что это прощание.

— Я когда-нибудь говорил тебе, как клянется sithiche? Aoramdhuit. Я буду служить тебе.

Лоннрах покидает воспоминание так быстро, что мне едва удастся устоять на ногах. Мы только вернулись в зал с зеркалами, а он уже вытирает губы белым платком, который принес заранее. Всегда другого цвета. Все они в моей крови.

Ноги не держат меня. Я сажусь на покрытый виноградной лозой пол, Лоннрах отворачивается, беззвучно шагая к ближайшему зеркалу.

— Подожди, — я удивлена своим голосом. Он скрипучий, а горло пересохло от того, что я долго не разговаривала.

Лоннрах останавливается, но даже не поворачивается.

— Тебе что-то нужно?

Его голос я тоже не слышала давно. У него больше нет необходимости издеваться надо мной. Я приняла его еду и питье. Он пил мою кровь. Он украл мои воспоминания. Что ту

ещё можно сказать?

И всё же... Это воспоминание снова заставило меня чувствовать то, что я забыла. Страсть. Горе. После того как он уйдет, я снова попытаюсь дотронуться до кровавых следов на руках, чтобы опять вызвать то воспоминание.

— Я просто хочу поговорить, — я сглатываю. Боже мой, не могу поверить, что делаю это. Если бы только могла, я бы убила его. — И все.

На этот раз Лоннрах поворачивается и смотрит на меня. Смотрит тяжелым, оценивающим взглядом.

— Зачем?

Потому что я больше не хочу быть одна. Потому что я не знаю, как долго мы здесь. Потому что я не знаю, остался ли у меня кто-нибудь еще. Потому что ты оставил две тысячи двести четырнадцать следов от укусов. Потому что ты никогда не позволишь забыть мне, что все происходящее сейчас, моя вина.

Мне пришлось прикусить язык, чтобы ни одно из этих слов не вырвалось наружу. Может быть, в один прекрасный день я стану достаточно безнадежной и отчаянной, чтобы произнести их. Может быть. Но ещё нет.

— Потому что ты видел мои воспоминания, но мало что рассказал о себе.

— Твои воспоминания служат цели, — он делает еще один шаг, поднимая руку к зеркалу. — Мои — нет.

Я пробую снова. Не спрашивая о том, каким образом мои воспоминания до убийства моего первого фейри, могут послужить какой-то его цели.

— Почему ты ненавидишь Киарана?

Лоннрах сжимает руки в кулаки.

— Ты сказал мне, я пожалею, что не убила его. Я хочу знать почему.

Лоннрах медленно поворачивается. Его глаза резкие и серые, взгляд падает на следы зубов, которые он оставил на моем запястье.

Я притягиваю колени к груди в надежде, что это защитит меня.

Когда я начинаю думать, что он мог бы сделать что-то, чтобы пожалеть меня, он говорит.

— Твой Киаран — наихудший вид предателя, и его сестра ничем не лучше. Теперь мне приходится отвечать за их ошибки...к которым относишься и ты.

Я. Он считает меня ошибкой. Только потому, что Киаран сделал меня такой же.

— И ты пытаешься спасти своё королевство? — я изо всех сил пытаюсь говорить непринужденно, но горечь в голосе сильнее меня. Он пожертвовал моим миром ради спасения своего. — Ваш правитель мёртв?

Лицо Лоннраха тут же искажается от удивления.

— Возможно, — он тщательно обдумывает свои слова. — Никто не видел Кайлих больше тысячи лет. Оставленные ею наследники оказались недостойными трона. А без правителя Sith-bhruth будет разрушаться. Кто-то должен занять её место.

— И ты считаешь, что достоин этого, — это прозвучало как обвинение, но я всего лишь пыталась понять, почему же он потратил столько времени, кропотливо исследуя каждое моё воспоминание.

Он бросает на меня свой взгляд, словно прочитал мои мысли.

— Нет, но я буду.

Я окликаю его, когда он отворачивается, чтобы уйти. Я чувствую напряжение: он

словно боится моего вопроса.

— Каково это, оказаться в ловушке под городом?

Похоже на это? Вы тоже прекратили сражаться?

— Первые сто лет мы провели в бесконечных попытках сбежать, сдирая ногти о каменные стены. Энергии, которую мы отбирали у людей, едва хватало на то, чтобы насытиться. Это место стало нашей гробницей, — черты лица Лоннраха грубеют, он плотно сжимает зубы, пытаясь удержать гнев внутри. — Я никогда не забуду тех, кто сделал это с нами. Не забуду твоего драгоценного Киарана и его сестру, — он внимательно всматривается в зеркала с моими отражениями. Это моя клетка.

— Теперь ты по себе знаешь, каково это — чувствовать себя беспомощным.

Сейчас я все чаще стала забывать свою прежнюю жизнь. Прошли дни-недели-месяцы-годы — я не знаю точно — я не видела здесь никого, кроме Лоннраха. Я больше не могу вспомнить вещи, которые он украл у меня.

Чтобы вспомнить их, мне приходится постоянно надавливать пальцами на укусы от его зубов, напоминающие полумесяцы, пока не оставляю свои отметки поверх его шрамов. Я делаю это с такой силой, что голова начинает кружиться.

Это приносит невероятное облегчение: так я снова могу переживать моменты с людьми, которые мне не безразличны. Киаран задерживается в моих мыслях чаще остальных, я не могу ничего с этим поделать, даже Лоннрах не в силах выкинуть его из моей головы. Он всё ещё там.

“Он позволил тебе думать, что ты ему небезразлична. Но ты не первая зверушка, которую он выкидывает”.

Я вздрагиваю и пытаюсь увести мысли подальше от Киарана. Я должна забыть его. Он оставил меня. Я проходила через десятки маленьких испытаний Лоннраха. Шли часы, дни, возможно, даже недели, проведённые наедине со своими размышлениями. Всё что я могла, это считать зеркала и листья плюща. От меня отказались. Я...

— Кэм.

Киаран шепчет моё прозвище, вторгаясь в мои мысли. Я почти дрожу от того, как он это произносит. Ему определенно это нравится. Словно это нечто интимное, только между нами.

Я должна попытаться снова. В отчаянии я пытаюсь снова нагнать образ матери. Её улыбка, её смех, какой она всегда была.

— Кэм.

В этот раз громче, настойчивее.

— Уходи, — шиплю я. Приходится нажимать на укусы в разы сильнее, ногти впиваются в кожу. Сфокусируйся. Вспоминай.

Его нетерпеливый тон проходит сквозь мою сосредоточенность.

— Черт возьми, открой глаза и посмотри на меня.

Что за ...? Мои глаза распахиваются. О Господи. Мое воображение не делало Киарана таким настоящим. Он стоит надо мной, его угольно-чёрные волосы настолько длинные, что спокойно покоятся на воротнике бледной шерстяной рубашки. Мои воспоминания не могли уловить прекрасное свечение его кожи и дивный цвет его глаз, похожий на цветущую сирень.

Я ничего не могу с собой поделать: мой взгляд задерживается на его щеке, где световой щит выжег её до самой кости. Сейчас же все его травмы срослись идеально гладкой кожей.

Он не может быть реальным. Он просто привиделся мне. Не реальный.

— Ты сказал мне, что не можешь проникнуть в Sith-bhruth.

Я уверена, что Лоннрах создал его, чтобы просто помучить меня. Он сменил тактику.

— По крайней мере живым.

С нетерпеливым взглядом Киаран протягивает руку. Когда я хватаюсь за неё, совсем не думая, мои пальцы проходят через его кожу. Проходят сквозь него. Как будто он чертов призрак.

Я вырываю руку.

— Ну конечно же, это придумал Лоннрах. Это не сработает.

Он бормочет проклятие, что очень похоже на Киарана. Лоннрах уж точно постарался.

— Я могу спроектировать себя здесь, не умирая, — говорит Киаран, голос его звучит раздражительно, — если использовать достаточное количество энергии.

Мне до сих пор с трудом в это верится.

— Так почему же ты не сделал этого раньше?

— Лоннрах поставил защиту, было сложно отследить тебя, и нужно было еще время, чтобы снять ее. Моя сестра всё ещё работает над входом, который ведёт сюда, — он указал на себя. — Её сил хватает лишь на то, чтоб поддерживать эту форму. Довольна?

Если я позволю себе поверить ему... нет. Я не могу. Лоннрах был в моем сознании. Он может заставить меня видеть, что он хочет.

— Нет. Я не верю тебе

— Твое упрямство заслуживает высокой оценки, правда, — Киаран говорит суховато. — Я рад, что оно по-прежнему у тебя есть.

— Видишь? Вот как я знаю, что ты создание Лоннраха. Киаран всегда ненавидел мое упрямство.

— Честно говоря, сейчас мне стоит большого труда не принимать это за глупость.

Я уставилась на него.

— Раз уж ты плод моего воображения, я требую, чтобы ты перестал оскорблять меня, — я нажимаю пальцами на следы от укусов и закрываю глаза. — Уходи.

Он замолк, и я готова поклясться, он должен был “уйти”. Я отказываюсь открывать глаза, чтобы это выяснить.

— Кэм, — на этот раз, когда Киаран произносит моё имя, я слышу в его голосе намёк на эмоции, прежде тщательно скрываемые.

Когда я открываю глаза, он смотрит на меня сверху вниз. Только не в глаза. Его взгляд прикован туда, где ногти впиваются в кожу. Рукав сползает вниз, оголяя моё предплечье. Я наблюдаю, как Киаран подхватывает лёгкую ткань и возвращает её на место, к шее, покрытой дюжиной шрамов. Тот, последний, что чуть выше ключицы, всё ещё кровоточит.

Не думаю, что я когда-либо видела черты его лица такими холодными и жестокими. Настолько грубыми. Лоннрах никогда не смог бы воссоздать это из моих воспоминаний. Это действительно Киаран. Киаран. Он не бросил меня. Он здесь ради меня.

Киаран присаживается рядом. На этот раз, когда он дотрагивается, я ощущаю его прикосновение. Я поражена. Прошли дни-недели-месяцы-годы, все это время единственным, кто меня касался, был Лоннрах. Я не хочу отстраняться. Даже тогда, когда он берёт мое запястье, чтобы рассмотреть шрамы поближе.

Теперь он знает, что я перестала бороться, что я больше не сопротивляюсь.

— Он хотел... он...

— Я знаю... — голос Киарана грубый, с оттенком гнева. Он проводит большим пальцем по моим шрамам, словно изучая их историю. — Я убью его за то, что он сделал.

— Нет, — говорю я с неизвестно откуда появившейся силой в моем голосе. Киаран смотрит на меня с удивлением. — Это должна сделать я, он будет моим.

Он должен понять. Лоннрах хотел сломать меня, и это ему практически удалось. Всё, что у меня оставалось — мои воспоминания и чувства, но он отобрал у меня и это. Он будет моим.

— Хорошо, — говорит Киаран с легким раздражением в голосе.

Недостаточно правдоподобно.

— Обещай.

Киаран гладит моё запястье большим пальцем, останавливается, дотрагиваясь до шрама.

— При одном условии, — его взгляд задерживается на мне, — я должен быть тем, кто “подаст тебе клинок”.

— Айе.

Он понимает. Мы охотились вместе. Мы проиграли битву вместе. Это связь, которая длится всю жизнь.

Киаран кивает.

— Давай вытащим тебя отсюда.

Я представляла себе эти слова тысячу раз, думая, что я несокрушимая, воображая, что я стою без малейшего труда. Истина заключается в том, что когда Киаран помогает мне встать на ноги, в глазах темнеет от потери крови и яда от многочисленных укусов Лоннраха, мои колени сразу же подгибаются.

Киаран хватается меня за плечи, или пытается. Его руки проходят сквозь меня, и я едва успеваю сосредоточиться, чтобы тут же не упасть.

— Послушай меня, — его голос приглушен, словно он далеко от меня. — Это зеркало, — он указывает на ближайшее, — приведёт тебя к моей сестре. Защита, которая не позволяла тебе сбежать раньше, ослаблена.

— Ты не пойдешь? — я пытаюсь скрыть эмоции в голосе. Он наконец-то рядом, и я не могу потерять его снова.

— Я не могу поддерживать эту форму долго, — он начинает исчезать.

— Постой, не надо!

Из последних сил Киаран касается моей щеки. Его пальцы такие теплые.

— Я буду ждать тебя на другой стороне.

Пройдя сквозь зеркало, я ослепла от яркого дневного света. Зрение прояснилось, и я удивилась, обнаружив себя на краю платформы, пересекающей ущелье. Остальные платформы кажутся знакомыми, те, которые я видела, когда Лоннрах впервые привел меня сюда. Кажется, это было так давно, в другой жизни.

Я смотрю на здание рядом. Его зеркальный купол поднимается высоко, рассекая густые дождевые облака, сверкает в лучах солнца. Я узнаю мерцающую звезду на вершине купола и роскошную структуру дворца, который я заметила ранее. Но это вовсе не королевский дворец, это тюрьма.

На минуту я закрываю глаза и глубоко вдыхаю. Мои легкие наполняются свежим зимним воздухом.

Позже, говорю сама себе. Когда буду в безопасности.

Я осматриваю платформу: есть небольшое пространство между стеной дворца и краем скалы, которая спускается в темноту. Сестры Киарана нигде не видно.

Проклятье. Я подошла к краю и присмотрелось. Желудок сжался, и колени начали дрожать. Инстинктивно я приседаю к земле, упираясь руками. Там ничего нет. Даже платформы, на которую можно было бы прыгнуть.

— Я бы не стала, — говорит голос за секунду до того, как я почувствовала вкус силы. Вкус лепестков оседает на языке и проникает глубоко в горло.

Я оборачиваюсь и замечаю женскую фигуру фейри, она присела на скалистой платформе, отброшенной от замка на большое расстояние. Невзирая на это, её красота поражает меня и буквально сводит с ума. Длинные чёрные волосы блестят, нарушая монотонность пейзажа вокруг, они заплетены и достигают её узкой талии. Серебряный любопытный взгляд встречается с моим, словно изучая меня.

На ней облегающие штаны и высокие сапоги с медными пряжками. Шерстяное пальто свисает с узких плеч, оборачивая её словно одеяло.

Это сестра Киарана? Я сразу же ищу сходство на лице.

— Ты смотришь. Что-то не так с моим лицом? — её голос отвлекает меня от мыслей.

Я прочищаю горло. Я слишком пристально смотрела.

— Прошу прощения. Киаран говорил...

— Кто?

— Киаран, — это должно быть недоразумение, — он сказал...

— Хм, — на мгновение она задумывается, — боюсь, что я не знаю никого с таким именем.

Я отстраняюсь от края платформы. Может быть она охранник, посланный Лоннрахом, чтобы я не ушла отсюда живой? Я пытаюсь найти другие платформы поблизости. Если это один из солдат Лоннраха, то я не могу рисковать, ожидая сестру Киарана. Мне придется либо бороться, либо бежать, но учитывая моё состояние, фейри разорвет меня на части.

Нужно бежать.

— Хочешь прыгнуть?

— Нет, — мой голос грубеет. Я пережила всё это не для того, чтобы умереть сейчас.

— Потому что это было бы очень плохим решением. Ты бы упала на дно, — она хлопнула в ладоши. — Плюх, и оказалось бы в море на другой стороне Sith-bhruth. Человеку

не под силу такое пережить.

— Вероятно нет, — мой ответ холоден. Значит Лоннрах послал невменяемого солдата для моей охраны. Должно быть он особо не верил, что я способна на побег.

Может сестра Киарана ждёт на другой стороне замка? Я с трудом поднимаюсь на ноги и начинаю идти, когда платформа с фейри движется за мной. Черт возьми!

— У тебя на шее кровь. Твоя? Ты заметила?

Мне холодно. Я надавливаю пальцами на следы, оставленные Лоннрахом. Страх придает мне силы идти быстрее. Я должна выбраться отсюда до возвращения Лоннраха. Я не вернусь туда. Не могу.

Я пытаюсь взять себя в руки, чтобы не спотыкнуться, но колени дрожат. Успокойся. Ты сбежишь. Ты больше туда не вернешься.

— Так что?

Ради бога. Я оборачиваюсь к ней.

— Что ты хочешь знать?

Они кивком указывает на мою шею.

— Твоя?

Я сужаю взгляд.

— Ты не замечаешь, что я в паре секунд от того, чтобы прыгнуть и вцепиться тебе в глотку?

Она отмахивает рукой от груди.

— Ох, я бы предпочла не трогать шею.

Может если я перестану обращать на неё внимание, она уйдет? Я продолжаю идти вокруг дворца и, наконец, достигнув другой стороны, я вздыхаю. Никого нет. Я осматриваюсь, подхожу ближе к краю и всматриваюсь во тьму внизу.

— Ты всё ещё смотришь туда, — я стискиваю зубы от звука её голоса. Что ж, это не работает. — Если ты не собираешься прыгать, есть ли там что-то необходимое тебе? Что-то потеряла?

— Если ты так хочешь знать, — язвлю я, — я пытаюсь найти выход с этой чертовой платформы.

— Это хорошо, я боялась, что ты потеряла что-то важное, и нам придется искать это на дне моря.

Спустя доли секунды платформа фейри оказывается прямо передо мной, она хватается меня за запястье и дергает к себе. Я шагаю вперед, протестуя. Прежде чем я успеваю что-либо предпринять, наш крошечный обломок скалы отодвигается от платформы, плавно передвигаясь к центру разлома.

— Что, черт возьми, ты творишь?

Фейри молча подносит палец ко рту и, быстро облизав его языком, поднимает в воздух.

— Ищу ветер. При правильных условиях я смогу открыть портал между мирами незаметно, — на её лице мелькнула улыбка, — это дар.

Я сужаю взгляд.

— Так ты сестра Киарана.

И ты совершенно “не в себе”.

— Хмм? — она сконцентрирована на другом, её взгляд мечется из стороны в сторону. — Должно быть ты ошиблась. Я сестра Кадамаха. Этот Киаран — одно беспокойство.

Чёрт поberi!

— Киаран. Это. Кадамах.

— Ах, — всё ещё сконцентрирована на воздухе, она шевелит пальцем, словно пытается уловить ветер. — Что же, тогда этим можно объяснить то, что ты всё ещё упоминаешь это имя, — в её голосе читается безразличие. — Я Эйтиннэ. А ты, должно быть, Охотница, которую я так давно ищу. Приятно познакомиться.

Я наконец-то заметила некоторые сходства Киарана с Эйтиннэ: сверкающие темные волосы, бледная кожа, сияющая, словно лунный свет. И глаза, с разным цветом, но схожим взглядом. Она изгибает бровь так же, как и Киаран.

Ради Киарана, и за себя тоже, я должна быть благодарной.

— Я рада, что ты смогла выбраться из той ловушки, — ляпнула я, не подумав. И сразу же пожалела о сказанном.

Я заметила, как она замерла, как ее сосредоточенность падает, и свет её глаз начинает увядать.

— Да, — её голос едва слышен, — я смогла, — я наконец-то встречаюсь с ней взглядом. Она внимательно осматривает мои всё ещё кровоточащие шрамы. — И ты сможешь.

Теперь ты по себе знаешь, каково это — чувствовать себя беспомощным.

Но в отличие от Эйтиннэ, в моей тюрьме не было тысячи пытающих меня фейри. Я никогда не забуду слов Лоннраха: “Это твой драгоценный Киаран заключил нас здесь. Он и его сестра”.

Она была в заключении две тысячи лет в окружении врагов, без возможности на побег. Мне даже страшно подумать о том, что она пережила.

Под моим пристальным взглядом Эйтиннэ тяжело вздыхает и внимательно смотрит. Спустя мгновение, она нарушает тишину.

— Здесь я не смогу открыть портал. Ветер дует в неправильном направлении, и у нас нет времени на ожидание, — она прижимает ладонь к поверхности платформы, — Мы должны его найти.

Она говорит загадками, и я с трудом понимаю.

— Что найти? Ветер? — или может здравый смысл? Я начинаю верить, что лишилась какой-то части после всего. Эйтиннэ указывает на что-то позади меня, и я оборачиваюсь. О боже...

Наверху скалы растянулся лес. Пожалуй, один из самых темных и густых, которых мне только приходилось видеть. Деревья расположены так плотно друг к другу, что солнечные лучи не проникают сквозь ветви. Тьма внутри скрывает от взора абсолютно всё. Черные стволы деревьев тянутся высоко в небо, словно башни, весь лес обволакивает густой туман.

Я едва могу защитить себя, а она предлагает пойти туда?

— Чёрт! — бормочу я. — Не могла бы ты открыть портал где-то в другом месте?

— Я могу открыть его где угодно, — в её голосе нет и нотки страха, она явно не разделяет моего беспокойства, — но, если мы не хотим армию Лоннраха, идущую по пятам, мы должны пойти туда. Там меняется ветер.

Потом я поняла, что Эйтиннэ поднимает нашу платформу вверх, мимо оставшихся камней и зданий. Она движется всё выше и выше, пока не достигает края скалы. Отсюда можно разглядеть лес куда лучше.

Впрочем, вблизи он ещё более устрашающий. По крайней мере, издалека невозможно было заметить, что даже деревья могут смертельно ранить: ветви, острые словно шипы,

торчали во всех направлениях, словно ножи, порез которых может стать фатальным. Сверкающие и гладкие, как отполированный халцедон. Но, несмотря на их блестящую поверхность, они не пропускали свет.

Достигнув самого края скалы, Эйтиннэ ждёт пока я сойду. Моя обувь касается почвы, гладкий, идеально вырезанный и отполированный камень блестит под ногами. Возможно, это алмазы. В любое другое время, я бы остановилась, чтобы полюбоваться ими. Вместо этого я с ужасом смотрю на деревья.

— Что бы ты не делала, не отставай, — произносит Эйтиннэ, аккуратно двигаясь вперёд. — Ruaigidh-dorchadas. Во тьме скрываются существа, которых тебе лучше и не встречать. Понимаешь?

— Вообще-то, нет, — мне кажется, что из этого леса мне не выбраться живой. Это сильно пугает.

Эйтиннэ выпрямляется.

— На самом деле это несложно, — она окидывает взглядом острые ветви. — Постарайся выжить. Не доверяй темноте. Легко. Я никогда не пойму, как люди сумели выжить от каменных пещер до нынешнего времени, не зная этого.

Её слова задели меня, но разве я и сама об этом не думала? Я до сих пор поражаюсь людям, которые когда-то были на грани исчезновения из-за фейри: как можно было затуманить свой разум детскими сказками? Половина всех историй полнейший нонсенс, остальная часть — откровенная чушь. Человеческая глупость поистине поражает.

— Люди помнят фейри только благодаря сказкам, — шепчу я, прислушиваясь к свисту ветра между каменными деревьями, — они больше не верят в них.

Эйтиннэ молча изучает меня, черты её лица на мгновения смягчаются, словно от жалости, но это быстро исчезает.

— Ты ошибаешься. Я бы сказала, что сейчас они верят в фей.

Я тут же вспоминаю одно из видений, показанное Лоннрахом. Кажется, это было так давно. Принцесс-стрит в руинах. В воздухе витал пепел, вокруг стоял запах гари. Я буквально жила с этими видениями в своей тюрьме. Они навсегда оставили отпечаток в моей памяти. В конце концов, мне было страшно даже представить судьбу Деррика, Гэвина и Кэтрин. Я с трудом перестала создавать ужасные сцены их мучительной смерти. В противном случае, Лоннрах использовал бы это против меня. Он бы уничтожил меня.

Если кому-то и удалось выжить, то этот кошмар будет преследовать их всю жизнь. Они будут рассказывать детям страшилки о том, как в один день армия фейри уничтожила Шотландию и всё вокруг. Они никогда не узнают о девушке, которая проиграла.

— Да, — я мягко отвечаю, — полагаю, ты права.

Вместе мы входим в лес.

Сразу же за первыми деревьями царит крошечная темнота. Она давит и поглощает. Температура значительно падает. Внезапно легкие заполняет резкий аромат гари, я невольно содрогаюсь.

В воздухе ощущается едкий запах дыма, словно от недавно погашенного пожара. На языке оседает вкус силы: сухой, словно сажа и в то же время вязкий, как торф, резкий и грубый как пемза.

Высокий тонкий визг раздается где-то совсем рядом, словно царапание гвоздем по металлу. Пронзительный звук тут же разносится по всему лесу, не позволяя даже примерно вычислить нахождение источника. Моя рука инстинктивно тянется к талии, где обычно припрятано моё оружие — черт! Конечно, там ничего нет. Лоннрах об этом позаботился.

— Какого черта это было?

— Мара, — голос Эйтиннэ переходит в шепот, — вы называете их демонами.

Из глубины леса послышалось клацанье зубов, за которым последовал стон. Посылая проклятия, я подхожу к Эйтиннэ ближе, и тут же мои глаза ослепляет яркая вспышка света. Между ладоней фейри появляется шар света, размером с мой кулак. Он мерцает и светится. От ярких лучей мои глаза начинают слезиться. Эйтиннэ подбрасывает его в воздух, и он взрывается над нами, разлетаясь на кусочки, словно звезды, и освещая всё вокруг.

Тени разбегаются. Они прячутся за деревьями, пытаюсь скрыться от яркого света. Хотя он и недостаточно сильный, чтобы осветить их тела, я замечаю, как мерцает их густой мех.

Чем дальше мы заходим в лес, тем больше и мрачнее кажутся тени. Они прячутся среди острых ветвей. За нами внимательно наблюдают тысячи пар глаз.

Живые тени. Понимаете?

Теперь я наконец-то поняла. Я никогда не сталкивалась с другими фейри за всё это время, проведенное в Sith-bhruth, не было ни малейшего намека на других “жителей”. Я не раз задавалась вопросом, есть ли тут хоть кто-то кроме меня и Лоннраха, или он специально скрыл от меня других фейри, чтобы я чувствовала себя максимально изолированной.

Такое чувство, что все существа собрались здесь, подальше от разлома. Это дикие фейри. Их хищный, жестокий взгляд невозможно не заметить. Я клянусь, что слышу, как они облизывают свои губы и клацают зубами от голода.

Я пытаюсь не отставать от Эйтиннэ, и мы быстро движемся дальше. Наш шаг замедляют лишь смертоносные ветви, торчащие во всех направлениях, которые заметны лишь в тусклом свете. Когда затухает последняя искра, Эйтиннэ тут же создаёт другой шар.

Слева от меня раздается рычание. Мне стоило огромных усилий, чтобы преодолеть головокружение от яда Лоннраха, и у меня всё ещё нет оружия для защиты от Мары.

— Мне ведь не стоит надеяться, что у тебя есть другое оружие? — шепчу я, пытаюсь обойти острую длинную ветвь, но любопытство берёт верх, и я слегка провожу пальцем по её поверхности. Будто от укола ножа на пальце выступает кровь.

Что же, моя теория о том, что даже деревья могут меня убить, правдива.

Эйтиннэ останавливается и на лице мелькает ухмылка. Она раздвигает пальто, и я замечаю, что на ней два пояса: каждый для одного клинка. Фейри снимает один и передает мне.

— Я всегда прихожу подготовленной.

Мне начинает нравиться сестра Киарана.

Эйтиннэ протягивает мне маленький мешочек из кармана пальто.

— И это, в случае необходимости.

Сейгфлюр. Черт, она мне точно нравится!

Я беру пару веточек чертополоха и завязываю их в узел на шее, остальное кладу в мешочек и закрепляю вокруг запястья. Кроме того, что чертополох губителен для фейри, он также дает мне возможность всё время их видеть. Без него же, если Мара или Эйтиннэ исчезнут с поля зрения, я даже не узнаю, что они там были.

Надежно закрепив ожерелье, я придерживаю волосы и наклоняюсь, чтобы застегнуть пояс вокруг бедер.

С лица Эйтиннэ не сходит улыбка.

— Знаешь, — она задумывается, — твои волосы напоминают мне осьминога, — немножко подумав, добавляет: — Они мне нравятся.

А Эйтиннэ, видимо, немного “не в себе”. Ну что же, никто не идеален.

Фейри создает ещё один шар, чтобы мы могли продолжить наш путь. Мы быстро проходим между деревьев, и мне начинает казаться, что этот лес бесконечен. Впереди лишь нескончаемые ряды деревьев и ни намёка на свет.

Резкий непонятный звук позади заставляет меня подпрыгнуть. Я сжимаю рукоять клинка ещё сильнее.

— Я предполагаю, для них мы лишь... еда? — я не могу придумать более деликатное описание этого слова. — Чёрт возьми, эти фейри хотят убить и съесть нас.

— Нет-нет-нет, — голос Эйтиннэ отвлекает меня от мыслей, — они здесь, чтобы съесть тебя, не меня. Не думаю, что придусь им по вкусу.

— Это утешает, очень даже, — говорю я с оттенком раздражения.

У меня есть клинок, но я сомневаюсь, что он сможет меня спасти. С моей последней тренировки прошло слишком много времени, моё тело всё ещё ослаблено. Но я могу бегать. По крайней мере я смогу убежать

— Не волнуйся, — Эйтиннэ подбрасывает в воздух световой шар. — Они будут держаться в тени.

— Они Неблагие, не так ли?

Человеческие книги всегда делят их на два королевства: светлые и тёмные. Благие и Неблагие. Благие считаются “не такими плохими” фейри. Они известны своей ослепительной красотой и, как говорится, ездят на сверкающих лошадях. С другой стороны, Неблагие — создания тьмы. Их знают как жесточайших и хладнокровных, и лучше бы их никогда и не встречать. По слухам, они порабащают и обычно убивают любого, кого похитят из внешнего мира, в то время как Благие, считая себя лучше, возвращают людей обратно, даже спустя столетия.

Таким образом они проявляют свое милосердие. Но все они — ублюдки.

— Мара всё ещё служит нашему бывшему правителю, — тихо отвечает Эйтиннэ, — они не занимают чью-то сторону.

Мы продолжаем идти через лес, в то время как движения Эйтиннэ бесшумны, я иду неуклюже, задевая тапочками почву из драгоценного камня.

Я помню, что говорил мне Лоннрах. Никто не видел Кайлих уже много веков. Наследники, которых она оставила, недостойны трона.

— Кайлих?

Эйтиннэ отвечает не сразу. Она выпускает другой сгусток света, и тот шипит, когда рассеивается. Тени бегут сквозь деревья, их мех сверкает, а глаза горят. Их еще больше, чем было раньше. Они настолько быстры, что я едва успеваю разглядеть как они выглядят, но, судя по их росту, они крупнее волков.

Наконец ее взгляд направлен на меня, он непроницаем.

— Да. Когда Кайлих исчезла, — пробормотала она, — мары решили не присоединяться к какому-либо королевству. Этот лес теперь принадлежит им.

Низкое рычание слышится позади нас, грохотом заполняя каждую клеточку тела. Все волоски на моем теле встали дыбом, я начала дрожать. Идти через этот лес — все равно что блуждать по Высокогорью ночью, где в темноте рыскают дикие кошки, которые только и ждут возможности напасть.

Я с уверенностью могу сказать, что мары смотрят на нас и только выжидают момента, когда свет Эйтиннэ погаснет настолько, чтобы они могли напасть. Они бы даже не возвращали меня Лоннраха. Они бы просто сожрали меня — вплоть до кости.

Эйтиннэ быстра, чтобы быть уверенной, что этого никогда не произойдет. Как только мерцающие искры над нами начинают тускнеть, она сразу же выпускает новый поток света. Они мерцают так красиво, словно мы смотрим на ночное звездное небо. Как будто мы находимся в центре галактики.

— Быстрее, Охотница.

Эйтиннэ начала ускорять и без того быстрый темп. Я едва успеваю за ней. Мышцы в ногах безумно болят. Я не напрягала их уже достаточно долгое время.

Я тяжело дышу, дрожь пробирает все тело. Яд Лоннраха производит такой эффект, если от укуса до укуса проходит слишком много времени. Подкатывает тошнота.

Я стараюсь не обращать на это внимание и идти так, чтобы не споткнуться и не потерять равновесие. Задыхаясь, я понимаю, что была в нескольких дюймах от того, чтобы пронзить себя одной из этих проклятых веток.

— Подожди, — окликаю я, обходя вокруг ветвей с осторожностью. — Помедленнее.

Хотя ее лицо не выражает никаких эмоций, я могу ощутить ее раздражение.

— Хорошо.

Эйтиннэ слегка замедляется для того, чтобы я смогла ее догнать. Мы поддерживаем темп, моя боль становится более-менее сносной.

Она посылает еще один луч света. Он напоминает мне об Эдинбурге. Безлунные зимние вечера, проведенные в саду, когда звезды были яркими, а жизнь беззаботной.

Я ничего не могу с собой поделать. Мои пальцы обхватывают запястье в том месте, где следы от укусов Лоннраха, и я представляю Эдинбург, каким он показал мне. Моего дома больше нет, на его месте лишь руины и разрушения. Может быть, я просто заменяю одну версию гибели другой.

— Эйтиннэ? На что похож сейчас человеческий мир? — она колеблется, и я добавляю: — Я знаю, что произошло сразу после битвы. Эдинбург был разрушен.

Я почти спрашиваю ее, как давно это было, но вопрос застревает в горле. Я не могу. Не сейчас.

Вопрос, кажется, ей не понравился. На ее ладони застыл шар света, который она собиралась выпустить.

— Ситуация там не простая, — осторожно говорит она. — Но, по крайней мере, ты будешь со своим видом.

Мое дыхание прерывается от удивления, и я не могу больше идти. “Ты будешь со своим видом”. Конечно, она не имеет ввиду...

Я тянусь и хватаю ее запястье.

— Есть выжившие?

Эйтиннэ, кажется, удивлена силой моих слов.

— Ну. Айе.

Меня как будто сломали. Ничего не могу с собой поделаться, когда она пытается вырваться, моя хватка не слабеет. Надежда — предательский ублюдок, но я все равно позволила ей поселиться в моем сердце.

— Кэтрин. Гэвин. Их фамилия Стюарт. И еще возможно пикси с ними. Это говорит тебе о чем-то?

Что-то мелькает в ее взгляде, когда она пытается вырваться.

— Я не могу сказать.

При выдохе с моих губ срывается ужасное ругательство, которое я однажды слышала от Киарана. Меня уже не волнует, узнает ли Лоннрах о моем побеге или поглотит тьма. Мне нужно знать. Надежда уже точит свои когти о мое сердце, жестокая и беспощадная. После того, как я долгое время думала, что была единственной выжившей, Эйтиннэ сказала мне единственную желанную вещь. Теперь она не хочет договаривать. Может быть, мы с Лоннрахом не такие уж и разные. Может быть, я такое же чудовище как и он, готова на все ради того, что мне нужно. Это единственное объяснение, которое у меня есть на то, почему же я все еще продолжаю вонзать ногти в ее кожу. Почему я бы могла прямо сейчас приставить клинок к ее горлу, будь у меня возможность.

Я чувствую лёгкое удовлетворение, заметив, как она содрогается.

— Скажи мне, — в голосе чувствуется угроза.

В её глазах нет места для страха. Мне ещё не приходилось встречать фейри, которых, по крайней мере, не пугал тот факт, что я могу ранить их непроницаемую кожу.

— Я уже сказала. Я не могу.

— Не шути со мной. Это простой вопрос. Кэтрин. Гэвин. Пикси Деррик. Ты слышала их имена?

Мои ногти впиваются в бледную кожу ещё глубже. Я игнорирую внезапное воспоминание жестокой Айлиэны в зеркалах, как ликовала она. Она бы улыбнулась мне с гордостью. Я подавляю нахлынувшее отвращение от собственных действий и продолжаю.

— С меня хватит фейских шуточек. Я не в настроении.

Искры света начинают меркнуть. Невидимые существа окружают нас. Я чувствую на себе тяжелый и голодный взгляд фейри. Мы словно окружены живым лесом. Воздух вокруг нас нагревается и заполняется чем-то липким и сырым. Но я не могу отпустить Эйтиннэ сейчас. Ещё нет. Пока она не расскажет.

— Свет меркнет, — в её голосе нет ни намёка на эмоции.

Я поднимаю взгляд и внимательно прослеживаю, как гаснет каждая искра. Если я не отпущу её, то тени нападут на нас, к тому же я всё ещё ослаблена. Проклинаю от разочарования, я отпускаю ее.

Эйтиннэ быстро создает ещё один шар света и подбрасывает его. Тени вокруг нас снова исчезают, их душераздирающий вопль повисает в воздухе. Тьма снова продолжает просто наблюдать за нами, рыча, тем самым показывая свое недовольство.

Эйтиннэ хватается за руку, на следах от ногтей выступила кровь. Мой взгляд прикован к

отметинам. Голос Лоннраха эхом раздается в моей голове: “Мы одинаковы, ты и я”. Я отступаю и прижимаю рукой оставленные следы от укусов на шее — они связывают нас. Всё еще кровоточат и болят. Мы одинаковы.

Теперь Эйтиннэ тоже помечена. Я наблюдаю, как её раны затягиваются безупречной, гладкой кожей. Я всё же сделала их. Интересно, когда Лоннрах по кусочкам забирал меня, он мог заполнить образовавшуюся дыру частичками себя?

— Прости меня, — шепчу я, не в силах отвести взгляд в сторону, — мне так жаль.

Эйтиннэ не спускает с меня глаз какое-то время, понимание читается на ее лице. На этот раз она выбирает слова аккуратней.

— Если то, что я скажу, донесут Лоннраху, то он никогда не прекратит охоту на них. У него повсюду шпионы. Кадамах ни за что не позволит мне рассказать хоть что-то ради защиты...

Её голос неожиданно ломается; она сгибается и корчится от боли.

— Моя клятва, — ей едва удастся дышать, — она выжжена на моем языке.

Слова Эйтиннэ эхом проигрываются у меня в голове: “Если то, что я скажу, донесут Лоннраху, то он никогда не прекратит охоту на них. У него повсюду шпионы”. Что же, Киаран не ошибся. Он знал, что я потребую ответы, которые поставят жизнь людей под угрозу, особенно с учетом того, что они прячутся от армии фейри.

— Он заставил тебя поклясться, что ты ничего не скажешь мне?

Она лишь кивает.

— Слишком опасно. Я не могу раскрыть большинство вещей о внешнем мире или даже намекнуть об этом...

— Я знаю, — мой внутренний гнев утихает, — я знаю как работает клятва принесенная фейри.

Не удивительно, что она едва не задохнулась. Клятва фейри — нечто, с чем нельзя играть, и она должна быть принята всерьез. Однажды Киаран поклялся никогда не убивать людей, и, если он хоть однажды нарушит ее — он будет умирать долгой и мучительной смертью. Если Киаран заставил сестру принести клятву, должно быть в моём мире всё очень плохо.

Перед глазами вспыхивают воспоминания об Эдинбурге. Я практически ощущаю запах пепла, прежде чем могу затолкать их подальше в свой мозг и закрыть за ними дверь. Не думай об этом. Сначала нужно сбежать от Лоннраха.

Я заставляю себя говорить.

— Давай выбираться отсюда.

Мы с Эйтиннэ всё ещё поддерживаем быстрый темп, минуя бесконечные ряды деревьев. Кажется, прошли часы.

Я повторяю почти каждое движение её тела, чтобы не наткнуться на острые металлические ветви деревьев. Они цепляются за подол платья и отрывают кусок легкой ткани. Я делаю другой шаг и тут же натыкаюсь на ветку, которая оставляет на моей ноге длинный, тонкий и чертовски болезненный порез. Кровь скапливается у раны и течет маленькими ручейками вниз к моим ногам. Проклятье!

Вдруг по лесу эхом разносится раздирающий вопль Мары.

— Стой, — резко отвечает Эйтиннэ, — не двигайся. У Мары чувствительный нос. Если они учуют достаточное количество крови, они могут рискнуть быть сожженными светом.

Мара подкрадываются сквозь тени между острых веток. Я приготовилась, когда краем глаза заметила какое-то движение. Черт. Вот чёрт. Они приближаются. Не смотря на свет над нами, они быстро передвигаются по слабо освещенным местам. Они ждут, ждут.

Я ощущаю дыхание возле своей ноги и быстро хватаюсь за рукоять клинка. Рычание исходит слева, и я без раздумий вытаскиваю оружие. Мышцы задрожали в ответ.

— Бежим или сражаемся?

На лице Эйтиннэ растягивается улыбка; жестокая и дикая.

— И то, и другое, — в руке она стискивает рукоять клинка, — определённо, и то, и другое.

Я замерла.

— Будь я проклята! Ты действительно сестра Киарана!

Мгновением позже мы начинаем бежать. Как и раньше, я пытаюсь повторять её движения, чтобы вновь не наткнуться на острые ветки. Я такая неуклюжая. Мои ноги не слушаются, я спотыкаюсь, но продолжаю бежать.

Продолжай бежать. Ты сможешь. Ну же!

Последние огоньки над деревьями начинают затухать, один за другим они перегорают, словно задутые свечи. Шорох между деревьев становится громче, ближе. Где-то слева от меня раздается вопль. Мара преследует нас, ждет своего шанса.

Эйтиннэ останавливается на краю последнего кольца света. Она хватается меня за руку и разворачивает так, что мы стоим спина к спине.

— Сражайся столько, сколько сможешь, — говорит она низким голосом. — А затем — беги, я отвлеку остальных.

Я киваю в знак согласия и смахиваю пот со лба. Дыхание тяжелое, слабое. Я дрожу от продолжительного бега, но это уже меня не волнует. Как только затухают последние искры света, нас поглощает тьма. Я прислушиваюсь к каждому шороху вокруг. Теплый поток воздуха ударяет мне в лицо, и я съеживаюсь от резкого запаха.

Щелчок зубов. Я бью клинком, рассекая кожу и мех. Пронзительные вопли боли заполняют тишину. Десятки теней мчатся в мою сторону. Мара двигается так быстро, словно сумрак, обрушившийся на лес после заката.

Я не мешкаю. Мои лезвия свистят в воздухе, рассекая и уничтожая. Я сражаюсь так, как всегда учил меня Киаран — инстинктивно. Каждое из моих чувств обостряется. Вкус силы Мары, дым и пепел, оседает на языке — показатель того, как близко они.

Мои мышцы помнят, как бороться. Сражаться мне удастся так же легко, как и дышать. Хотя мои удары менее утонченные, менее гладкие, я наношу их с особым упорством. Каждое убийство придает мне сил, и, наконец, я сражаюсь наравне с Эйтиннэ. Её спина прижата к моей, мы дышим в такт друг другу.

Мы отличная команда.

Когти проходят по моей руке, и я стискиваю зубы. Моя кровь, словно маяк, дает им силы действовать решительней. Как только я убиваю одного, за ним набрасывается другой, потом следующий.

Я замахииваюсь клинком, который попадает и проходит под мех. Кровь брызжет мне в лицо. Сила мертвой твари проходит сквозь меня густым потоком, теплая, как летний день.

Обычно я наслаждалась этим. Я разрезала каждого, только чтобы почувствовать эйфорию, но не в этот раз. Я больше не чувствую того удовлетворения, которое приносило мне убийство. Только потребность и необходимость выжить.

Понимание замедляет лишь на мгновение, но это все что нужно Мара. Один из них вонзил свои клыки мне в руку, чуть выше запястья. Я задыхаюсь от боли, отрубая его голову единственным быстрым ударом. Его зубы распарывают мою кожу, когда он падает на землю.

— Приготовься бежать, Охотница.

Эйтиннэ создает огромный шар света, размером примерно с колесо кареты. Мары начали скулить и искать место, где можно было бы спрятаться от яркого света. Используя руки как рычаги, она запускает сгусток света в небо. Он взрывается, осыпая нас искрами, похожими на падающие звезды. Они освещают лес, что дает нам возможность увидеть огромных существ с темным мехом, блестящими глазами и зубами, острыми как ножи. Они вопят, убегая, и оставляют за собой ужасный запах жженой шерсти.

Эйтиннэ жестом указывает на щель между деревьями.

— Туда. Не оглядывайся.

Мы снова бежим, пробираясь через лес. Я ненавижу свою слабость, как мое тело болит от такого короткого боя. Мне приходится прикладывать дополнительные усилия, чтобы не зацепиться за острые ветки, что только ухудшает ситуацию. Ткань вдоль нижней части моего платья вся разорвана. Я изо всех сил заставляю себя бежать за Эйтиннэ.

Гортанный рёв Мары эхом разносится вокруг нас. Я замечаю, как сильно кровоточат порезы на моих руках. Запах крови, вероятно, сводит их с ума.

Свет позади нас постепенно угасает. Мы прибавляем скорость, а ноги начинают подкашиваться. Мои мышцы горят от напряжения, в груди ноет от боли.

— Туда, — задыхаясь, говорит Эйтиннэ.

За деревьями виднеется тусклый свет. Мы почти на месте. Почти там. Темнота накрывает нас. Тепло от преследующей меня твари ощущается на спине. Они рычат, запыхавшись, их тяжелые лапы стучат, проносясь мимо деревьев позади нас.

Поторопись, скорей, скорей. Свет по обе стороны от нас погас, только свечение впереди ведет нас. Я знаю карту своего побега. Я запомнила дорогу, где шипов на деревьях нет.

Я заставляю себя бежать ещё быстрее, не обращая внимания на ужасную боль в ногах. Почти на месте.

Последние искры света гаснут. Чьи-то когти царапают мою ногу, разрывая кожу. Я не теряю координации. Я следую своему мысленному маршруту. Как только чувствую тепло Мары достаточно близко от меня, я покидаю лес.

Моё тело врезается в землю, и я кручусь на траве. Мои глаза закрываются от внезапного

дневного света, даже дикий визг твари где-то позади меня не заставит их открыть.

Спустя несколько мгновений из леса раздается ещё рёв. Они выпускают низкие вопли, вопли разочарования.

— Не волнуйся. Они будут держаться в тени. — Значит я в безопасности. Наконец-то.

Я лежу на земле, глубоко дыша. Деревья вокруг меня стонут, листья трепещут от прохладного ветерка. Я не хочу двигаться снова.

Шорох сапог по траве, я открываю глаза. Эйтиннэ наклоняется ко мне, на её лице играет самодовольная улыбка.

— Ты не умерла. Видишь? Я же сказала, это будет легко.

Она протягивает мне руку, я беру её и неустойчиво встаю на ноги.

— Меня укусило какое-то демоническое лесное существо. Мои ноги разодраны острыми ветвями деревьев. Мы чуть не умерли. Легко? Да тебе нужен чёртов словарь!

Я начала осматривать свою кровоточащую руку. Разрез пересекает пять укусов Лоннраха, и я чувствую необъяснимую гордость. Хорошо. Новые медали заменят старые плохие воспоминания. Как прежде.

— Словарь? — в недоумении повторяет она. — Это такой десерт?

Ради всего святого.

— Это вид книги, которая объясняет значение слов.

— Оу. Это звучит ужасно скучно. Я действительно надеялась на десерт.

Как же я надеюсь, что по окончании этой миссии остаться при своем уме.

Мой взгляд останавливается на красивом пейзаже вокруг нас. Луг на гребне холма, приглушенный пейзаж с еще более необычной палитрой цветов, чем место вокруг расщелины. Облака черные и тяжелые от дождя.

Земля здесь очень твердая. Недалеко от нас находится водопад, что спадает с утеса вниз в каньон. Река у основания каньона темная, она напоминает высушенную лаву, которую я видела здесь раньше.

Это похоже на инсценировку прекрасной картины, созданную опытной рукой. Как будто художник умело передал каждую мелочь и придал жизни, используя лишь угольный карандаш. Оттенок тот же. Каждая деталь была исполнена тоненькой кистью.

Sith-bhruth когда-то было местом, где играли тысячи ярких красок, которые не способен увидеть человеческий глаз.

Это место, должно быть, было невероятно красивым до того, как цвета потускнели. По выражению лица Эйтиннэ, её тоскливому взгляду, смешанному с грустью, можно было понять, что она думает точно также. Её взгляд рассеян, словно она вспоминает, каким оно было.

— Как это место выглядело раньше? — я просто не могу не спросить. — Оно было красивым?

— Оно всегда было прекрасным, — она бесчувственно отвечает. — Это никогда не было проблемой.

— А что было?

Эйтиннэ, кажется, приходит в себя, снова закрываясь, как всегда это делал Киаран.

— Много чего, — она смотрит на меня. — У тебя снова идёт кровь.

Без предупреждения Эйтиннэ берет меня за руку. Прежде, чем я успеваю спросить, что она собирается делать, она проводит пальцем по моей руке и быстро слизывает кровь своим языком.

— А-а-а! — я усталилась на нее в шоке. — Ты лизнула, ты просто... Боже. Я хочу последние пять секунд своей жизни назад.

Её лицо искажает гримаса.

— Яд BaobhanSith. Ты наполнена им. Я могу учуять его.

Я становлюсь жестокой. Лоннрах отметил мое тело. Он украл мои воспоминания. Конечно же, следовало бы догадаться, что он и кровь мою загрязнил.

“Я хочу знать. Мне просто нужно использовать твою кровь, чтобы увидеть.”

Я испорчена. Моя кожа — не моя, моя кровь — не моя, мой разум — не мой. Нет какой-либо части меня, которую бы он не отнял у меня, за исключением моей воли. Но и ее он почти забрал.

Эйтиннэ замечает моё выражение.

— Охотница, я не это имела в виду. Я...

— Конечно, — я не могу бороться с желанием соскрести это с себя, чтобы избавиться от его запаха, — всё в порядке.

Её хватка на моей руке слабеет.

— Нет, это не так, — говорит она мне, — не всё в порядке. То, что он сделал с тобой, — она прижимает пальцы к моему запястью, где он больше всего меня кусал, — это не в порядке.

С момента встречи с Эйтиннэ я ни разу не слышала, чтобы ее голос был таким серьезным. Как будто она знает. Как будто она прошла через это. Может так и есть...

Я почти готова сказать “спасибо”. Я хочу нарушить правила, даже если фейри не любят благодарности. Может она такая же, как и они, но я провела дни-недели-месяцы-годы там и ни от кого не слышала добрых слов, разве что в моих воспоминаниях.

Эйтиннэ не отрывает от меня взгляда.

— Я могу исцелить тебя. Яд выйдет своим путем, но я могу убрать его последствия.

Да. Да. Да. Чтобы избавиться от дрожи конечностей и рваного дыхания, чтобы унять боль. Да.

После моего кивка Эйтиннэ кладет руки мне на уши. Она заглушает шум до тех пор, пока всё, что я могу слышать — это волноподобные звуки моря.

Далее идет жгучая боль. Я вздрагиваю, но привыкнув к ней, почти не обращаю на неё внимания. Мои колени больше не подгибаются, как раньше. Слезы больше не щиплют глаза. Я использую их в качестве датчика, и это работает: я всё ещё здесь, я жива, я чувствую, и ты не сможешь это отнять у меня.

Я открываю глаза, кровавый порез затягивается кожей. Травмы на ногах исчезают, сглаживаются. Ноющая боль в мышцах затухает, и беспомощная слабость рассеивается, а вслед за ними уходит и агония.

Остаются только шрамы.

Эйтиннэ убирает руки и улыбается.

— Лучше?

К чёрту фейри с их правилами. Меня это не волнует.

— Спасибо.

Затем я слышу это. Далёкий звук копыт по земле, скачущих неподалёку от нас. Слишком далеко от меня, чтобы ощутить вкус их сил, но достаточно близко, чтобы понять, что их не меньше дюжины, и все они направляются прямо к нам.

Эйтиннэ пробормотала какое-то ругательство.

— Мы должны воспользоваться тем, что они отстают, — указала она кивком, — там есть проход, прямо под этой скалой. Пока они остаются здесь, они не смогут нас увидеть.

Я изучаю показанный ею путь, от увиденного сводит желудок. Спуск к реке чередуется опасными изгибами, которые могут обернуться падением прямо к основанию скалы. Это чем-то напоминает мне плоскогорье Каирнгормс. Они по-своему великолепны и величественны, но поговаривают, что это место проклято: каждый год какой-нибудь путешественник уходит туда и не возвращается.

Если мы сорвёмся, то она переживёт это. А я, как говорит Эйтиннэ, разобьюсь.

Я со страхом отступаю назад

— Ох? Мы не можем просто...

— Нет, — она отвечает коротко, очень похожим на Киарана голосом.

Я едва воздерживаюсь от проклятий и следую за Эйтиннэ через луг. Мы продолжаем спускаться вниз к узкому горному хребту, чуть ниже края скалы, чтобы скрыться от взора всадников. Горная порода грубая и крепкая, окрашена темно-красными оттенками, настолько темными, что больше казалась черной. Вокруг стоял запах пепла, словно совсем недавно тут бушевало пламя. Отсюда кажется, что под нами лишь бесконечная бездна: оступишься по пути и будешь долго падать прямо к подножию.

Любопытство овладевает мной и, подходя ближе к краю, я смотрю вниз. Лучше бы, черт возьми, я этого не делала. Голова начинает кружиться, и к горлу подступает тошнота.

Хоть я и не из тех, кто боится высоты, но даже я не настолько безумна, чтобы спастись бегством от фейри на такой высоте. Тропа такая узкая, что едва хватает моим ногам. Это лишь крошечный выступ, с которого я могу сорваться и кубарем полететь к основанию в любой момент.

Я ищу хоть какие-то растения вдоль тропы, хоть что-то, за что можно было бы ухватиться при падении — ничего.

Стук копыт всё приближается. Они почти на лугу. Если мы не пойдем сейчас, они увидят меня, и я снова попаду в зеркальную тюрьму.

Лоннрах вновь будет красть мои воспоминания. Он заставит меня пожалеть о побеге, и на этот раз всё может быть намного хуже. Я не хочу возвращаться. У меня может не быть второго шанса.

Как только Эйтиннэ начинает спускаться вниз по тропе, я не мешкаю. Я делаю первые шаги по каменистой дорожке и мысленно подбадриваю себя, твержу свою мантру. Почти пришли. Почти пришли, почти пришли. Почти в безопасности. Почти дома. Почти сбежала от него. Каждый шаг — новое “почти, почти, почти...”.

Когда я слышу, что фейри вышли на поле над нашими головами, я стараюсь идти как можно тише, бесшумно, как и Эйтиннэ. Камни слишком неустойчивы. К тому же мои тапочки легко скользят по камню.

На полпути тропинки мои ноги резко соскальзывают, и я едва не срываюсь с криком вниз. Эйтиннэ мгновенно реагирует, закрывая мне рот рукой, и оттаскивает меня от края обрыва. Толкнув меня к скале, она прижимает к моим губам палец. Потом отпускает и жестом указывает вверх. Всадники прямо над нами.

— Ты сказал, что проследил их до этого места? — я слышу голос Лоннраха.

Мой пульс учащается. Я представляю его в зеркальной комнате, его зубы на моем запястье. Это будет действительно больно. Очень больно каждый раз.

Почти пришли. Я продолжаю мысленно повторять, подбадривая себя тем, что Киаран будет там, когда я выберусь отсюда. Он будет ждать меня на другой стороне.

Почти пришли.

Я так погрузилась в собственные мысли, что, наконец, взглянув на Эйтиннэ, нахожу ее абсолютно неподвижной. В её широко распахнутых глазах читается паника. Когда я касаюсь ее пальцев, они просто ледяные.

— Они шли через лес, — другой голос, который я не узнаю, — здесь прослеживаются две энергии. Ей явно помогли.

Лошадь настолько близко к краю, что сбитые её копытом камушки и грязь дождем пролетают прямо мимо нас. Кажется, Эйтиннэ даже не заметила этого. Её дыхание становится ещё более неустойчивым, она задыхается. Громко.

Лошадь прямо над нами всё ближе подходит к краю. Фейри молчат — они, словно замерли. Я становлюсь холодной от ужаса, сковавшего меня. Они прислушиваются к нам. Дыхание Эйтиннэ тяжелое, как будто громкий рёв в мертвой тишине.

Я прижимаю ладонь к её губам, чтобы успокоить, но она никак не реагирует. Её взгляд пуст, она где-то далеко. Она потерялась в воспоминаниях.

— Это Эйтиннэ, — голос Лоннраха словно разрезает повисшую тишину, — она с Охотницей.

Эйтиннэ задыхается под моей ладонью, ее глаза резко закрываются.

— Это невозможно, — говорит другой фейри, — она не могла бы миновать нас незаметно.

— О, она могла, — говорит Лоннрах, — но с ограничением силы ей необходимы особые условия. Она будет искать способ сбежать.

Внутренней стороной ладони я чувствую, как она хрипит, её губы двигаются. Я наклоняюсь ближе и могу разобрать, что она говорит, её слова, словно отпечатались на моей коже. Три слова. Три слова, от которых мурашки бегут по спине: “Мне не больно”.

— Тсс, — мой шёпот едва слышен. Я не знаю, как успокоить ее или вернуть назад без помощи слов. Если я снова прикоснусь к ней, это может плохо закончиться.

— Идите через лес, — говорит Лоннрах, — попытайтесь поймать их след там. Мы вернемся назад, возможно, мы что-то упустили.

Всадники разъезжаются, я буквально ощущаю их тяжелые следы на себе. Я внимательно вслушиваюсь и, убедившись, что их больше нет, убираю руку ото рта Эйтиннэ. Её глаза всё ещё плотно сомкнуты, грудь быстро вздымается от тяжелого дыхания. Она всё ещё шепчет три слова: “Мне не больно”.

— Эйтиннэ, — я снова шепчу, — они ушли. Всё в порядке.

Но не всё в порядке. То, что он с тобой сделал — это не в порядке.

Она перестает нашептывать, требуется больше времени, чтобы дыхание замедлилось.

Я смогла пройти через это, и ты сможешь.

Это был Лоннрах. Это должен быть он. Эйтиннэ стала такой, как только слышала его голос. Она провела две тысячи лет в ловушке с ним. Две тысячи лет он делал с ней всё, что делал со мной.

— Он делал... — я не могу сказать этих слов. Поэтому я протягиваю ее пальцы к моим

шрамам. Он тоже пытался тебя “отметить”? Невзирая на то, что это невозможно? Или он крал твои воспоминания, как делал со мной? — Он делал это? Как и со мной?

Глаза Эйтиннэ открылись. Они больше не серебряные. Теперь они несгибаемы, как сталь, бесчувственны и холодны.

— Хуже, — её голос словно рассекает меня, — он делал хуже.

Теперь ты по себе знаешь, каково это — чувствовать себя беспомощным.

Я больше не спрашиваю. Я не хочу представлять, насколько хуже это может быть для кого-то, кому нельзя оставить шрамы, и кто не может умереть.

Она поднимается на ноги, эмоции снова приглушены. Резкими движениями она счищает грязь со своего пальто.

— Мы должны спешить, — её голос резок, холоден и пронзителен, словно ничего и не произошло, — пока не изменился ветер.

Прежде, чем я успеваю сказать хоть слово, она начинает спускаться по тропе. Я следую за ней. Хотя я и не вижу её лицо, ее плечи все еще остаются напряженными. Её пальцы плотно сжаты в кулаки. Я хочу сказать хоть что-то, заполнить эту раздирающую тишину, но так и не решаюсь.

Сейчас я тоже предпочитаю молчание. Внимательно осматриваю пейзаж вокруг: солнечный шар медленно плывёт к закату над узким речным заливом с той стороны, где исчезает река. Звёзды заполняют пространство между облаками, и всё вокруг окутывает сумрак, впервые с момента моего появления здесь. Я слышу, как ветер проходит через деревья выше нас, как шелестит листва и ветви.

Эйтиннэ поддерживает быстрый темп, и я пытаюсь не отставать. Я пытаюсь сконцентрировать внимание на тропе и не смотреть вниз. Если я вдруг это сделаю, головокружение может вернуться, поэтому сосредотачиваюсь на ногах — шаг за шагом, снова и снова.

В отличие от меня, Эйтиннэ идет ровным шагом. Ее шаги не сбиваются. Она всё ещё безмолвна, не задает глупых вопросов. Она держится закрыто, отличный пример безразличия.

Внезапно она вскидывает голову в тот же момент, когда я ощущаю вкус силы Лоннраха на кончике языка. Ох, чёрт!

Как по команде мы с Эйтиннэ оборачиваемся. Лоннрах находится на очень отдаленном участке тропы, верхом на металлическом коне, в окружении дюжины фейри.

Он видит нас. Я чувствую его тяжелый взгляд. Он в моём разуме — подталкивает, контролирует, повелевает, и всё лишь потому, что я ела его еду и пила воду. Он шепчет лишь одно слово: Охотница.

Это слово — команда. Простая команда вернуться к нему.

Если я сделаю хоть шаг вперед, я потеряю контроль над телом. Над разумом. Айе, он говорит. Вот и всё. Вот и всё.

Теперь ты по себе знаешь, каково это — чувствовать себя беспомощным.

Я возвращаюсь к воспоминанию о его словах, разрушая его влияние.

— Нет.

Я быстро оборачиваюсь, чтобы не быть к нему лицом. Рядом со мной Эйтиннэ застыла при одном лишь его виде. У меня нет времени, чтобы успокоить её, чтобы сказать слова утешения, чтобы вернуть её. Я лишь хватаю её за пальто и тяну за собой, мой кулак становится белым, так сильно я сжимаю ткань.

Но Эйтиннэ всё ещё слишком отвлечена, и это все, что требуется. Её ноги скользят. Она соскальзывает к краю и едва не срывается вниз, но я успеваю схватить её за руку. Пятки тут же погрязли в грязи, и я тяну её изо всех сил, используя свой вес, чтобы вытянуть ее назад.

Эйтиннэ приходит в себя достаточно, чтобы встать, и мы снова убегаем. Мы мчимся вниз по шаткой тропе, преследуемые фейри. Они оставили лошадей, чтобы преследовать нас по узкой тропинке.

Скала под нами начинает дрожать. Она раскалывается вокруг нас с таким грохотом, как будто стреляют пушки. Вкус фейри скользит по моему горлу, он причиняет боль, жжёт. Это они делают это. Из-за них земля дрожит под нами.

Трещина образуется под нашими ногами, ломая землю на части. Я теряю опору под ногами. Эйтиннэ тут же хватается меня за руку, не давая упасть.

— Придержите свои силы, — голос Лоннраха эхом разносится вокруг, — Охотница нужна мне живой.

Подземные толчки утихают, как только мы добегаем до конца тропы. Эйтиннэ и я, тяжело дыша, перелезаем через камни к вершине утеса. Всё, что я могу услышать — это топот позади нас, быстрый и решительный. Им не нужно много времени, чтобы догнать нас. Если мы ничего не сделаем, то они достигнут нас в считанные минуты.

На вершине Эйтиннэ останавливается так резко, что я едва не врезаюсь в неё. Неожиданный тяжелый вкус железа оседает у меня во рту, меня окутывает холод. Он подобен тоненькому ручейку крови, сконцентрированный настолько, что я напрягаюсь.

Я узнаю это вкус. Сорча.

Я обхожу Эйтиннэ, и Сорча улыбается.

— Охотница, — она встречает меня взглядом, — и Эйтиннэ. Мои же вы, какое воссоединение!

На ней такое же легкое платье, как и на мне, только его черная ткань сверкает, как ночное небо. Красота BaobhanSith неимоверна, ужасающая. Я вижу, как ее клыки удлиняются, прижимая ее полные губы. Она улыбается шире, кошмарная улыбка заостренных зубов.

Обычно я представляла свою маму в ночь её убийства. Я видела Сорчу, нависшую над её трупом — она слизывает кровь со своих губ, словно после сытного ужина.

Сейчас я ничего не могу с собой поделать и мысленно сравниваю её клыки с клыками Лоннраха. Они точь в точь напоминают те, оставленные Лоннрахом. Они оба, и он и Сорча, отметили меня. Лоннрах клеймил моё тело и разум, а Сорча украла часть моей человечности. Оторвала столько, пока не осталась та жестокая девочка из зеркал.

Я сжимаю рукоять клинка так сильно, что моя рука болит. Я успокаиваю воспоминания достаточно, чтобы заговорить

— Тебе очень повезло, что Киаран принёс тебе эту клятву, — говорю я Сорче. — Если бы ваши жизни не были связаны, я бы без раздумий воткнула меч тебе в грудь и вырезала твоё сердце.

Так же, как и ты сделала с моей матерью. Я сделаю всё, чтобы ты прочувствовала всё то, что и она в конце. Ты должна умереть так же.

— Око за око, как говорится? — Сорча мелькает клыками и шипит. — Я бы очень хотела увидеть твою попытку.

— Хватит! — Эйтиннэ молниеносно набрасывается на Сорчу своей силой, оставляя порез на её безупречной коже.

Кровь стекает по алебастровой коже Сорчи и она рычит.

— Stropach.

Я не понимаю их язык, но уверена, что это грубое ругательство.

— Я здесь, чтобы помочь вам, и вот как вы мне оплачиваете? — Сорча изгибает губы. — Хотела бы я, чтобы они убили вас в холмах.

Эйтиннэ застывает. Уголкем глаза я вижу, как она сжимает руку в кулак.

— Ты не помогаешь, — её голос всё так же холоден. — Никогда.

Сорча здесь, чтобы помочь? Она же не думает, что мы достаточно безумны, чтобы в это поверить? Более вероятно, что это лишь отвлекающий маневр, чтобы помешать нам бежать. Я слышу, как Лоннрах с солдатами приближаются. Они на полпути к нам, двигаются быстро.

— Ты хочешь помочь Мне? Убирайся с дороги, — говорю я.

Мои слова позабавили Сорчу.

— О, поверь мне. Нет ничего, чтобы я хотела больше, чем наблюдать, как Лоннрах впивается в твою милую маленькую шею, — она взглянула на Эйтиннэ. — Ты должна открыть портал здесь. Он закроется недостаточно быстро, поэтому они могут пройти следом. Я здесь, чтобы предотвратить это.

Эйтиннэ сужает глаза.

— И почему я должна тебе верить?

— Ну, — Сорча игриво улыбается, — у вас есть лишь два варианта: поверить мне или попытаться шансы с моим братом. — Её улыбка резка и пронзительна. — Вы ведь хорошо знакомы с его... методами пыток.

Я хочу знать все. Мне лишь нужна твоя кровь.

Я уже не могу себя сдерживать; делаю шаг навстречу Сорче, вынимая клинок.

Эйтиннэ кладет свою руку мне на плечо, удерживая.

— Однажды, — выдыхает она, слишком тихо, чтобы Сорча могла слышать. Затем кивает на Сорчу.

— Прекрасно, — видя самодовольное выражение лица Сорчи, она лишь добавляет: — Но если ты предашь нас, я подвешу тебя на твоих собственных внутренностях так, что пытки Прометея будут казаться обычной прогулкой в лесу.

Впервые за всё время, я вижу, как во взгляде Сорчи мелькает страх. Она боится Эйтиннэ. Сорча смотрит на меня, словно осознав, что я заметила, и эмоции на её лице тут же растворяются.

— Я буду удерживать Лоннраха своей силой столько, сколько смогу, до тех пор, пока он не видит меня, — от резкого взгляда Эйтиннэ, она усмехается, — не хотелось бы получить во враги брата.

Эйтиннэ качает головой и проходит мимо, продолжая путь через скалу.

— О, Эйтиннэ, — она окликает нас. Эйтиннэ останавливается, чтобы послушать. — Просто чтобы ты знала, это ничего между нами не меняет. Я преданна ему. Всегда была.

Черты лица Эйтиннэ напрягаются, и я хмурюсь от ее реакции. Прежде, чем я могу обдумать слова Сорчи, Эйтиннэ уже шагает прочь, и я вынуждена её догонять. Мы не можем остаться, чтобы увидеть, отвлекает ли она Лоннраха и других фейри. У нас нет времени. Эйтиннэ идет к другой стороне хребта.

Сейчас мы над озером, над мерцающей водой. Волны разбиваются о жесткие скалы. Она останавливается и, смотря вниз, говорит:

— Здесь. Я должна открыть его здесь.

Моё сердце буквально выпрыгивает из груди. Конечно же, она не имеет в виду, что мы будем прыгать. Падение получится более четырехсот футов, достаточно высоко, чтобы я разбилась о камни.

— Тут, где мы стоим, айе? — с опаской спрашиваю я, боясь услышать ответ. Пожалуйста, ответь “айе”. Пожалуйста!

Она качает головой и моя надежда увядает.

— Примерно на полпути вниз, — на мой небольшой звук протеста её лицо тут же озаряет улыбка. — Правила просты, как и раньше. Не отпускай меня и не позволяй себе упасть на дно. Ты, скорее всего, умрешь. Видишь? Легко.

Я уставилась на неё.

— Нам определенно стоит пересмотреть твоё определение этого слова. Я не думаю, что оно означает...

Прежде, чем я успеваю мигнуть, Эйтиннэ хватается меня за руку — и мы в воздухе. Я завизжала и ухватилась за её пальто до боли в руках. Воздух вокруг нас, словно разрывается, мои уши приглушает громкий всплеск. Мы быстро падаем вниз, как вдруг я чувствую, что мы будто в невесомости: нас окутывает густой белый туман.

Приземление выходит несколько мягче, чем я ожидала, просто легкий удар. Я перекатываюсь на мягкой травяной лужайке и устремляю взгляд в небеса.

Ледяной порыв ветра пронзает меня сквозь легкую ткань платья. Всё ещё зима. Похоже, что прошло не так уж и много времени. Пахнет дождем, капли пристают к моему лицу, словно маленькие льдинки.

Дом. Пахнет домом. Я сделала это. Я сделала это.

Я открываю глаза с улыбкой, пока не замечаю плоский склон позади Эйтиннэ. Я хмурюсь. Раньше там располагались руины часовни Святого Антония. Разве не так? Я медленно поднимаюсь, игнорируя головокружение, поскольку кровь прилила к моей голове.

— Не может быть, — я лишь шепчу, — этого не может быть!

Это не похоже мой дом.

Парк Королевы неузнаваем после битвы. Всё вокруг изменилось: появились крутые склоны, оспины по всей земле. Парк погряз в пыли, всё обросло травой, обгоревшая, чернильно-черная земля... Напоминание о проходящей здесь битве. Зубчатые, острые скалы поднялись из некогда плоского луга ниже Трона Артура.

Я знала, что всё будет по-другому. Я готовилась. Я не раз твердила, что если смогу сбежать, то должна буду готова увидеть разрушенный и сожженный дотла Лоннрахом Эдинбург.

Но нет. Я не готова, и не уверена буду ли когда-то готова. Но я должна увидеть остальное.

— Охотница, я...

Слова клятвы тут же заставляют её умолкнуть, и я не собираюсь ждать другой ее попытки. Я убегая. Я бегу на верх горы, чтобы увидеть со склона весь город.

Весь путь я вспоминала видение, показанное Лоннрахом. Я готовлюсь к чувствам, которые вот-вот пронзят, пленят меня, потому что то, что он показал, было лишь возможным разрушением. Я пытаюсь успокоить свои мысли. Я говорю себе, что я уже видела это. Что я уже подготовилась. Я буду в порядке.

Я спотыкаюсь и падаю. Острые камни вонзаются мне в ноги, но я приказываю себе подниматься и продолжать идти. Всё, что меня сейчас волнует — добраться до вершины. Я

не обращаю внимания на холод или то, как скользят мои тапочки по холодной и мокрой земле. Я скольжу вниз и все равно продолжаю идти вверх. Когда мои тапочки погрязают в болоте, я оставляю их там и продолжаю идти босиком. Я подготавливаю себя, говоря вслух, что всё будет в порядке. Всё будет в порядке, ведь теперь я в безопасности...

Я добираюсь до вершины и тут же падаю на колени. Моя мантра застревает в горле. Больше ничего не имеет значение, потому что как бы я не готовилась, я не готова к тому, что вижу.

Внизу в руинах лежит Эдинбург.

Я не могу отвести взгляда от вида, лежащего внизу.

Здания были разрушены вдребезги, некоторые из них полностью сравнялись с землёй, от других же остались лишь обломки. Некогда возвышающиеся дома Старого Города и Холироуд теперь являли собой не более, чем груды щебня.

Эдинбургский замок — крепость, пережившая множество войн в истории этой страны, когда-то возвышалась на самой вершине собственного утёса в самом центре города. Теперь, потеряв бывшее величество, он едва заметен.

Немного ниже находятся новые районы города, место, где я когда-то жила. Некоторые дома уцелели, другие полуразрушены.

Битва уже давно окончена. Прошло уже столько времени, что природа взяла своё: всё вокруг заросло мхом и сорняками. Дикая Охота уничтожила всё это уже много времени назад. Город был заброшен, зарос сорняками и разрушен. Те дни-недели-месяцы-годы, которые я провела с Лоннрахом в Sith-bhruth, проходили намного медленней, чем время, прошедшее здесь. От одной лишь мысли о том, сколько времени прошло, становится жутко.

Я не была готова к этому. То мимолётное видение Эдинбурга, показанное Лоннрахом, было лишь намёком, пепел, витающий в воздухе, и густой дым от пылающих зданий — были лишь намёком. Намёком на хаос.

Это истинный ад. Это невыносимая мука — видеть свой дом таким... Знать, что ты пытался предотвратить это, но не смог.

Одиночество вернулось, боль разрастается внутри меня. Я снова нахожусь в зеркальной комнате в окружении сотен версий самой себя. Мои пальцы впиваются в оставленные Лоннрахом шрамы, перед глазами пролетают украденные им воспоминания. Это всё, что у меня осталось, это всё, что осталось от этого места, от времени, когда я ещё не подвела своих друзей.

Слёзы жгут глаза и медленно скатываются по щекам. Я отвожу взгляд от руин и плотно закрываю глаза.

Эйтиннэ подходит ближе.

— Я не могла тебя предупредить.

— Я уже говорила, что знала. Он показывал мне, — мой голос ломается.

— Знать и видеть — разные вещи, — голос Эйтиннэ мягкий и тихий, — ты не должна смотреть. Мы можем...

— Нет, нет... — Я отмахиваюсь от неё, — нет, я должна.

Все потеряло смысл, я бегу к городу. Мои ноги скользят по грязи и траве, пока я спускаюсь вниз. Эйтиннэ окликает меня. Её голос разносится ветром, вкус силы приятно согревает мне спину. Я стискиваю зубы — это лишь напоминание о том, что она одна из них, одна из тех, кто всё уничтожил.

Я ещё никогда не ненавидела их так сильно.

Ноги хлюпают по холодным лужам. Небо затянуто темными тучами и начинается ливень, что замедляет и делает спуск ещё более сложным.

Когда я наконец-то добралась до улицы, которая ранее окружала Парк Королевы и Холирудское аббатство, я мокрая до нитки. Ноги жжёт от множественных порезов и ушибов, но я не обращаю на это внимание, я мчусь всё дальше и дальше.

Само аббатство пало, некогда красивые башни разрушены. Всё, что осталось от ранее величественной постройки — выжженный огнём кирпич и полуразрушенная стена. Обломки нефа, который когда-то украшал здание, лежат на земле, заросшие мхом и травой.

Я быстро пробегаю мимо всего и направляюсь к тому, что раньше было центром города. Мои ноги ещё больше погрязают в земле, но я не останавливаюсь даже, чтобы посмотреть на разрушения еще раз. Если я остановлюсь, хоть на миг, я буду вспоминать, что проиграла. Мы с Киараном пытались предотвратить это, но у нас не вышло, у меня не вышло. И армия Лоннраха уничтожила всё.

Ты пожертвовал моим миром, чтобы спасти свой.

Теперь не осталось ничего, кроме окружающего щебня, город был полностью разрушен и брошен в руинах. Виноградная лоза и мох покрывают всё вокруг.

Дом. Я должна идти домой. От Норд-Бридж осталась только половина — результат моей схватки с красными колпаками. У рабочих не было времени на его восстановление.

Не думай об этой. Продолжай бежать.

Я направляюсь длинным путем, проходящему через то, что ранее называлось Хай-стрит, минуя разрушенные каменные здания Старого Города, бегу по нижней стороне утеса замка. Мои ноги болят, на камнях остаются кровавые следы при каждом шаге.

Я бегу, не останавливаясь, пока не оказываюсь в Новом Городе, где когда-то располагалась площадь Шарлотты — это заставило меня остановиться. Здесь царит мертвенная тишина: ни птиц, ни животных, рыскающих между щебнем. Здесь только я, мое тело дрожит, дыхание тяжелое от долгого бега.

Мой дом... Боже, мой дом, он всё ещё стоит — такой пустой, безжизненный. Дом словно стонет, когда я подхожу ближе, такой шаткий, что может рухнуть в любой момент.

Входить слишком опасно, но я в любом случае подойду к белоколонному строению. Я проскальзываю по вездесущей траве, которая разрослась между булыжников. Передняя дверь приоткрыта. Пыль стоит стеной, дверь громко скрипит на петлях, сопротивляясь, когда я пытаюсь её открыть.

Разрушено. Здесь всё разрушено, как будто здесь что-то прошло с невероятной силой. Щепки от дерева полностью покрывали персидский ковёр, который когда-то украшал прихожую; сейчас он полностью разодран и укрыт толстым слоем копоты и пыли. Картины моей матери, её прекрасные пейзажи морского побережья, лежат среди грязи на полу, едва заметные под плесенью.

Здесь больше не пахнет домом. Даже запах табачного дыма в коридоре, никогда не исчезавший полностью, сколько бы отец ни отсутствовал, впервые полностью выветрился. Мой дом пахнет пустотой, словно тут никто не жил на протяжении нескольких лет. Словно сюда никто не приходил годами.

Я чувствую присутствие Эйтиннэ позади, но при этом не слышу ее появления. Внезапный вкус её силы буквально душит меня. Она такая же бесшумная, как Киаран. Я даже не слышу ее дыхания.

Я готова спросить. Должна.

— Как долго я была в Sith-bhruth? — я стараюсь говорить спокойно, но едва ли преуспеваю в этом.

Дни-недели-месяцы-годы тянулись так долго, что я, как и Лоннрах, потеряла счёт времени. Там не было ничего, чтобы хоть как-то измерить время, не было часов, чтобы дать мне чувство протяженности. Даже если я провела с Лоннрахом короткий промежуток

времени — неважно как долго это продлилось, то здесь время шло намного быстрее.

Эйтиннэ вдохнула.

— Ты пробыла там несколько недель. Семь или восемь максимум.

— Не делай этого, — я резко отвечаю, — не делай вид, что ты меня не понимаешь.

Сколько времени прошло здесь, Эйтиннэ?

— Ты же знаешь, что я не могу сказать.

— Тогда найди способ это сделать. Растения не могли вырасти здесь за такой короткий промежуток времени, я это знаю.

— Daoin-Sith больше связаны с землей, чем большинство sithichean. Когда остальные убежали, они могли повлиять на растительность вокруг, сами того не осознавая...

— Эйтиннэ, — мои руки сжимаются в кулаки. Жестокая Айлиэн улыбается, пробуждая ярость внутри меня. Я изо всех сил пытаюсь подавить её. — Я сказала найти способ сказать.

— Месяцы, — тихо шепчет она. Её голос дрожит от принесенной клятвы.

Не могло все зарости деревьями за месяцы, даже если бы фейри повлияли на природу. Виноградные лозы обвили здания полностью. Это могло случиться спустя годы — а годы состоят из месяцев. Фейри мастера в языке полуправды.

— Никаких хитростей, — меня больше не волнует мой резкий тон. С меня хватит фейских клятв, загадок и тайн. — Никакой полулжи. Сколько?

Затем я поворачиваюсь к ней. Даю ей возможность увидеть мою ярость, Жестокую Айлиэн, которую Лоннрах видел в зеркале. Мы одинаковы, ты и я. Та бесчеловечность, которую он увидел во мне, отражает его самого. Теперь я знаю, что горе вырезало части меня, оставив пустоту. Она заполнилась темнотой, которая теперь въелась в мои кости. Спящее чудовище.

Я выдаю лишь одну команду.

— Считай. Считай, сколько лет.

Молчание Эйтиннэ, кажется, длится целую вечность, выражение лица ничего не говорит. Наконец-то она начинает.

— Один, — ее голос дрожит, дыхание учащается, — два, — слово застревает в горле, я почти говорю ей остановиться, — три, — последнее слово. Простое слово, что заставляет ее согнуться пополам, закашливаясь до тех пор, пока кровь не забрызгивает штаны.

— Три года, — шепчу я. Наверное, мне следовало бы помочь ей, убедиться, что с ней всё в порядке. Но я не могу. Жестокая Айлиэн взяла на себя контроль над моим телом и разумом. Три года. Три. Годы.

— Охотница, — едва выдыхает она, — подожди.

Я едва слышу ее. Всё вокруг расплывается, когда я поднимаюсь по скрипучим ступенькам. Крючок, на котором когда-то висела наша семейная фотография, до сих пор здесь, у верхушки лестницы, застывший на грязных, оборванных обоях.

Я перешагиваю через порванные портреты моих предков и направляюсь к моей спальне. Складывается впечатление, будто все разграблено. Осколки лампы хрустят под ногами, покрытые толстым слоем грязи. Прямо над моей кроватью обвалилась крыша. Хотя комната и находится под открытым небом — воздух вокруг затхлый. Даже голуби не соизволили здесь жить.

Среди хлама в углу лежит штурвал от старой шхуны, который раньше весел на стене. Вся мебель в комнате сломана и разбросана, почернела от времени и непогоды.

— Лоннрах будет искать тебя, — голос Эйтиннэ охрип. Она стояла рядом и вытирала

кровь с губ, — мы должны уходить. Здесь небезопасно.

Я слышала ее, но от шока едва понимала, о чем она говорит. Словно она находилась на другом конце просторной долины.

Я подхожу к шкафу, где разбросаны, гниют и пылятся рваные остатки моих шёлковых платьев. Из-под деревянных обломков и кусков одежды выглядывает край сундука. Я отряхиваю его от старой ткани, которая буквально рассыпается от прикосновений, и открываю его.

Пожалуйста, окажись на месте. Пожалуйста, будь здесь.

На глаза наворачиваются слёзы, когда я замечаю тартан моей матери в сундуке. Он все еще здесь, ничем не тронут и не испорчен временем. Я глубоко вдыхаю, запах шерсти всё такой же, как и раньше, чистый и приятный.

Лёгкие нотки табачного дыма напоминают мне об отце, и я теряю контроль. Падаю на колени и пытаюсь сдержать слёзы. Не плачь, твержу себе как всегда, не плачь.

Я обхватываю тартан руками и прижимаю к лицу. Пытаюсь вспомнить. Я стараюсь изо всех сил, но воспоминания из моей прежней жизни не приходят. Пока я отчаянно не надавливаю ногтями на шрамы от укусов Лоннраха на моей руке, чтобы вернуть образ мамы. Это отметка — ее улыбка. Эта — её смех... Эта отметка несёт в себе тысячи маленьких моментов, слов и поступков, в которых она говорит “Я люблю тебя”, “Ты драгоценна” и “Ты важна”.

Но я не могу сама вспомнить ни один из них.

— Я не могу вспомнить, — шепчу Эйтиннэ, зная, что она всё ещё рядом. — Сама больше не могу.

Эйтиннэ лишь молча приседает рядом и заглядывает в сундук.

— О, удобная одежда, — она, не думая, вытягивает штаны, пальто, рубашку и сапоги — всё то, что я держала внутри. Моя старая одежда для охоты на фейри...

— Надень это, мы должны идти. Кадамаху будет интересно узнать, почему мы не прошли через портал там, где должны были.

Этот дом — всё, что осталось от моей мамы и прежней жизни. Если мои воспоминания исчезнут, будет нечего вспоминать. Я уже потеряла всё, что мне дорого, а воспоминания в этом доме пока ещё единственное, что осталось, хоть и в таком состоянии. Если же я уйду...

— Не сейчас. Ещё несколько минут.

Эйтиннэ нетерпеливо сверлит меня взглядом, очень уж похоже на ее брата.

— У нас нет на это времени, — она тянется ко мне, но я отпрыгиваю в сторону.

— Нет, — резко говорю я, — не прикасайся ко мне.

Лоннрах так же тянулся до меня, хватал сильно за плечо, если я не двигалась достаточно быстро.

Я не пропускаю горечь, мелькнувшую в её взгляде, словно она прочла мои мысли.

— Мне нужно подлечить тебя, — сказала она осторожно, подняв руки вверх, словно приближалась к одичавшему животному, — твои ноги кровоточат, и я всё ещё чувствую яд в твоей крови. К тому же, мы должны уходить.

Я всегда убегаю. Это никогда не закончится. Лоннрах впечатал себя в мою жизнь тем же способом, что и его сестра. Пусть она и убила мою мать, но он... Он монстр, скрывающийся в темноте. Он крадёт мою душу кусочек за кусочком, отскребывая части моей жизни, пока от неё совсем ничего не останется.

Теперь ты по себе знаешь, каково это, чувствовать себя беспомощным.

— Почему я не могу вспомнить? — спрашиваю я Эйтиннэ, не двигаясь, когда она прижимает руки к моим вискам. Её прикосновения мягкие и аккуратные, словно боится навредить раненной птице.

— Ты можешь, — её взгляд спокойный и внимательный, — но он оставил свой след в твоём разуме. Воспоминания исчезают из-за его воздействия. Если ты хочешь, я могу помочь.

— Помочь?

Покалывающая боль от исцеления снова начинает появляться. Сначала я вздрагиваю, но потом позволяю этому чувству нахлынуть на меня теплой волной. Я здесь. Жива. Это я. Это все еще я. Я могу создать новые воспоминания поверх старых.

После того, как мои раны исцелились, а яд перестал действовать, Эйтиннэ отходит. Она тяжело дышит, тонкая струйка крови от кашля стекает по подбородку.

— Айлиэн.

Она произносит мое имя. Просто имя. Это было так давно, когда я слышала его, что почти забыла, что оно у меня вообще есть. Лоннрах всегда называл меня Охотницей. До этого имя было единственной вещью, что принадлежала мне. Охотница — оскорбление. Охотница — вещь. Охотница — долг. Я просто девочка. Я просто девушка. Айлиэн Кэмерон. Кэм.

Эйтиннэ говорит мне:

— Я могу помочь тебе забыть.

На мой немой вопрос, она продолжает.

— То, что Лоннрах сделал с тобой. Место, где он держал тебя, — она смотрит на мои отметины. — Я смогу сделать так, чтобы ты думала, будто получила их в бою.

Боже помоги мне, это искушение. Я не качаю головой, не говорю “нет”, даже тогда, когда она касается руками моего лица, когда ее пальцы завиваются в мои волосы, и она закрывает глаза.

Её сила согревает мою кожу, успокаивает, утешает. Мои воспоминания об этом месте начинают исчезать, размываться, как стекло, покрытое туманом. Она забирает их себе, ворует их у меня так же, как и Лоннрах.

Я хочу все знать. Я заберу все твои воспоминания, если потребуется.

— Хватит! — я вырываюсь из ее рук и понимаю, что нахожусь здесь, в руинах собственного дома. — Это мои воспоминания, мне их нести, — говорю я. — Не твои.

Эйтиннэ снова вытирает кровь со своих губ, прижимая рукав. Неверие появляется в ее глазах.

— Ты думаешь, что заслужила то, что случилось, не так ли?

Я зажимаю тартан моей матери в обрызганных грязью руках, вспоминая, почему оставила его в сундуке перед боем. Я чувствовала, что маме не понравилось бы то, кем я стала. Часть меня надеялась на то, что я спасу город и наконец-то, наконец-то буду достойна носить его.

Я чувствовала свою вину долгое время после поражения в ту ночь Дикой Охоты. Часть меня до сих пор ее чувствует.

Прежде, чем я успеваю ответить, Эйтиннэ говорит:

— Здесь нет ничего такого, через что бы я уже не прошла. У Лоннраха было две тысячи лет, чтобы сломать меня, и он не смог.

Она снова тянется ко мне. Даже когда я уворачиваюсь, она продолжает держать свою

руку ладонью вверх. Предложение. Освобождение.

— Ты была захвачена во время выполнения задачи, которая никогда не предназначалась тебе одной. Ты не несешь ответственности за то, что мы с Кадамахом начали. Поэтому я предлагаю нести их за тебя.

Я почти спрашиваю ее, что она имеет в виду, но слова застревают в горле. Я смотрю на ее протянутую ладонь и почти принимаю ее.

Теперь ты по себе знаешь, каково это, чувствовать себя беспомощным.

Вот почему я не должна позволять себе забывать. Я никогда не буду такой беспомощной снова.

— Нет, — я сглатываю ком, подкативший к горлу, — я не стану делать этого с тобой.

Он делал это с тобой? Как со мной

Хуже. Он сделал еще хуже.

— Ты, — говорит она, ни на минуту не отводя от меня взгляд, — необычная.

Я криво улыбаюсь.

— Для человека?

Она улыбается в ответ.

— Теперь я вижу, почему Кадамах хотел, чтобы я перевернула небо и землю, чтобы найти тебя.

Она протягивает мне одежду и обувь.

— Переодевайся. Нам нужно спешить.

Она выходит из гардеробной, закрывая за собой то, что раньше было дверью, тем самым предоставляя мне некое подобие уединения.

Теперь я вижу, почему Кадамах хотел, чтобы я перевернула небо и землю, чтобы найти тебя.

Нет, я не могу думать о том, что это означает. Не сейчас. Мои отношения с Киараном — ещё одно осложнение, которое я никак не могу решить.

Быстро снимаю свое разорванное платье, его легкий материал гладит мою кожу. Несмотря на это, материал фей очень крепкий и идеально подходит для бинтов, если те мне понадобятся. Я сворачиваю остатки ткани и кладу ее во внутренний карман своего пальто. Хлопковую рубашку я натягиваю через голову, она кажется очень грубой, а шерстяные брюки и пальто еще хуже. Но я бы все равно предпочла свою грубую одежду их легкой, так как та напоминает мне о Сорче. После минутного колебания я кладу в карман пальто и мамин тартан. Я не могу оставить его здесь.

Я села на порог, чтобы надеть ботинки. Зашнуровала их, затем взяла единственное оружие, хранившееся в моем сундуке — мой самозарядный мушкетон, все еще заправленный в кобуру, крепящуюся на моей спине. Это было одно из первых оружий, которое я сделала для охоты на фейри, прекрасное для нетренированной леди. Пока я нахожусь достаточно близко к цели, порох рассеивается широко, и я никогда не промахиваюсь, даже если руки дрожат. Я достаю остатки сейгфлюра из обоймы мушкетона. Чертополох внутри никогда не будет эффективен после прошедших трех лет.

Три года три года три года... Сосредоточься. Я достаю мешочек с сейгфлюром, который дала мне Эйтиннэ, ловко измельчаю лепестки, чтобы заполнить обойму в измененном мушкетоне. Затем щелкаю затвором, убираю в кобуру, регулируя кобуру на своей груди.

БУМ. Я удивилась шуму вдалеке, как будто пушка выстрелила. Я прижимаю пальцы к полу и удивляюсь, почувствовав легкую дрожь там. Вода в лужице рядом с дверью пошла

рябью.

— Эйтиннэ?

Как только я зову ее, вдалеке тяжелый грохот начал возрастать и приближаться с каждой секундой. Комнату начало трясти, каркас застонал. Бум. Бум. Бум. Бум. Бум. Старые платья задрожали на вешалках. С другой стороны двери что-то упало на землю и разлетелось.

Эйтиннэ ворвалась внутрь, практически сшибая дверь с петель. Ее глаза заблестели, когда она известила меня.

— Они здесь. Мы должны идти сейчас же.

БУМ. БУМ. Весь дом сейчас дрожит. Пыль падает вокруг нас со слабых балок. Сзади комнаты, кусок стены падает на пол и разлетается на части.

— Что это? — Спрашиваю я, следуя за ней через комнату.

Взрывы такие громкие, что я едва слышу себя. Я хватаюсь за перила для равновесия, и они качаются под моей рукой, когда мы спускаемся по лестнице.

Ужасный грохот заглушает ответ Эйтиннэ. Камни и дерево разлетаются над нами, в крыше появляются дыры.

Эйтиннэ сбивает меня с ног. Мы падаем на пол, она прикрывает мою спину от падающих обломков. Всё вокруг нас рушится. Каменная плита обрушивается на Эйтиннэ с такой силой, что ни одна бы кость не осталась цела, будь она человеком.

Мы прижаты зданием, погребены под горой обломков. Изогнутая конструкция рухнувшей лестницы поддерживает почти обрушившийся на мои конечности потолок. Я ничего не вижу, кроме столбов пыли, освещаемых дневным светом. Наступает тишина — суровая и тяжелая. Нет больше отдаленного грохота, нет падающих камней.

— Эйтиннэ, — шепчу я, — ты...

Затем я слышу это — механическое жужжание — что-то прорывается через обломки и поднимает Эйтиннэ с меня.

— Беги! — кричит Эйтиннэ.

Я поднимаю глаза, мои мышцы готовы к бою, и замираю. Что, чёрт возьми, это такое?

Механическое существо, как минимум тридцать футов, возвышается над тем, что осталось от площади Шарлотты. Оно выглядит подобно красного колпаку: огромные, длинные, висящие руки, вероятно, были сделаны из черного металла, который я видела в Sith-bhruth, все гладкие и полуотражающие, с эбеновой жидкостью, проходящей по венам этих гигантских рук.

Оно было покрыто черной броней, пластины которой блестели, словно были сделаны из отполированного обсидиана. Между соединениями брони в его оболочке светился синий огонёк, свет которого пульсировал, словно сердцебиение. Когда оно вытянуло ко мне другую руку, я увидела жужжащий механизм в самом центре ладони, кусочки которого двигались быстро и сверкали ярким светом.

С громким криком Эйтиннэ вырывается из его захвата, разрывая своё пальто на спине.

— Беги! — Она снова кричит. — Оно активирует своё оружие!

Мы быстро выбираемся из-под завалов, минуя рухнувшую стену и сад. Жужжание становится ещё громче, а пронзительный гул эхом звучит в моих ушах.

Существо прямо за нами, массивные ступни заставляют землю под нашими ногами дрожать. Я оглядываюсь назад как раз вовремя, чтобы увидеть, как оно тянется к нам своей безоружной рукой, в это же время я отталкиваю Эйтиннэ с дороги и тяну ее через обломки пустого дома на улицу.

Существо проходит за нами так просто, поднимая в воздух облака пыли и кирпичных крошек. Мы с Эйтиннэ набираем скорость, практически летя по мощеной улице.

Эйтиннэ пытается что-то выкрикнуть, но громкий гул оглушает меня. Мы пробираемся сквозь заросшие кустарники и карабкаемся через садовую стену.

Оружие, должно быть, почти активировано — даже сквозь весь этот шум, я слышу щелканье механизма.

Эйтиннэ снова кричит, но на этот раз она притягивает меня ближе к своим губам.

— Нам нужно найти укрытие, чтобы спастись от взрыва. Сейчас же!

Вкус её силы грубеет во рту. Теперь он больше ничем не напоминает мёд и цветочные лепестки, теперь это не что иное, как едкий жгучий дым. Резкий и насыщенный. Она задумала что-то свое.

В верхней части улицы я замечаю уцелевшую кирпичную стену. Туда!

Я тяну Эйтиннэ за собой, указывая на стену. Земля под ногами содрогается, и я едва сохраняю равновесие. Мы бросаемся к стене и, укрывшись за ней, я приседаю на землю, прижимая колени к груди, и закрываю голову руками.

Эйтиннэ приседает вплотную ко мне и обхватывает меня руками. Я уставилась в ее глаза, в них словно бушует серебряный вихрь, который с каждой секундой становится ярче, быстрее.

Она что-то говорит, но в этот раз мне даже не нужно слышать: “Держись крепче”.

Сила Эйтиннэ обжигает мой язык и, словно дикий огонь, выжигает путь ниже, опускаясь по горлу. Я никогда не чувствовала ничего подобного. Она усиливается вместе с оглушительным взрывом, от которого вокруг нас разлетаются пыль, грязь и обломки. Стена вздрагивает и деформируется. Оглушительный звон стоит в ушах, приглушая мой слух.

А затем тишина. Плотная и неподвижная. Сила Эйтиннэ угасает, оставляя неприятную сухость во рту. Я поднимаю голову. Я вся покрыта слоем пыли и грязи.

Поднявшись, я обхожу стену и задыхаюсь. Здесь ничего нет. Совсем ничего. Каждое здание на площади полностью разрушено оружием механической твари. Всё, что осталось от этого места — лишь груды кирпича и кратер из почерневшей грязи, где когда-то был мой дом.

Сражённое существо лежит среди кучи обломков и грязи, поверженное ударной волной. — Что ты сделала? — Я с трудом осмеливаюсь спросить.

Эйтиннэ вскакивает на ноги и отряхивает одежду.

— Я перенаправила взрыв от нас, так что он смог на себе ощутить всю свою силу, — она оценивает разрушения, — легко!

— Ах, ну да! — Бормочу я, пытаюсь подавить эмоции, которые захлёстывают меня с невероятной силой от того, что мой дом разрушен. — Родственник Просто — Легко. Страшно представить уровень хаоса, если сюда заглянут их родственники Несложно и Слегка Трудновато.

Конечности твари начинают дёргаться, металлические кости собираются на места. Я тянусь за пистолетом на спине, но Эйтиннэ уже опередила меня.

— Прошу прощения...

Она уверенно шагает к существу. За доли секунды она молниеносно пронзает горло твари своим мечом. Механическое создание тут же замирает. Затем Эйтиннэ возвращается ко мне, бормоча: — Вот же чертов ублюдок Лоннрах. Не могу поверить, что он послал за нами mortair...

Поблизости раздаётся ещё один взрыв. Мы поворачиваемся и видим ещё одного mortair, движущегося с невероятной скоростью. Он огибает замковые скалы, длинные руки болтаются по сторонам. С каждым шагом руины старых зданий измельчаются, рассыпаются в прах. Его массивное тело прорывается через кирпичные стены, будто сквозь бумагу. Он за секунды доберется до нас.

— Беги! — Эйтиннэ мгновенно реагирует и, схватив меня, тянет за собой, — не останавливайся!

— Что это за чертовщина? — Я едва себя слышу из-за громкого грохота позади.

— Mortair, — выдыхает она. — У него лишь одна цель: найти и уничтожить.

Мы недостаточно быстры. А точнее я. Эйтиннэ замедляется, чтобы я могла догнать её. Моя скорость даже близко не стоит с её или mortair. Он догоняет нас, земля содрогается, когда он бежит. Гул его оружия учащается, и я оглядываюсь в тот момент, когда он

поднимает руку, металл меняется ослепительным светом в его ладони, он прицеливается.

Направленный взрыв ударяет по Эйтиннэ. БУМ. Яркий свет окружает нас, земля под нами трещит и разрывается от воздействия. Ударная волна отбрасывает меня, и я ударяюсь о булыжную мостовую. С трудом переворачиваюсь, плечом болезненно ударила о кирпичную стену. Меч Эйтиннэ отлетел через улицу, вне зоны моей досягаемости.

Я огляделась, когда свет начал рассеиваться. Эйтиннэ лежит на земле в собственной луже крови. Ее взгляд помрачнел от боли.

Я больше это не вытерплю. Вскрываю на ноги и достаю мушкетон из кобуры за спиной, прежде чем успеваю подумать. Это простейшая вещь в мире. Охота и убийство — игра, в которую я играю со дня смерти моей матери.

— Охотница, не надо!

Эйтиннэ тянется ко мне, но я уворачиваюсь от ее захвата. Создание всё ещё мчится прямо на нас с невероятной скоростью. Сейчас оно достигло Площади Шарлотты, и направляется по улице прямо на меня.

С раненой ЭйтиннэMortair не станет использовать свое оружие снова, нет, если я нужна Лоннраху живой. Это и делает его уязвимым — я могу навредить ему, а он мне не может.

Это я, пожалуй, оставлю Лоннраху. Послание: “Я не твоя. Больше не в твоей власти. В следующий раз, когда мы встретимся, ты осознаешь, что я та, кто прикончит тебя”.

Я позволяю созданию приблизиться ко мне. Земля содрогается, когда я прикладываю мушкетон к плечу и прицеливаюсь по ногам. Глубоко вдохнув, я успокаиваю себя. Поскольку существо приближается, должна подстроиться под свою цель: вверх, и вверх, и вверх..

Тут. Прежде чем оно дотянется до меня, я спускаю курок.

Мушкетон отдается в моем плече довольно сильным ударом. Воздух между мной и mortair наполняется дымом. Я наблюдаю, как пули с сейгфлюром разрываются, царапая металл, и разлетаются широко, попадая в его броню.

Дым рассеивается, а существо все еще стоит. Без какой-либо отметины в обсидиановой пластине, что покрывает его грудь. Боже, мушкетон даже не оставил вмятины от сейгфлюра. Она должна быть. Это должно было сработать. Существо поднимает руку с оружием на меня.

— О, чёрт! — Шепчу я, отступая. Рука хватается за рукоятку меча и вытаскивает его, я готова к бою. — Чёрт.

— Я дала тебе простое указание, — говорит Эйтиннэ позади меня. — Не надо. Чтс значит “не надо делать этого”. Это плохая идея. Ничто не может повредить его броню, кроме моего собственного меча.

— Что?

Механизм становится все ярче и ярче, ослепляющее солнце в центре его руки.

Ничто не может повредить его броню, кроме моего собственного меча. Тогда мой единственный вариант — обезвредить его оружие. Прежде чем оно начало действовать, я убираю свое собственное оружие и подхватываю меч Эйтиннэ с земли.

Как только я встаю на ноги, тут же направляюсь к mortair. Я намереваюсь отсечь его боевую руку, но существо уворачивается в последний момент. Меч скользит по его другой руке, отделяя запястье одиночным, точным ударом. Металлический кусок руки взлетает в воздух и ударяется о землю с сильнейшим грохотом.

В воздухе повисает пронзительный механический крик. Пасть открыта так широко, что моему взору предстают острые клыки и сам механизм внутри.

Его нога запускает в меня крупный кусок стены, и я едва успеваю увернуться.

— Охотница!

Я отвлеклась на мгновение, и это все, что mortair было нужно. Он замахнулся на меня, но Эйтиннэ встала между нами. Mortair сшиб ее с ног, и она полетела в остатки каменного строения через площадь, кирпичи обрушились на нее сверху.

Существо снова мчится на меня, свет в ладони становится ярче. Его разрушительное оружие вот-вот активируется, а я в ловушке, тут некуда бежать. Собравшись с силами, я направляюсь к mortair, рассекая воздух мечом в попытке отсечь его боевую руку.

Металл прогибается и ломается под моим мечом, но я ударила недостаточно сильно, чтобы отсечь его конечность. Рыча, mortair сбивает меня. Я кручусь по земле, используя момент, чтобы сгруппироваться и подняться на ноги. Не дав времени на раздумья, я вновь атакую и в этот раз отсекаю металлический палец. Звон металла эхом разносится по площади.

До того, как существо сможет восстановиться, я взбираюсь на него, цепляясь за металлическую броню. Mortair пытается сбить меня или стряхнуть с себя, но он слишком поврежден, чтобы схватить меня. Рычащий звук доносится из его механического горла, звук, от которого дрожит все его тело.

Лезвие едва не выскальзывает с моих рук, но я вовремя ловлю его, используя дрожь его тела в своих интересах, чтобы подняться выше.

— Ты должна перерезать его горло! — Крикнула Эйтиннэ.

Существо нацелилось на здание, задевая огромным телом обломки, чтобы сбросить меня. В последний момент я успеваю укрыться, ухватившись за бронированную пластину внизу его руки, когда он врезался в стену. Его броня принимает удар на себя, разрушая часть стены здания.

Пока он занят, я хватаюсь за чешуйчатую броню, и карабкаюсь вверх, пластина за пластиной. Мои мышцы болят от усилий, а конечности дрожат, пытаюсь удержаться. Пластины теплые под моими ладонями, на ощупь больше похожи на грубый камень, чем на гладкий металл.

Существо выворачивается во все стороны, чтобы сбросить меня, но мне удастся зацепиться с левой стороны его нагрудника. Жужжание механизма внутри его тела оглушительно, я ощущаю механический гул под моими ладонями. Синий свет между прочными плитами его брони кажется очень ярким и ослепительным, когда я поднимаюсь мимо стыков его брони.

Наконец, я достигаю плеча mortair. Свисаю с одной стороны и целюсь в его шею. Мой клинок разрезает то, что, похоже, было кожей существа, проходя между бронированными металлическими пластинами.

Я не останавливаюсь. Я рублю и рублю до тех пор, пока металлические внутренности не поддаются мне, и даже тогда я не унимаюсь.

Существо качается подо мной. Я останавливаюсь только тогда, когда он падает, чтобы сохранить равновесие в момент, когда он врезается в грязь и траву на площади. Я продолжаю нападать, разрезая все больше металла. Я рублю до тех пор, пока дыхание не сбивается, пока меня не покрывает густая черная кровь. До тех пор, пока слезы не начинают скатываться по щекам, а мышцы болеть.

Пока голова mortair не легла в кучу металлолома, отрезанная и уничтоженная.

Потом я достаю фейскую ткань из кармана пальто и отрезаю длинный кусок. Я

протягиваю полоску под одной из пластин брони mortair так, чтобы ткань закрывала лицо, словно он в саване.

Это будет первое, что увидит Лоннрах, когда он придет посмотреть.

Это мое послание. Я представляю его, когда он увидит побежденного, изуродованного mortair. Я не принадлежу тебе, и этого никогда не будет. Я провела дни-недели-месяцы-годы, представляя это, и теперь я буду ждать. Я буду ждать тебя. Я буду наслаждаться моментом, когда мы встретимся снова.

Потому что я безумно хочу убить тебя.

Эйтиннэ молча становится рядом. Черная кровь капает с кончиков моих пальцев, она забрызгала, словно чернилами, мою одежду. Она пахнет железом и выжженным металлом, как будто меч иссушил ее.

Голова mortair находится у моих ног. Части заводного механизма все еще блестят, металл фейри более гладкий и мягкий, чем я когда-либо видела. Остальная часть его тела просто куча обсидиановой брони. Я уже восхищалась их мастерством однажды. Я хотела иметь такой талант, чтобы создавать что-то подобное.

Теперь мне все равно, какое мастерство породило mortair. Меня не волнует убийство, даже самую малость. Мне нет до этого дела.

Все, что я могу — это оценить внутренние части в mortair, его детали, шестерни и заклепки. Это знакомо. Это тот же красивый металл, из которого Эйтиннэ создала печать.

— Это ведь ты их создала? — я говорю решительно, — mortair.

Эйтиннэ так до сих пор стоит, как будто и не дышит вовсе.

— Айе, — голос ее обычный, как будто бы мы только что просто прогуливались в парке.

— Лоннрах просто послал одно из твоих изобретений напасть на нас, — говорю я, — и тебя это ничуть не беспокоит?

— Он знает, что mortair не имеет себе равных в поиске, — она смотрит на него с любовью. — Я не строила их очень умными, но они весьма полезны. Однажды я убила ими более дюжины солдат в считанные секунды. Они очень верные спутники.

Я шокировано уставилась на нее.

— Напомни мне никогда не злить тебя.

Эйтиннэ нервно улыбается.

— Я была очень грозным... — она резко останавливается, как будто передумала говорить то, что собиралась, а затем, — ...изобретателем.

Что, черт возьми, она вообще собиралась сказать?

Словно почувствовав мой невысказанный вопрос, Эйтиннэ начала спускаться вниз по дороге. От полученных травм двигалась она медленно.

— Мы должны продолжать идти. Лоннрах скоро догонит, а мы должны встретить Кадамаха за городом.

Кадамах. Я думаю о поцелуе Киарана, то, как он отчаянно прикасался своим губами к моим. Жар приливает к щекам просто от воспоминания об этом. Я следую за ней, мои сапоги бесшумно ступают по булыжникам.

— Я думала, что нужна Лоннраху живой. Зачем ему посылать убийцу?

— Он был здесь, чтобы обезвредить меня и найти тебя, — поправила Эйтиннэ. — Ты вмешалась в его второе задание, когда стала защищать меня.

Она смотрит назад, на остатки своего изобретения, пепельно-черная кровь разбрызгалась по щебню.

— Послать мое собственное оружие — это сообщение. Заявление для меня.

— Как сентиментально, — говорю я, когда мы проходим вниз по разбитой дороге к западной части города. — Мне особенно понравилась та часть, где он шлепнул тебя по заднице, послав через всю площадь прямо в здания.

— Задница? — лицо Эйтиннэ расплывается в улыбке. — Ваш язык очень точный,

особенно если дело касается ругательств. Мне особенно нравится ...

— Боже! — я уставилась на нее. — Чему, спрашивается, обучал тебя Киаран?

— Этому, — говорит она с гордостью, — я научилась в подземелье. Часть его располагалась под гостиницей, где люди фальшиво играли и пели вульгарные песни с этим словом. Можешь уже убрать меч.

Я даже не заметила, что все еще держу его. С лезвия капает черная кровь на улицу, по которой мы спускаемся к Дин Вилидж и водам Лейта. Разрушения менее заметны в этой части города: они уже успели зарости деревьями и виноградом после Дикой Охоты.

Я протягиваю оружие Эйтиннэ рукояткой вперед, но она лишь качает головой.

— Он твой, — говорит она. — Я должна была отдать тебе его раньше.

— Почему? — Это слишком мощное оружие, чтобы отдать его так просто.

Прежде, чем я успеваю моргнуть, она хватает мое запястье мертвой хваткой, останавливая меня. Исчезли ее улыбка, и наш с ней спокойный разговор, который помог мне забыть всего лишь на одно мгновение, что мы окружены развалинами моего города.

Ее взгляд сейчас очень напряженный, в точности, как у Киарана в ночь перед битвой. Несмотря на свое человекообразное тело, она все еще фейри, и характер фейри может проявиться совсем внезапно, словно гром среди ясного неба. Когда я была с Киараном, иногда забывала об этом. Теперь я сделала то же самое с его сестрой.

Мне никогда не следует этого забывать. Для моей же защиты. Я не могу позволить себе совершить эту ошибку.

Я пытаюсь вырваться, игнорируя, как сердце начало бешено биться. Она держит мое запястье. Мое запястье. Я не могу остановить внезапно нахлынувшее воспоминание о том, как Лоннрах открывает рот, обнажая свои острые зубы, крепко держит свои пальцы на моем пульсе.

Это действительно будет больно.

Словно почувствовав мое воспоминание, Эйтиннэ ослабляет свою хватку. Она раскрывает мои пальцы до тех пор, пока не становится видна ладонь. Моя кровь размазывается по коже, смешиваясь с чернильной кровью *mortair*.

— *Fuil Nan aiteamchathach*, — говорит она мне твердо, ее взгляд не отрывается от моих глаз. Как будто желая, чтобы я поняла, — это кровь твоих предков. Я сделала клинки для всех соколиных охотниц, и теперь он единственный, что остался — как и ты, — она вкладывает рукоять мне в руку и сжимает пальцы вокруг нее. — Считай, что это извинение.

— За что?

— За все, — мягко говорит она.

С этими словами она отпускает меня и уходит, немного прихрамывая. Я следую за ней, мои раны теперь начинают болеть.

У меня есть вопросы к ней, их так много, что я даже не знаю, с чего начать или что действительно спросить. Позже, решаю я. Когда мы будем в безопасности, и у меня будет время, чтобы подумать.

Если такое время когда-либо наступит.

Я молчу, когда мы идем через Дин Вилидж, где трава между булыжниками достигает колен и толстые виноградные лозы покрывают разрушенные здания вокруг нас. Природа уже успела завладеть некогда живописными деревьями, как будто люди покинули это место несколько веков назад. Здесь нет никого, кто мог бы убрать плющ и листву, растения и деревья свободно цветут.

Несколько зданий сравнялись с землей, мрамор и камень потрескался и разрушился под натиском лозы и корней. После всех тех проблем, через которые прошел Эдинбург, чтобы город стал чистым и безупречным, он превратился в руины

Я выдохлась к тому времени, когда мы с Эйтиннэ достигли вод Лейта. Это место было окружено причудливыми каменными коттеджами, которые возвышались вдоль берега и располагались в долине реки, протекающей мимо. Теперь зданий нет, только толстые деревья и случайные следы старых стен напоминают об этом.

Здесь я встретила Киарана. Я так наивно пошла на свою первую охоту и нашла предполагаемую жертву — водяного коня. Я напала на него с железным лезвием, обнаружив, что этот металл абсолютно бесполезен против фей. Существо чуть не утопило меня. Без вмешательства Киарана я бы точно погибла, а вместе со мной вся родословная соколиных охотниц закончилась бы на мне.

Прямо тут. Я удивлена, еще одно воспоминание утрачено из-за вмешательства Лоннраха. Вода накатывает на мои сапоги, но я не обращаю на это внимания. Вот где это случилось.

Я не была здесь с той ночи, но готова поклясться, что скалы изменились, теперь они торчат из воды возле одной из впадин. Водяной конь напал на меня там. Я до сих пор помню вкус речной воды глубоко в горле, вкус грязи на языке, когда я пыталась отбиться.

— Охотница?

Я игнорирую Эйтиннэ и медленно иду вдоль берега, к тому месту, где водяной конь пытался утопить меня. Я игнорирую боль в мышцах, когда сажусь рядом с камнем и провожу кончиками пальцев по шершавой поверхности. С той ночи прошло четыре года, а борозды все еще острые. Я очень хорошо помню, как водяной конь потащил меня в воду, так, что кожа на спине порезалась об острый край.

Клянусь, я могу увидеть собственную кровь на камне, теперь рыжеватую и ставшую частью камня. Мою рану от той ночи навсегда зашили механические сшивальщики. На спине до сих пор красуется шрам, который тянется от самой шеи и до поясницы. Мой знак выживания. Первый. После этого не было пути назад к моей прошлой жизни. Сейчас это мой знак, клеймо на моей душе. Соколиная Охотница.

— Я пыталась убить здесь своего первого фейри сразу после того, как Сорча убила мою мать, — говорю я Эйтиннэ. — Я тогда чуть не погибла.

Эйтиннэ присаживается рядом со мной в воду, не обращая внимания на холод. Она даже не замечает того, что вода покрывает ее сапоги и мочит брюки. Ее взгляд такой же, как и у Киарана: пронзительный и чувственный.

Так близко, что я замечаю маленький шрам у нее на лбу, чуть ниже линии роста волос. Длинный и тонкий, отметка почти исчезла, поэтому едва заметна. Интересно, что могло нанести его.

— Там, откуда я родом, — говорит Эйтиннэ, ложа руку прямо на кровавый след, — первая охота считается испытанием. Мы называем это *lvnacuaidh-chuis*, день трудностей. Прежде чем мы обретаем наши силы, каждый *daoinesith* должен пойти в лес и убить оленя без оружия, без нашей силы и скорости, взаимодействуя с разумом животного.

Я начинаю понимать, сколь многих вещей Киаран не рассказывал мне о фейри.

— Я не знала этого.

Эйтиннэ улыбается, быстро, мимолетно.

— Ни один человек не знал, — говорит она, — во время моей охоты я видела оленьими глазами. Быстро меняющийся мир, ограниченный в цвете, но заполненный жизнью. Мы

бегали вместе. Вместе пили из одного ручья. В тот день я была диким существом, я была свободной. Но настал момент, и я должна была забрать жизнь.

Она закрывает глаза, вспоминая.

— Мои руки сцепились вокруг его шеи, и я чувствовала все, что и он — давление моих пальцев, его борьбу за вдох. Я никогда не забуду, как он вонзил свои зубы мне в плечо, как-то умудрившись разорвать мою кожу. Никогда не видела свою кровь прежде.

Эйтиннэ останавливается, и мне интересно, продолжит ли она. Я задерживаю дыхание.

— Что случилось?

— Я поняла истинную цель испытания, своей первой охоты, — она поднимает глаза к моим. — Она учит нас, что значит быть охотником и добычей. Учит делать выбор: убивать или быть убитым, — Эйтиннэ стягивает свою рубашку, оголяя плечо. Там виднеется шрам — след острых зубов на безупречной коже.

— Теперь мы обе усвоили этот урок, не так ли, Охотница?

Она встает, и мы продолжаем идти по реке вниз.

— А есть ли те, кто не прошел испытание?

Эйтиннэ кладет руки в карманы. Теперь, когда ее раны от *mortair* исцелились, она двигается по камням с изяществом и грациозностью.

— Да. Есть и такие, что прошли и стали еще хуже, — она смотрит на меня. — Многие *sithichean* боятся смерти, но все равно считают смертность слабостью. Те, кому предназначена охота на людей и им подобных. Они усвоили неправильный урок.

— Какой же урок тогда правильный? — Спрашиваю я с не прикрытым любопытством.

— В конце концов, мы все олени, — спокойно говорит она.

Мы по-прежнему идем вниз за течением. Мои раны замедляют меня, но Эйтиннэ очень терпелива. Мы обе замолчали на долгое время. Казалось, прошли часы. Зимнее солнце стоит низко над горизонтом, освещая верхушки деревьев с их голыми ветками.

Мы продолжаем молчать. Наше путешествие сопровождает лишь звук, ударяющейся о камни, воды, и мягкий дождь, барабанивший по камням и голым деревьям. Мы с Киараном часто ходили также: в полном молчании, погруженные в собственные мысли.

Присутствие Эйтиннэ так отличается от его, оно менее напряженное. Ее взгляд бродит по пейзажу, будто она пытается запомнить каждый камень, дерево и ветку, будто хочет увидеть еще больше.

Я никогда не видела кого-то настолько очарованным. Ее шаг невесомый, такой, которого никогда не было у Киарана. Время от времени на ее губах играет легкая улыбка, как будто, что-то радует ее. Она легонько касается деревьев кончиками своих пальцев, когда мы проходим мимо них.

После всего того времени, что Эйтиннэ провела в подземелье, окруженная землей, должно быть удивительно для нее снова прогуливаться по земле. Я удивлена, что время, проведенное в тюрьме с множеством фейри, не повлияло на нее так, как на меня. То, что она смогла предложить забрать мои воспоминания, словно бремя нести их — ничего для нее не значило.

Нет ничего такого, через что ты прошла, чего бы уже не прошла я. У Лоннраха было две тысячи лет, чтобы сломать меня, но ему это не удалось.

— Как ты выносишь то, что Лоннрах сделал с тобой? — Шепчу я.

Через секунду я понимаю, что сказала это вслух. Я вздрагиваю.

Эйтиннэ услышала меня. Она сбилась в середине прыжка и потеряла свою опору на

камне, попав в холодную речную воду. В последних лучах заходящего солнца я вижу выражение ее лица, она сжимает руки в кулаки так, что костяшки пальцев начинают белеть.

— Эйтиннэ? — Когда она не отвечает, я пытаюсь извиниться. Да что со мной не так? — Прости. Мне не стоило...

— Нет! — Огрызается она. Ее судорожное дыхание рассекает воздух между нами. Я наблюдаю за тем, как она борется с собственными воспоминаниями, не зная, что делать. Хотелось бы мне знать, что делать.

— Не приближайся ко мне!

Кап. Кап. О боже, кровь с ее кулаков начинает капать на землю под ноги. Кап. Кап.

Я хватаю ее за руки, Кровь начинает течь еще быстрее, просачиваясь сквозь ее плотно сжатые руки.

— Эйтиннэ.

Эйтиннэ смотрит на меня.

— Я в порядке, — выражение ее лица стало холодным, без эмоций, закрытой. — Это не больно, — говорит она механически, словно произносит эти слова каждый день. Это не больно — я вспоминаю ее шепот по пути сюда. Ее мантра.

Еще мгновение я безмолвно смотрю на нее, затем беру руки и разжимаю пальцы. Я не могу не вздрогнуть при их виде. Ее ладонь полна меток в форме полумесяца, такие глубокие, до плоти. Кровь заполняет их, выделяясь на фоне белоснежной кожи.

Когда я снова на них смотрю, раны начинают заживать, оставляя лишь следы крови.

— Они всегда заживают, — говорит она мертвым голосом. — Видишь? Они всегда заживают.

Я ничего не говорю. Просто не могу. Я знаю это по своему опыту: мы готовы сказать что угодно, чтобы успокоить самих себя или других так, чтоб они никогда не догадались, насколько мы сломлены на самом деле.

Все мои шрамы снаружи — все, что я прошла открыто для мира. Шрамы Эйтиннэ так хорошо скрыты, что она одурачила меня.

Правда в том, что воспоминания весят очень много. Каждое из них давит на тебя с огромной силой, пока ты просто не падешь под их весом. Теперь я знаю: некоторые шрамы проходят так глубоко, что не исчезнут никогда.

С наступлением сумерек мы продвинулись далеко за пределы города. Мы проходим через заросшие травой поля, некогда бывшие сельскохозяйственными угодьями. Зимой земля за пределами Эдинбурга всегда становилась голой, готовилась к новому сезону.

Я помню, как вороны собирались здесь, хлопая черными крыльями, громко каркали. Теперь рапс и сорняки выросли настолько высокими, что достигали моих бедер. Ни одно животное не шуршит в поле, нас окутала тишина, только звуки тихого дождя, стучащего по земле.

Я осторожно следую за Эйтиннэ. Лишь свет луны, проглядывающей сквозь гущу темных облаков, освещает поле. Ее ореол светит сквозь облака, окрашенный цветом ржавчины. Я стараюсь не думать о том, когда видела ее в последний раз, как она напоминает мне о последней битве, о том, как я прощалась с теми, кого любила.

Я никогда не думала, что буду нести ответственность за... это. За все это. Перед боем я старалась не думать слишком много о том, что будет с человеческим миром, если я проиграю. Я всегда предполагала, что не выживу, чтобы увидеть мир, захваченный фейри. Думала, что умру прежде, чем позволю этому случиться.

Ты пожертвовал моим миром, чтобы спасти свой.

Мою грудь сдавило. “Перестань об этом думать”, - говорю я себе. Иди вперед. Одной ногой. Теперь другой. Вот как я заталкиваю обратно все в себя, каждую каплю сожаления. Один шаг, потом другой, снова и снова.

Эйтиннэ на мгновение останавливается, проводя пальцами по верхушке сорняков. Она была такой молчаливой после реки. Она смыла кровь с рук, и с тех пор мы не разговаривали. Сейчас ее голова наклонена, как будто она прислушивается к чему-то. Тут настолько темно, что я не могу разглядеть выражения ее лица. Она глубоко вдыхает раз, второй.

Ее голос потрясает меня.

— Просто иди вперед.

Прежде, чем я успеваю спросить ее что-нибудь, она снова начинает идти, шаги быстрые. Я следую за ней, пробираясь через высокую траву. Впереди нет ничего, но туман настолько густой, что влага ощущается на моей коже, моем лице, стекая вниз на мои ресницы. Я едва могу видеть на расстоянии большем, чем несколько шагов впереди нас.

Что-то вырисовывается в тумане, три фигуры в темноте — животные. Лошади? После того, как я замечаю свет, исходящий от них, я резко останавливаюсь.

Лошади фейри такие же прекрасные, как и в ту ночь, когда их армия пришла в Эдинбург. Они светятся изнутри, металл, который соединяет их, мягкий и нежный, слегка прозрачный. Под ним струится золотая кровь, течет по толстым венам вокруг механических частей, что бьются тихо внутри. Устроенное так же, как сердце настоящей лошади, оно бьется в устойчивом ритме. Лошади дышат синхронно, густые пары вырываются из ноздрей и стелются по темной траве.

В ночь битвы мой первый порыв был погладить этих лошадей, пробежаться кончиками пальцев по плавным очертаниям и зарыться руками в их металлическую гриву, такую мягкую, словно мех. Я хотела создать что-то, настолько же изысканное.

Теперь я просто представляю Лоннраха, сидящего верхом на лошади в ущелье, его глаза не отрываются от моих.

Вернись ко мне.

Я хочу застрелить их пулями с сейгфлюром, чтобы Лоннрах нашел их мертвыми. Я оставляю на них собственные следы, каждый из которых сообщение для Лоннраха. Первое: “Я убью вас всех”. Второе: “Найди меня”. И последнее: “Я бросаю тебе вызов”.

Я подаюсь вперед, выхватывая из кобуры мушкетон. Я буду быстра. Я буду милосердной. Не как они.

— Охотница, — Эйтиннэ говорит это так резко, что я просто замираю на месте.

— Да? — я пытаюсь сдержать свой гнев, вновь спрятать его глубоко. Я не могу ясно мыслить.

— Убери руки от оружия, — мягко сказала она.

Я собираюсь так сделать — она заслуживает, если не мое доверие, то, по крайней мере, это, — как вдруг я вижу другую фигуру в тумане. Вкус силы фейри внезапно осел у меня на языке, я начала действовать, не задумываясь. Мушкетон в моих руках, приклад прижат к плечу.

— Стой, — говорит Эйтиннэ.

Я уже нажала спусковой крючок. Мушкетон отдает мне в плечо, и выстрел эхом проносится по полю. Дым окутал нас.

— Черт побери, — кричит знакомый голос.

Я опускаю мушкет.

— Киаран?

Он проходит сквозь дым и туман, пока я наконец-то смогла ясно его видеть — у меня перехватывает дыхание. Его взгляд настолько чувственный, что я не могу не думать о нашем поцелуе. Не задумываясь, большим пальцем я прикасаюсь к меткам с теми воспоминаниями с внутренней стороны запястья. Эти краткие, яркие вспышки: его губы, руки, его поцелуй и многое другое.

Мои щеки пылают, когда он подходит ко мне все ближе, его глаза сужены. В зажатых пальцах он держит кусок металла из мушкета, к которому примешан сейгфлюр, от выстрела которого другой фейри был бы мертв.

— Серьезно? — Говорит он.

— Ты тащился по этому полю, где ни черта не видно, в то время, когда вражеские фейри преследуют нас, — говорю я в свою защиту, надеясь, что он не заметит, как я покраснела. — Да что с тобой такое?

Эйтиннэ хихикает и Киаран бросает грозный взгляд на нее.

— Это не смешно.

Его сестра пытается сдержать смех, но у нее это плохо получается.

— Прости, — говорит она. — Но ты просто... Я никогда не видела, чтобы ты выглядел так неопрятно.

Киаран изучает ее суженным взглядом.

— А вы обе выглядите так, будто дрались три раунда с бродячей группой диких кошек. Я бы сказал, мы квиты.

— Квиты? О, прошу, — Эйтиннэ щелкает пальцами, — к этому моменту мы с Охотницей пробрались через лес с острыми ветками, отбились от Мары, сбежали от солдат Лоннраха и обезвредили два *mortair*. В тебя случайно выстрелили из оружия, состоящего из деревянной палки с бочкой на конце..

— Мушкета, — любезно поправляю я. Киаран бросает на меня колкий взгляд, как бы

говоря: “Ты на чьей стороне?”

— Поэтому я бы сказала, что в этом раунде победа за мной, — закончила она с некоторой высокомерной ухмылкой, которая ясно дает понять, что это должно быть вечное противостояние.

Родственное соперничество, похоже, бывает не только у людей.

Если бы взгляд Киарана и мог о чем-то сказать, то это были бы пятьдесят способов убить свою сестру.

— Просто помни, — шепчу я ему, — во многих обществах убийство не одобрено.

— Только не в моем, — сразу же отвечает Киаран, — ей повезло, что я люблю ее.

Он выхватил из моих рук мушкет и осмотрел его. Затем открыл держатель и высыпал все содержимое на траву.

— Проклятье! — Я пытаюсь выхватить оружие из его рук, но он умело уклоняется. — У тебя отлично получается растрачивать патроны.

— Не хотелось бы, чтобы следующим в кого ты выстрелишь, оказался бы один из твоих человеческих друзей, — он протягивает мне мушкет обратно. — В следующий раз, когда захочешь убить кого-то, дожись, пока сможешь четко видеть его.

— Это меньшее из того, что ты заслуживаешь... — Затем его слова врезаются в мой мозг. — Прошу прощения, ты сказал человеческие друзья?

Эйтиннэ уже говорила мне, что есть и выжившие, но она же не имела ввиду... Нет, даже не надейся. Не надейся.

— Этот невыносимо самодовольный Видящий, его терпимая сестра и еще группа людей с ними, — говорит он. — Ни один из них, в чем я точно уверен, не выжил бы после выстрела из той чертовой штуки, которой ты владеешь.

Я прижимаю ладонь ко рту

— Они живы?

— Да, — сухо говорит он, — я тоже был удивлен. Пикси разместил их на острове Скай, где располагалось его старое королевство. Туда мы и направляемся.

Я так близко к тому, чтобы расплакаться. Не думаю, что смогу остановить себя. Они живы. Они живы, а все остальное не важно. Слезы уже начинают жечь глаза, и зрение затуманивается.

Киаран смотрит на меня с выражением, которого я ранее никогда не видела у него. Через мгновение я понимаю, что это рассветает ужас.

— Кэм, Кэм, не делай этого. Не плачь. Не...

Затем я плачу. Он обвивает меня руками, вероятнее всего это самое неловкое, жесткое объятие, которое когда-либо у меня было... Но я обожаю каждую секунду его.

Эйтиннэ заговорила позади нас.

— Я признаю, что некоторые функции человеческих слез мне неясны, — сказала она. — Что такого печального в этом? Должна ли я пригрозить кому-то?

Вместо ответа единственное, что я могу сделать, это рассмеяться и всхлипнуть, потому что они живы. И я не чувствовала ничего подобного так долго.

— Ради бога, Эйтиннэ, — сказал Киаран, его голос грохочет в груди, — убери меч. Тебе не придется убивать никого из чертовых друзей Кэм, — спустя мгновение он добавляет: — Хотя если подумать, Видящий все равно бесполезен...

— О, шшш... — я смотрю на него снизу вверх, стирая слезы со щек, — не разрушай этот момент. Будет лучше, если вы помолчите, — затем я снова прижимаюсь лицом к его

груди, — и если ты прекратишь отвечать на мое объятие так, будто я мучаю тебя.

Киаран делает попытки расслабиться, но ему не помешало бы взять пару уроков по объятиям. Все заканчивается тем, что одной рукой он зарывается в мои волосы, а другой начинает похлопывать по моей спине, но эта попытка засчитывается.

— О, не смотри на меня так, — говорит он своей сестре, — Эйтиннэ. Прекрати это.

Когда я открываю глаза, вижу, что Эйтиннэ уставилась на нас, наклонив голову, на лице заиграла глупая улыбка.

— Не обращайтесь на меня внимания, — говорит она, приподнимая руки, — просто не каждый день увидишь, как твой вечно угрюмый брат кого-то утешает, я думаю, что это великолепно. Пожалуйста, продолжайте.

Теперь я понимаю, почему Кадамах приказал перевернуть небо и землю, чтобы найти тебя.

О Господи! Мои щеки снова горят. Если земля разверзнется и проглотит меня, думаю, я не буду против.

Киаран шипит ей сквозь зубы.

— В любое время, Эйтиннэ. Ты можешь заткнуться в любое чертово время.

Это напоминает мне о том, что Эйтиннэ до сих пор связана клятвой фейри, записанной на ее языке. Я отстраняюсь, и Киаран убирает пальцы из моих волос. Он не доволен? Не могу сказать наверняка.

— Освободи Эйтиннэ от ее клятвы, — говорю я. — Сейчас. Это достаточно причинило ей боли.

Проблеск сожаления мелькнул в его взгляде, я поражена этим. Будь я проклята. Он никогда не сожалел о чем-либо. Он смотрит на сестру.

— Я освобождаю тебя от клятвы.

Ее улыбка исчезла. Эйтиннэ согнулась пополам, язык высунулся изо рта. Задышавшись от боли, она стала судорожно дышать. Хрупкие плечи поддаются вперед.

Я никогда не видела, как отменяют клятву. Если это так больно, то не могу себе даже представить, что будет, если фейри нарушит ее.

Киаран пристально смотрит на Эйтиннэ, словно убеждаясь, что с ней в порядке. Когда ее тело, кажется, расслабилось, он снова поворачивается ко мне. Маска, всегда тщательно державшая под контролем все его эмоции, пошатнулась. Он готовился сказать мне что-то, вот только в этот раз новости не хорошие.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я почти говорю ему подождать. Хочу удержать эту счастливую оболочку радости. Я хочу, чтобы он обнял меня еще на несколько минут, прежде чем эти плохие новости вернут все к началу. Но откладывать это не значит, что они исчезнут, и легче не станет, когда время наконец-то придет.

— Ты думала, что все твои друзья мертвы. Ты способствовала разрушению своего дома. Что бы это ни было, ты сможешь принять это.

Я подготовилась к этой новости.

— В чем дело?

— Есть еще кое-что, что ты должна знать.

“Подожди”, - я почти говорю ему это, — “Подожди. Не говори. Не делай этого”. Но он продолжает.

— Мы не смогли найти твоего отца, Кэм.

Я не ожидала, что мне будет так больно. Я быстро отворачиваюсь от Киарана, чтобы он не видел, как мои глаза снова становятся влажными. Потому что в этот раз, я просто не вынесу его объятий.

— Оу, — тихо говорю я, не в силах сказать что-то еще.

Мы с отцом никогда не были близки. Мы никогда не были нежны, даже после смерти мамы. Он провел так много времени, путешествуя по стране, что даже когда возвращался, мы задерживались в нашем доме в Эдинбурге, словно призраки, преследующие наши знакомые комнаты. Его разговоры со мной всегда были резкими, на грани раздражения, и я всегда думала, что он относился ко мне так, потому что я не была сыном, которого он так отчаянно хотел.

После того, как мама умерла, равнодушное отношение отца ко мне стало только хуже. Он остался с дочерью, не имея ни малейшего шанса на сына, пока снова не женится. Согласно шотландским законам, я была его единственной наследницей.

Я не могу забыть ночь, когда прощалась с ним. Когда он сказал, что я очень на нее похожа. На нее, на маму. До ее смерти я была лишь напоминанием о том, что все эти годы они пытались иметь сына. После — я была постоянным напоминанием о том, что он потерял ее, и она больше не вернется. Что я была плохой заменой. Я никогда не была такой же доброй или такой же терпеливой, или такой же бескорыстной. Я всегда была дочерью, которую он не хотел.

И все же, я надеялась, всегда надеялась, что отец полюбит меня. Даже когда уходила на битву. Теперь я настоящая сирота, обоих родителей убили фейри.

— Он все еще может быть жив, — мягко предположила Эйтиннэ.

Боковым зрением я вижу, как Киаран отрицательно качает головой. Он, как и я, знает, что это не может быть правдой. Более вероятно, что отец мертв. Скорее всего, он был убит еще той ночью, когда я отправила его прочь из города. Когда фейри появились, он даже не видел, как они приближаются.

Я блокирую картины, всплывающие в голове о смерти отца, как они его убили.

— Нам нужно идти, — говорю я, без каких-либо эмоций в голосе. — Думаю, мы и так задержались здесь слишком надолго.

Мы едем по загородной местности на лошадях, которых привел Киаран. Единственный раз, когда я ездила на них верхом, было время битвы, и то очень недолго. Но я не помню, чтобы они скакали так быстро. Существо, которого Киаран назвал Ossaig, рассекает пейзажи, как лезвие кожу.

Мы не останавливаемся долгое время. Когда лошади достигали реки, они перепрыгивали через нее с парящей грацией, которой я никогда не видела. Их копыта слегка задевали воду, оставляя на ней небольшие круги.

Мы будто летим. Копыта ударяются о землю, словно колибри хлопает своими крыльями, словно песня легкого ветра.

Воздух вокруг нас застыл, словно мы двигаемся так быстро, что время просто остановилось. Будто мы застряли в одном мгновении — но это не так. Хотя и ощущается, будто прошло всего несколько минут, сумерки сменяются глубокой темной звездной ночью, которая, в свою очередь, превращается в утро, как только восходит солнце над горами. Вся местность осветилась, дождевые облака окрасились золотом от сверкающего света.

Пейзаж вокруг нас поражает меня. Я давно не видела мир таким ярким, таким живым. Также, как и в Эдинбурге, свобода фейри стала причиной зарослей — в естественной среде флора развивалась бы куда медленнее. Лошади мчатся через леса, которых не было здесь ранее, и минуют холмы, которые появились в моё отсутствие. Загородная местность Шотландии изменилась, переродилась после битвы. Земли к югу от Хайлэндс, некогда лежащие равнины, стали неузнаваемыми из-за кратеров, впадин и рек.

Мы пересекаем поле и движемся вниз по холму, где перед моими глазами простираются руины другого города. Сердце бешено стучит в груди. Глазго.

Я не видела этот город годами, с тех пор, как отец взял меня и маму, чтобы показать одно из своих владений. Сейчас же этот город не что иное, как разрушенные здания и горы камней, заросшие кустарниками. Разрушения еще более серьезные, чем в Эдинбурге.

Мы минуем здания или, верней, то, что от них осталось. Я изо всех сил пытаюсь не смотреть, словно всего этого нет, но я больше не могу сдержаться.

— Стоп.

Я останавливаю лошадь и спрыгиваю на землю. Яркий дневной свет освещает руины. Как и в Эдинбурге, некоторые постройки все ещё стоят, но фейри разрушили абсолютно все красивые современные здания на Квин-Стрит, оставив кратеры от разрушений, новые впадины между улицами. Словно играли в игру, пока уничтожали всё.

Я сжимаю кулаки, и ноги тонут в грязи и высокой траве. Что-то торчит из земли. Пытаюсь подтолкнуть ногой. Когда не получается, я наклоняюсь, чтобы вытащить это из грязи.

Ботинок. Детский ботинок.

Я бросаю его и отступаю назад, чувствуя, что Киаран и Эйтиннэ стоят позади меня.

— Это ведь произошло со всей Шотландией? — Я едва могу произнести это, слова застревают в горле.

Внезапно Киаран оказывается рядом со мной. Он стоит так близко, что его рука прикасается к моей.

— Не только с Шотландией, — говорит он тихо.

Я не могу дышать. Будто ощутив мою реакцию, Киаран обхватывает меня за плечи и притягивает к себе. Я поражена этим. До нашего первого поцелуя он всегда держал дистанцию. Он прикасался ко мне только во время боя.

Его слова эхом звучат в моей голове, каждое из них, будто удар клинка. “Не только с Шотландией, не только...”

Я отталкиваю Киарана. Я не выдержу его прикосновений, не сейчас. Не тогда, когда желание мстить охватывает меня. Жестокая Айлиэн из зеркал вышла бы убивать. Она бы с удовольствием вырвала их сердца.

Но она сдерживается чем-то более опасным: виной. Потому что я должна была их спасти. Это было моей задачей. Но я подвела их, и они заплатили за это.

— Я и подумать не могла, что есть место хуже того, где меня держал Лоннрах. Как же я ошибалась, — сказала я, оцепенев.

За это время я кое-что поняла о тюрьмах: может эта и не заперта, как та зеркальная комната, но она мало чем отличается. Это та же клетка. Сооружённая из костей других людей.

Одна ужасная мысль, направленная на Киарана, проносится у меня в голове прежде, чем я успеваю остановить ее, — “Ты спас меня из одной тюрьмы, не понимая, что помещаешь тут же в другую”.

Он смотрит на меня сверху вниз и, я клянусь, читает мои мысли. Киаран резко отступает.

— Мы остановимся здесь. Я подыщу подходящее для ночлега место, — он тут же разворачивается и уходит так, как будто не мог уйти достаточно быстро от меня.

Теперь я вижу, почему Кадамах хотел, чтобы я перевернула небо и землю, чтобы найти тебя.

Я почти зову его обратно, но слова застывают на моих губах. Я наблюдаю, как он уходит, и чувство вины гложет меня.

Спустя некоторое время Киаран возвращается и отводит нас в здание с частично уцелевшей крышей.

Внутри, на втором этаже, потолок рухнул на старые каменные полы. Ковры на первом этаже покрыты толстым слоем грязи и обломков. Одежда разбросана по всему полу, поеденная молью и грязная.

Я нахожу место, чтобы прилечь. Прижимаюсь щекой к руке и плотно укутываюсь в пальто.

Мне ещё никогда не приходилось находиться в таких жутких условиях. После охоты я всегда возвращалась в тёплую постель в безупречном доме. Там всегда были чистые простыни, огонь и мои изобретения, чтобы предотвратить ночные кошмары. Я просто смывала кровь с одежды, возвращалась к своей уютной жизни леди и делала это так же легко, как меняла платья. Это было успокаивающе, эти ритуалы. Мой дом всегда был безопасным. Моя комната всегда была безопасной. После всего, что происходило, я рассчитывала на это. Я зависела от этого. Я была уверена, что так будет всегда.

Теперь безопасного места просто нет. Есть только безопасные часы, проведенные в убежищах, где когда-то жили покойники.

Я наблюдаю, как Киаран ведет лошадей внутрь, их копыта стучат по камню, они останавливаются напротив меня.

Взгляд Киарана встречается с моим, но я тут же закрываю глаза и отворачиваюсь.

Притворяюсь спящей, а на уме лишь одно: “Не только Шотландия”.

Я нажимаю пальцами на свои шрамы, мой новый ночной ритуал. И я вспоминаю. Я вспоминаю безопасность. Я помню тепло. Я заворачиваюсь в эти воспоминания, будто в старое одеяло и наслаждаюсь их комфортом. Это все, что у меня осталось.

Позже я проснулась от тепла огня и запаха горящего дерева. Я удивлена тем, что смогла заснуть, но я была просто обессилена от всего этого побега и сражений с Эйтиннэ.

Открываю глаза и вижу Киарана, сидящего рядом со мной, подкладывающего дрова в огонь. Он соорудил импровизированную яму из камней, небольшая кучка дров рядом.

— Где Эйтиннэ? — спрашиваю я.

— Пошла в разведку, — Киаран смотрит на меня. — Мы слышали sluagh несколько часов назад.

Sluagh. Я никогда не забуду, как один из них прошел сквозь меня, призрачное присутствие вторглось в мое тело и покрыло мои внутренности льдом. Киаран говорил мне, что, когда королевства Благих и Неблагих существовали, sluagh были прекрасными воздушными шпионами, быстрыми, эффективными и очень разрушительными, если требовалось.

— Почему ты не разбудил меня?

— Потому что, — говорит он, ковыряясь палкой в огне, посылая искры в воздух, — ты никогда не отдыхаешь, даже когда необходимо. Как давно ты спала?

Не помню. Я не спала в зеркальной комнате, пока... находилась там. Я всегда находилась между сном и явью.

Когда я не отвечаю, Киаран говорит.

— Я так и думал.

Я сажусь и пытаюсь разгладить свои волосы, борясь с медными непослушными кудрями, собирая их вместе. Немного преуспев в этом, я подвигаюсь ближе к огню, останавливаясь только тогда, когда поминую, что мои бедра касаются Киарана. Черт.

Инстинктивно мой большой палец касается одной из меток на запястье. Я в точности помню, как ощущаются его губы. Я считала секунды нашего поцелуя. Я запомнила его напор.

“Aoramdhuit”. Он шепчет свою клятву, его слова тихие, словно порхание крыльев бабочки. “Я буду служить тебе”.

Наш второй поцелуй был еще более отчаянным, прямо во время боя. Мои пальцы тянутся к месту чуть выше ключиц, где находится неровный шрам от зубов Лоннраха, он глубже, чем другие. Воспоминания мелькают у меня в голове. Это был поцелуй, который говорил: “Ты вырезал часть меня, заполнив ее собой, и теперь должен оставить меня навсегда”.

“Ты должна отпустить меня”, - говорил он.

А я лишь хотела прижать его ближе.

Киаран снова разжигает огонь, и я быстро возвращаюсь из своих мыслей. Если я отодвинусь? Заметит ли он? Мои щеки пылают, и, слава богу, он не сможет сказать, что это от смущения.

— Я еще не поблагодарила тебя, — наконец-то я говорю, — что не сдавался, пока искал меня, — я хочу взять его за руку, но не делаю этого. Мои пальцы сжались в кулаки. — И за то, что нашел меня.

Несмотря на все мои мысли до этого, я рада оказаться здесь, а не в зеркальной комнате. По крайней мере, у меня есть шанс выжить. По крайней мере, я могу бороться с Лоннрахом.

на своих условиях, не быть связанной виноградной лозой и не быть ослабленной его ядом.

Киаран смотрит на огонь, его кожа сияет в этом свете. Я никогда не видела его более красивым.

— Если бы это был я, ты бы сделала то же самое.

— Да, — спокойно отвечаю я. Тепло огня проходит через мою одежду, мне жарко. Я расстегиваю пальто.

Я не пропускаю того, как Киаран прослеживает взглядом мои шрамы на шее, те, которые пальто не прикрывает. Или то, как он морщится и отворачивается к огню, его челюсть сжимается.

— Ты должна застегнуться, — говорит он достаточно сухо, — не хватало, чтобы ты еще простудилась.

Меня болезненно жалят его слова. Он ненавидит мои шрамы. Это не медали. Я получила их не во время сражения. Я получила их как животное, загнанное в клетку без возможности сопротивляться. Жертва, а не хищник.

Теперь ты по себе знаешь, каково это — чувствовать себя беспомощным.

Что-то во мне ломается. Я вскакиваю на ноги и скидываю свое пальто на пол. Закатываю рукава рубашки, обнажая руки. Расстегиваю верхние пуговицы, чтобы шире распахнуть ворот. Киаран не видел, насколько широко распространялись мои шрамы. Моя рубашка скрывала худшие из них. Я хочу, чтобы он увидел.

— Посмотри на меня, — говорю я ему.

Он не шевелится. Я замечаю, как он сильнее сжимает челюсть.

— Прекрати, Кэм.

— Нет. Посмотри. На. Меня!

Киаран встает на ноги, мое пальто у него в руках. Вижу вспышку в его глазах, тот же взгляд, что я видела в зеркальной комнате. Холодная, дикая ярость, которую я прежде не видела в нем.

Он вкладывает пальто мне в руки.

— Ты добилась своего, — говорит он, — теперь я их видел.

Когда он отступает, жестокая Айлиэн из зеркала возвращается в мое сознание. В одну минуту я стою у костра. В другую — толкаю его к стене, моя рука прижимает его горло. Пальто падает на пол.

— Думаешь, мне не стыдно? Ты тренировал меня, чтобы я могла сопротивляться, и я пыталась, — говорю сквозь стиснутые зубы, — пока однажды не устала сражаться с ним настолько, что уступила ему, — в моем голосе слышен гнев. — Я уступила ему, и теперь должна с этим жить. Ты не можешь судить меня за это.

В тот же момент я отпускаю Киарана и отхожу, он хватается меня за плечи и прижимает к стене, где только что стоял сам.

Он ничего не говорит, даже когда его пальцы следуют по отметкам по внутренней стороне руки, а затем поднимаются вверх к моей шее. Его прикосновения легчайшие, медленные. Словно он пытается запомнить каждый шрам, один за другим.

Когда его глаза встречаются с моими, они настолько насыщенные, будто он смотрит в мою душу, вытягивая наружу каждый секрет и эмоцию, которую я так сильно пыталась похоронить.

— Ты ошибаешься, — наконец-то говорит он.

— Правда? — Я вспоминаю его гримасу, насколько она ранила.

— Ты думаешь, что я не могу смотреть на них, потому что считаю, что это делает тебя слабой, — большой палец нащупывает мой пульс на ключице. — Это не могло бы быть еще дальше от правды.

Он наклоняется и целует шрам на моем плече. Он не знает, что там воспоминание о нашем втором поцелуе. Прямо там.

— Когда я вижу их, я испытываю желание нарушить свое обещание и убить его за то, что он сделал. Я хочу, чтобы это сделал я, не ты.

— Почему ты просто не сказал мне?

Он продолжает свое исследование на другом плече. Где мы встретились, когда впервые образовалась наша связь. Я закрываю глаза, когда он замирает. Я чуть не говорю ему “не останавливайся”. Прошло так много времени. Не останавливайся.

— Потому что я только учусь, — тихо говорит он.

— Учишься чему?

— Как чувствовать, — Киаран скользит пальцами вниз по моей руке, и я дрожу, — как сопереживать, — он смотрит на меня, — как вести себя, когда ты расстроена. Ничего из этого не дается мне легко.

Я больше не могу сдерживаться. Я трогаю его, прослеживая вены на тыльной стороне ладони, желая найти правильные слова в ответ. Я была уверена, что фейри — простые существа, бесчувственные и опасные. Я тоже учусь. Как и он.

— Почему Эйтиннэ так сильно отличается от тебя? — Спрашиваю я. Его сестра может не понимать слез, но она более открыта в своих эмоциях, чем он. Она не хоронит их.

— Мы росли отдельно, в разных Королевствах.

Я кладу свою руку на его запястье. Кожа там гладкая, очень гладкая.

— В каком Королевстве рос ты?

Он притих, словно опасаясь моей реакции.

— Неблагих, — говорит он.

Неблагие. Те фейри, которые убивают всех без разбору. Которые используют людей в качестве игрушек.

Ты не первая зверушка, которую он приручил.

Я вздрагиваю и почти отдергиваю руку, но что-то в его прикосновении останавливает меня. Не Кадамах, говорю я себе, прижимая ладонь к нему. Он больше не Кадамах.

— На территории Благих Эйтиннэ не учили подавлять эмоции, — продолжает он, — ее не учили тому, что эмоции — это слабость.

— Как на счет меня? — Спрашиваю я, не в силах что-либо с собой сделать. — Ты считаешь меня слабой, потому что чувствую?

Потому что я перестала бороться?

— Нет. Никогда, — он касается моей щеки, — Это то, что делает тебя Кэм.

У меня перехватывает дыхание. Его губы так близки.

— МакКей, — шепчу я, — я...

Киаран резко отступает, сохраняя между нами холодную дистанцию. Секундами позже, слышаться шаги Эйтиннэ, когда она возвращается.

— Mortair, — она шепчет тревожно, — прямо за холмами.

Как по команде, вдалеке послышались раскаты грома, поразившие меня. Крупные капли дождя внезапно обрушились на крышу в устойчивом ритме, практически такие же громкие, как и гром. Я слышу громкий, пронзительный визг снаружи. Я помню его, мне уже

приходилось слышать его во время битвы, в Парке Королевы. Это sluagh.

— Проклятье! — Киаран подходит к огню. Ярко пылающее пламя за доли секунды затухает, а дым, словно втягивается в его ладонь. Запах гари мгновенно рассеивается, будто ничего и не было.

Эйтиннэ приседает и прижимает ладонь к холодному полу. Её сила оседает на кончике моего языка.

— Mortair могут так же почувствовать тепло, Кадамах.

— Шшш, — говорит он.

Я пытаюсь себя успокоить, не смея пошевелиться. То, что прежде я приняла за гром, было другим mortair. Их шаги становятся громче, они приближаются. Стены содрогаются. Грязь падает со стропил, и весь каркас стонет и дрожит. Дождь громко барабанит по крыше. В дальнем конце комнаты застыли лошади, они даже не моргают.

Раздается вопль другой sluagh, в этот раз ближе. Они ищут нас в руинах. Моя рука инстинктивно тянется к рукояти меча, готовясь вытащить его и сражаться.

Киаран внезапно оказывается со мной, спиной прижимаясь к стене.

— Нет, — я игнорирую дрожь, проходящую по моему телу от того, насколько близко он ко мне. — Если они найдут нас, то предупредят других. Не двигайся, Кэм.

Других?

От шагов mortair всё здание содрогается. Я сжимаю губы вместе, чтобы приглушить неровное дыхание.

Он здесь. Mortair здесь. Прямо по ту сторону стены. Механизм активации оружия гудит, набирая силу. Жужжание становится быстрее, громче и громче.

Я закрываю глаза, сердце бешено колотится.

— Твоё сердце, — выдыхает Эйтиннэ.

Тихо бормоча ругательства, Киаран немедленно приближается.

— Можно? — спрашивает он.

Он просит разрешения? Я так удивлена, что киваю.

Он нежно прижимает руку к моей груди — о, вот почему — и я чувствую нежное касание его силы, успокаивающее меня. Мое дыхание утихает, а сердцебиение замедляется. Он словно забирает мою энергию, мой страх, пока я не перестаю дрожать. Его сила проходит сквозь меня, оставляя лишь привкус цветочных лепестков в моем горле.

К нему присоединяется тонкий вкус силы Эйтиннэ. Я перевожу взгляд на нее и поражаюсь. Ее яркая серебряная радужка глаз затуманилась и стала цветом расплавленного металла. Воздух вокруг нас накаляется так, что трудно дышать.

Вновь раздаётся пронзительный визг sluagh и mortair начинает бежать. Земля начинает трястись от тяжелых шагов, и моя рука сжимает рукоятку еще сильнее, так как я готовлюсь к худшему, но он отдаляется от нас, шаги становятся тише и тише. Пока нас не опутывает тишина. Даже дождь замедлился.

Эйтиннэ протяжно и медленно выдыхает.

— Я послала поток энергии в другом направлении, — говорит она, — но у них не займет много времени, чтобы понять, что это подделка.

Киаран не отвечает. Его рука прижата к моему сердцу, а губы касаются моего уха. Но сейчас его дыхание рваное, беспокойное, словно он пытается взять себя под контроль.

Внезапно, прежде чем я успеваю моргнуть, он уже наполовину пересек комнату. Тепло его тела рассеивается, выражение на лице невозмутимое, даже холодное. Её не учили, что

эмоции — это слабость.

— Я подготовлю лошадей, — сказал он, его голос пустой. — Мы должны торопиться.

Когда мы выезжаем из Глазго, я осознаю, что ещё никогда не была так далеко к западу от Эдинбурга.

Люди всегда говорили о Хайлэндс с неким суеверием: будто это волшебное место, не из нашего мира. Теперь я понимаю почему. Мне ещё никогда не приходилось видеть такие величественные горы, изрезанные скалы представляли собой необычные фигуры. На вершине гор оседали облака, покрывая их белым туманом. Снег паутиной тянулся к основанию гор.

У подножия гор расположились луга, где травы и кустарники переплелись вместе, создав необычную палитру из зеленых, коричневых, золотых и багровых цветов, калейдоскоп зимних расцветок был обширным. Запах дождя и дерева заполняет все чувства. Мы минуем водопады, которые зарождаются где-то между скал, вода падает вниз и пересекает луга.

Туман окутывает нас, оседает на моей коже, холодный и влажный. Он великолепный, этот горный туман. Он кажется наэлектризованным.

Я никогда не задумывалась, как прекрасна зима, даже несмотря на то, что все обнажено, холодно и темно. Но я так же не видела природу такой притягательной, что все внутри болит от созерцания этой красоты.

Теперь я понимаю, почему говорят, что это место меняет людей. Почему говорят, что Эдинбург никогда не сравнится с увиденным здесь. Почему они говорят, что магия еще жива здесь. Я чувствую её с каждым вдохом, она разносится по моим венам и касается каждой клеточки тела. Мне кажется, магия родилась здесь.

Я так заморожена пейзажем, что даже не замечаю, как Эйтиннэ остановилась, пока Киаран не приблизился на своей лошади достаточно близко, чтобы поймать меня за руку. Я приостанавливаюсь.

— Что такое?

Эйтиннэ лишь качает головой.

— Я что-то чувствую.

— Я нет, — говорит Киаран.

Его сестра оглядывается на него.

— Конечно, не чувствуешь, дурень. Ты бы не почувствовал, даже если бы это было прямо под твоей задницей.

Я не могу сдержать смех от взгляда Киарана и говорю.

— Это ты научил ее ругаться, не я.

Он открыл рот для ответа, но резко повернулся к туману. Он тоже что-то почувствовал. Затем знакомый вкус оседает на моём языке: вкус специй и пряников — все те вещи, которые напоминают мне о доме.

На лице растягивается улыбка, когда сквозь туман я замечаю Деррика. Он восторженно выкрикивает.

— Ты жива!

За доли мгновения я спрыгиваю с лошади и бегу через высокую луговую траву. Деррик летит мне навстречу, оставляя позади себя дорожку золотого света. Он сильно ударяется в моё плечо, быстро размахивая крыльями. Я обнимаю его — насколько возможно обнять столь крошечное создание — мои пальцы оборачиваются вокруг его крошечного тельца.

Прижатые крылышки Деррика щекотят ладонь.

— Айлиэн, — он прокашливается, — это были мои рёбра. Ты сломаешь мои рёбра.

Я отпускаю его, но продолжаю гладить шелковистые крылья. Такое чувство, будто прошло куча времени с нашей последней встречи на Площади Шарлотты, прямо перед тем, как я ушла на бой. Никогда не думала, что увижу его вновь. Не думала, что мы выживем. Деррик цепляется за моё плечо и зарывается в медные локоны волос. Он вздыхает, тоненькие крылья щекочат шею.

— Чёртов пикси, — я мягко шепчу, — как ты нашёл меня?

— Я летал на разведку и почувствовал Охотницу поблизости, — лепечет Деррик; его крылья трепещут так быстро, что подходят лишь на пятно света. — Это просто должна была быть ты, и я мчался, чтобы в этом убедиться, мы все думали, что ты мертва, прошло столько времени...

— Я тоже думала, что ты погиб, — сказала я тихо.

Деррик обмотался моими волосами.

— Ты не думала, что увидишь меня вновь. Ты люби-и-ишь меня и ты скуча-а-ала по мне. Ты... О, Господи! — он сильно удивлён, его крылья запорхали. — Это слёзы? Ты плачешь?

— Просто что-то попало в глаза, — говорю я, быстро моргая. Проклятье.

Деррик подмигивает мне, его глаза тоже влажные.

— Ты права, — говорит он, касаясь моей щеки, — здесь нет слез. Определённо это дождь. Здесь очень влажно. Я..

В то же время мы оба вспоминаем, что не одни. Киаран смотрит скорее с отвращением от всей этой сцены, а Эйтиннэ слегка наклонила голову, бессовестно наблюдая.

Эйтиннэ говорит Киарану.

— Это так мило. Разве это не мило? Ты меня так не встречал, когда я тебя спасала.

— Я был без сознания, — напомнил ей Киаран

— Ох, точно.

— Ты! — Деррик улетает от меня, пролетая в тумане над высокой травой. Киаран и Эйтиннэ поднимают головы.

— Не ты, — язвит он Киарану, — с тобой я разберусь позже. — Ты сказала, что вытащишь Охотницу, а вернулась спустя три чёртовых года! Что, чёрт возьми, случилось?

На мгновение Эйтиннэ задумывается

— Нет-нет, я почти уверена, что сказала, что вернусь в скором времени. Я провела там лишь два месяца...

— Или три года в человеческом мире, дурочка. Не прикидывайся, что не знаешь этого.

— Деррик, — я резко говорю.

— Что? — Он летает вокруг меня. — Из-за неё я думал, что ты мертва. Я не видел её годами, и она не могла даже послать весточку, что ты жива!

— Это ли не глупость, — говорит Киаран низким голосом, — недооценивать, сколько времени потребуется на снятие защиты, которую поставил Лоннрах, и при этом остаться незамеченным. Ты бы не смог этого сделать, — он делает шаг вперёд. — Эйтиннэ вернула Кэм. Теперь перестань жаловаться.

— Заставь меня! — Рычит Деррик. — Я выпотрошу тебя и порежу твои внутренности и клочья, прежде чем ты успеешь отрастить новые.

— Кэм, — глаза Киарана всё ещё прикованы к Деррику, — утомони своего пикси.

— Угломонить меня? — В руке Деррика появляется крошечный меч. — Я сейчас выпотрошу тебя, ты...

— Я так не думаю, — я ловлю Деррика за крылья. Он возмущённо вскрикивает. Ох, мне понадобилось столько времени, чтобы научиться этому, хотя я использовала этот трюк лишь тогда, когда он пытался охотиться на кошек в саду.

Он беспомощно висит, скрестив руки на груди, убийственный взгляд на лице.

— Я не буду извиняться, — мрачно сказал он.

— Я не собиралась просить тебя извиниться, — говорю я ему, — просто спрячь клинок.

Когда он смотрит на меня так, будто не собирается этого делать, я говорю более резко.

— Деррик. Клинок.

Деррик убирает меч в ножны на талии, шипя.

— Вот. Теперь ты довольна?

Я аккуратно кладу его на плечо и прижимаюсь щекой к хрупким крылышкам. Физический контакт всегда его успокаивал, даже, если он чертовски зол.

— Спасибо.

— Не делай этого! — Он суров и уклоняется, но я не сдаюсь. — Прекрати. Тебе не смягчить меня. Ты не победишь. Ты не... Ладно, чёрт с тобой, — он снова скрещивает руки. — Отлично. Прости, Эйтиннэ, — бормочет он. Затем смотрит на Киарана. — Прости но для тебя “прости” нет, ублюдок.

— Ну, — говорит Эйтиннэ, — приятно видеть, что некоторые вещи не меняются, — она наклоняется ко мне, — это длится уже на протяжении тысяч лет.

— Не смей говорить в таком тоне! — Деррик огрызается, внезапно снова становясь злым, — словно это какое-то обычное соперничество. Ты прекрасно знаешь, из-за чего это, как и он.

Эйтиннэ выпрямляется.

— Айе, — шепчет она. — Я знаю.

Что, черт возьми, это сейчас было? Все замолчали после этого. Киаран смотрит на Деррика непонятым взглядом, словно хочет что-то сказать, но не говорит. Что бы там ни произошло, его сожалений недостаточно.

— Киаран...

— Нет, Кэм, — сказал он сухо, затем подошел к лошади и схватил поводья. — Чтобы предотвратить любые воссоединения вроде этого в будущем, я поеду вперёд и предупрежу всех, что ты не умерла, — он говорит со мной, не смотря на меня, потому что это чертова полу-ложь фейри, и он это знает. — Эйтиннэ проводит вас на оставшемся отрезке пути.

Эйтиннэ становится рядом, когда Киаран устраивается в седле.

— Кадамах, ты не должен...

— Нет, я должен, — перебивает Киаран. — Мы с пикси никогда не были хорошей компанией, да и он сможет скрыть вас от разведчиков Лоннраха намного лучше, чем я.

Он смотрит на меня мерцающими глазами; как бы я хотела увидеть его эмоции сейчас.

— Скоро увидимся.

Подгоняя лошадь, он едет прочь так быстро, что, когда я моргаю, он уже скрывается за густым туманом, словно призрак. Тишину между нами нарушает лишь шорох крыльев Деррика.

— Кто-нибудь объяснит мне, что тут, чёрт возьми, происходит?

— Я не хочу говорить об этом, — тут же отвечает Деррик, — но я рад, что он уехал.

Если бы он ещё раз посмотрел на тебя этим телячьим взглядом, меня бы вырвало.

Телячьим взглядом? Определено нет.

Эйтиннэ провожает брата печальным взглядом. Несмотря на всё, через что я прошла, такое чувство, будто я собираю по кусочкам долгое прошлое фейри, их отношения, их вражду. Это такая обширная история и настолько же и замысловатая.

— Думаю, нам стоит остаться здесь и передохнуть, — тихо говорит Эйтиннэ. — Я сейчас не в настроении продолжать наше путешествие.

Прежде, чем я успеваю что-либо ответить, она скрывается в тумане.

После долгой истории Деррика о заброшенном королевстве пикси мои веки тяжелеют. Я ем пойманного и приготовленного им дикого кролика, расположившись возле лошадей на бескрайнем лугу. Деррик улегся на моем животе, тихонько раздувая крыльями в такт своему дыханию.

Это миф, что фейри не спят. Очень часто Деррик засыпал подобным образом — свернувшись клубочком на моих ребрах. Он выглядит таким умиротворенным: крылья слегка подергиваются, на лице застыла улыбка. Я часто задавалась вопросом, что же ему снится.

Эйтиннэ нет уже несколько часов. Деррик предложил подождать её и, чтобы не тратить время впустую, отдохнуть перед тяжелым завтрашним днём.

Я коротаю время, рассматривая небеса надо мной. Я лежу на своём пальто, тепло, исходящее от Деррика, окутывает меня и согревает. Я смотрю на звёзды, выглядывающие из-за густых облаков, они ярче и их больше, чем я когда-либо видела. Из-за отсутствия городского освещения, они, как крохотные огоньки, рассеялись по всему небу; с одной стороны ещё отражается еле уловимый свет от заката.

Мои ногти впиваются в шрам, оставленный Лоннрахом, и голос моей матери эхом звучит в моей голове. Впервые за столь долгое время я могу услышать ее голос, не вспоминая тут же о смерти. “Сможешь назвать их, Айлиэн?”, “Просто повторяй за мной: Поларис, созвездие Кассиопеи, Большая Медведица”.

Я помню её лицо. Как она радовалась, когда я правильно называла все созвездия. Когда я закрываю глаза, то представляю всё это таким реальным. Как она говорила: “Айе, а вот это?”, пока я не заканчивала перечислять правильно.

Крик эхом проносится на расстоянии, и я замираю, прислушиваясь. И вот опять... Не просто крик — это крик боли. Деррик все так же спит на животе; когда фейри спят, они спят крепко. Их трудно разбудить.

Я осторожно поднимаю Деррика и кладу его ближе к лошадям, беру пальто и отправляюсь на поиски источника шума. Поле освещено только звездным светом. Верхушки гор вдали кажутся темными, затуманенными и агрессивными. Из-за тумана очень сложно увидеть что впереди, и я иду на слух туда, откуда доносится звук.

Я сжимаю рукоять клинка около бедра. Если из тумана выйдет фейри, я должна быть готова.

Луг утих и безмолвен, только легкий ветерок проносится в воздухе. Я слышу еще один вздох, на этот раз ближе. Я сжимаю рукоять еще сильнее, когда пересекаю участок, стараясь делать шаги как можно легче, тише. Эффект неожиданности может спасти мне жизнь.

Но потом я вижу фигуру, лежащую в траве, знакомые темные волосы и бледная кожа. Я опускаю оружие и вздыхаю с облегчением. Это всего лишь Эйтиннэ.

Как только я начала расслабляться, то услышала ее стон, как будто бы от боли.

— Эйтиннэ? — я делаю шаг к ней и останавливаюсь, прежде чем могу дотянуться до

нее.

— Не надо, — говорит она шепотом, что очень ранит меня, — не подходи ко мне.

Воспоминание давит на меня прежде, чем я могу остановить его. Мы с Эйтиннэ на берегу Лейта, ее руки сжимаются в кулаки. Ее кровь капает на камни под ногами. Кап, кап, кап, кап.

“Не надо. Не подходи ко мне”.

Второй рваный вдох вытаскивает меня из воспоминаний. Я тяну руку к ней.

— Эйтиннэ, — трясусь за плечо.

Она резко хватается за руку и переворачивает. Вмиг, я лежу на мокрой траве, воздух выбился из легких, Эйтиннэ нависает надо мной. Её глаза широко открыты, а взгляд рассеян.

— Эйтиннэ! — Кричу я, но она хватается за горло.

Её рука напрягается, сжимая еще сильнее. В глазах все расплывается, я пытаюсь плотннуть воздуха. В отчаянии, я нахожу на шее ожерелье из сейгфлора и прижимаю его к запястью Эйтиннэ.

Шипение от того, что ее кожа горит, длится мгновенье, прежде чем Эйтиннэ отпускает меня с испуганным визгом.

— Охотница? — Её лицо превращается в ужасную гримасу. — Ты пахнешь как он.

Я перекатываюсь по траве, чтобы немного отодвинуться от нее, прижимая щеку к холодной, влажной земле. Мое зрение все еще затуманено, и больно глотать.

“Ты пахнешь как он”.

Я никогда не избавлюсь от запаха Лоннраха, от его яда во мне. Как будто бы недостаточно того, что он оставил отметки на мне. Теперь он так же в моей крови. Неважно, что я сбежала. Я все еще не освободилась от него.

Видя мое подавленное выражение, Эйтиннэ тянется ко мне.

— Позволь мне...

— Нет, — говорю я ей. Мой голос хрипит, — не исцеляй. — Я не выдержу эту боль. Не сейчас.

Эйтиннэ отдалается, но я не пропускаю боль, скользящую по ее лицу.

— Прости, — она открывает рот, и я клянусь, собирается что-то еще сказать. Вместо этого она снова шепчет, — мне очень жаль.

Я подтягиваю себя в сидячее положение рядом с ней.

— Плохой сон, как я понимаю? — Говорю я хриплым голосом.

— Они все плохие, — Шепотом произносит она.

Мы снова молчим, поскольку я обдумываю тысячи вопросов. Первые капли дождя падают мне на лицо, и я сильнее закутываюсь в плащ. Туман рассеивается, становится холоднее. Луг простирается перед нами, обрамленный силуэтами гор со всех сторон. Такое чувство, что Эйтиннэ и я одни во всем мире.

— Что тебе снится? — Тихонько спрашиваю я. Она сжимает кулаки, и я крепко хватаю ее за руку. — Я не спрашиваю, что случилось с тобой в заточении, — говорю я так, чтоб мой голос звучал как можно спокойнее. — Я лишь спрашиваю, что тебе снится?

Она смотрит на меня, белый пар её дыхания выделяется на фоне ночного неба. Я надеюсь, что таким образом она сможет рассказать мне о том, что случилось, пока она будет думать о нем, как о сне, а не как о воспоминании.

— Он убивает меня, — шепчет она. — В моем сне. Тысячей разных способов. Даже больше. В начале, чтобы увидеть останусь ли я мертвой, — она дергает нити, торчащие из

брюк, они начали изнашивать в коленях. — Затем, чтобы заставить меня кричать, — она дергает сильнее, и ткань расходится. — Затем чтобы сломать меня, заставить меня умолять...

Он делал это? То же, что и со мной?

Хуже. Он делал хуже.

Я сжимаю ее руку.

— Это сон, — говорю я, эмоции берут верх над моим голосом, я сглатываю, — всего лишь сон. Его тут нет.

Я помню укус Лоннраха, какое количество напора нужно было, чтобы оставить восемьдесят две прекрасные отметины на моей коже. Как он засовывает свои клыки с каждым разом все глубже, делая ещё большее.

После окончания он всегда смотрел на мои метки с гордостью. Чем больше крови он видел, тем шире улыбался.

Я закрываю глаза. Кажется, мы с Эйтиннэ сидим в тишине уже несколько часов. Мы обе боремся с собственными воспоминаниями. Я спрятала свои в маленьком уголке сердца, запихнула их туда и плотно закрыла за ними дверь. И все равно иногда я слышу эхо их из самой глубины души.

Вот что тюрьма делает с тобой. Вот что значит, когда кто-то вырезает часть твоей души, пока сам не становится ею. Ты можешь похоронить это, но оно там навсегда.

— Каждый день новая смерть, — вдруг говорит Эйтиннэ, — некоторые хуже других, но абсолютно все они мучительны. Они...

Её рука сжала мою так сильно, что, клянусь, кости почти сломались, но я не закричала. Не буду.

— Ты не должна мне говорить то, чего не хочешь, — я стараюсь, чтобы мой голос звучал как можно спокойнее, чтобы она никогда не узнала, как больно мне делает.

“Нет, не все в порядке. То, что он сделал с тобой совсем не порядок”.

— Тогда без конкретики, — говорит она отрешено, — они все принимали в этом участие, но он делал это чаще.

Я борюсь со своими эмоциями. Я стараюсь контролировать свою реакцию, чтобы она не увидела ее. Но гнев внутри растет, нагревается и сжигает мои вены.

Она была заперта почти с тысячью вражеских фейри в тех холмах. Тысячами. Я не могу справиться с болью, которая распространяется в моей груди, воспоминания о Лоннрахе, которые просыпаются, несмотря на то, что я спрятала их очень глубоко. Он делал это чаще.

Я ненавижу его. Не думаю, что когда-нибудь ненавидела кого-то сильнее.

— После, — продолжает она, — он всегда ждал, пока я исцелюсь. Раны всегда заживали. Иногда мне хотелось, чтобы этого не происходило.

Они всегда заживали. Её раны, её смертельные раны. Не удивительно, что она тут же замерла по пути из Sith-bhruth, когда я спросила, как она справилась со своими воспоминаниями. Я сглатываю, пытаюсь успокоить свои мысли.

Я представляла смерть Лоннраха тысячами разных способов. Последнее, что я скажу ему. Последнее, что он скажет мне. В моих самых жестоких мыслях, я всегда надеялась, что он будет молить о смерти.

— Они возвращали тебя намеренно?

— Нет, — говорит она, — только Кадамах и ты можете убить меня, — я резко оборачиваюсь к ней. Я собираюсь попросить её объясниться, но она поворачивается ко мне.

— Почему ты не приняла мое предложение?

Мое предложение.

Я могу помочь тебе забыть. То, что Лоннрах сделал с тобой. Место, в котором он тебя держал.

Мои кровожадные мысли пропадают. Жестокая Айлиэн исчезает, и я снова могу мыслить здраво. Я помню дни-недели-месяцы-годы, проведенные в зеркальной комнате, как они слились воедино, не имея начала или конца. Как Лоннрах стал моим единственным постоянством. Как я измеряла время его появлениями и тем, как много времени мне требуется, чтобы все зажило после его ухода. Несмотря на все это, я была настолько сломленной, что просила его остаться.

— Я не хочу забывать, что он сделал, — говорю я. Я не могу сдержать эмоций в голосе. — Я никогда не позволю кому-либо снова сделать меня такой беспомощной.

Эйтиннэ смотрит на меня длительное время.

— Я чувствую то же самое, — говорит она мне.

Я выдыхаю и ничего не говорю. Я не говорю ей, как сложно мне бороться с гневом от того, что Лоннрах сделал со мной. Я не говорю ей, что отпустить эти воспоминание — самое трудное из всего, что мне когда-то приходилось делать, потому что я провела часы, в точности представляя, как он умирает.

Я хотела, чтобы это была я. Это должна была быть я.

Я закрываю глаза. Убийство Лоннраха — не мое убийство, оно никогда не было моим. Оно принадлежит Эйтиннэ.

— Мы заставим его заплатить, — я обещаю ей это. — И я собираюсь помочь тебе в этом.

Она кладет свою руку на мою, и я понимаю. Вместе.

Мы ехали весь следующий день, пока солнце не опустилось до горизонта. Глубже в Хайлендсе, земля полностью покрыта снегом. Свежевыпавший снег блестит на ветвях. Он хрустит под копытами Ossaig, когда мы проходим мимо деревьев. Воздух здесь настолько морозный, что обжигает щеки.

Деррик сидит между ушей Ossaig, его крошечные руки цепляются за тонкий металлический мех, для равновесия. Лошадь бежит так быстро, что я просто не представляю, как ему вообще удастся не соскочить.

— Вон там, — говорит Эйтиннэ, указывая жестом.

Впереди, там, где кончается материк, изгибается залив. Скай от нас отделяют только мерцающие воды. Горы там окутаны туманом и белые от снегопада. Я слышала, что чрезмерная вырубка лесов расчистила большую часть лесных массивов на острове, но напротив нас остров покрыт огромными заснеженными деревьями с темными стволами.

Невозможно, чтобы лес вырос так быстро, не без помощи фей, по крайней мере. Подобно зазубренным скалам, которые появились в парке Королевы в Эдинбурге, фейри должно быть изменили ландшафт и вернули древние леса. Перед их заточением весь остров Скай был покрыт густым лесом.

— Лошади могут попасть на остров? — Спрашиваю я.

Есть истории, в которых говорится, что фейри не могут пересечь воду. Это был один из тех способов, который шотландцы советовали, чтобы сбежать от фейри, если они когда-нибудь начнут охоту. Фейри не могли преследовать людей, их силы слабели. Ossaig уже пересекали реки и ручьи, но, возможно, глубокие воды — совсем другое дело.

Эйтиннэ улыбается мне.

— Конечно же, они могут. Но у нас есть другие способы.

Ну, конечно же, они могут.

— Эти истории, которые придумали люди про фей, на самом деле полная чушь, — бормочу я.

Деррик хихикает.

— Хотел бы я знать, кто распространяет эти глупые слухи. Люди настолько доверчивы, — его глаза расширяются. — Как думаешь, если я скажу им, что мед отталкивает фейри, они оставят немного для меня?

— Ты ужасный, — говорю я ему.

— Нет, нет, нет, — говорит он с безмятежной улыбкой. — Я превосходен. Мне нравится мой план. Это хороший план.

Я бросаю на него резкий взгляд.

— Так что за другие способы?

Эйтиннэ останавливает лошадь и спрыгивает с нее. Я делаю то же самое, ожидая, когда Деррик слезет с ушей Ossaig и сядет мне на плечо. Рассеяно я тянусь к его крыльям, жест, который стал уже привычкой.

— Есть портал, отсюда на Скай, который другие фейри не могут обнаружить, — говорит Деррик. — Sluagh наблюдают за островом сверху, а солдаты Лоннраха патрулируют лес, поэтому лошади не могут остаться незамеченными, приближаясь к острову.

Я холодею.

— Они там? — Лоннрах узнал это от меня; он слышал, что Деррик упоминал Скай в моих воспоминаниях, он украл эту информацию, чтобы попытаться найти моих друзей.

“Ты провела год тренировок с моим врагом и этим пикси. Я предполагаю, что они часто говорили о вещах, которые ты не понимала”.

Моя рука дрожит, я засовываю ее под пальто и нащупываю шрам на предплечье. Воспоминание о том, как я встретила Деррика, и как он решил поселиться в моей гардеробной. Казалось бы, неважное воспоминание, я никогда бы не рассматривала его как нечто жизненно важное.

” — Хороший шкаф, — сказал он. — Хороший размер. Не такой большой, как тот, который был у меня на острове Скай, но и этот сойдет”.

” — Сойдет?”

” — В качестве моего нового дома. Идеальный. Он мне нравится. Он мой”.

После того, как Лоннрах увидел это воспоминание, он узнал, куда Деррик, скорее всего, приведет остальных. Куда я вероятнее отправлюсь, после побега из зеркальной комнаты. Я выдала их местоположение, даже не подозревая об этом.

— Айлиэн? — Деррик отвлекает меня из моих мыслей. Когда он видит выражение моего лица, он неправильно понимает его. — Не беспокойся, — говорит он, поглаживая мою руку, — они все еще не смогли найти нас, ненормальные ублюдки. Мы построили его, чтобы оставаться незамеченными.

— Деррик...

— Тебе там понравится, У нас есть вкусная еда.

Пряча свое чувство вины, я смотрю, как Эйтиннэ подходит к краю скалы.

— Тогда почему вы покинули ваше королевство? — Спрашиваю я рассеяно. — Ты говорил, что все пикси улетели в Корнуолл.

Его крылья замерли.

— Он был обнаружен однажды, очень — очень давно, — мне не нравится его тон, в нем слышится боль, — но я перестроил защиту два года назад. Она держится.

То, как он рассказывает об этом, предотвращает любые дальнейшие расспросы. Очень ясно давая понять: я не хочу говорить кто и как, при каких обстоятельствах обнаружил это место или почему мы улетели. Ну, похоже, за время моего отсутствия ничего не изменилось. Фейри остались такими же таинственными, как и всегда.

Эйтиннэ приседает на краю обрыва и прикладывает ладонь к земле; глаза широко открыты и не моргают. Ее сила внезапно заполняет мой рот, устойчивый вкус цветочных лепестков и грязи оседает на языке.

Я хотела спросить, что она собирается делать, когда она ударила кулаком по земле. Почва подо мной содрогается и трескается. Я отступаю назад, молясь всем сердцем, чтобы она не отколола эту часть от утеса. Падение в воду будет довольно долгим.

Затем я с изумлением наблюдаю, как из глубин земли начинают подниматься корни дерева. Мне уже приходилось видеть подобное, когда Киаран открывал портал в Sith-bhruth, как он управлял флорой, создавая дверь. Корни растут и поднимаются ещё выше, сплетаясь воедино, они обвиваются вокруг нас, словно терновый куст. Сплетаясь вместе, они медленно становятся огромным коренастым деревом, которое, как казалось, достигает небес; его ветви острые, словно ножи, из темного материала, на солнце они мерцали будто стеклянные. Это очень напомнило мне тот лес в Sith-bhruth.

— Эйтиннэ, — я неуверенно зову её, когда корни начинают обвиваться вокруг моих ног.

Она даже не смотрит на меня. Ее глаза все еще широко открыты.

— Позволь им забрать тебя.

Забрать меня? Корни обвиваются вокруг меня, и с каждой секундой становится всё темнее и тяжелее. Атмосфера вокруг нагнетается. словно почувствовав моё напряжение, Деррик тянется к моему уху и пытается что-то сказать, но я не слышу его из-за корней, что сплетаются все больше.

Внезапно моё горло сжимается. Я понимаю, что гладкое дерево наклоняется, и толкаю его, но оно даже не сдвигается с места. Я кручусь в поисках другого пути сбежать и замечаю щель между корнями, но она закрывается прямо передо мной.

Выхода нет. Я в ловушке. Гладкий материал полуотражающий — прямо как зеркала.

Теперь ты по себе знаешь, каково это — чувствовать себя беспомощным.

Любая рациональная мысль ускользает от меня. Твёрдый материал обвивается вокруг моих плеч, я пытаюсь глотнуть как можно больше воздуха, но не могу. Корни всё ближе окутывают меня, сердце бешено колотится. Паника во мне поднимается до тех пор, когда я могу услышать удары пульса в ушах. Я не могу дышать.

— Айлиэн! — Деррик зовет меня, его крошечные ногти впиваются в кожу на моей шее. Я не могу услышать его из-за моей паники. Я не могу думать ни о чем, кроме того, что не могу дышать. Лишь сдавливаю корни до тех пор, пока пальцы не начинают кровоточить.

Но они продолжают сдавливать и поглощать меня всю. Меня окутывает тьма. Черная, как смоль.

Я закрываю глаза. Именно в тот момент, когда я была уверена, что дерево раздавит меня, треск от роста корней прекратился. Я падаю на колени, задыхаясь. Когда я открываю глаза, меня, буквально, ослепляет яркий свет. Картинка в глазах мутная, но мне удастся различить скалы, возвышающиеся надо мной, темную пещеру и...и...

— Гэвин!

Я даже не задумываюсь. В один момент я на коленях на заснеженной земле, а на следующий — на ногах, крепко обнимаю Гэвина. Я глубоко вдыхаю его запах: виски, дым и ароматное мыло. Это потихоньку успокаивает мой бешеный пульс, восстанавливает дыхание. Неожиданно меня наполняет ощущение тепла и безопасности.

Он жив. Он и правда, жив.

— Айлиэн, — бормочет он, его тело слишком напряжено в моих объятиях. Он с осторожностью произносит моё имя, словно проверяет его вес на своем языке, — Айлиэн, — он вновь повторяет, словно неуверенный.

Я даже не пытаюсь понять его реакцию. Я утыкаюсь лицом в теплую шею. Он пахнет безопасностью. Он пахнет домом. Он пахнет всем тем, чего я так желала в зеркальной комнате, что я увижу его снова и обниму вот так, как сейчас.

— Ну, чёрт возьми! — Я слышу, как Деррик ругается, пытаясь вылезти между нами. Легкий поток воздуха от его крыльев касается моей щеки, когда он улетает.

— Это неловко. Ой! Эйтиннэ! Перестань так бесстыдно пялиться, и иди поищи своего брата, — пауза. Затем: — ну, хорошо. Я буду в том дереве. Прямо тут. Позовите меня, когда закончите.

Крылья Деррика тихонько шумят, а шаги Эйтиннэ растворяются в темноте пещеры. Мгновением позже я лишь сильнее прижимаю Гэвина, но в нем ничего не говорит о том, что он хоть немного расслабился, его плечи все еще напряжены.

Как же сильно это отличается от того последнего раза, когда я его видела. Перед

сражением, он обнял меня так, будто знал, что ему придётся меня отпустить, но не был готов. Как будто не увидит меня снова.

Как будто он думал, что я иду умирать.

Я отстраняюсь, чтобы спросить, что не так... и вздрагиваю.

— Господи, — шепчу я.

Шрамы вокруг его правого глаза, которые выглядят как отметки от когтей на его коже. Другой, длинный, тянется от губ и продолжается над скулой, заканчиваясь у самых ресниц.

Но не на шрамы я обратила внимание. Что-то во взгляде Гэвина заставило меня остановиться. Его ярко-голубые глаза, всегда такие родные и знакомые, уставшие от борьбы. Он смотрит на меня так, будто мы никогда не встречались прежде. Будто мы не выросли вместе или не бились вместе против фейри или будто мы чуть не поженились из-за того недоразумения.

Я тянусь, чтобы прикоснуться к шрамам. Он вздрагивает, но не отступает. Я провожу пальцами по дорожкам, что они оставили на коже.

— Как это произошло? — слова сами слетают с моих губ.

Я провожу пальцем по самому длинному шраму, и Гэвин хватается меня за руку.

— В ночь, когда ты исчезла, они пытались забрать мои глаза, — его голос пустой. — Твой пикси спас меня.

Я сглатываю подошедший к горлу ком. Я должна была его спасти. Не Деррик.

— Мне очень жаль.

Гэвин отступает на шаг и ещё долгое время рассматривает меня.

— Я думал, ты погибла. Мы все так думали. После трёх лет отсутствия я думал, что Эйтинн тоже мертва.

— Они забрали меня в Sith-bhruth, — говорю я, — разве Киаран не говорил вам?

Я всегда понимала Гэвина с полуслова. Я знала его так долго, что каждая мелочь в нём была мне известна: его лицо, чувства, выражения. Я знала, что ему нравится и не нравится. Я знала, что когда он потерял отца, он глубоко похоронил свои эмоции, как и я, когда потеряла маму.

Но этот Гэвин... Спустя три года он почти неузнаваем. Он держит себя совсем по-другому, тело напряжено, как будто он готов сражаться в любой момент. И я не пропускаю, как его глаза мелькают в осторожной оценке окружающей местности.

— Айе, он говорил мне.

Деревья шелестят вокруг нас, и взгляд Гэвина скользит сначала слева от меня, затем справа. Лес возвышается над пещерой, отбрасывая на заснеженную землю тени. Лес густой и темный, ничего не видно, кроме самого входа в пещеру. Я чувствую силу в этом месте, она оседает на моём языке, как и тогда, когда Киаран открыл мне портал. Это место должно быть скрыто от солдат Лоннраха.

Деревья снова колышутся, а прохладный ветер развивает мои волосы. Тело Гэвина напрягается, будто он прислушивается к чему-то. Спустя мгновение, он говорит.

— Тебя не было долгое время, даже для мира фейри. Но ты не выглядишь изменившейся, — он всматривается куда-то позади меня. Чтобы увидеть, что я кого-то привела? — На тебе даже нет отметок.

Я делаю шаг назад.

— Что ты имеешь в виду?

Шрамы, оставленные Лоннрахом, скрыты под одеждой, но он никогда не касался моего

лица, никогда не отмечал меня там. И, в отличие от Гэвина, мой возраст не изменился. Мне было восемнадцать, когда Лоннрах забрал меня в Sith-bhruth, и мне всё ещё восемнадцать.

Гэвину уже двадцать четыре. Он вырос в плечах. Его тело выглядит более мужественным, мускулистым. Я замечаю маленькие, сморщенные шрамы на его шее, чуть выше воротника пальто.

— Я видел людей, которых они туда забирали, — говорит он строго. — Они не возвращаются прежними. Они лишь умело притворяются теми, кем они были, но они преданы фейри. Они уже предавали нас раньше.

Я почти говорю ему, что я не осталась прежней. Что часть меня вернулась сломленной. Лоннрах вырвал и уничтожил часть меня, и я не уверена, смогу ли хоть когда-то заполнить эту дыру.

Пальцы тянутся, чтобы засучить рукава. Чтобы показать ему мои шрамы. Я не неотмеченная. Я не целая. Я до сих пор изо всех сил пытаюсь собрать кусочки себя воедино.

Но я ничего не делаю. Я кладу дрожащую ладонь на его щеку, призывая его посмотреть на меня.

— Ты думаешь, я подобна им? — Когда он не отвечает, я добавляю: — я бы никогда не предала тебя.

Он стискивает зубы.

— Я не знаю этого.

Я должна убедить его. Гэвин — результат этого мира, который я оставила, когда попала в плен. Лоннрах показал мне лишь призрачную часть разрушенного Эдинбурга, сразу после того как все произошло, и это пробудилось в моем воспоминании. Гэвин был там. Он все видел.

— Айе, ты знаешь, — говорю я ему. — Ты хотел, чтобы я тебе пообещала перед битвой. Ты помнишь? — он качает головой. — Ты хотел, чтобы я пообещала, что не умру.

Гэвин отпрянул от моего прикосновения.

— И ты так и не сказала этих слов.

Я помню.

Я не могла их сказать. Я не даю обещания, которые не могла бы сдержать, а часть меня верила, что я не выживу, чтобы увидеть следующее утро. Если я выживу то только, потому что спасу их всех. Если я погибну, значит, я проиграла. Здесь не было других вариантов.

Теперь я лучше знаю.

Прежде чем я успеваю ответить, Гэвин говорит.

— Докажи мне это. Что ты все еще Айлиэн.

То, как он это говорит, останавливает меня. Он произносит это тихо и расчетливо.

— Доказать? — Я делаю шаг к нему, но он отступает. — Гэвин я стою прямо перед тобой. Я живая. Какое доказательство тебе еще нужно?

— Они легко могут контролировать людей. Почему я должен тебе верить?

Я начинаю понимать: через что бы он ни прошел, это научило его никому не доверять. Даже мне.

— Потому что я Соколиная охотница, — просто отвечаю я.

Выражения лица Гэвина не изменилось.

— BaobhanSith залезала тебе в голову раньше. То, что ты Охотница, не остановило ее тогда.

Мои губы сжимаются, а пальцы сворачиваются в кулаки. То, что ты Охотница, не

остановило ее тогда.

Он не ошибся. Это так же не остановило Лоннраха. Ни от копания в моей голове, ни от кражи воспоминаний, как будто это было совсем несложно. Киаран однажды говорил мне, что я еще не вошла в полную силу Охотниц, даже учитывая, что я могу сражаться с фейри и двигаться так же быстро, я не могу видеть их без сейгфлюра, и я до сих пор пытаюсь противостоять их ментальному воздействию.

Единственная разница между мной и любым другим человеком, вернувшемуся из Sith-bhruth в том, что способности Охотницы дают мне силы противостоять большим физическим повреждениям. Это значит, что Лоннрах мог мучить меня дольше, и укусы практически заживали к его следующему визиту.

Они всегда заживают. Видишь? Они всегда заживают.

Я подавляю воспоминания, которые грозятся вырваться наружу.

— Как я могу тебя убедить?

Гэвин зовет Деррика, который вылетает со своего места из рядом стоящих деревьев, оставляя золотую дорожку в воздухе.

— Вы уже закончили обниматься? Потому что я уже не могу.... Ух. Кто-то пнул котенка? Что случилось?

— Я отведу ее вниз, — говорит Гэвин, — сходи за Дэниэлем.

— Нет, — резко говорит Деррик, его ореол окрашивается красным цветом. — Я не верю, что это необходимо.

— Это нужно сделать, — отвечает Гэвин. — Ты знаешь почему.

На какое-то мгновение, я могу поклясться, деревья замолчали. Все деревья замерли вокруг нас. И даже легкий ветерок пропал.

Деррик смотрит на Гэвина долгое время, словно решает, что сказать.

— Она не похожа на других. Она...

— Охотница, — отвечает Гэвин. Его взгляд встречается с моим. — Я знаю.

Ради всего святого с меня достаточно,

— Она находится прямо здесь, — шиплю я. — И она хотела бы объяснений.

— Это тест, — говорит Деррик. Он подлетает к моему плечу, как будто в знак солидарности против Гэвина. Его крылья задевают мою щеку. — Неприятный. Для того, чтобы доказать, что ты не под воздействием sithichean. Тебе не надо этого делать.

Гэвин сверлит его взглядом.

— Айлиэн все еще человек. Она была под воздействием фейри и раньше, и здесь не может быть исключений. Ты один из тех, кто придумал это правило. Помнишь?

Крылья Деррика быстро начинают биться о мою кожу.

— Мы сделаем одно в этот раз, ты...

— Я сделаю это, — чуть не крича, говорю я. К счастью, они оба немедленно прекратили пререкаться. Крылья Деррика перестают биться о мою щеку. — Я сделаю это, — в этот раз я говорю спокойнее. — Мне нечего скрывать.

После некоторой тишины Деррик шепчет мне.

— Ты не хочешь этого делать. Ты не должна.

То, как он это говорит, может означать только одно: это будет больно. Я ненадолго закрываю глаза, прежде чем сказать.

— Если это поможет вернуть его доверие, я сделаю это.

Деррик вздыхает.

— Они не позволят мне пойти с тобой, но я приду, как только Дэниэль закончит. Хорошо?

Он слетает с моего плеча и парит перед Гэвином.

— Испытание Айлиэн не будет отличаться от других.

— Прошу прощения?

— Ее способности охотницы только усложнят ситуацию. Я не уйду, пока ты не пообещаешь мне, — Деррик скрещивает руки. — Один раз. Не больше.

— Хорошо, — резко говорит Гэвин.

Деррик кивает.

— И я хочу, чтобы ты знал, что прямо сейчас я тебя ненавижу.

Он улетает, прежде чем Гэвин успевает что-то сказать. Его ореол освещает вход в пещеру лишь на мгновение до тех пор, пока пикси не растворяется в темноте.

— Я согласилась на это, но это не значит, что мне нравится это, — я пытаюсь держать голос спокойным. — Что включает в себя этот тест?

Ты провела дни-недели-месяцы-годы с Лоннрахом. Ты сможешь так же выдержать и это.

Гэвин ждет, пока свет крыльев Деррика полностью исчезает, прежде чем заговорить; его черты немного смягчаются.

— Один из моментов — это проверка твоей крови.

Я стараюсь контролировать свою ответную реакцию, мое желание отступить. Мою кровь. Мою грязную, наполненную ядом фейри кровь. Что если это повлияет на результат? Внезапно лицо Лоннраха всплывает в моей памяти. Шепот слов, обещание боли. “Мне просто нужно использовать твою кровь, чтобы увидеть”.

Я должна рискнуть. Если я этого не сделаю, Лоннрах найдет меня. Я не готова с ним биться, пока нет.

Словно читая мои мысли, Гэвин говорит.

— Если ты действительно та девушка, с которой я вырос, то прошу прощения за это.

Мои глаза завязаны шейным платком Гэвина. Он спокойно ведет меня через длинный коридор, затем вниз, так долго, что я уже потеряла счет шагам. Он держит мою руку нежно и терпеливо. Я спускаюсь медленно, чтобы не споткнуться, пытаюсь услышать какие-нибудь звуки, чтобы понять, куда мы идем.

Единственным звуком здесь, помимо наших шагов, является звук капающей воды. Температура падает, пока мы спускаемся все глубже под землю, запах заплесневелых камней ударяет в нос.

Когда мы достигаем нашей цели, Гэвин усаживает меня на один из камней.

— Дай мне свои руки, — бормочет он.

Я делаю, как он просит и, прежде чем я успеваю что-либо ответить, он надевает мне на руки тяжелые кандалы. Чувство страха наполняет меня.

— Что ты делаешь?

— Я говорил, что тебе это не понравится, — говорит он. Затем Гэвин касается моего плеча — нежное прикосновение, как будто он сожалеет о том, что произойдет. Этого Гэвина я знаю.

— Подожди...

Он уходит; звуки шагов исчезают, когда он поднимается по лестнице. Когда никто больше не приходит, я начинаю дрожать от холода и страха. Я ничего не вижу сквозь платок, а скованные руки могут вернуть мне слишком много воспоминаний.

Это всего лишь испытание. Единственное. Ты можешь через него пройти.

— Гэвин? — Зову я его. Я жду. Где-то позади меня вода капает на землю с кротким “КАП” — один за другим, и кроме этого я ни черта не слышу.

Все остается тихим еще долгое время, и я больше не могу этого вынести. Я трясую головой, чтобы ослабить повязку. Она сползает вниз на один дюйм. Я пытаюсь снова и снова, запрокидывая голову, пока она не сползает ко рту. Затем я использую зубы, чтобы окончательно освободиться от нее.

Я в пещере, затхлой, грязной и сырой. Я прислонена к породе камней, которых ещё никогда не видела. Столб лунного света светит через отверстие в верхней части скалы, освещая неровные стены. Они блестят, словно звезды, пойманные в ловушку группами, яркие и светлые. Я провожу по ним ладонью и ощущаю гладкую и отшлифованную до совершенства вулканическую породу.

— Я вижу, ты сняла повязку, — говорит незнакомый голос.

Мне приходится напрячь глаза, чтобы увидеть его. Я даже не слышала, как он пришел. Если только он был здесь все это время, наблюдая за мной. Он стоит прямо за лунным светом, где слишком темно, чтобы рассмотреть хоть что-нибудь, кроме его очертаний.

Его высокая фигура прислонилась к одному из валунов на дальней стороне пещеры. Спустя мгновение он выходит на свет, и я могу разглядеть черты его лица.

У него были мужественные черты: нос, который раньше был сломан, и тело, мускулистее, чем у Гэвина. Он повидал сражение, это очевидно. Один глаз закрыт повязкой.

— Я так полагаю, Гэвин не вернется, — говорю я.

— Верно. Думаю, он напьется до потери памяти, — говорит мужчина, его глаз оценивающе смотрит на меня. — Это что-то вроде традиции, когда нам приходится делать

это.

Его акцент легко отличить: я знаю его с того момента, как однажды забрела в один из самых бедных районов Глазго, пытаясь сбежать от родителей. Отец провел весь день, ругая меня за это.

Его интонация и произношение отличается от того, как говорят мои богатые сверстники в Эдинбурге и Глазго. Наши уроки речи с детства были направлены на устранение ирландского акцента и замену его шотландским, чтобы больше быть схожими с английским обществом, что в свою очередь означало статус и богатство. В отличие от меня, каждое его слово произносится картаво.

— Вы должно быть Дэниэль, — я изо всех сил пытаюсь быть вежливой. — Есть ли какое-то официальное имя, как я могу называть вас?

— Никакой официальности. Не здесь, — его голос хриплый. — Ты бы захотела проклясть мое христианское имя.

Я чувствую приступ страха. Оковы уже впились в мою кожу, вызывая неприятные воспоминания.

Я стараюсь успокоить себя.

— Если для вас это не играет никакой роли, то я предпочла бы знать вашу фамилию. Если вы позволите.

Должно быть, моё беспокойство об этикете, будучи прикованной к стене пещеры, выглядит очень глупо, но, по крайней мере, единственное, что я могу сейчас сделать — это узнать его имя.

— Тогда Мистер Рид, — говорит он, преувеличено кланаясь. — Моя леди.

Я не обращаю внимания на очевидный сарказм с его стороны и лишь приподнимаю толстую цепь, прикрепленную к скале.

— Есть ли причина, по какой я прикована здесь, словно заключённая? — Мой голос спокоен, чего не скажешь обо мне. — Я здесь по своей воле. Я не собираюсь бежать.

Инстинктивно я дёргаю рукой, чтобы проверить, насколько сильно закреплены оковы. Если бы я могла хоть чуть-чуть их вытащить, хоть немного ослабить, это значительно успокоило бы меня. Мой пульс неровный, паника растёт.

— Оковы здесь вовсе не для того, чтобы держать тебя против твоей воли, — в его голосе есть нечто, что я не могу понять. — Они здесь лишь для того, чтобы ты не навредила себе.

Я хотела спросить, что он имеет в виду, но его свист опережает меня, такой пронзительный звук эхом разлетается по всей пещере. Я сижу, не шелохнувшись и затаив дыхание. Мой пульс стучит в бешеном ритме, щёки пылают.

В задней части пещеры что-то шелестит. Очень похоже на порхание крыльев. Вкус силы оседает на кончике языка, мягкий и сладкий, как жимолость. Затем, что-то сияющее, даже ярче, чем Деррик, летит к Дэниэлу. Он останавливается перед ним. Крошечные крылья на спинке порхают, и существо что-то говорит на своём языке, его голос тонкий и звонкий, как колокольчик.

Свет, излучаемый от фейри, слишком яркий, чтобы разглядеть черты, но он меньше пикси, размером не больше моего пальца. *Teine-sionnachain*. Блуждающий огонёк. Крошечное существо выглядит точно, как и в описаниях Киарана. Они загородные жители и весьма чувствительны к городскому свету и шуму. Я никогда не видела их прежде. Они всегда жили на окраинах города, прятались в пещерах или деревьях.

Дэниэль кивает в мою сторону и говорит фейри.

— Ты знаешь, что делать.

Так значит, мой собеседник — Видящий. Это объясняет отсутствие глаза; должно быть его забрали фейри.

Чтобы он не сказал этому Огоньку сделать... Я начинаю сопротивляться, дёргая сильнее за цепи. Они издают пронзительный скрип от моих попыток. Я тяну ещё и ещё, но нет ни намека на то, что я сдвинула их из камня.

Я больше не сдамся на милость фейри. Не так. Больше никогда.

— Подожди, — говорю я. Я не могу сформулировать связное предложение. — Постой, не надо...

Фейри подлетает ко мне, и я нервно дёргаю за цепи, стараясь отдалиться от существа. Проклятье.

— Замри, — говорит Огонек голосом похожим на звоночек.

Существо присаживается на моё бедро; его свет постепенно тускнеет, и я могу разглядеть человекоподобное создание, с острыми маленькими ушами и большими чёрными глазами. Его кожа тёмная и гладкая, как оникс, сверкала в тусклом освещении, как вкрапления слюды. На крыльях виднелись еле заметные золотые жилки, как у стрекозы.

Он выглядел таким безобидным. Но я то лучше знаю. Даже самые маленькие фейри способны убить человека или причинить много вреда.

“Если ты действительно та девушка, с которой я вырос, то я прошу прощения”.

Существо кладет руки на мое бедро, и я чувствую, как сила теплыми потоками растекается по всему телу, словно солнечные лучи.

— Она мне нравится, taibhsdear, — он смотрит на Дэниэля, глядя моё запястье, — она пахнет огнём. Могу я забрать ее?

— У нас есть договорённость, — говорит Дэниэль. — Твой вид не забирает людей.

Фейри хмурится.

— Я мог бы предложить тебе что-то за неё. Желание, mathograstu. Всё, что пожелаешь.

— Нет, — резко отвечает Дэниэль.

Существо опускает ресницы, но прежде, я успеваю увидеть вспышку гнева в его глазах. Похоже, он не любит, когда человек командует им. Что же это за место, где фейри делают что угодно для Видящего? Что это за соглашение такое?

— Гэвин сказал, что в этом тесте не бывает исключений. Почему? — говорю я. Мой голос дрожит. Чёрт. Ненавижу, как он трясется.

— Однажды мы уже допустили ошибку, без разбора забирая выживших в наше прошлое место пребывания, — взгляд Дэниэля прикован к маленькому существу, который, в это время поднимается вверх по моей руке. — Мы не повторим эту ошибку здесь.

Я напряглась, когда Огонек перевернул мою ладонь и облизнул руку, от запястья до кончиков пальцев.

— На вкус как пепел, — пробормотал он, — как будто сгоревшая.

Я замираю. Все, о чем я могу думать — как губы Лоннраха прикасаются к моей коже, моя кровь пачкает его рот. “У тебя вкус смерти”.

Я плотно прикрываю глаза, всего на мгновение. Его здесь нет. Его здесь нет. Ты не его.

— Я не под властью sthichean, — говорю я неуверенно, — я клянусь вам, что это не так.

— Гэвин сказал, что ты находилась в Sith-bhruth. На протяжении трёх земных лет.

Я ещё совсем не привыкла к акценту Дэниэля и тщательно обдумываю каждое его слово, чтобы вникнуть в суть.

— Эйтиннэ спасла меня...

— Они могли позволить тебе сбежать. Фейри забирают людей и ломают их разум. Затем они отправляют этих людей найти нас, надеясь, что мы выдадим своё местоположение, спасая их. Но есть один способ проверить влияние фейри, — пробормотал он, наблюдая за мной. — Они оставляют отпечаток в крови. Из-за него человек чувствует лишь удовольствие от фейри, и никакой боли.

Внутри все холодеет. Я вспоминаю руку Лоннраха на моем запястье, его палец скользит вниз по моей щеке... “Я хочу всё знать. Мне просто нужна твоя кровь, чтобы видеть”.

Нет-нет, я не могу быть под его контролем. Не могу, я...

Фейри забирают людей и ломают их разум.

Мое тело замирает. Ведь я приняла его еду. Я пила его воду. Он был в моей голове, он пил мою кровь, он украл мои воспоминания, он отметил меня.

“Ты проиграла. Теперь ты принадлежишь мне”.

— Этого не могло произойти, — шепчу я.

Или всё-таки могло? Могу поклясться, что Лоннрах почти завладел мной, когда мы сбежали с Sith-bhruth. Я сделала тот шаг против своей воли. На секунду тело стало не моим, я не могла контролировать себя. Я была его.

— Я не могу так рисковать, — Дэниэль отступает назад и прислоняется спиной к камню, прочь от света. Всё, что я могу рассмотреть в темноте — его силуэт и как медленно вздымается его широкая грудь. — Но если ты действительно не находишься под влиянием фейри, — просто говорит он, — то мне очень жаль. Потому что будет больно.

Я уже слышала это прежде.

Блуждающий огонёк улыбается шире, обнажая ряд достаточно острых и длинных клыков. Кто бы мог подумать, что они смогут поместиться во рту такой крохи. Прежде, чем я успеваю моргнуть, фейри впивается в кожу моей ладони идеально отточенными зубами.

Нет-нет-нет. Только не снова.

Укус жжёт. Боль, словно ток, поражает каждую клеточку моего тела, на ладони выступает капля алой жидкости, которая спустя секунды медленно стекает вниз.

Я не кричу. Я не стану. Вспомнились Дни-недели-месяцы-годы, проведённые в Sith-bhruth. Тогда я не кричала. Я не доставила Лоннраhu такого удовольствия. Это единственное, что у меня оставалось. Не кричать, не кричать, не кричать.

— Прекрати! — говорю я. Я умоляю Дэниэля взглядом. Фейри внезапно кусает ещё сильнее, клыки впиваются всё глубже, разрывая. — Хватит!

— Убедись, что она не притворяется, — Дэниэль говорит Огоньку спокойно.

Сразу после фейри отступает назад и приподнимает мой рукав.

— Её кусали прежде, — говорит он Дэниэлу сладким голосом. Он едва заметнo усмехается, эти слова предназначены только мне. — Много-много раз. Первый укус напоминает его.

Затем он вновь вонзает зубы в меня, целясь в вену.

Я с ужасом наблюдаю, как существо снова отступает. Кровь капает с его рта, он смотрит на меня своими тёмными и коварными глазами. Он выдыхает лишь одно пугающее слово:

— Seabhagair.

Seabhagair. Киаран прошептал мне его в парке несколько лет назад. Соколиная охотница. Теперь он знает, кто я.

Блуждающий огонёк издает неистовый, пронзительный крик. Рот открывается шире,

челюсть практически падает к ногам, зов эхом разносится по пещере. Я слышу, как крылья запорхали в ответ. Их сотни. Они начинают вопить в унисон, и скоро вся пещера заполняется их проникновенными воплями. Вкус жимолости оседает на моём языке, такой насыщенный, сильный.

Дэниэль подался вперед,

— Какого чёрта? — выругался он, уставившись позади меня, на дальний конец пещеры.

Моё сердце бешено колотится в груди. Я изо всех сил дёргаю цепи, пытаюсь высвободиться от оков.

— Они знают, что я Охотница, — говорю я Дэниэлу. — Освободи меня! Сейчас же!

Он бросается ко мне, протягивая руку к оковам, но слишком поздно. Блуждающие огоньки вокруг нас. Они кружат вокруг нас огромной группой, сотни из сотен ярких движущихся звезд. Как один, они впиваются в меня, отталкивая Дэниэля своей сверхъестественной силой.

У меня даже нет времени подготовиться. Вернуться в то оцепеневшее состояние, в котором я прибывала, когда Лоннрах приходил ко мне, просто чтобы вынести боль. Это хуже, чем его укусы. Это хуже зеркальной комнаты. Это не один рот, не один укус, не один фейри, восемьдесят два зуба — их сотни.

Я не могу остановить себя. Я кричу.

Огоньки разрывают мою одежду, кусают, полосуют мою кожу. Их зубы обжигают, их ногти царапают до крови. Они впиваются в вены и пьют кровь оттуда. Кровь течет по моей коже, моим ногтям, вниз по камню в устойчивом “кап, кап, кап”. Огоньки продолжают кусать снова и снова, и когда я уже думаю, что упаду в обморок от потери крови, что боль притупилась, агония разрастается с новой силой.

Сквозь порхание крыльев я слышу, что Дэниэль зовет кого-то. Он бормочет поток проклятий, поскольку пытается сорвать фейри с моих рук, моей одежды, но они только сильнее вонзают в меня свои зубы. Мой голос охрип, а горло болит от крика.

Когда я уже думаю, что больше не могу терпеть эту боль, я ощущаю вкус силы — сильный и знакомый. Киаран.

Все огоньки внезапно отрываются от меня, их сияющие тела врезаются в стены пещеры повсюду. Теперь они кричат, хлопая крыльями, и улетают в конец пещеры с писком, отражающимся от стен, как призраки.

У меня не получается поднять голову и я резко падаю вперед, повисая на цепях. В глазах двоится от яда Огоньков, прожигающего мои вены. Неожиданно Киаран оказывается рядом со мной, своими теплыми пальцами он приподнимает мой подбородок.

Боже, эти глаза. Красивые глаза Киарана осматривают мое лицо и шею, где Огоньки задели артерию, и с каждой секундой выражение его лица становится все холоднее. Без гнева, без каких-либо эмоций. Всего лишь подсчет повреждений.

Как будто готовится убивать.

Я стараюсь дотянуться до него, но цепи останавливают меня, лязгая о камень.

Киаран видит их, и я не думаю, что его взгляд может быть еще более жестоким. Он обхватил руками металлические оковы на моих запястьях. Я почувствовала всплеск его силы, когда металл превратился в пепел.

Не сдерживаемая больше цепями, я подаюсь вперед. Киаран ловит меня, и я шиплю от боли, зрение расплывается.

— Ты можешь двигаться? — Бормочет он. Его голос нежный, но в нем слышны нотки жестокости, из-за чего я мешкаюсь.

Я сгибаю пальцы и проверяю конечности, вздрагивая от того, насколько сильно они болят.

— Думаю да.

Мне больно говорить.

Все мои руки покрыты небольшими кровоточащими укусами, некоторые глубже других. Мои рубашка, брюки, пальто — все разорвано. Ткань клочьями свисает с меня.

— Значит, она твоя, — говорит голос позади нас. Дэниэль. — Так и думал, что должна быть какая-то причина, чтобы ты приложил столько усилий ради спасения человека.

Он даже не попытался скрыть отвращение в голосе.

— Она твоя зверушка.

Киаран не сводит с меня глаз, но я не пропускаю, как замирает его тело от слов Дэниэля. Пепел горит в его зрачках, и я ощущаю вкус его силы на моем языке.

Я наклоняюсь ближе.

— Не надо. Чтобы ты ни задумал — не надо.

— Ты испытываешь мое терпение, — голос Киарана разрезает воздух, такой же холодный, как зимний ветер, — ты не заставишь меня пообещать, Кэм. Не в этот раз.

Сейчас я могу ясно прочитать его. Я знаю, о чем он думает. Он будет убивать Огоньков, а так как клятва помешает ему убить Дэниэля — он причинит ему боль. Плохо.

Температура внезапно начинает падать. Мое дыхание становится видимым в воздухе, а кожа болезненно покрывается мурашками. Так холодно, что это обжигает.

Киаран снова изучает каждый мой укус, словно считая, скольких ему придется убить.

— МакКей, — говорю я. Легкие болят от холода. Я едва могу вдохнуть достаточно воздуха, чтобы что-то сказать, — остановись.

Киаран встает на ноги и тянется к клинку на талии.

Я делаю первое, что приходит в голову: хватаю его за запястье и со всей возможной силой тяну на себя. Я целую его.

Сначала просто, чтобы отвлечь, но потом... Боже. Температура вновь стала

нормальной, и я больше не могу думать. Это просто губы Киарана на моих, очертания, которые я так прекрасно запомнила. Это та же настойчивость, какой я ее помню. Это тот же звук, доносящийся из его горла, низкое рычание, заставляющее меня дрожать.

Потом я оказываюсь в его руках, он тянет за пальто, как будто хочет его снять. Он расстегивает пуговицы, его руки под...

Я задыхаюсь от боли у его губ. Он коснулся одной из моих ран.

Киаран отстраняется, словно внезапно осознав, почему я поцеловала его.

— Приятная диверсия, — голос его ломается. — Не помню, чтобы учил тебя этому.

— Я импровизировала. Мне нужно было твое внимание, — я едва могу говорить громче шепота. — Не надо жестокости. Я сделала это добровольно.

Его глаза сужаются.

— Ты позволила разорвать себя на кусочки?

Я не отвечаю ему, он не воспримет мой ответ.

— Не делай больно Дэниэлю.

Киаран поднимает меня на ноги. Он обнимает меня за талию, словно чувствует, что мне больно стоять.

— Ты снова ошибаешься, принимая меня за человека, Кэм, — когда он это говорит, его слова шепотом проходят по моей шее, оставляя там легкие поцелуи. — Там, откуда я родом, мы не практикуем сострадание. Если бы не моя клятва, я бы без раздумий убил его за то, что он сделал с тобой.

Прежде чем я могу ответить, он смотрит на Дэниэля.

— Кэм прошла твой тест, — его голос убийственно спокойный. — Теперь найдите ей место для сна и лечения.

Дэниэль встречается взглядом с Киараном, уже даже не пытаясь скрыть свою враждебность.

— Я не потерплю в своем городе людей, имеющих интимные отношения с фейри.

— Твой город? — губы Киарана изгибаются в дразнящей улыбке. — Будь уверен, я сообщу об этом пикси, — он указывает на меня. — Сразу же после того как скажу, что его человеческого компаньона не пускают сюда.

Руки Дэниэля сжимаются в кулаки, словно он готов к бою.

— Мне все равно кто она, она выглядит для меня как другая фейрийская шлюха...

Прежде чем я успела моргнуть, Киаран достал свой клинок и метнул его в Дэниэля. Лезвие разрезало рубашку и вклинилось в камень за ним — почти смертельный удар в живот.

— Закончи эту фразу, и следующий пройдет прямо сквозь горло, — говорит Киаран.

— Ходит слух, что ты не можешь убивать людей, — говорит Дэниэль, резко выдергивая клинок из скалы, стиснув зубы. — Это правда?

— Мне и не нужно убивать тебя, — говорит Киаран своим ужасающим фейрийским голосом. — Ты даже не представляешь, что может выдержать человеческое тело, не умирая.

Дэниэль рычит и бросает кинжал. Киаран отпускает меня, чтобы поймать его с легкостью, даже не моргнув.

— Первый бросок был вежливым, Видящий. В следующий раз я не промахнусь.

— Джентльмены, пожалуйста, — говорю я слабо, — достаточно, — звездочки пляшут перед глазами, и я со стоном сползаю по Киарану. Моя голова перестает соображать. Я словно плыву.

— Проклятье, Кэм, — Киаран подхватывает меня, когда я начинаю заваливаться вперед. Не уверена, что могу идти, — твоя кровь повсюду.

Мой голос начинает хрипеть.

— Я тоже этому не рада.

Киаран медленно ведет меня в сторону прохода, который выведет нас из пещеры. Голос Дэниэля прорывается через темноту.

— Я уже сказал, что не позволю жить ей в городе, фейри. Забирай ее и убирайся туда, откуда пришел.

Киаран останавливается и медленно поворачивается.

— Я полагаю, что ты ценишь оставшийся глаз, Видящий. Еще одно слово и ты останешься слепым.

— Дэниэль, ты здесь? — знакомый голос доносится из задней части пещеры. — Гэвин сказал...

Кэтрин замирает, когда видит меня и Киарана. В двадцать лет черты лица моей лучшей подруги женственные, еще более красивые, чем раньше. Ее волосы заплетены в косу, которая спадает ей на талию. Вместо платьев, которые она обычно носила (всегда по последней моде), на ней надеты темные брюки и льняная рубашка.

Одними губами она произносит мое имя, как будто не может поверить, что это я.

— Ты жива.

Затем она бросается вперед и крепко обнимает меня. У меня вырывается стон от боли, и ей приходится меня отпустить. Кажется, она даже не поняла, что я истекаю кровью.

— Боже, — наши глаза встретились, — они что, проверяли тебя?

— Твой муж проверял, — резко говорит Киаран. — А твой идиот-братец ему помог. Я удивлен, что ты этого не знала.

Муж? Она вышла замуж за Дэниэля? Боже мой, это похоже на нескончаемый ночной кошмар.

Я пытаюсь отойти, но чувствую слабость из-за большой кровопотери. Не теряя больше времени, Киаран берет меня на руки. У него это получается гораздо лучше, чем в прошлый раз, когда он держал меня на руках, когда я была больна. Он держит меня очень аккуратно, так как кровь все еще продолжает капать из моих многочисленных ран от укусов.

Я открываю глаза. Кэтрин оценивает раны, кровь, скопившуюся у ног Киарана.

— Никто не сказал мне, что ты жива. Никто, — она смотрит на мужа. — Дэниэль, нам нужно поговорить.

— Кэт...

— В рабочем кабинете. И скажи Гэвину, чтобы он тоже к нам присоединился. Прямо сейчас.

Она ждет, пока его шаги стихнут, затем произносит:

— Некоторые твои раны выглядят очень глубокими, — она прикасается к одному из шрамов на руке, отчего я прикусываю язык. — Я должна была быть с Дэниэлем здесь, чтобы помочь тебе. Если бы я знала, я бы тебя встретила.

Он ее муж? В самом деле?

Кэтрин выглядит такой расстроенной, поэтому, не могу не сказать ей.

— Все в порядке.

— Нет, не в порядке, — она и Киаран говорят одновременно.

Кэтрин бросает взгляд на Киарана, и я не пропускаю, как она становится суровой, или

как слегка дрожит ее голос, когда она говорит.

— Где ты собираешься оставить ее?

Мое зрение затуманивается, и голова начинает раскалываться. Я не слышу ответа Киарана. Он говорит что-то о двери. Какой двери? Я хочу спросить об этом, но, прежде чем я успеваю это сделать, головокружение становится слишком сильным. Последнее что я помню, это как Киаран нежно прижимал меня к себе.

Я скользила между сознательным и бессознательным, могла пролежать так часы или дни.

Спустя время я ощутила, что мои конечности стали слишком тяжелыми, чтобы двигать ими. Все тело будто горит изнутри.

Сквозь туман мне удалось открыть глаза. Я смотрю вниз на свои руки и вижу, что сотни укусов превратились в шрамы. Кожа сильно покраснела, будто я провела слишком много времени под солнцем, и стала влажной от лихорадки. Даже лёгкое почесывание кончиками пальцев доставляет мучения.

Иногда в комнате бывают люди, чьи голоса я узнаю. Я изо всех сил стараюсь открыть глаза, но веки слишком тяжёлые. Всегда тяжёлые. Я шевелю губами в надежде, что Эйтиннэ услышит и исцелит меня, но не могу говорить.

Всё тело болит, за исключением тех моментов, когда он рядом. Киаран. Вкус его силы оседает на моём языке, его имя на моих устах. Могу поклясться, что слышала, как он шепчет мне на языке фейри, который звучит так нежно и трогательно, как навязчивая колыбельная. Я так хочу ещё раз услышать те слова, которые он сказал мне перед сражением.

Aoramdhuit. Я буду служить тебе.

Он больше не произносит их. Я почти спрашиваю его, когда просыпаюсь, мои глаза болезненно открываются. Только тогда я понимаю, что это вовсе не Киаран рядом со мной, это Кэтрин.

— Эй... — я едва проговариваю это, голос охрип, и слова, скорее, напоминают карканье.

Кэтрин поднимает голову, глаза уставшие, словно она не спала в течение долгого времени.

— Хэй.

Я пытаюсь осмотреться, игнорируя жгучую боль в глазах, но едва могу держать веки открытыми. Я в комнате. Своей комнате.

Всё такое же, как я запомнила. Стены сделаны из тика, с сотнями крошечных лампочек между деревянными панелями. Штурвал от старой шхуны, взятый мной как трофей, висит на дальней стене рядом с картой. Раздается щелчок передач по краям потолка, которые подключаются к башне электроэнергии в центре Нового города.

Дом. Это сон? Я сплю? Голова начинает кружиться, картинка в глазах чернеет и размывается.

— Дом? — Я спрашиваю её, едва шевеля губами.

Я вижу её нерешительность. Кэтрин берёт мою руку.

— Тсс... Спи дальше. Я буду здесь, когда ты проснешься.

Мне снится дом. Нет, не моя старая жизнь, чайные посиделки, танцы и балы, мне снится место. В моем сне мы с мамой сидим на зелёной траве в парке на Принцесс-Стрит.

На дворе лето, и всё вокруг благоухает, цветёт. Моим любимым цветком всегда была лобелия. Такой нежный, он укрывал землю своими фиолетовыми бутонами. В это время года многолетники разбросаны по всему травяному ковру. Они, как одеяло, укрывают склон у основания замка жёлтыми, красными и розовыми цветами, трава вокруг ещё никогда не была более пышной и живой.

Солнце греет лицо. Моя шляпа откинута назад, и я, буквально, могу чувствовать тепло солнечных лучей. На мне светло-синее лёгкое платье, сквозь тонкую ткань я ощущаю дуновение летнего бриза.

— Красиво, не так ли? — Говорит мама. Она закрывает глаза, ее кожа светится золотом от послеполуденного солнца. — Я скучаю по этому.

— Я тоже, — говорю я.

— Мы просто обязаны посетить это место ещё раз. Только ты и я.

— Мне хотелось бы этого, — говорю я, голос срывается. Мне здесь не место.

Мама смотрит на меня.

— Что-то не так?

— Я просто... Я бы хотела остаться, — я срываю лепестки с нежного бутона лобелии. Один за другим.

— Почему бы и не остаться?

Как я могу объяснить ей это, не обидев?

— Меня ждут в другом месте. Люди, за которых я несу ответственность.

От резкого смеха матери меня окутывает неприятный холод, словно от ледяных прикосновений к коже.

— Что за чушь ты несешь! — Говорит она. Когда она откидывает шляпу назад, Её рыжие волосы и зелёные глаза почему-то кажутся неестественно яркими. Разве они всегда были такими? — Конечно же, ты не несешь ни за кого ответственности.

От её слов внутри возникает непонятное чувство. Она звучит как-то пренебрежительно. Мама никогда не говорила пренебрежительно.

— Но...

— Мы должны построить нечто новое, моя дорогая. Что бы ты ни пожелала. Разве ты не хочешь?

“Что бы ты ни пожелала. Разве ты не хочешь?”

— Нет, — говорю я. Что-то не так.

Резкий смех привлекает мое внимание. Вороны скопились в траве вокруг нас, сотни. Их не было там раньше. Теперь их чернильного цвета перья закрывают землю вокруг, с их острых клювов стекает алая жидкость. Кровь?

Мама хватается меня за руку, так сильно, что я едва могу дышать.

— Я найду тебя, — когда мой взгляд встречает её, я холодею. Её глаза чёрные, как смоль, темные, как беззвездная ночь. Я могу утонуть в них, — где бы ты ни была — я найду тебя.

— Минни? — Я зову её по прозвищу, которое когда-то давно ей дала. Не ей. Это не она.

Её лицо начинает исчезать, кожа облезает, оголяя кости черепа. С громким воплем я пытаюсь вырваться из её мёртвой хватки, но она крепко держит.

Я замечаю, что солнце исчезло. Небо потемнело, тёмные, совсем непроглядные тучи заволокли его, и наступил полный мрак. Цветы вокруг нас за секунды завяли и погибли. Они превратились в пыль. Вороны, словно насмехаясь, разрезают воздух диким карканьем, и взлетают, тяжело взмахивая крыльями.

— Отпусти меня, — я тяну изо всех сил, игнорируя боль. Её хватка настолько сильна, что пальцы буквально впиваются в мою кожу до костей.

— С этого момента каждая секунда, прожитая тобой — это мой подарок, моя милость, — её голос грубеет до неузнаваемости. Она тянет меня ещё ближе к себе и шепчет

на ухо. — Мы вновь увидимся. Скоро.

Я просыпаюсь готовая застонать от боли. Такое ощущение, что все тело горит. Я хватаюсь за одеяло, кожу. Больно.

— Айлиэн! — Чьи-то руки нежно сжимают мои плечи. — Всё в порядке. Ты в порядке. Кэтрин.

Я открываю глаза и вижу её силуэт, повисший надо мной. Она выглядит ещё более уставшей, чем в прошлый раз, когда я просыпалась. Хотелось бы мне знать, как долго она здесь пробыла.

— Так жарко, — я лишь хриплю.

Кэтрин хмурится, прижимая ладонь к моей щеке.

— Тебя всё ещё лихорадит. Дай мне минутку, — затем она тянется к чему-то. Я слышу всплеск воды, прежде чем она подносит к моей голове мокрую ткань и, сложив её, кладет на лоб.

Холодная вода приглушает жар, и я вздыхаю с облегчением.

— Спасибо.

Она снова берет мою руку.

— Лучше?

Ответ замирает на моих устах, когда я, наконец, замечаю, где нахожусь. Это часть не была сном. Я в своей комнате. Дома.

Голова вновь откидывается на подушки, и я поднимаю свой взгляд на потолок, ярко освещенный лампочками вокруг. Я видела, как часть стены обвалилась. Видела, как сгнила вся мебель. То место разрушено, его больше нет и не будет, по крайней мере, таким, как прежде. Оно превратилось в кучу обломков из-за фейри. И всё то, что оставалось от моей комнаты, всё то, что было мне дорого — разрушено *mortair*. Но здесь это выглядит так... идеально, я бы не смогла представить всё таким...

Я прикасаюсь пальцами к одеялу, так похожему на мое старое, шёлк приятно скользит по коже.

— Это реально? — Шепчу я. Или я всё ещё сплю?

Нет. Мои руки всё ещё покрыты сотнями укусов, оставленных огоньками, кожу неприятно жжёт.

— Всё зависит от того, что для тебя реально, — Кэтрин кладёт мою руку на деревянный каркас кровати. — Это ощущается для тебя реальным?

Текстура под кончиками пальцев кажется реальной. Так же как и узор в изголовье кровати. Я поднимаю голову достаточно для того, чтобы увидеть, как пальцы прижимаются к дереву. Я чувствую его текстуру, даже когда головная боль отдается в висках.

Наконец, становится так больно, что я ложусь назад. От боли я закрываю глаза.

— Где я?

— Ты всё ещё в королевстве пикси. Я объясню тебе всё, когда ты поправишься, — говорит она, — Эйтиннэ скоро вернётся и полечит тебя.

Мои губы такие сухие.

— Что со мной?

— Она сказала, что старый яд в крови плохо среагировал на новый, — я чувствую, как кончиками пальцев Кэтрин прикасается к шрамам на запястье. — От них? — спрашивает она

Она задает вопрос легко, но я замечаю, что это звучит так, будто она сдерживает свои

эмоции.

— Айе, — говорю я, погружаясь в сон, — я получила их в Sith-bhruth.

— Мне очень жаль, что меня не было рядом с тобой, — шепчет она.

Моя рука напрягается. Никак не могу понять, имеет ли она в виду то, что сделал Лоннрах или огоньки. Я могу сказать лишь три слова.

— Мне тоже жаль, — мне жаль, что я оставила вас здесь, в таком мире...

В следующий раз, когда я проснулась, меня охватило чувство боевой готовности. Когда я открыла глаза проверить здесь ли еще Кэтрин, то удивилась, обнаружив сидящего в кресле рядом с кроватью Гэвина, читающего книгу. Он поднял глаза, когда я пошевелилась.

— Ты выглядишь лучше, — он закрыл книгу и сел сбоку.

Кто-то переделал меня. На мне чистая белая рубашка, примерно на два размера больше и брюки, которые сидят немногим лучше. Всё мои раны уже зажили, это заслуга Эйтиннэ. От неглубоких укусов не осталось и следа, от других же — лишь светлые рубцы: небольшие и круглые отметки между укусами Лоннраха.

Незнакомые шрамы окольцовывают мои запястья. От оков, как я полагаю. Когда напали огоньки, я изо всех сил пыталась вырваться из них, и, вероятно, они впились в кожу. Я даже не заметила этого.

Я сжала зубы.

— Где Кэтрин?

— Она была рядом с тобой несколько дней, теперь моя очередь, — сказал Гэвин.

— Что, если я не хочу, чтобы была твоя очередь?

Гэвин отводит взгляд в сторону.

— Я знаю, ты злишься.

— О, ты и понятия не имеешь, что я чувствую, — я опускаю взгляд на шрамы. Я никогда не могла сопротивляться лозам в зеркальной комнате. Но у меня не было отметок, напоминающих об этом. Теперь есть.

Гэвин вздрагивает, замечая шрамы.

— Я должен был рассказать тебе о...

— Ты также должен был сказать о блуждающих огоньках, — прерываю я его. — Если бы ты это сделал, я бы сообщила тебе, что они с лёгкостью определяют по моей крови, что я Охотница. Моя кровь для них столь же опьяняющая, как и кровь Видящих, Гэвин.

Я замечаю в его глаза проблеск вины.

— Я не знал об этом.

— Потому что ты не спросил! — он открывает рот, чтобы возразить, но я опережаю его. — Деррик говорил, что я другая, то, что я Охотница всё усложнит. Ты солгал ему, сказав, что все упростишь для меня, не так ли? Ты пытался меня убить.

Гэвин отступает назад.

— Нет-нет! Я не пытался. Клянусь, я не пытался, — он выглядит так, будто хочет потянуться ко мне, но руки все еще висят по бокам, — из-за того, что ты Охотница, я был уверен, что ты можешь справиться с их укусами лучше, чем обычный человек. Ради бога, Айлиэн, я видел, как ты сражалась с ранами, от которых обычный человек бы погиб.

Я откидываю одеяло с ног.

— Я не в настроении выслушивать эти оправдания.

Когда я пытаюсь встать, Гэвин хватается меня за запястье.

— Ты не здорова.

Я вырываюсь.

— Не прикасайся ко мне.

Он поднимает руки.

— Эйтиннэ смогла исцелить укусы Огоньков, но тебе ещё нужно время на восстановление сил, которые они забрали.

— И как же ты собираешь меня здесь удержать? Опять закуешь в цепи? — холодно спрашиваю я.

Гэвин вздрагивает, но не отступает.

— Ты не здорова, — повторяет он более твердо.

— Я достаточно здорова, чтобы сломать твой симпатичный нос, если ты сунешься ко мне ещё раз!

Когда он отходит назад, я встаю с кровати и немного отхожу, держа между нами расстояние.

— Убирайся! Скажи Кэтрин или Эйтиннэ вернуться или найди Киарана. Если тут и должен кто-то находиться, то я бы предпочла любого, кроме тебя.

Гэвин не двигается. Мы смотрим друг на друга, в молчаливой битве воли. Он первым опускает взгляд, но не уходит.

— Я заслужил это, — его глаза снова возвращаются к моим шрамам, — за то, что сказал тебе ранее. Я должен был догадаться...

— Что меня тоже мучили? Что меня тоже отметили? — жестко говорю я. Взгляд опускается на руки. — Как это меняет твое отношение сейчас?

— Это лишь заставляет меня ненавидеть их еще больше, — резко отвечает он. — Я ненавижу их, Айлиэн. Ненавижу.

Его глаза словно умоляют меня понять его, но я не могу. Не сейчас.

Я иду к окну. Площадь Шарлотты совсем не повреждена, не тронута. Мой орнитоптер по-прежнему стоит на стоянке в центральном саду, как всегда. Увиденное вызывает боль в груди, потому что ничего из этого больше нет. Всё вокруг оживает, как в обычное весеннее время, солнечные лучи рассекают облака, и оседают на зеленой траве. Погода слишком прекрасная, слишком манящая.

Когда мое настроение мрачнеет, солнце полностью исчезает. Свет уходит. Трава усыхает и темнеет, в небе сгущаются грозовые тучи. Я наблюдаю, как снег покрывает мостовую.

— Пожалуйста, уходи, — говорю я Гэвину, когда он встает рядом.

— Позволь мне всё объяснить, — мягко говорит он, — если ты и после этого не передумаешь — я уйду.

Я закрываю глаза на мгновение.

— Сначала расскажи мне об этом месте, — я медленно сползаю вниз у окна, пока опускаюсь на твердый деревянный пол. — Это нереально, не так ли?

Теперь, когда я более внимательно изучила комнату, я заметила, что в ней нет и частички меня. Это всего лишь иллюзия, воссоздание всех тех вещей, которые я любила в том мире, комнаты, которую мы с мамой создали вместе.

Здесь так же нет ничего связанного с ней. Здесь нет ни одной вещи, на которую я бы могла указать, сказав, что она другая, но я, буквально, ощущаю пустоту ко всему этому. Это место мне чуждо, будто бы здесь никто никогда и не жил. Это место создали не мы с матерью.

Я тянусь к своему пальто, оставленному Кэтрин на стуле возле окна, и сразу же достаю из кармана тартан моей матушки. Я сжимаю его так сильно, что руки начинают болеть. Так, словно я смогла бы всё вернуть. Словно могла бы вернуть ее.

— Это иллюзия, — отвечает Гэвин, присаживаясь рядом со мной, кладя руки на колени. — Твой пикси называет этот эффект *cruthaidheachd*, воссоздание. Они используют его для создания своих миров. Мы же используем его для воссоздания наших домов из воспоминаний.

Тогда это словно пытка. Это лишь пустота, не имеющая никакого значения, просто заполненная вещами, которые мы помним.

— Я могу что-либо создать?

— Можешь. Но мы окружаем себя тем, что желаем видеть. Независимо от самого места в целом, — на его лице появляется небольшая улыбка, — полагаю это твоя комната?

— Да, — отвечаю я.

Я до боли по ней скучаю. Это место не пахнет, как дом, оно не ощущается так же.

— Это имитация. Здесь есть всё, но они не правильные. Эти вещи ничего не значат.

— Я не согласен, — его голос затихает, — наши воспоминание — это всё. Ты так не считаешь?

Я закидываю голову назад и закрываю глаза от жгучей боли.

— Что если то, чего я жажду больше всего — не моя комната, а город, — я сглатываю, — который я люблю.

— Мы не можем вернуть мёртвых, — отвечает он. — Даже здесь. Поверь, многие пытались.

Тогда я смотрю на Гэвина. Внимательно, не так, как во время нашей первой встречи, когда я была просто рада тому, что он жив. Я смотрю на мужчину, которым он стал, а не на мальчишку, с которым выросла. Его черты лица такие знакомые, они почти не изменились, за исключением полученных шрамов. Но я также заметила и другое.

Его волосы стали длинней, как раз закрывают уши. Он не брился, по крайней мере, пару дней, что очень отличается от того Гэвина, которого я знала. На нём шерстяная рубашка, с открытой шеей, как и мой костюм для охоты. У основания горла виден тонкий и почти исчезающий шрам, словно лезвие только слегка его задело.

— Когда мы были снаружи, ты смотрел на меня так, словно я чужая. Словно ты меня не знаешь. Почему?

— Ты так это истолковала?

— А как ещё я могла истолковать? — я прижимаю голову к стене, и смотрю теплее. — Ты был так холоден. Я ещё никогда не видела тебя таким. Ты солгал Деррику. Ты послал меня...

Ты послал меня на пытки.

— Прошло три года, Айлиэн, — говорит Гэвин. — Я изменился. Мне пришлось адаптироваться, чтобы выжить. А ты... — он поискал мой взгляд. — Тебя здесь не было. Ни во время охоты, ни во время падений городов. Ты не знаешь, через что мы прошли.

Почему спасаем твой дом вместо моего?

Покажи мне. Сейчас.

Я видела лишь дым и здания. Разрушения и пепел от сожженных зданий. Меня не было здесь, чтобы видеть всех людей, уничтоженных армией фейри. Меня не было здесь, когда выживших собирали по кусочкам.

— Нет. Не было, — говорю я.

Гэвин осматривает мою комнату. Он никогда ее не видел, вплоть до разрушения. Я изменила дизайн после его отъезда в университет. Однажды мне удалось тайком провести его в мою старую комнату, мою...

Я понимаю, что могу воссоздать ее для него. Я мысленно переносусь туда, это так же просто, как и придумать картинку у себя в голове, а потом воплотить ее в жизнь. Старые золотисто-малиновые узорчатые обои, тонкие кремовые шторы легонько раздуваются от ветра. Персидский ковер на полу идеально сочетается с деревом.

Вся мебель сделана из тикового дерева, подушки цвета слоновой кости и золота. Это были мои любимые цвета. Когда Гэвин прокрался туда впервые, мне пришлось спрятать всех своих кукол, так как они меня смущали. Я не хотела, чтобы он видел их. Они находились на каминной полке, там, где было их законное место до тех пор, пока отец не приказал забыть все ребячество и убрал их прочь.

Гэвин оглядывается в моей старой комнате, его выражение лица меняется от удивленного до закрытого и холодного.

— Верни все обратно.

Я приподнимаю бровь, игнорируя его тон. Я имела дело с Киараном достаточно долгое время. Гэвин мне не ровня, даже когда он наиболее разозлен.

— Воспоминания многого стоят, — говорю я, цитируя его слова, — разве ты так не думаешь?

— О чем ты хочешь мне напомнить, — спрашивает он мертвым голосом, которого я не узнаю. — В последний раз, когда я был в этой комнате, ты поцеловала меня. Или ты забыла?

В одно мгновение комната становится такой, какой она была до этого. Тиковая панель падает на гладкие узорчатые обои, ковер сменяется деревянными досками. Вся мебель исчезает, исключая мой диван, запаханный моими грязными, промасленными пальцами, я любила отдыхать на нем после работы с металлом.

— Это было очень давно, — говорю я, — я думала, тебе будет более уютно.

— Для тебя прошло не так уж много времени.

— Достаточно долго, Гэллоуей, — мягко говорю я. Он смотрит на меня удивленным взглядом. — Что? Я что-то не так сказала?

Гэвин покачал головой, прислонившись спиной к подоконнику.

— Ты назвала меня Гэллоуей. Никто не называл меня так достаточно долгое время, — видя мое сконфуженное выражение, он объяснил, — у меня больше нет титула, Айлиэн. У меня нет земли. После всего, что здесь произошло, это казалось лишь глупой формальностью.

— Ты сказал, что расскажешь обо всем, — говорю я. — Что случилось, пока я была в Sith-bhruth?

Он смотрит вверх на тикающие шестеренки, от которых идет электричество, сейчас они ни к чему не присоединены. Проходит очень много времени, прежде чем он начинает.

— После их прихода первое время мы жили в заброшенных руинах деревень. Окруженные все, кто выжил. Фейри находили людей и своим влиянием заставляли выдавать наше местоположение, — его голос задрожал, и он сглотнул. — Каждый раз, когда мы передвигались, они приходили в наши села ночью, чтобы убивать. Те, у кого не было Зрения, никогда не видели их приближения.

Я смотрю на его руки, как он теребит края своей рубашки, пока говорит об этом.

— Поэтому вы создали этот тест, — я стараюсь говорить, скрывая эмоции. Я могу понять почему, но я все еще не готова простить его. Не за это. — С огоньками.

Он кивает.

— Люди легко попадают под влияние фейри. Еще одно нападение оставит наш вид на грани вымирания.

Я изучаю шрамы на его лице. Они выглядят так, будто один фейри схватил его и начал вырезать глаз из плоти вокруг. Сейчас шрамы начали исчезать, такие бледные на его коже.

— Отвратительно, не так ли? — его голос выводит меня из раздумий, и я понимаю, что, видимо, притихла на какое-то время. Я заметила, как напряглась его челюсть.

Я качаю головой.

— Только не для меня, — я не могу остановить себя, и мои пальцы скользят по его лицу, вдоль по четырем неглубоким шрамам над его бровью. И наконец, один глубокий шрам на его щеке. — Твои шрамы не дефекты, Гэллоуей. Они не недостатки. Они рассказы, написанные на твоей коже.

— Рассказы? — звучит так, будто он думает, что это глупая мысль.

— Айе, — говорю я, — они рассказывают историю, о том, как ты выжил. Этого не стоит стыдиться.

Затем он смотрит на меня.

— Какие же истории рассказывают твои шрамы? — спрашивает он. — Тоже о выживании?

Я резко отталкиваюсь от него. Прямо за ним я замечаю карту Шотландии на дальней стене. Сотни булавок, повязанные красными лентами, которые отмечают убийства Сорчи. Однажды я сожгла эту карту, разорвала ее в клочья. Теперь она снова здесь, в целости и сохранности.

Было время, когда я бы рассказала Гэвину, что мои шрамы рассказывают историю убийства каждого фейри. Как я училась, чтобы убить одну фейри, которую больше всего хотела. Я бы сказала, что они моя своего рода гордость, мои победные медали. Мои шрамы рассказывают историю о девочке, которая уничтожала саму себя, пока не осталась мстительная Охотница из зеркал.

Вещи, которые стали более значимыми в моей тюрьме, не имели ничего общего с местью или жаждой убивать фейри, или с тем, чтобы быть Охотницей. Это были танцы. Смех. Горе и дружба. Крепкие объятия и тяжелые прощанья. Украденные поцелуи под кровавой луной.

— Нет, — тихо говорю я, — они рассказывают о том, как я снова стала человеком.

Я проспала весь следующий день. И, хотя мои конечности все еще дрожали, когда я вылезла из кровати, я была в состоянии твердой походкой пройти к своему шкафу. Прислонившись ухом к двери, я улыбнулась, когда слышала, как Деррик напевает похабные песенки. Его голос приглушил шелест ткани.

Я дважды постучала, прежде чем открыть дверь. И вот он, растянувшийся на горе разноцветных шелков, держит в руках иголки с нитками.

— Айлиииизн, — пропел он, крылья запорхали веером позади него, — тебе лучше! Ты проснулась! Выглядишь так, будто тебя переехал поезд, а потом бросили в реку.

Прислонившись к дверной раме, я сказала:

— Должен был добавить в конце про укусы, не так ли? — я согнула руки, ноги, они все еще болели. — В любом случае, клянусь, это хуже. Огоньки злобные.

Золотой ореол Деррика стал красным от напоминания.

— Я должен был понять, что Видящий врет. Если бы он не был твоим другом, я бы снял с него кожу и взял ее в качестве трофея, — он останавливается на одной из тканей, глубокого королевского синего цвета. — Но так как ты, кажется, дорожишь его жизнью, я лишь укусил ублюдка за руку. Зуб за зуб. У него был привкус страдания.

— И, я вижу, в последствие ты вернулся в мой шкаф.

Деррик продел нить в иголку, которая почти в половину размера всего его тела.

— Я был так счастлив, что ты создала его для меня! Я спал в своей собственной версии твоего шкафа последние три года, и он никогда не пах так же. Только деревом. Я ненавижу запах дерева, — он взглянул на меня. — Ты снова заставила его пахнуть розами. И милыми водопадами, — он лениво улыбнулся, — и девушками.

Я почти сказала ему, что не делала шкаф специально для него, но он выглядел таким довольным, что сказав это, я выглядела бы как зануда. Вздохнув, я поддела одну из тканей пальцем ноги.

— Что это?

— Я шью платья. Когда я пришел сюда, шкаф выглядел будто ад.

— Он был пустым, полагаю?

Деррик взглянул на меня, как будто я внезапно стала ненормальной.

— Конечно, глупый человечешко. Кто пользуется пустым шкафом? Как ты можешь разгуливать в этой отвратительной одежде, выданной твоей подругой, только потому, что Огоньки обслюнявили всю твою кожу? — огоньки обслюнявили? О Боже. Он начал шить снова, двигаясь так быстро, что я видела лишь поток света. — Я даже сделал для тебя шелк. Намного лучше, чем ваш человеческий шелк, не то что бы ты просила меня об этом раньше...

Я посмотрела на него с подозрением. В нормальном состоянии пикси двигаются быстро, но он делает те же раздражительные движения, которые делает, когда...

— Кто-то дал тебе меда?

— Эйтиннэ дала мне только крошечный глоточек, — он вытягивает большой и указательный палец, показывая часть. — Глоточек. Я люблю ее. Я должен сшить для нее платье.

О, ради Бога. Из-за меда Деррик становится чрезвычайно активным. Шьет, чистит

полирует. Он мог сшить сезонный гардероб после миски.

— Нам больше не нужны платья. Здесь нет никаких балов или собраний. Помнишь?

Он остановился и взглянул на меня.

— Только потому, что миру конец, ты больше не можешь одеть что-то необычное?

Я вздохнула. Это должно быть ловушка. Есть ли правильный ответ на этот вопрос?

— Хорошо, но...

— Отлично! В любом случае, я сделал это для тебя, — Деррик бросил мне одежду, и так как я все еще замедленна от укусов Огоньков, то не смогла поймать ее. Она кучей свалилась у моих ног. — Одежда для охоты. Теперь будь любезна, сними эту отвратительную, неподходящую, пахнущую слюной Огоньков одежду, и одень эту.

— Ты — чудо, — сказала я сухо. — Я так и сделаю, — я оглядела одежду, в которую меня передела Кэтрин. На вид она не принадлежит ей — примерно на 2 размера больше, и я тону в рубашке. Я, наверно, нелепо выгляжу.

— Ничего, что ты плохо пахнешь, — сказал Деррик спокойно. — Ты все равно моя фаворитка.

Он отвернулся, продолжая шить наряд, который оставил на середине, когда я зашла, намекнув мне закрыть за собой дверь и оставить его в покое. Я уважаю его желания, поэтому лишь наклоняюсь, чтобы взять охапку вещей у моих ног.

Я разложила одежду на кровати. Шерсть безупречно соткана, я не думала, что шерсть может быть такой мягкой. Сшито, конечно, идеально. Пикси никогда не делали что-то менее, чем идеальное.

Я медленно переоделась, отмечая, как сильно болят мышцы. Пока одевалась, я заметила новые раны на руках и ногах. Крошечные укусы от огоньков сейчас заживают.

Овальное зеркало в углу комнаты со всех сторон показывает мое тело. Даже раньше, до того как начала охотиться, я никогда не соответствовала идеалу красоты, ожидаемой от женщины в обществе: моя кожа была столь веснушчатой, что моя гувернантка как-то посоветовала мне смазывать ее сливками, чтобы достигнуть гладкой кожи цвета слоновой кости. Сейчас же мои ровесники посчитали бы меня слишком мускулистой, а оспины и углубления от моих излеченных ран — неженскими и, в их умах, нежелательными.

Но после всего, через что я прошла, я горжусь, что у меня такое сильное тело, что есть отметки, показывающие, сколько оно вынесло. И не имеет значения, насколько болезненными эти воспоминания могут быть.

Я быстро помылась в ванне и надела новую одежду на мои новые шрамы. Как только я заправила рубашку в штаны, дверь в спальню открылась.

— Ой! — сказала Кэтрин, резко остановившись. В руках она держала поднос. — Я ужасно извиняюсь, я ожидала, что ты все еще будешь в постели, — она хмурится, закрывая дверь позади себя. — Ты должна быть в постели.

— Я встала 5 минут назад, а ты уже нянчишься со мной? — сказала я, приподнимая бровь. Я бросаю более пристальный взгляд на дымящееся блюдо, которое она несет. — Это еда?

Она закатывает глаза и передает мне поднос, я сажусь за стол. Какой-то стейк с белым соусом, который выглядит совершенно незнакомо. Не то, что я обычно ем по утрам.

— Что это? — я так голодна, что мне практически все равно. Подцепив кусочек, попробовала его на вкус. Оно могло быть столь же мягким, как булочки, и все равно это останется лучшим мясом, которое я когда-либо пробовала.

— Оленина. Феи здесь охотятся и приносят мясо для нас

Я чуть не уронила вилку.

— Фейри?

Кэтрин оценивает меня терпеливо.

— Мне нравится это еще меньше, чем тебе, но у нас перемирие, и мы соблюдаем его — до тех пор, пока они не убьют человека.

Значит, это перемирие не распространяется на разрешение фей подвергать пыткам людей в пещере в качестве теста, чтобы доказать, что эти люди не находятся под влиянием фейри. Думаю, я не должна удивляться этому. В конце концов, это город пикси. Он был сделан для фей и никогда не предназначался для человеческого обитания. Важно только то, что мы вынуждены были разделить его с ними.

Деррик пропел строчку из песни из глубины шкафа, прозвучало это как очень непристойное слово для определения части мужского тела. Кэтрин уставилась на дверь.

— Боже мой, что он там делает?

— Шьет, — говорю я, засовывая другой кусок мяса в рот, определенно неблаговоспитанным способом. Затем я понимаю, что только что произошло и смотрю на нее. — Стой, ты можешь слышать его?

Кэтрин подняла рукав своей рубашки. Вокруг ее запястья обмотана тонкая ниточка сейгфлора, редкого чертополоха, который позволяет людям видеть фей.

— Все в городе носят его.

— Где вы нашли его? — я никогда не знала, где Киаран выращивает чертополох. Он всегда пополнял мой запас, часть которого я использовала для своего оружия. Без этого я не могла бы сражаться с фейри. Я не могла бы их даже увидеть.

— Это был жест перемирия. Эйтиннэ рассказала мне, как его выращивать, прежде чем отправилась искать тебя, — сказала Кэтрин. — Благодаря этому у тех из нас, у кого не было Зрения, появился некий шанс на выживание.

Я должна была догадаться, что это была Эйтиннэ. Киаран никогда не показал бы такое человеку.

— Так она учила Вас всех, как выращивать его?

— Нет, — сказала Кэтрин отстраненно, все еще слушая, как поет Деррик, — только одного человека. Так получилось, что она выбрала меня, — ее глаза на мгновение оторвались от шкафа — Так ты просто ... жила с одним из них, вроде этого?

Я стараюсь не обращать внимания на ее тон. Полагаю, Деррик выявил защитную сторону во мне. Он был первым фейри, о котором я стала заботиться, он научил меня, что не все феи должны умирать.

— Он мой друг, — сказала я коротко.

Кэтрин опустила ресницы, румянец залил ее щеки.

— Прости. Я не хотела, чтобы это прозвучало вот так. Он спас нас всех, позволив нам остаться здесь, — она вздохнула. — Мне просто трудно доверять им.

Она замолкает, пока осматривает комнату. Проводит взглядом по тиковым панелям вдоль стен и рабочего стола около нее. Я замечаю пустые места, где раньше лежали металлические детали, из которых я делала свои изобретения. Еще одно напоминание того, насколько фальшиво это место.

— Я рада снова видеть твою комнату, — сказала она мягко. — От этого я ощущаю ...

— Будто бы мы вернулись обратно, — я закончила за нее. — Просто окончание

позднего завтрака?

— Я скучаю по чаю и песочному коржику, — маленькая улыбка озаряет ее лицо, — по обсуждению глупых танцев и наших ухажеров.

— Кстати, говоря об ухажерах ... ты замужем, — я сказала это легко, откусывая еще один кусочек стейка.

Она кивнула.

— Дэниэль. Ты знала, что он спас мне жизнь? Мы с мамой были по другую сторону Глазго, когда фейри напали на город.

Я замерла.

— Это должно быть ужасно, — я не могу даже представить. Они не могли видеть их, только наблюдать, как люди вокруг умирают. Я должна была предупредить ее лучше. Проклятье, я просто отправила ее подальше...

— Мы могли слышать крики, — она прослеживает кончиками пальцев по краю моего рабочего стола, — мы были не близко, но даже от дороги могли ...

Я уронила вилку с острым лязгом. Слова Лоннраха с той ночи до сих пор ясно звучат в моем мозгу.

Уничтожьте все.

И фейри сделали именно то, что он приказал им. Они превратили Шотландию в не что иное, как руины и пепел, и Кэтрин была прямо посреди этого. Никого не было, чтобы защитить ее.

— Фейри окружили экипаж, — продолжила Кэтрин, — мы не могли видеть их, но их когти расцарапывали даже двери. Дэниэль пробрался внутрь, и мы бежали, — у нее промелькнула призрачная улыбка, маленькая и печальная. — Он сделал все, чтобы убедиться, что они не последуют за нами.

— Леди Кассилиас, — сказала я. — Она...

— Она ушла в прошлом году, — Кэтрин прервалась несколько натянуто. — Не смогла противостоять феям, когда они позвали.

Я почти сказала ей, что сожалею. Не смотря на то, что Эйтиннэ сказала мне, я не могу не винить себя. В мыслях я проигрываю те последние моменты с печатью, и каждая секунда говорит — я должна была. Я должна была понять устройство раньше. Я должна была быть сильнее, когда Сорча ворвалась в мой разум. Я должна была поставить последний символ на место вместо того, чтобы смотреть на Киарана в последний раз, потому что так безумно хотела спасти его.

В итоге я никого не спасла.

— Мне не хватает ее здесь, — сказала Кэтрин, приближаясь к окну. — Не важно, как много времени прошло, иногда я все еще думаю, что это сон. Что это не реально.

— Я думала также после того, что случилось с моей мамой, — сказала я, заканчивая с едой, потом села рядом с ней. — Что проснусь однажды, а она будет жива, и моя жизнь снова будет состоять из чаепитий и встреч. Но затем меня поразило, была ли я создана вообще в действительности для того мира?

— Какая же глупая я была, — ее щеки темнеют, как будто она смущена. — Ты знала, что происходит вокруг, пока я была занята ухажерами и танцами. Я, должно быть, выглядела, как полная дуручка.

— Никогда, — сказала я ей. — Не для меня.

Где-то хлопает дверь, и я слышу громкий голос с сильным шотландским акцентом.

Кэтрин выглядит раздражено.

— Должно быть, мой муж выиграл в висте, — ругается она. — Это означает, что мне пора опять поговорить с ним о его отвратительном поведении. Я не могу в достаточной мере извиниться за то, что случилось.

— Это не твоя вина, — я говорю скованно. Это может быть ужасно неуместно — избить лицо мужа моей дорогой подруги за то, что он сделал, не говоря уже о том, как он почти назвал меня.

— Бычьи яйца! — я взглянула на Кэтрин. Никогда не слышала, чтобы она использовала это выражение. — Они играли с твоей жизнью. Ты могла умереть, я так и сказала это своему глупому брату. Он должен был знать, что Соколиные Охотницы не нуждаются в проверке. Ты была в состоянии сопротивляться влиянию фейри точно так же, как Видящие.

Я замерла. Я рассказывала Кэтрин, что убиваю фейри, но никогда не упоминала что-либо связанное с Охотницами.

— Ты знаешь?

— Конечно, я знаю, — говорит она, взмахнув рукой. — Или ты думаешь, что Гэвин мог бы хранить этот секрет 3 года ... мужчина не может даже скрыть от меня, где он держит свое лучшее виски. Он достойно блефует с кем-либо еще, но я считаю его ужасным лгунишкой.

Еще больше смеха доносится из помещения снизу, и я смотрю на дверь, ведущую в город пикси. Когда я представляла королевство Деррика, я предполагала, что оно равносильно его размерам, не соответствующее человеческим в принципе.

— Как он выглядит?

Кэтрин проследила взглядом.

— О, город?

Я поднимаю руку, опережая ее.

— Прежде, чем ты скажешь что-то еще, пожалуйста, не говори, что мы в какой-то другой реальности пикси на Скае. Что все мы уменьшены до размеров жучков или что-то в этом роде, — Кэтрин выглядит сбитой с толку, поэтому я говорю: — Это мой абсурдный способ подготовиться.

— Нет, нет. Ничего подобного, — заверяет она меня. — Мы все еще в человеческой реальности. Пикси построили город под водой между материком и Скае. Они вырыли туннели, которые проходят вокруг острова... — Она останавливается, улыбаясь мне той хитрой улыбкой, которая у нее была, когда мы были детьми. — Кажется, я должна просто показать тебе все это, не так ли?

Когда Гэвин и другие упоминали о Королевстве пикси, как о городе, я думала, возможно, им проще называть это место именно так. Знакомое слово в незнакомом месте. В действительности, это город. Настоящий город. Такой крупный, что мне едва верится, что он был скрыт под водой все это время.

Моя комната находится на четвертом уровне высокого строения в форме улья. Высокие, арочные колонны представляют собой каркас, который является основой системы подводной пещеры. Эти колонны, похоже, сделаны из кварца. После более тщательного исследования, я заметила свечения у скал, подобно папоротнику они расходятся вдоль поверхности. Из строения выступают множество рядов балконов с их собственными арочными входами, каждый из которых ведет к индивидуальным дверям. Они составляют структуру пещеры, которая изгибается к поверхности воды между островом Скае и материком.

Над нами какие-то огни мерцают, как звезды, в то время как некоторые проносятся между верхними балконами. У меня заняло мгновение, чтобы понять, что это не звезды — это феи. Множество блуждающих огоньков. Моя рука немедленно потянулась к самому глубокому укусу на моей шее, сейчас превратившемуся в тонкий шрам.

Поразительная болтовня возвращает мое внимание к земле. Выглядит так похоже на улицы Шотландии: мощеные дороги проходят параллельно с фонарями, которые их освещают. Здания высокие, как башни, и тонкие, как квартирные дома. Между ними дома из безупречного белого мрамора. Некоторые дома построены из пещерного камня, который напоминает сверкающий черный обсидиан.

И люди тут — сотни людей — ходят, улыбаются, смеются и общаются. Они бродят по улицам, чем-то похожим на рынок с товарами и едой.

Отсюда я могу видеть вещи, которые никогда раньше не видела или не пробовала: египетские апельсины, кокосы из Восточной Индии... Феи могут вырастить или восстановить что угодно, что человек пожелает. Они могут сделать еду из ничего, если захотят. Это часть их перемирия с человеком?

Кэтрин подошла ко мне.

— Экстраординарно, не так ли?

Я снова оглянулась назад на огоньки, наблюдая, как они переплетаются друг вокруг друга, как сотни светлячков. Я помню нажим от их укусов, ослепляющую боль. Моя рука тянется к оружию в поисках защиты, даже если огоньки и не заметили, что я здесь.

— Айе. Экстраординарно.

Кэтрин видимо услышала скачок в моем голосе, потому что она тут же оглянулась с беспокойством.

— Ты в порядке? — она заметила, что мое внимание все еще приковано к огонькам. — Они не причинят тебе вреда здесь, не разрушив перемирия, но, если ты хочешь зайти внутрь, я пойму.

Я ничего не могу сделать со своей неловкостью. Я убивала фейри год, пока Лоннрах не запер меня в тюрьму. Мои отношения с ними основываются на жестокости, я не доверяю им, даже с перемирием.

Голос Лоннраха всплыл в моих воспоминаниях. Жестокая колкость для обессиленной девочки в его тюрьме. Теперь ты по себе знаешь, каково это — чувствовать себя

беспомощным.

— Нет, — сказала я более резко, чем собиралась. — Я в порядке.

— Айлиэн...

— Ты собиралась рассказать мне о городе. Пожалуйста, продолжай.

Кэтрин вздохнула и наклонилась за балюстраду.

— Мы перестроили многие из зданий. Когда мы пришли, все было практически уничтожено, — она слегка улыбнулась. — И, конечно, оставшееся не подходило для человека. Мы оставили их структуру, но подогнали под себя.

Гордость звучит в ее голосе, когда она рассказывает о городе. Я ненавижу невозможность разделить это с нею. Я солгала, что в порядке.

Сосредоточься, говорю я себе. Успокойся. Мои руки полезли в карманы, где я обычно держу крошечные изобретения, которые переделываю, только не нахожу ни одного. Поэтому я хватаю край своего пальто.

— Вы построили все это за несколько лет? — мой голос звучит напряженно, и я надеюсь, что она не заметила это.

Она заметила. Я замечаю, как она подвинулась ближе, как будто чтобы защитить меня. Или, возможно, чтобы подготовить меня к тому, что скажет дальше.

— Феи помогли, — сказала она натянуто. — Как часть перемирия. Мы никогда бы не сумели закончить все так быстро, и, конечно, их силы здесь увеличены. Город построен на neimhead.

— Neimhead? — Я не знакома с этим словом, даже из уроков Киарана.

— Священное место силы. Для них, — она кивнула в сторону феи, пролетающего мимо нас. — Они говорят, что этот — самый древний из всех.

Я снова устала на огоньки — мерзкие существа, беззаботно танцующие.

— Мы можем спуститься? — говорю я, контролируя лому в голосе. Не могу вынести это. Чем дольше я нахожусь здесь, рядом с феями, тем больше вероятность, что начну убивать их всех. Я предпочитаю не начинать войну, поскольку только прибыла сюда.

Выражение Кэтрин понимающее.

— Конечно, можем.

Она тянет рычаг рядом с нею, и балкон начинает опускаться. Я склоняюсь над своим каменным балконом, чтобы изучить его лучше. Механизм вдоль основания позволяет ему подниматься и опускаться на другие этажи, делая паузу на каждом, пока он, наконец, не опускается на дорогу из булыжника. Кэтрин поставила рычаг на место, и, расцепив части балкона — Железные ворота — вывела меня на улицу.

Город напомнил мне Эдинбург ночью, до того как в нем появилось электричество, уличные лампы освещали путь, огонь мерцал в их стеклянных шарах. От потока света булыжники, сделанные из того же камня, что и внешние стены пещеры, светились теплым светом. Совсем не похоже, что мы закрыты здесь внизу, нет влажных стен, ниоткуда не капает, как если бы мы находились в обычной пещере. Воздух другой, такой же свежий, как осенним днем; аромат огня и дождя смешивается со вкусом поразительно сладкой силой фей — от жимолости до имбиря к таким более сильным вкусам, как дымный порошок и пепел.

Потрескивание сверху удивило меня. Я взглянула вверх, чтобы увидеть, как облака затягиваются над потолком, в них сверкает молния. Дождь начал капать на здания и улицы. Я наблюдаю, как люди останавливают свою рутинную работу и поднимают головы к небу, чтобы почувствовать капли дождя на их лице.

— Что они делают? — спрашиваю я. Это Шотландия, в конце концов. Делать паузу, чтобы обратить внимание на дождь, то же самое, что делать остановки, когда ветви дерева шелестят.

Кэтрин вытянула свою ладонь, чтобы поймать каплю.

— Большинство людей не бывали снаружи годами. Так просто скучать по вещам, которые однажды принимали, как данное.

Я пытаюсь скрыть шок. Независимо, насколько прекрасен город, я не могу представить себе, каково это быть запертой здесь так долго. Эта погода похожа на комнатную: прекрасную, чрезмерно санитованную и точную копию. Здесь не хватает чего-то — не могу назвать чего именно, что заставляет тебя чувствовать себя живым, когда бы ты ни вышел наружу. Что заставляет дышать глубоко и наслаждаться воздухом в легких.

— А что будет, если они выйдут наружу? — спрашиваю я. — Что случится?

Кэтрин убрала руки в карманы брюк.

— Они могут не вернуться обратно.

Значит, фейри могут забрать их. Они могут умереть или, еще хуже, их заберут в Sith-bhruth и продержат до тех пор, пока их похитителям не надоест, и от них не избавятся.

Когда Кэтрин и я проходили по загруженной улице, мы притянули больше, чем несколько любопытных взглядов. Здесь пахло фруктами, мукой, дождем и туманом. Комбинация этих запахов напомнила мне об Эдинбурге в рыночный день, когда на улицах сутились так же, как здесь.

Кроме блеска городских огней и совершенно чистых улиц, люди здесь так же были другими, нежели в Эдинбурге. Они одеты в мягчайшую шерсть, окрашенную земными тонами, их брюки и пальто очень хорошо сшиты, возможно, феями, и здесь нет разделений на классы. Ничто не говорит о том, выросли ли они в аристократии, подобно мне или Кэтрин. У некоторых кожа темнее, целый спектр различных оттенков из разных мест, и я улавливаю шепот на языках, которые не узнаю.

Как будто читая мои мысли, Кэтрин перешла на почти слышимый шепот.

— Мы многого не знаем о том, что случилось в других местах, но феи приводят людей отовсюду. Деррику удалось спасти нескольких перед тем, как они подверглись влиянию фейри.

Не только Шотландию.

Лоннрах мог перевернуть часть Шотландии в поисках предмета, который может спасти Sith-bhruth, но уничтожение всего — это еще одна цель: восстановить блеск империи фейри, как только он спасет свой дом. Его солдаты отсюда начали завоевание наций.

Как Киаран сказал мне однажды? Мы бы не смогли обладать каждым континентом, если бы были вежливыми.

Они сделали это, практически уничтожив всех существующих людей.

Мы проходим мимо киоска с нежнейшим ароматным хлебом, и несколько посетителей прекращают болтать, чтобы проводить меня взглядом.

— Не позволяй им запугать тебя, — сказала мне Кэтрин, улыбаясь им обезоруживающей улыбкой. Она всегда была более общительная и заводила друзей лучше, чем я, — они всего лишь любопытны. У нас долгое время не было новеньких.

— Я привыкла к людям, уставившимся на меня, — сказала я. — Помнишь?

Каждый бал, проводившийся зимой после смерти моей мамы, был ужасен. Меня нашли сидящей возле ее тела в ночь убийства, и многие из наших сверстников были убеждены, что

я что-то сделала для этого — или что я напрямую с этим связана. Кэтрин провела так много времени, защищая меня от сплетен и подозрений.

— Гэвин рассказал мне, что в действительности произошло с твоей мамой, — сказала она, обходя вокруг группу болтающих молодых людей, которые остановились заранее, чтобы улыбнуться мне. — Айлиэн, мне так жаль.

— Не надо, — сказала я, не желая говорить об этом впредь, — ты оставалась со мной, даже когда другие отвернулись. В любом случае, откуда тебе было знать?

Мы останавливаемся рядом с красивым мраморным зданием, и я провожу ладонью вниз по колонне около парадной двери. Нет, это не мрамор. Он гладкий, как стекло, его оттенок меняется в зависимости от того, как мерцает газовая лампа позади меня. От слоновой кости до розового, и дальше к лаванде ... затем снова назад.

Кэтрин не сводит с меня глаз. Похоже, она не замечает, как люди вокруг нас приветствуют ее с широкими улыбками, а меня с чувством страха. Как будто они не были уверены, почему я нахожусь здесь после столь долгого пребывания на той стороне, действительно ли я не опасна. Интересно, сколько еще людей доказали, что они не подвержены влиянию фейри. Не много, полагаю — по крайней мере, не после трех лет. Люди в тех условиях никогда не продержались бы так долго, их либо убили бы, либо забрали фейри.

Наконец, Кэтрин заговорила.

— Я должна была прислушаться к той части меня, которая всегда знала, что ты не говоришь мне всей правды.

Я посмотрела на нее с удивлением. Ее голос строже, чем я когда-либо слышала от нее. Я начинаю понимать, что в мое отсутствие Кэтрин выросла в тихую силу, которая у нее всегда была. Даже то, как она стоит — это больше не сжатые руки, скромная позиция, которую нам преподавали на уроках этикета. У нее появился уверенный шаг лидера, женщины, которая боролась за выживание.

— Так очевидно было?

Я никогда не думала, что так идеально играю. Уверена, всегда были несоответствия в моих рассказах, трещины в маске, которую я надевала, чтобы проводить вечеринки и балы. Вспышки монстра во мне, который мог быть пресыщен только убийством.

Кэтрин шевелит пальцами, чтобы убрать ниточку в одежде.

— Ты имеешь в виду кроме головных болей, исчезновений во время балов, постоянного масла на кончиках твоих пальцев, таинственных болезней...

— Спасибо, — сказала я сухо. — На самом деле уместные замечания.

— Согласись, я слишком хорошо тебя знаю. Ты врешь мне еще хуже, чем Гэвин. — Кэтрин усмехается и берет меня за руку. — Теперь пошли. Позволь показать тебе кое-что.

Дождь забарабанил по булыжной мостовой уже в устойчивом ритме. Я следую за Кэтрин на окраину города, откуда перед нами вырисовывается обширная часть стены пещеры. Она усеяна тоннелями: некоторые освещены, а другие столь темные, что я не вижу дальше входа.

Кэтрин выбрала один. Лампы прикреплены к стенам по обе стороны от нас. Блестящие пятна в скале отражают свет, когда мы проходим.

Я еще больше стягиваю свое пальто. Даже шерсть Деррика не может не пропускать холод, в пещере влажно, поскольку мы спускаемся глубже под землю, вниз и вниз под скалу, по неровным ступеням.

Мы достигли места, где вообще нет ламп. Пещера блестит своим собственным освещением, как будто свет под водой, с тенями, отсвечивающими от стен. Я на ощупь спускаюсь вниз.

Движения Кэтрин намного увереннее моих; видимо она часто сюда спускается. Вот мы подошли к началу туннеля, скала блестит вокруг нас, как будто мы очутились в космосе, окруженном миллионами и миллионами звезд.

Перед нами находится обширное поле, освещенное только собственным внутренним светом пещеры. Каменный путь пересекает луг между множеством рядов плантаций. Яркие синие кончики цветов тут же выделяются, и я трепетно смотрю.

— Сейгфлюр, — шепчу я.

Чертополох вырос высоким, в его зарослях так тихо. Тишина окружила нас, даже звуки капавшей воды не достигают этого края пещеры. Нет шороха существ, живущих среди плантаций. Все вокруг тихо и мирно.

Я продвигаюсь вперед через заросли, проводя своими пальцами по чертополоху, который столь же мягок, как перья. Аромат от поля сильный, как огонь, пепел и скала — вулканический. Почва под моими ботинками мягкая и сырая.

Даже воздух другой. Когда я вдыхаю его, я узнаю намеки сандалового дерева, гаммелиса, железа, даже цветов и сладостей. Словно каждая часть силы фей, которую я когда-либо чувствовала, была объединена в единственный аромат.

— Я люблю иногда спускаться сюда и думать, — сказала Кэтрин, ступая рядом со мной. — Здесь тихо. Безопасно.

Я могу понять, почему подобное место должно быть заповедным.

— Мне никогда не удавалось выращивать сейгфлюр, — сказала я ей, — я пыталась месяцами.

Даже единственный кустик не мог вырасти под моим уходом. В воде он увядал и умирал. Даже растение, находящееся между листами воздухопроницаемого стекла, быстро теряло свой блеск и силу. Растение даровало зрение и использовалось в качестве оружия, но всегда оказывалось неэффективным уже после нескольких недель.

— Они довольно привередливы, да? — сказала Кэтрин, легко прикасаясь к одному цветку.

Я слегка улыбаюсь.

— Полагаю, ты не можешь рассказать мне, как он растет, или можешь?

Кэтрин остановилась.

— Могу. Чертополох предназначался для выращивания Соколиными Охотницами. — Она отщипывает от цветка и вращает его. — Эйтиннэ вверила мне эти поля только до твоего возвращения.

О, Боги. Я всегда ужасно обращалась с растущими вещами.

— Я, вероятнее, погублю их все. Помнишь, дома, я думала, что сорняки были цветами, а цветы..

— Были сорняками, — засмеялась она. — Я помню.

— Но я серьезно.

— Сейгфлюр может быть выращен только в темноте над *neimhead*, чтобы использовать в своих целях их силу. И он должен быть оплодотворен кровью фей.

Я смотрю на нее с удивлением.

— Прошу прощения?

Призрачная улыбка заиграла на ее губах.

— Ах. Я вижу, ты никогда не знала этого.

Конечно, нет. Вот, наверно, почему Киаран держал это в секрете, почему он отказался давать мне растение для выращивания. Он, должно быть, подумал худшее обо мне: что я найду peimhead для выращивания полей, как эти, и оплодотворю их кровью своих жертв.

Я бы убила больше, будь у меня постоянный запас свежих растений. Всех, не обращая внимания на то, что мои убийства предупредили бы Сорчу о моем местоположении. Это бы сделало меня еще большим монстром, чем я есть.

— Где вы берете кровь? — спрашиваю ее, мой голос хрипит.

— Это часть перемирия, — говорит она мягко. — Они платят свою часть сделки кровью и обслуживанием.

Что же вы обещали им взамен?

Затем тусклый огонек света на другом конце поля привлекает мое внимание, и слова замирают у меня на губах. Там есть дверь, которая освещена по периметру. Высотой приблизительно десять футов, построенная из тяжелой, опаляемой древесины. На ней вырезаны символы, которые напоминают мне те, что я видела на печати Эйтиннэ. Я взглядом пытаюсь определить, что обозначают символы. Когда я приближаюсь, замечаю, что дверь немного приоткрыта, позади нее мерцает свет, как будто исходит от огня. Смех доносится изнутри, затем медленно начинается тяжелая игра на барабанах. Волынка присоединяется к устойчивому биту, высокие звуки от труб отзываются эхом от стен. Песня прекрасна, безупречное звучание, которое я когда-либо слышала, каждая нота сплетается воедино в какую-то знакомую колыбельную.

Я закрываю глаза и пытаюсь определить, откуда доносится песня. Вот оно, будто давно ушедшее воспоминание. Я вспоминаю ночь, проведенную за городом еще ребенком. Костры горели перед Сочельником, когда люди несли факелы отовсюду по деревне. Они играли на трубах и пели, в то время как я наблюдала из окна.

Я подошла ближе, вкус силы фей пробудился так сильно, что я не смогла выделить какой-либо единственный тип. Когда я, наконец-то, достигла порога, прижалась ладонями к массивной двери. Энергия в символах такая сильная, что я вздрогнула.

— Айлиэн!

Кэтрин тут же хватается за меня за руки. Я напрягаюсь. Музыка внезапно исчезает, как будто никогда и не начиналась. Дверь рядом со мной плотно закрыта, без какого-либо света, мерцающего за ней.

— Что, черт возьми, это было? — мой язык тяжел, обожжен силой.

Кэтрин оттащила меня прочь.

— Мы не ходим туда, — она сжимает меня сильнее. — Никогда не ходи туда. Они поклялись не вредить нам, когда они приходят к нам, но у нас нет защиты, если мы попадаем к ним, — она потрясла меня, обеспокоено. — Ты поняла?

Я почти сказала ей, что не поняла ни черта, но сила до сих пор так подавляет, что трудно говорить или сосредоточиться на чем-то. Я взглянула на дверь, и вкус снова вернулся, на этот раз в непрекращающемся вихре цветочных лепестков вдоль моего нёба, менее мощно. Готова поклясться, символы на двери пульсируют и горят.

Я прикасаюсь к дереву, и сила снова ударяет в меня.

— Я могу чувствовать их. Ради Бога, как много их живет здесь?

— Сотни, может тысячи. Ты слышишь музыку? — на мой кивок, Кэтрин снова берет

мою руку, и я позволяю ей отвести меня от двери в более безопасную часть. — Для каждого всегда по-разному. Они вызывают приятное воспоминание, таким образом, ты не можешь сопротивляться.

Я внезапно вспомнила истории, когда люди утверждали, что слышали музыку в холмах или вблизи скал. Здесь нет музыки; это просто один из способов фей манипулировать людьми. Сорча однажды заставила меня думать, что я слышу пение мамы.

— Айе, — сказала я горько. — Фейри использовали это раньше против меня.

— Так они забирают людей, которые живут в руинах, — сказала мне Кэтрин. — Мы слышим музыку почти каждую ночь. Некоторые люди могут сопротивляться — Видящие практически не поддаются им — но многие не могут, — она вздохнула и отпустила меня. — Мама не смогла.

Возможно, Дэниэль и Гэвин были правы, не доверяя мне. Невозможность полностью получить доступ к способностям Соколиной охотницы оставила меня открытой для влияния Сорчи, и прямо сейчас феи манипулировали мной, чтобы я прошла через их дверь. Лоннрах использовал эту слабость дважды против меня, и я едва смогла разорвать эту связь.

— Как ты справляешься с этим? — спросила я у Кэтрин. Она так просто поддалась влиянию Киарана в Эдинбурге; не могу представить, как она смогла защитить себя без какой-либо врожденной устойчивости. — Как ты справляешься с этим так долго?

Кэтрин стискивает зубы. Без слов, она закатывает длинный рукав шерстяной рубашки, обнажая бледную нижнюю сторону своего предплечья. Там, отметки на коже — царапины от ногтей, некоторые длинные и зазубренные, другие полумесяцем выделяются на ее руке. Некоторые исчезают, как будто им уже много лет. Другие нанесены сверху, прерываясь засохшей кровью, как будто им несколько дней.

— Христос, — выдыхаю я.

Она опустила рукав, и я не пропустила то, как дрожат ее руки.

— Я не позволю им контролировать себя, — сказала она. — Если из-за боли их влияние отступает, значит, я сделаю все, чтобы выжить. Я не хочу закончить, как моя мама.

Я не хочу закончить, как моя мама. Я сбилась со счета, сколько уже раз давала себе такую же клятву. Я обещала себе, что не буду убита, как моя мама, на улице, разорванная и истекающая кровью. Мое сердце — трофей для любого фейри, способного убить меня.

Как я могу сказать Кэтрин прекратить делать вещи, которые удерживают ее живой? После всего, я последняя, с кого ей нужно брать пример. Картина того, что случилось с моей мамой, превратило меня в убийцу.

Я снова уставилась на дверь и спросила,

— Почему вы позволили им остаться? С ними не безопасно.

Кэтрин расстроено вздохнула.

— Потому что они нужны нам. Их кровь поддерживает чертополох живым. Они охотятся для нас, добывают еду и помогают строить. Они даже скрывают нас от фейри, не дают им почувствовать, что мы здесь. Это не тот союз, который нам бы хотелось иметь, но без этого мы бы не выжили.

— Но они всегда хотят что-то взамен, — шиплю я, — это не в их природе помогать, не прося платы.

— Айлиэн..

— Не надо. Думаю, я поняла, — эффект от силы фей до сих пор такой сильный, что крутит живот. — Почему здесь нет защиты для людей, которые входят в эту дверь. Почему

перемирие не простирается на их лиричную музыку, — я едва могу сказать это. — Если люди услышат ее и не смогут контролировать себя от того, чтобы спуститься сюда, вы отдадите их, не так ли? Вы все смотрите в сторону в обмен на то, что они готовы дать Вам. — Кэтрин молчит, и я отступаю. — Я не могу в это поверить.

Рот Кэтрин с шипением закрылся.

— Не смотри на меня так. Ты считаешь, я не потеряла сон после этого? — она посмотрела в сторону. — Я сознательно поместила эти поля здесь, чтобы бережно хранить их. Пока они остаются в городе, чертополох заглушает музыку.

— Тогда что еще вы даете им? — я горько смеюсь. — Поскольку ты не можешь сказать мне, что феи довольны ожиданием их случайной человеческой жертвы.

— Убежище, — сказала Кэтрин резко. — Защиту.

Я издала отвращающий звук.

— Они не нуждаются в защите от кого-либо. Ради Бога, они сами убивают людей. Они, вероятно, там готовятся убить нас, ища способ обойти их перемирие. Им нельзя доверять.

— Ты действительно не знаешь? — сказала она, внезапно поняв. — На них тоже охотились.

Я уставилась в удивлении.

— Прости?

— Это обещание мы даем до Дикой Охоты, — голос Киарана звенит позади нас.

Я поворачиваюсь. Киаран находится на каменной дорожке между полями сейгфлор, опасное место, чтобы находиться там. Если он подойдет достаточно близко к растениям, чертополох прожжет его кожу. Он одет в черные брюки и свежую белую рубашку, расстегнутую у воротника.

Глаза Киарана встретились с моими. Это настолько интимно, этот взгляд.

— *Marbhaidhmuidhuibhuile*, — сказал он мягко, — я должен убить их всех.

Словно он знает. Словно он говорил это прежде.

Рядом со мной Кэтрин напрягается. Я вижу, как ее рука тянется под рукав, чтобы погрузить ногти туда. Я вздрагиваю.

— Простите мою грубость, — сказала она. — Уверена, я должна быть где-то еще, — еще до того, как я успеваю что-то возразить, Кэтрин убегает прочь. Когда она проходила мимо Киарана, она шагнула через стебли чертополоха, старательно держа как можно большую дистанцию. Она скрылась в туннеле, из которого мы пришли.

— Что ты сделал с Кэтрин? — спросила я. Мысль пронзает меня. — Не говори мне, что она помнит, как ты воздействовал на нее в парке.

Его губы дернулись. Киаран почти улыбнулся; только видя это, мое сердце подпрыгивает.

— Это остается нашей тайной.

— Тогда почему она смотрит на тебя, как будто ей жаль, что у нее не было средств и возможности убить тебя?

— Мой вид убил практически всех, кого она знала, — сказал он. — Она не доверяет мне.

— Ну, ты действительно, угрожал искалечить ее мужа.

Знаю, я не должна полностью доверять Киарану. Не после всего того, что он сделал. Но правда в том, что я не могу вспомнить ни единого конкретного момента, когда я решила бы доверять Киарану. Это просто ... случается. Я понимаю, что забочусь о нем, только когда это

уже происходит. Где-то между нашими охотами или убийствами или поцелуями, он оставляет свои отметки на костях.

Теперь я вижу, почему Кадамах хотел, чтобы я перевернула небо и землю, но нашла тебя.

Я не говорила Киарану, что это были воспоминания о нас. Те, которыми я дорожила, когда была в тюрьме Лоннраха. Что я проводила часы, пытаюсь вспомнить каждую деталь его поцелуя, каждое ощущение, каждое слово, для доказательства, что я не просто некая зверушка, от которой отказываются. Что это ничего не значит.

Я отворачиваюсь. Так безопасней — не смотреть на него. Я уже чувствую столько всего, чего хотела бы не чувствовать.

— Ты сказал, что это было “обещание, которое мы даем”. Значит ли это, что и ты тоже его давал?

Внезапно он оказывается вблизи. Я могу почувствовать тепло его тела, как его мышцы напряглись как у хищника, готового к прыжку. Его дыхание на моей щеке, губы достаточно близко, чтобы дотянуться до моей кожи.

— Я был первым, кто дал это обещание.

Я не смею пошевелиться. Это слишком, когда он ведет себя так — в равных частях обольстительно и опасно.

Инстинктивно я потянулась к пряжке, где держу свой меч. Черт. Я оставила его в своей комнате.

— Когда?

— Когда первая Дикая Охота опустошила землю, и мы убивали всех на нашем пути, — я собиралась отойти, но Киаран остановил меня, его пальцы сжали мои. — Кто, по-твоему, превратил город пикси в руины? — его губы у моего уха, поцелуем прижался к нежному изгибу моей шеи. Я задрожала. — Это был я.

Я вырвалась от него. К черту все, я опять забыла.

Киаран однажды был Кадамахом — безжалостным убийцей, который был худшим среди фейри. Только его любовь к другой Охотнице изменили его, оставили его на стороне людей. Но это не означает, что он хороший или не опасный. В конце концов, барсуки тоже безвредны, пока не укусят тебя.

— Ты убил семью Деррика, — сказала я уверенно.

— Его семью, его друзей, — глаза Киарана светятся в тусклом свете от полей, так поразительно ярко и странно. — Почти всех, кого он любил.

Боже мой. Он говорит об убийствах так беспечно, как будто объясняет, как использовать новое оружие. Как мало ему нужно, чтобы разжечь искру злости во мне.

— Почему?

— Почему? — Киаран стискивает зубы. — Почему ты спишь, или чувствуешь, или делаешь какие-либо вещи, о которых люди не задумываются дважды? Я убил их, потому что для меня это подобно дыханию, — он пытается приблизиться, чтобы дотронуться для меня, но я отступаю назад. Его рука опускается сбоку. — Это то, для чего я был создан.

Я легко могу представить его. Он становится таким, когда мы охотимся вместе, как будто бы в мире нет ничего, что бы он любил больше, кроме сражений. На выдохе — толкание меча, на вдохе — меч через сухожилия и кость — ритм убийства.

“Я сделал тебя такой же, как я. Я охотился, потому что обучен этому, одно убийство за другим. Как делают монстры”.

— Ты когда-нибудь жалел об этом? — шепчу я. — Обо всем, что ты сделал?

Его взгляд отсутствующий. Ни вины, никакого-то даже намека на нее.

— У меня мало чего было в жизни, о чем бы я жалел.

— Это не ответ на мой вопрос.

Киаран улыбнулся, красивой фальшивой улыбкой, которая заставила мое сердце заболеть. Его лицо — безупречная маска, без намека на страсть или эмоции. Даже в статуях больше жизни.

— Ты все еще ищешь хорошее во мне, Кэм? — он схватил цветок чертополоха своими пальцами, как будто напоминая мне, что он. Я вижу, как его кожа практически сразу расплавляется и горит. Он не обращает на это внимания, не показывает, как это больно. — Ты все еще желаешь, чтобы я был благороден?

Я тянусь и твердо схватываю его за запястье.

— МакКей, остановись.

Киаран отпустил чертополох, и теперь фальшивая улыбка исчезла.

— Как много тебе нужно узнать о моем прошлом, чтобы ты поняла, что здесь нет ни единой человеческой частички?

— Ты не Кадамах, — шиплю я. — Больше нет. Ты не был им тысячелетия.

В его взгляде промелькнула эмоция и ушла так же быстро.

— Ты говоришь это имя, как будто знаешь, что оно значит, — он жестом указывает мне за спину. — У sithichean за этой дверью прекрасная память. Как и у твоего пикси. Для них я всегда буду Кадамахом.

— И все же, когда ты сражался на моей стороне, чтобы защитить их всех, твое прошлое не имело значения, — мои глаза удержали его, и мой голос понизился до шепота. — Когда ты целуешь меня, это не имеет значения.

Вот оно, эмоция позади его обычно холодного, отстраненного взгляда. Не желая потерять ее, я медленно подвигаюсь ближе, прямо как он это делал. Я слышу, как его дыхание сбивается — незначительно, но все же примечательно. Как его рука напрягается в моей, и что-то сродни желания и тоски отражаются в его глазах.

Я держу пальцы на пульсе его запястья, и чувствую, как он учащается.

— Ты всегда будешь Киараном для меня.

Он издал глубокий гортанный звук и схватил меня за рубашку. Его губы оказались на моих, мягкие, настойчивые. Желанные. Больше, я хочу больше. Я углубляю наш поцелуй...

Затем высокий механический звук наполняет все вокруг нас, вырывая меня из его рук.

— Что это такое?

— Предупреждающий сигнал, — Киаран дышит тяжело. — Это значит, sIthichean на территории.

Киаран повел меня через улицы города. Я вижу, как люди вокруг нас торопятся в свои дома, в их балконные комнаты в улейной структуре.

Ставни и двери захлопываются вокруг меня. Я удивляюсь тишине, отсутствию паники. Если кто-то говорит, то тихим шепотом, призывая поторапливаться. Люди в городе двигаются рационально, в быстром темпе, как будто делали это много раз. Они, должно быть, делали так, когда жили в руинах, которые описывал Гэвин.

Интересно, понимают ли они, что эти стены не защитят их, если фейри прорвутся в город. Независимо от того, что защита, которую создал Деррик, держалась так долго. Они будут мертвы за мгновение.

— Это место часто осаждается? — спросила я, когда пара промчалась мимо нас к своему жилищу.

— Нет, — Киаран приводит меня прямо к тайному ходу. Он столь узкий, что свет от уличных ламп не достигает его. — Они не могут найти город. Обычно это несколько случайных солдат, осматривающие леса поблизости, — столько тревоги из-за такой малости, как эта? Он поймал мое удивленное выражение. — Мы в любом случае чрезмерно осторожны.

Я вспомнила слова Гэвина. Другой набег оставил бы наш вид на грани вымирания.

Прямо после того, как мы отошли от зданий, свечение окутало город, и тревога внезапно прекратилась. Одна за одной уличные лампы потухли, и мы погрузились в темноту. Я взглянула наверх. Даже блуждающие огоньки прекратили танцевать в вышине. Поток света они направились к проходу в задней части пещеры, их огни мерцают, пока они улетают. Облака пропали. Остался только блеск от скал и устойчивые звуки нашего дыхания.

— Держись ближе, Кэм, — сказал Киаран через плечо.

— Я вижу, твое терпение не улучшилось, — бормочу я, поравнявшись с ним. Это напомнило мне нашу охоту, как я всегда спешила за ним по улицам Эдинбурга. — Так куда мы направляемся?

Киаран схватил мою руку, сжимая своей ладонью, когда мы проходили еще одно темное место.

— Когда срабатывает предупреждающий сигнал, Видящие встречаются, чтобы оценить угрозу, — он проводит меня вниз по ряду старых каменных ступенек. — Ты должна быть там.

Воздух вокруг нас становится холоднее, как будто даже система отопления в городе закрылась.

— Видящие? Ты имеешь в виду, что есть и другие, кроме Гэвина и мужа Кэтрин?

— Еще два глупых дурака. Вместе, они все как ножки стула.

Мои губы изогнулись в улыбке.

— Я и вправду единственный человек, которого ты можешь вынести?

— У тебя есть определенное очарование. К нему привязываешься.

Я не могу не рассмеяться.

— Пожалуйста, не напрягай себя лестью.

Он тут же утих. Не могу сказать, улыбался ли он когда-нибудь. Его прикосновение удивляет меня, он сплетает свои пальцы с моими.

— Кэм, — сказал он, голос едва слышнее дыхания, — vhamigadionndrainn.

Он сказал это так серьезно, что я ничего не могла поделать, просто остановилась.

— Что это значит?

Он подошел ко мне и поцеловал единожды, нежно.

— Я скучал по тебе.

Я вспыхиваю, щеки горят. Он скучал по мне? Он скучал по мне. Я даже не знаю, что делать с этим.

Киаран отпустил меня и отвернулся. Я услышала щелчок замка, прежде чем он открыл дверь, я даже не подозревала, что она здесь. Золотой свет устремился в темный проход.

Он кивком указывает мне войти, и я следую за ним в огромную комнату, столь пышную, что это сбивает мое дыхание. Полированное красное дерево выравнивает стены, пылая в свете люстры наверху. Стены покрыты гобеленами, запутанными в деталях, сшитыми нитями, которые сияют, как внутренняя часть морской ракушки.

Гобелены подробно излагают эпопею сражения между фейри, и все они показывают пиксипобедителями. На некоторых изображены трофеи, которые взяли пикси: упавшие головы их врагов. Сражения проходят перед замком из резного стекла, чудовищная вещь, которая устремляется в небо.

Я заметила знакомое лицо на гобелене. Деррик с мечом в руке. Деррик, покрытый кровью. Деррик, стоящий в победной позе над грудой тел фейри. Деррик...

— Какого черта они здесь делают?

Я смотрю туда, где стоит Дэниэл, сжав руки, его взгляд прожигает меня в абсолютном гневе. Кэтрин и Гэвин стояли за ним, и еще двое других, наверное, Видящие, о которых только что упоминал Киаран. Чертов пикси кружит вокруг Дэниэла, оставляя золотую дорожку.

Увидев меня, Деррик подлетел к моему плечу и уселся там.

— Хорошо, теперь ты здесь, и мы можем начать наблюдение за тем, кто кружит вокруг нас снаружи. Просто игнорируй злого Циклопа.

Дэниэл двинулся к нам, его ботинки уже ступили на пронизанный золотом ковер. Я слышу Кэтрин, пробормотавшую проклятие, когда она следует за ним.

— Дэниэл, не надо.

Он не слушает ее. Теперь при полном свете я могу лучше изучить его черты. В Дэниэле нет ничего необычного — двухдневная щетина покрывает его подбородок, и у его оставшегося глаза острый яркий взгляд ястреба.

Дэниэл действительно держит себя с уверенностью, которая бесспорно харизматична. Мысленно я отметила, что слегка удивлена выбором Кэтрин. Она всегда казалась той, кто предпочитает мужчин, которые очень подходили определению джентльмена: хорошо подстриженные, хорошо одетые, с хорошими манерами, и, смею сказать, мужчины, которые не позволили бы леди быть замученной фейри.

Однако предполагаю, что должна приложить некоторое усилие, чтобы быть милой, раз уж он ее муж.

Дэниэл остановился передо мной.

— Убирайся, — сказал он. Его глаза метнулись на Киарана. — И заberi это с собой.

Ну, тогда можно не быть милой.

— Дэниэл, — зашипела Кэтрин.

— Оу, мужлан! — крылья Деррика запорхали у моего уха от злости. — Она мой

компаньон, а ты с ней груб. Скажешь еще слово и ...

— Может это обернется чем-то более серьезным, чем разведывательные солдаты, — прервал его Дэниэл, не сводя с меня глаз, — откуда нам знать, что она не причастна к этому? Она могла навести их прямо на нас.

Деррик стиснул зубы.

— Мы не знаем этого. А сейчас успокойся.

Но Дэниэл не слушал. Он шагнул ближе к Киарану.

— И этот ублюдок, вероятнее всего, даст им просто убить нас всех.

Глаза Киарана вспыхнули странным светом.

— Теперь это звучит заманчиво.

Я почти вмешалась, но Кэтрин сделала это прежде меня. Она положила руку на грудь Дэниэла.

— Отойди.

— Не вмешивайся, — зарычал он.

Если Кэтрин и злилась раньше, то сейчас она выглядела убийственно.

— Я сказала. Отойди, — когда он не сдвинулся, Кэтрин сильно сжала его руку. — Я уверена, мне надо с тобой поговорить. Прямо сейчас, — она посмотрела на меня. — Мы вернемся через минуту.

Она ушла с Дэниэлом, закрыв за собой дверь с хлопком, эхо которого пронеслось через комнату. После этого все притихли. Тогда я вспомнила, что мы в компании трех других мужчин, которые невозмутимо таращат глаза: Гэвин и два других, с которыми я не знакома.

Гэвин наконец-то прочистил свое горло, чтобы заполнить неловкую тишину.

— Тэвиш, Лорн. Позвольте мне представить...

Высокий мужчина — Лорн — засмеялся, такой глубокий грохот в его груди.

— Позвольте мне... Ну, бла-бла-бла, у лорда У-Меня-Есть-Графство...

— Не будь придурком, Лорн, — сказал Тэвиш. — Здесь все-таки леди, Ради Бога, мужчина, — затем он взглянул на меня. — Я — Тэвиш, или мистер Грэй, — он ударил друга в живот, отчего тот шумно выдохнул, — а этот невежливый сукин сын — мистер Кэндиш.

— Если ты назовешь меня мистер Кэндиш, — сказал Лорн, — Я не потружусь ответить.

— Ну, — сказал Гэвин, — после такого непристойного знакомства... — он указал на меня. — Это Леди АйлиэнКэмерон, — он повернулся к Киарану, скорее неохотно. — И вы уже видели Киарана, который...

— Уходит, — Киаран быстро прервал. — Мой порог человеческой терпимости уже превышен. Пошли пикси за мной, если придется врезать во что-нибудь.

С этими словами Киаран развернулся и вышел из комнаты. Черт с ним.

— Фейри очень раздражительны, правда? — сказал Лорн глубокомысленно. Затем он взглянул на Деррика. — Без обид.

Краешком глаза я увидела, как Деррик мило улыбается.

— По крайней мере, мы не придурковатые простофили. Без обид.

— Джентльмены, — голос Кэтрин раздался в комнате. Дэниэл шел за ней, взгляд скорее ... ну, скорее как у мужчины, только что получившего словесный упрек. — Как бы сильно я не любила слушать вас, когда вы ссоритесь как дети, у нас есть ситуация, которой следует заняться, — она кивнула Тэвишу. — Ты готов?

Тэвиш сел в кресло. Он повертел головой из стороны в сторону и пошевелил своими пальцами, как будто желая расслабиться. Глубоко вдохнув, он устроился на своем месте.

Я взглянула на свое плечо, чтобы увидеть, как Деррик внимательно смотрит на Тэвиша.
— Что он делает? — прошептала я.

Крылья Дэррика задели мое ухо, когда он подвинулся ближе.

— У Видящих есть разные способности, — сказал он тихим голосом. — Многие, как Гэвин, могут заглядывать в будущее. А Тэвиш может проектировать себя вне своего тела, чтобы видеть вещи на расстоянии.

Я наблюдаю за Тэвишем с возобновленным интересом. Его тело все еще в том же положении, пальцы сжимаются и разжимаются на подлокотнике. Дыхание все глубже и глубже, грудь расширяется с каждым вдохом все шире.

— Почти здесь, — выдохнул он, — почти здесь.

Вся комната погрузилась в молчание, никто не заговорил, не двинулся. Я смотрю, как дыхание Тэвиша учащается, быстрее и быстрее, как будто он бежит.

Внезапно его глаза широко открылись. Они совершенно белые, гладкие как мрамор. Он выдыхает медленно, а затем как будто не дышит вообще.

— Они у восточной границы, — сказал он. Голос спокойный, механический, едва похож на человеческий, — пятьдесят по крайней мере. Проходят мимо деревьев.

— Нам нужно готовиться для сражения с ними? — не могу не спросить, боясь ответа.

Лоннрах может быть там, ища меня, а я еще не готова сражаться с ним. Мне нужно больше времени.

Дэниэл поднял бровь.

— Нам?

Гэвин пододвинулся, чтобы встать прямо передо мной. Он сделал это, чтобы другие не могли услышать.

— Даже не думай об этом, — сказал он. — Мы ждем, пока нет непосредственной угрозы, прежде, чем привлекать внимание к нам и рисковать большим количеством жизней.

Прежде чем я смогла ответить, он обратился к Тэвишу.

— Они просто следуют мимо? — он сказал это легко, но слышалась крайность в его голосе. Интересно, теряли ли они людей прежде, когда фейри просто проходили мимо.

— Похоже на то, — сказал Тэвиш. Напряжение ушло из его голоса. — Выглядит как обычная разведка. Они должны выйти с нашей территории в течение нескольких минут.

Внезапное движение Деррика привлекло мое внимание. Он, кажется, находится в глубокой задумчивости, крылья трепещут с такой скоростью, как у стрекозы. Его пальцы сжимаются немного сильнее на моей коже, и его ореол стал ярче, вкус его силы появился на моем языке.

— И защита еще держится, — сказал он. — Хорошо, теперь я могу вернуться...

— Христос, — выдохнул Тэвиш, позвоночник напрягся, когда он сел прямо. — Они начинают рыть.

Дэниэл проницательно оценивает меня. Я знаю, о чем он думает: они ищут меня. Лоннрах ищет меня.

Все что меня интересует — это найти предмет, спрятанный в твоём мире. И ты поможешь мне в этом, по доброй воле или нет.

Я сглотнула проклятия, почти сорвавшиеся с моих губ, мое тело напряглось.

— В том месте есть какие-то туннели, ведущие в город? — спросил Дэниэл.

— Айе. Они прямо над длинным проходом к центру острова. Если они продолжат капать, то найдут его.

Дэниэл закрыл свой глаз.

— Тогда нам нужно отвлечь их, отвести куда-нибудь еще, — он посмотрел на Кэтрин, его лицо смягчилось, впервые с тех пор как я его увидела. — Ты знаешь, что делать, если они снимут защиту. Проведи всех через туннели и не жди меня.

Я смотрю, как они обнимаются, и внезапно чувствую, что не должна быть здесь, когда они прощаются. Это слишком интимно. Слишком окончательно.

Дэррик рванул к моему уху.

— Так и будешь смотреть? Сделай что-нибудь.

Я ступаю вперед, чтобы схватить Дэниэла за руку. Он поворачивается ко мне с удивлением.

— Ты не можешь туда идти, — говорю я ему.

— Тут не о чем беспокоиться, — говорит он, несколько грубо, возможно потому, что я проявляю какое-то беспокойство о нем в принципе. — Мы делали это десятки раз раньше.

— Ради Бога, Циклоп, — сказал Дэррик с моего плеча. Его крылья щелкают по моему уху. — Послушай ее.

Дэниэл глядит на Деррика, а Деррик смотрит в ответ. Даже зная, что фейри идут за мной, он все равно готов рисковать своей жизнью, чтобы увести их. Я не могу позволить этому произойти. Я, возможно, и не готова сражаться с Лоннрахом, но, будь я проклята, если позволю кому-то еще умереть из-за меня.

— Тогда я иду с вами, — говорю я.

Я узнаю этот взгляд, которым Дэниэл смотрит на меня — то же выражение было у мужчин на чаепитиях и балах, когда я пыталась поговорить с ними о науке или инженерии. Тот же самый нежный, покровительственный вид человека, который хочет быть благодарным за то, что я пытаюсь, но, в конечном счете, не верит, что я знаю, о чем, черт побери, я говорю.

Крылья Деррика затрепетали так быстро, что ранили мое ухо.

— Айе, и я тоже иду, — сказал он. На острый взгляд Дэниэла, Деррик спросил: — Что? Я бессмертный, а она Охотница. У нас больше шансов задержать их, чем у всех вас. Я видел тебя с мечом. Дерьмово ты выглядел.

Дэниэл не сдвинулся.

— Я вспоминаю ее вопли что-то о Соколиной охотнице в нижней части пещеры, но это ни черта для меня не значит.

— Это ничего не меняет. Она не идет. — Гэвин присоединяется к нам, с резким выражением. — Айлиэн остается с Кэтрин. Тэвиш останется здесь и будет наблюдать издали, он предупредит вас, если что-то случится.

Что же он творит?

Дэниэл, Гэвин и Лорн повернулись и направились к выходу. Кэтрин смотрела на спину брата.

— Не слушай его. Ты должна тоже идти.

Я кивнула.

— Дэррик, дай мне минутку.

— Нет, — сказал Дэррик. — Я не хочу оставлять тебя одну с ним после того, что он сделал.

Я все еще не доверяю Гэвину полностью. Ничего не могу поделать с болью от его предательства, когда смотрю на него, даже после того, как он объяснил мне, почему не

сказал об огоньках.

Когда крылья Дэррика быстро складываются вниз, я говорю.

— Я буду в пределах твоей видимости все время. Обещаю.

Он неохотно слетает с моего плеча, и я тороплюсь за мужчинами. Я тяну Гэвина назад за ткань его рубашки, прежде чем ему удастся сбежать.

— Дай мне пройти, — говорит он.

— Нет. Ты ненормальный? Ты же знаешь, кто я.

Гэвин скрестил свои руки.

— И именно поэтому ты остаешься.

— Прошу прощения?

— Если ты выйдешь отсюда с нами, они не остановятся, пока не заполучат тебя. Они вызовут подкрепление, и тогда мы можем не выжить, — он понизил свой голос, чтобы Кэтрин не услышала. — Мы попытаемся увести их отсюда, не вступая в сражение.

— Я не буду сражаться с ними, — говорю я. — Только дай мне возможность быть там на случай, если что-то случится.

— Я сказал — нет, — Гэвин ответил так резко, что я практически отошла назад. — Я не уверен, что ты сдержишь слово, что не станешь убивать их, выйдя отсюда. Я видел, как ты убивала. Я был там. Что ты мне сказала? Ты упиваешься этим, — он потряс головой. — Даже если ты сдержишь свое обещание, и не сделаешь ничего, то дашь им больше стимула искать нас.

Моя грудь заболела от его слов. Мне не нужно искать отметку Лоннраха об этом воспоминании. Мне не нужно видеть ее, чтобы вспомнить удовлетворение, которое я когда-то получала от убийств, голодная до убийств раз за разом. Это было то, для чего я жила, это было моей целью. Я грелась в охоте, будто нуждалась в ней, как в воздухе.

— Ты не доверяешь мне, — сказала я, уже зная его ответ.

По правде, я не виню его. “Я сделаю из тебя такую же, как я”, — сказал однажды Киаран. Такую же. Теперь мне интересно, имел он себя в виду, Киарана, или Кадамаха.

Черты лица Гэвина смягчились, как будто бы он прочитал мои мысли.

— Это не так. Когда придет день, в котором мы должны будем сражаться, ты будешь одной из тех, кого бы я хотел видеть на своей стороне, — он взял меня за плечи. — Я доверяю тебе. Доверяю. Только не с этим.

На это раз он ушел, и я отпустила его.

Гэвин не знает о зеркальной комнате. Он не знает, что там вырезали из меня жадную потребность убивать. Потребность, которая заставляла меня выходить каждую ночь с постоянным шепчущим голосом, который говорил, что охота заглушает боль.

Он не знает, что я видела части себя в зеркалах, и это так же чертовски напугало меня.

Я почувствовала, как Кэтрин подошла сзади ко мне.

— Что он сказал тебе? — я слышала злость в ее голосе, покровительство, даже зная, кто я.

— Ничего такого, чего бы я ни заслуживала.

Кэтрин предложила подождать в моей комнате на случай, если мне понадобится взять оружие и быстро выбираться. Она расположила Тэвиша на диване, пока он наблюдал за Гэвином и другими в своем видении. Он все еще молчал, его мраморные глаза были широко открыты.

Кэтрин и я устроились на подушках у окна, наблюдая за штормом за окном в фальшивом Эдинбурге. Дождь с градом ударялись в стекло с переменной силой. Уличные фонари уже зажглись вдоль тротуара, хотя сумерки едва наступили.

Я хотела открыть окно, но испугалась, что иллюзия растает. Стало страшно, что Эдинбург из моего воображения может исчезнуть, показывая блестящую скалу, из которой сделан большой подземный город.

А еще ... я желаю проверить это. Могу ли я путешествовать по Эдинбургу, построенному полностью из моего воображения? Только я одна в месте, которое я помогла уничтожить.

— Ты можешь сделать сияющее солнце, — сказала Кэтрин, прислонившись спиной к стене и наблюдая за дождем вместе со мной, — или радугу. Две или даже три, если захочешь.

Я знаю, она говорит это лишь для того, чтобы я помогла ей отвлечься от мыслей о том, что может случиться с Гэвином, Дэниэлом и Лорном. Как будто, изменив иллюзию погоды на что-то безмятежное, можно было бы создать ощущение комфорта, хоть и маленького. Я хочу попробовать только радинее. Но я сдержана тоской, которая оставляет Эдинбург точно таким, каким я его вспоминала — с ветром, ливнем и всем прочим.

— Что, если я не хочу радугу? — спрашиваю я ее, чувствуя, как холод набрасывается каждый раз, когда ветер загоняет дождь на окно. Я нахожу это реальным, трудно поверить, что мы не здесь. — Что если я хочу запомнить Эдинбургские шторма такими, какие они были? Они могли длиться днями, помнишь? Иногда неделями...

Я смотрю мимо нее на Тэвиша, прямо сидящего на своем месте, его алебастровые глаза не моргают. Он все еще в видении, полностью сосредоточен на месте, куда направлено его Зрение. Я могла бы махнуть рукой перед его лицом или накричать на него, а он даже не шелохнулся бы. Нужно прикосновение, чтобы вытянуть его оттуда.

Тэвиш сосредоточился на открытии прохода, ведущего к городу пикси, свет тысяч дверей устремлялся к вершине улейной структуры. Каждая дверь создавала тысячи миров, некоторые вмещали наши старые жизни. Интересно, что будет, если магия, создавшая эти миры, разрушится, изменится и, в конечном счете, покажет правду: ни один из них не является настоящим.

— Да, — сказала Кэтрин сухо, — я никогда не могла выйти наружу, не сломав зонтик.

— Что ты создала в своей комнате? — спросила я ее, не желая продолжать разговор о зонтиках и радугах. Это только отвлекает наше внимание подальше от этого мира, в котором мы живем теперь, где люди, которые нам дороги, всегда в опасности. — Тоже свою спальню?

Гэвин сказал, что я не могу вернуть мертвых, не могу жить в иллюзорном мире, где моя мама еще жива, но что, если я открою свое окно, и фальшивый Эдинбург не исчезнет, превратившись в обычную пещеру? Смогу ли я войти в него и никогда не вернуться?

— Иногда, — сказала она мягко. — Или сад в нашем поместье в Эре во время весенней поры, когда колокольчики покрывают землю, — она приостановилась. — Прямо сейчас — это корабль посреди Средиземноморья, там тепло и спокойно, и вокруг плещутся волны. Там всегда солнечно. Я сделала так, чтобы небо горело красным.

Я улыбнулась ее описанию.

— Ты никогда не была в Средиземноморье.

— Нет, — ее собственная улыбка грустна. — Я читала отцовские журналы и представляла себя там. Он однажды написал, что там очень жарко, поэтому тяжело, даже когда дождливо. Я хотела съездить туда когда-нибудь, — она провела пальцами по царапинам в раме, которые сделал Деррик, когда думал, что я не вижу — то, что было в другой комнате, моей настоящей комнате. — Теперь мне интересно, Кипр тоже остался в прошлом? Убили ли фейри и там всех?

— Возможно, так и есть, — говорю я, внезапно чувствуя вину, что подняла эту тему.

Кэтрин попросила, чтобы я вызвала радугу, а я напредила ей обо всех вещах, что она потеряла. Мне иногда интересно, когда Лоннрах удерживал меня в зеркальной комнате, крал ли он мою надежду, даже самую маленькую часть, для начала, в то время, когда крал мои воспоминания.

Я стараюсь держаться, хотя бы ради Кэтрин.

— Может, фейри не интересен такой маленький остров.

— Может быть, — она говорит это, выдавливая из себя улыбку для меня. Как будто точно знает, для чего я это делаю. Мы обе знаем, что Кипра больше нет, как и других мест.

— Тебе когда-нибудь было жаль, что нельзя просто остаться в лодке? — я не могу не спросить. — В твоём представлении Кипра...

— Люди не могут долго выжить в мирах, которые они построили, — ответила она. — Мы способны создавать пейзажи с помощью нашего разума, но только у фей есть сила делать все, что они хотят за их дверями. Они используют это, чтобы снабжать нас едой и материалами. У нас же вода превращается в пепел во рту. Еда превращается в камень. Даже вещи, которые мы приносим внутрь, нужно съесть быстро, прежде чем они сгниют. Некоторые люди уходят в места, созданные ими, чтобы умереть. Они находят это более простым способом, чем... — Она резко обернулась на Тэвиша, на ее щеках появился румянец. Но он все еще в глубоком видении, слепые глаза широко открыты.

— Что такое?

— Жена Тэвиша, — сказала она тихим голосом, едва громче шепота. — Они потеряли их сына, когда зачистка застала их в Абердине. Когда она пришла сюда, она поклялась, что сможет вернуть мальчугана и создала место за дверью, где они могли вместе жить. Тэвиш пошел за ней, чтобы вывести, но не смог найти. Она создала участок, который тянулся на мили.

Я тяжело сглотнула.

— Раз он не смог найти свою жену, как он понял, что она умерла?

Кэтрин снова посмотрела в окно. Ее глаза увлажнились, но слез не было. Возможно, так же как я, она заставляет себя не плакать.

— Когда мы умираем, место, которое мы воображаем за своими дверями, превращается в пещеру. И здесь уже негде спрятаться.

О Боже. Дождь внезапно заколотил по окну. Я забыла, что мои эмоции могут в этом месте. Шторм усиливался, сотрясая окна в комнате, держа в напряжении каркас.

Кэтрин пересела поближе и положила руку на мое плечо, она так делала, когда мы были детьми. Она ничего не сказала; ей это и не надо. Она знает меня лучше любого.

Напряженное дыхание Тэвиша поражает нас.

— Проклятье, — он практически вскочил, затем сел снова, да так тяжело, что ножки кресла застонали от силы.

Рядом со мной, тело Кэтрин напряглось. Ее дыхание участилось.

— Тэвиш? — она встала, потянувшись к его руке. — Что такое?

Он не слышит ее; он до сих пор глубоко в видении.

— Нет, они слишком близко. Вы просто столкнетесь с ними там. Не...

Кэтрин сжала его руку сильнее.

— Тэвиш! — он моргнул, и его глаза стали нормальными, такими же зелеными, какие были, когда я впервые его увидела.

Он встал так быстро, что споткнулся. Ухватился за ручки кресла, выглядя при этом слабым, как будто его тошнит.

— Они едут прямо в ловушку. Фейри собираются расправиться с ними, как только они доберутся до утесов.

Я уже на ногах, хватаю меч, который дала мне Эйтиннэ. Одеваю пояс вокруг талии и скрепляю пряжкой потуже.

— Не беспокойся, — говорю я Кэтрин, — я верну их домой.

Тэвиш уставился на меня.

— Ты что?

Я прошла к шкафу и дважды постучала, прежде чем открыть. Деррик взглянул вверх с кучи шелка.

— Ну, посмотри на себя! Меч в ремне, решительное выражение лица. Собираешься убивать?

Я ухмыльнулась.

— Собираюсь спасти людей.

Деррик поднялся в воздух и запорхал передо мной.

— Развеешься, — он усмехнулся. — Мне нравится. Что тебе нужно?

— Найди для меня Киарана, — говорю я. — Скажи ему, что нужно врезать кое во что.

Деррик поморщил нос.

— Я надеялся на более волнующее задание, но ладно. Ладно. Я приведу ублюдка.

Он улетел так быстро, что все, что я видела — лишь след от света в двери. Я последовала за ним, хватая мой недавно заполненный мушкет у выхода из комнаты. Как только я перебросила кобуру через спину, Тэвиш остановил меня.

— Ты не выйдешь отсюда.

— И ты собираешься остановить меня ... как?

Тэвиш поднял бровь.

— Послушай, девочка, я понимаю, ты хочешь помочь, но здесь ты ничего не сможешь сделать.

Смех Эйтиннэ донесся позади нас.

— Он так красив, но не слишком умен, — сказала она ласково, как будто он был питомцем, — он до сих пор не понял, что никогда не надо недооценивать женщину с мечом и огнестрелом.

Я повернулась и увидела Эйтиннэ с Киараном, пересекающих балкон, Деррик летел

между ними. Эйтиннэ послала Тэвишу победную улыбку, которая выглядела больше, чем слегка пугающей.

— Привет! — сказала она нам спокойно. — Мы здесь для того, чтобы вернуть вам ваших друзей и все их конечности.

Пауза, затем:

— Ну, нет. Я не могу обещать все их конечности, но большей частью, уверена ...

— Моя сестра пытается сказать, — прервал Киаран, — что мы вернем назад их живыми. Постараемся целыми.

Мне нравится то, как он посмотрел на меня после, с ожиданием, намеком улыбки. Боже, я скучала по этому.

— Готова?

“Да”.

— Всегда, — я игнорирую изумленное выражение Тэвиша и спрашиваю: — Куда нам нужно идти?

Мы отправились на утесы в восточной части острова. Ossaig бежали на полной скорости. Скай зимой был ледяным: все ветки и трава обрамлены тонкими кристаллами, которые хрустят под копытами, пока мы следуем через холмы.

Деревья завалились на склоны, их ветви трещали и стонали вокруг нас. Не могу не восхищаться, как Киаран едет рядом со мной — то, КАК он это делает. Он такой собранный, такой спокойный в умении держать себя.

Я направила свое внимание обратно на дорогу. Снег падает на ледяной ландшафт, тает на моем лице. Воздух, выдыхаемый Ossaig, горячий, пока они бегут. Он обволакивает также, как моя одежда и кожа. Я запускаю руку в теплую, мягкую гриву и шепчу единственное слово: “Поторопись”.

Она ускорила. И даже не устала, я ни разу не слышала ее дыхания. Но я чувствую движение механических деталей у моего бедра, как они качают золотую жидкость по ее венам в постоянном ритме.

Даже снежный пейзаж на Скае красивый, внеземной. Холмы вычищены и увенчаны белым снегом, травянистые луга покрыты прекрасным слоем инея. Мы направляемся через ряды деревьев в лесистую местность, такую густую и трудно просматриваемую. Это путаница ветвей с острыми концами, покрытых снегом, столь свежим, что он еще не был нарушен.

Ветви окружили меня — цепляли мои волосы, пальто. Ossaig бежала молча, ее копыта едва касались лесного пола. Я бросаю взгляд позади нас и замечаю, что там нет следов, оставленных в снегу. Все остается безмятежным, как будто она плыла прямо по воздуху.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Держимся севера.

Голос Киарана удивил меня. Я посмотрела на него.

— Что? Но Тэвиш сказал...

— Он прав, — сказала Эйтиннэ, — я слышу их прямо за холмами.

Она послала Киарану улыбку, оказавшись около нас быстрым движением ее кобылы.

— Так что ты абсолютно не внимателен после столь долгого времени, мой младший брат.

Он не взглянул на нее.

— То, что ты на 40 секунд старше меня, не дает тебе права называть меня младшим.

Я ни черта не слышу — только ломающиеся, хрустящие ветки. Ни птиц, ни бродящих животных. Однако, я слегка оттягиваю гриву Ossaig и убеждаю ее следовать за Киараном и Эйтиннэ. По пути нам встречаются деревья с толстыми ветвями, которые колышутся от легкого ветерка. Впереди за деревьями я вижу прояснение. Ossaig направились прямо к нему. Они остановились над высоким утесом. Под ним на морские прибрежные скалы обрушивались жестокие волны. Туман распыляет мое лицо и задерживается в виде льдинок на моей коже.

Я осматриваю край скалы и замечаю фигуры вдалеке — их три — с группой фейри за их спинами. Всего около пятидесяти. О, черт...

Мы остановились, и Киаран спросил Эйтиннэ:

— Прошла эпоха с тех пор, как ты видела сражение. Думаешь, сможешь выдержать?

Эйтиннэ взглянула самодовольно.

— Конечно, я выдержу. Я поразительна. Я всегда была лучшим бойцом.

— Лучшей обманщицей, — проворчал он, наблюдая, как Видящие мчатся к нам с армией фейри за ними.

— О, пожалуйста. Обвиняешь меня в обмане, потому что не смог победить, tobhrathair, — она улыбнулась ему. — Тебе нужно улучшить работу ногами. Она ужасна.

Киаран не кажется обеспокоенным.

— Я не верю тебе.

Это поразительно, насколько они оба спокойны. Как и перед любым сражением, я будто наэлектризованная. Мое сердце рвется из груди, и я едва могу устоять на месте. Энергия согревает мою кожу, растапливая лед.

Это возвращает меня к жизни. Не так, как раньше, не с мстью, гневом или яростью, но с целью. Я хочу, чтобы солдаты Лоннраха увидели меня такую — не ту девочку, чьи воспоминания он украл. Когда Лоннрах спросит, кто убил их, я хочу, чтобы он знал, что это была Эйтиннэ и я, вместе. Что он никогда не сломает нас.

Мой мушкет уже в руке, заряженный и готовый к бою. Его широкие брызги ранят группы фейри эффективнее, чем меч, на первом этапе нападения. Я приберегу лезвие для ближнего боя.

Поверх плеча Эйтиннэ, Киаран поймал мой взгляд. Я вижу отражение своего ожидания в его глазах. Айе, он любит эту часть так же сильно, как и я. Спокойствие перед бурей.

Мы подождали, пока Видящие подъехали ближе. Трое мужчин резко остановились, их механические лошади выразили недовольство от резкой остановки.

— Ты понимаешь, что делаешь? — лицо Дэниэла вспыхивает, кровоточащая глубокая рана пересекает его лоб.

Мое ожидание успокаивает меня. Это должно быть тоже самое, что чувствуют Киаран и Эйтиннэ: никаких эмоций, только готовность.

Я хочу этого. Такая простая вещь. Здесь нет места страху и панике. Только то, как оружие помещается в мою руку, то как мое тело взлетает при мысли о сражении. Как отличается это от жажды убийства.

— Мы здесь для того, чтобы спасти ваши задницы, — говорю я. — Езжайте в город и оставайтесь там. Мы задержим их, чтобы они не смогли преследовать вас.

Лорн издал глубокое рычание — и это не самый приятный звук.

— Ты безумная, — сказал он. Он указал на Эйтиннэ и Киарана. — Эти двое бессмертные; если они хотят сражаться со своим видом, пусти их. Леди нечего делать на поле сражения.

Эйтиннэ взглянула, удивленно.

— Сказал мужчина, бегущий от сражения. Вы боитесь, Видящий?

Лорн отвел взгляд. Айе, определено боится.

— Лорн прав, — Дэниэл протянул мне руку. Перемирие, его предложение защитить меня, — тебя не должно быть здесь. Тут не безопасно.

Для Дэниэла и Лорна человек, направляющийся на армию фейри — особенно женщина — приговаривает себя к смерти. Дэниэл пытается спасти меня, как и Кэтрин.

Прежде чем я успеваю ответить ему, Гэвин говорит тихо:

— Отпусти ее.

Дэниэл с удивлением поворачивает голову.

— Прощу прощения?

— Она не та, за кого ты ее принимаешь, — сказал Гэвин.

Дэниэль и Лорн посмотрели на него, как будто он определенно обезумел, но взгляд Гэвина не покидал меня.

— Убедись, что в этот раз ты вернешься. Я сомневаюсь, что проживу еще 3 года.

Гэвин развернул свою лошадь, Дэниэл и Лорн неохотно последовали за ним. Уверена, они оставляли людей позади и раньше. Я выучила урок данный себе: ты не можешь спасти каждого.

Киаран, Эйтиннэ и я наблюдали, как фейри прокладывали свой путь вниз по снежному холму. Когда фейри увидели нас, они издали оглушительные завывания, которые эхом пронеслись по полям.

Военный клич. Тот самый, которым Лоннрах встретил нас, когда Эйтиннэ и я были в Sith-bhruth.

Они идут за нами. Сильнее и быстрее, чем тогда, когда я видела их в Парке Королевы. За мгновение до того, как наши группы встретились, пространство между ударами сердца замерло, утихло и приготовилось.

— Спешиваемся, — сказала Эйтиннэ.

Киаран соскочил с лошади, и я последовала за ним. В человеческом сражении оставаться на наших лошадях дает преимущество высоты, но против фейри ... красные колпаки в состоянии прорубить их в секунды. Сила Эйтиннэ появилась у меня во рту, когда она отправила лошадей назад. Они бегут к деревьям сверкая копытами — я просто моргнула, а их уже нет.

— Послушай, — в этот раз она шепчет мне, — они захотят добраться до тебя, разбив эту часть скалы. Когда они сделают это, оставайся на месте, — она говорит так словно знает, что делает, как будто когда-то командовала армией.

— Ну, хорошо.

Ее улыбка свирепа.

— Не беспокойся, думаю, я пересилю их.

— Ты думаешь?

“О, Боже, я возможно умру, не так ли”?

Я проследила за ее взглядом и увидела, как фейри идут к нам. Они — словно пятно из льда и ветра, лошади с наездниками daoinesith — фейри красивые, убийственные и полные сил. Cusith и красные колпаки впереди — мускулисты, как всегда.

— Запомни, — сказал Киаран мне, — они сильнее, чем тогда, когда сбежали из темницы.

Красные колпаки одновременно подняли свои молоты и обрушили их на землю. Земля треснула и разломилась.

Черт. Я стараюсь быть неподвижной, когда Киаран и Эйтиннэ сворачивают с пути. Земля подо мной начинает проваливаться в море.

Я не двигаюсь. Даже когда мои ноги дрожат, а живот сжимается. Даже когда кусок скалы, державший меня, отвалился от края утеса.

Затем я оказываюсь в невесомости, падаю к жестокому морю вниз. Я сдерживаю крик, потому что красные колпаки и десяток других фейри прыгнули за мной, чтобы захватить меня при падении.

Они недостаточно быстрые. Прежде, чем я успеваю моргнуть, Эйтиннэ прыгает ко мне и болезненно тянет меня на себя. Мы вращаемся, крутимся в воздухе в порыве сильного ветра. Она контролирует его, прерывая наше падение силой столь сильной, что я почти поднимаюсь.

Затем мы вырываемся из вихря и спускаемся на землю. Мои зубы щелкнули вместе, и я замедляю себя, чтобы не скатиться с вновь созданного утеса. Я подняла взгляд как раз вовремя, чтобы увидеть, как дюжина фейри, которые прыгнули за мной, врезаются в скалы внизу.

У меня едва есть мгновение, чтобы оценить блеск Эйтиннэ до того, как другие фейри спешатся и добегают до нас. Киаран, Эйтиннэ и я помчались вперед. Я расслаблена, заточена, готова к бою.

Я остановилась прежде, чем фейри достигли нас, прицелилась из мушкета в группу sithichean и выстрелила. Оружие отдало мне в плечо. Взрыв сбросил несколько фейри с их лошадей, осколки металла и seilgflur прожгли их насквозь через одежду. Кровь стекала по всему телу. Они даже не кричали, когда умирали.

Я ощутила силу вокруг себя. Боже, вкус силы daoinesith такой сильный, покалывает мою кожу, спускается по моему горлу. Прочная смесь горящего железа, снега и соли. Я выстрелила из мушкета снова и попала.

Осколки металла повредили еще больше фейри, и кровь забрызгала мою рубашку. Внезапно я почувствовала, как переместилась обратно в Эдинбург в то время, когда наслаждалась восторгом от убийства. Тем, как их сила переходит ко мне, протекая по венам, успокаивая. Успокаивающее.

Вспышки молний проносятся по небу, и штормовые облака собираются наверху. Воздух наэлектризованный, тяжелый. Daoinesith создают это, управляют этим. Их сила взрывается наверху и облака отрываются, посылая вниз дождь и лед. Меня забрасывает градом — он достаточно острый для того, чтобы расцарапать мои щеки. Сладкий сильный вкус крови появляется на моих губах. Вспыхивают молнии и обрушиваются на землю возле нас, прожигая снег снова и снова. Я пытаюсь прятаться, но тут слишком много молний — стоит мне только прийти в себя, как ударяет следующая. Новая. Ощущение будто весь остров дрожит от их объединенной силы.

— Кэм!

Киаран сбивает меня прямо перед тем, как ударяет очередная молния. Его тело накрывает мое, я смотрю поверх его плеча и вижу образовавшуюся дыру около 10 футов глубиной. Она могла попасть в меня.

Затем он прошептал слово, заставившее меня улыбнуться.

— Вместе.

Я убрала мушкет в кобуру и достала меч из ножен. Киаран и я сражались вместе,

прикрывая друг друга. Вальс сражения, такой красивый и плавный. Мы мастера. Только он и я, как всегда и было. Он разрубает фейри, быстрый и изящный. Когда они пытаются контратаковать, он блокирует их и посылает силу обратно, и я направляюсь к ним, чтобы закончить дело. Мой меч разрезает, рубит и убивает.

Как будто бы мы продолжение друг друга.

Мы продолжаем наш танец. Я сжимаю его руку, и он бросает меня через группу фейри, где я разбиваю их. Он кружит меня, и я убиваю снова. Его сила обволакивает меня, подобно теплему бризу поверх осеннего ветра. На вкус он весна. На вкус он океан с чем-то еще: дикий и отчаянный.

Когда фейри попытались заманить нас в ловушку, чтобы разбить, я убрала свой меч и снова приложила мушкет к плечу. Я выстрелила, порох разлетелся широко и эффективно.

Ветер и дождь вокруг нас превратились в чудовищный шторм из очень темных облаков. Температура упала, и град продолжает бить нас так сильно, что глаза стали влажными, а кожа изранена. Ветер надвигается порывами такой силы, что меня почти отбрасывает назад.

Киаран контратаковал своей собственной силой, но этого недостаточно — он не может делать это и сражаться одновременно. Когда фейри атаковали, его контроль над погодой упал. Меня сбило с ног и отбросило по снегу к краю утеса.

Эйтиннэ немедленно оказалась рядом со мной, уклоняясь, протыкая и отрубая. Немного отдышавшись, я тут же присоединяюсь к ней. На мгновение я почувствовала, как снова вернулась в Парк Королевы в ночь Дикой Охоты, я была изящным созданием, подобно фейри, той ночью. Я танцевала, как будто в бальном зале, мои ноги быстро передвигались на снегу. Мой меч продолжает резать и ударять со всей силы, когда я уклоняюсь.

И я все это чувствую. Острое ощущение их силы во мне и вокруг меня, как дым у меня во рту, как холодный воздух в моих легких. Я наслаждалась этим когда-то. Я грелась убийством, мстью.

Сейчас это простая необходимость. Эйтиннэ и я кричим миру — Лоннраку — что мы живы. Что мы все еще можем сражаться и убивать. Что мы не разрушены. Я сражаюсь, как бы заявляя: “Я не побегу”.

Затем я увидела ее. Черные, как ночь волосы, обтекающие вокруг лица, столь красивого, что кажется нереальным. Эти блестящие зеленые глаза встретились с моими, и ее губы скривились в улыбке.

Сорча.

Время остановилось. Теперь только я и она. Я почувствовала ее силу, густая как кровь на моем языке, прокладывая свой путь ниже и ниже.

Она в моем разуме, контролирует меня против моей воли. Она посылает простую команду: Стой. Мой меч остановился в воздухе, и фейри вокруг меня — кроме Киарана и Эйтиннэ — тоже остановились. Как будто мы были статуями из камня. Сражение полностью остановилось из-за влияния Сорчи.

Она пускает дразнящий импульс по моим вискам, как будто говоря: “Ты моя”.

Я ненавижу ее. Я ненавижу ее. Я пытаюсь вытолкнуть ее, но она очень сильная. Я такая же, как остальные, не способная бороться с ее силой, неважно, как сильно я пытаюсь.

Когда Киаран увидел ее, он сильнее сжал меч.

— Сорча.

Эйтиннэ остановилась рядом со мной, тяжело дыша.

— Ты, — она глубоко вздохнула. — Не могу вспомнить, говорила ли я это раньше, но

каждый раз, когда мы встречаемся, я подавляю желание ударить тебя кулаком в лицо.

Киаран взглянул на сестру так, будто бы говоря: “Согласен”.

Сорча только улыбнулась Эйтиннэ, показывая ей острые зубы.

— Поверь мне, это взаимное чувство. Но, в любом случае, что если я здесь, чтобы помочь вам? Снова? — она осмотрела других фейри. — У меня всего несколько минут затуманить их воспоминания, так что не тратьте мое время.

— О, снова. Это еще менее убедительно, чем было в первый раз, — Эйтиннэ повертела головой и тогда заметила, что я, как и другие, не способна говорить.

Она изогнула палец в мою сторону, и вот ее сила внутри, переплетаясь теплым потоком, который прорывается через ледяной контроль силы Сорчи. Эйтиннэ на вкус, как дым, черный порошок, кровь и пламя.

Сорча сопротивляется ей, удерживая со всей силы, отчего я прикусила язык так, что чуть не заплакала. Сила Эйтиннэ плотно окружает Сорчу, подавляя ее. Сжигая ее.

Внезапно я почувствовала свободу от сил Сорчи так быстро, что почти подалась вперед.

Я вздохнула и наконец смогла оглядеться. Все остальные фейри заморожены. Их глаза будто покрыты льдом, взгляд зафиксирован и неподвижен — они как статуи в снегу.

Киаран все еще держал меч в руке. Я заметила, как его рука стала сильнее сжимать рукоять.

— Почему ты в действительности здесь, Сорча?

Если бы я была невнимательна, я пропустила бы то, как взгляд Сорчи задерживается на нем.

— Что, если скажу, что я на твоей стороне, Кадамах? Что я хочу, чтобы ты победил моего брата?

— Я бы не поверил ни единому слову, что ты сказала.

Сорча выразила неодобрение, но ее взгляд ни разу не покинул его.

— Когда-то мы были друзьями, — она посмотрела на него из-под ресниц. — Более чем. Ты доверял мне.

Друзьями? Они были друзьями? Даже Эйтиннэ издала рвотный звук на это.

Лицо Киарана совершенно закрыто, этот холодный отстраненный взгляд снова на месте.

— Ты так думаешь? Или просто забыла, как я умею притворяться?

Слова Лоннраха всплыли в моем разуме: “Он заставит тебя думать, что заботится о тебе. Кадамаху на всех плевать”.

Губы Сорчи скривились. Она атаковала своей силой, и я почувствовала ее — подавляющая, противная. Киаран блокировал ее своей рукой: тонкий кровавый порез появился на его ладони. В мгновение ока он исцелился.

— Ты не можешь обмануть меня, Кадамах, — сказала она горько. — Не тогда, когда ты связан со мной.

Киаран сжал челюсть, но ничего не ответил.

— Из-за того, что мы связаны, я и предупреждаю тебя. Мой брат стремится занять Благой и Неблагой Трон.

— Пожалуйста. У него нет такой силы, — сказала Эйтиннэ. Я слышу зажатость в ее голосе, страх, не совсем скрытый беспечностью. — И он больше не Благой. Он не может требовать...

— Когда он найдет способ украсть силу Охотницы, — она одарила меня маленькой высокомерной улыбкой, — он будет на один шаг ближе к этому.

Мою? Как может моя сила помочь ему в этом?

— Это будет не трудно, так как ваш маленький человеческий друг не может даже получить доступ к своей силе, чтобы сопротивляться ему.

Я даже не ответила на ее оскорбление. Мой разум пытается понять. Что говорил мне Лоннрах в Sith-bhruth?

“Ты можешь разблокировать объект, который я ищу. Это твоя единственная цель.”

Должно быть, он имел ввиду, что только моя сила способна разблокировать его, прямо как прибор, который Эйтиннэ сделала.

Без правителя в Sith-bhruth будет зима. Кто-то должен занять это место.

Как моя сила поможет ему занять трон? Видя озадаченность на моем лице, Сорча насмешливо улыбается.

— О, моя дорогая милая девчушка. Ты до сих пор даже не представляешь, на что ты способна, не так ли? Какая жалость.

Вспышка старой злости прожгла мои щеки. Лоннрах возможно предназначается не мне, но она моя. Однажды я найду способ пронзить сердце и убить ее, не убив при этом Киарана. Что бы для это не потребовалось. Она моя.

Сорча оскалила зубы: “Достань меня”.

Я обещаю, я сделаю это. Клянусь.

Когда Эйтиннэ подошла ближе, я осознала, что достала меч и приготовилась.

— Лоннрах не может забрать ее силу без надлежавшего ритуала, и, даже если он знает его, он недостаточно силен для проведения этого.

— Ну, — сказала Сорча, наконец оторвав свой взгляд от моего, — похоже, он нашел способ обойти это.

“Ты можешь разблокировать объект, который я ищу. Это твоя единственная цель.”

Твоя единственная цель...

Объект! Объект, который заберет мою силу. Я почти сказала об этом вслух, но тут же закрыла рот, когда вспомнила, что Сорча тут. Я не могу дать ей знать, что понимаю, о чем речь.

Киаран насмешливо улыбнулся.

— Он не доверяет тебе в достаточной мере, чтобы рассказать все, не так ли?

— Не подшучивай надо мной, Кадамах. Я говорю тебе о риске, исходящем от моего брата, — Сорча прошептала так мягко, что я практически не слышала ее. — О риске ее гнева.

Ее? Но Киаран заговорил:

— И ты до сих пор не ответила почему.

Выражение лица Сорчи такое ранимое, кажется даже Киаран удивлен этим.

— Если мой брат найдет то, что ищет, он будет способен убить тебя, — она меняет позу, вызывая поднимая подбородок. — Это самозащита, Кадамах. Мне нужно, чтобы ты жил, чтобы была жива я.

Что за чушь. Это Сорча. Она убила мою маму. Она предает своего собственного брата и также просто предаст нас. Почему мы должны слушать то, что она говорит?

— Если ты собралась помогать, — говорю я, стараясь держать голос спокойным, — тогда скажи нам, что еще тебе известно.

Сорча смотрит так, словно тоже собирается убить меня.

— Что бы ему не было нужно, чтобы забрать ее силу, оно здесь, на острове. Это все, что

я знаю.

Значит Лоннрах не просто ищет город и меня. Деррик говорил, его солдаты и раньше патрулировали город, до моего побега. Это значит, что бы он ни искал, чтобы украсть мою силу и стать правителем в Sith-bhruth, это находится на Скае.

“Ты провела год, тренируясь у моего врага и этого вредного пикси. Я уверен, они часто говорили о вещах, которые ты не понимала.”

Если Лоннрах искал место в моей голове, это значит только одно: он подозревает, что Деррик или Киаран знают, где оно находится.

Киаран шагнул вперед.

— Если ты лжешь...

— О, Кадамах, — сказала Сорча с ее типичной насмешливой улыбкой, — ты же знаешь, мы не можем врать. Теперь я действительно должна продолжить свое выступление и сделать его похожим на то, что я все еще лояльна ему, — ее зеленые глаза пылают ярко. А острые зубы показываются в усмешке. — Вам лучше бежать.

Я внезапно почувствовала тепло, исходящее от нее, как будто она была источником открытого огня. Ее сила выросла у меня во рту: абсолютная и упорная. Железо и металл наполняют мое горло неостанавливающимся потоком.

Затем я услышала их. Отдаленный бум, который стал звуком, которого следует бояться. Mortair. Она позвала mortair.

Из-за тряски и раскола земли я едва могу слышать что-либо. По команде Сорчи металлические фейринаправляются прямо на нас, пересекая горы, словно плывут по реке. Земля проваливается под их массивными телами, и остаются гигантские следы.

За ними следуют и другие создания, металлические монстры столь многих видов: птицеподобные, с длинными клювами и узкими телами, сформированными как у белой цапли. Они бегут на тонких ногах, покрытых мощными когтями. Некоторые напоминают котов с длинными ушами и рогами, которые спиралью устремляются к небу.

Когда они перешли реку, я смогла увидеть большие металлические механизмы в их бедрах, вращающиеся так быстро, словно их внутренности горят. Это красивые создания из такого же черного обсидиана, как *mortair* ... а еще они ужасающие.

Эйтиннэ появилась рядом со мной, ее глаза сужены, изучающие.

— Самые маленькие атакуют в группах, поэтому убираем их по одному. Постарайся не дать им окружить себя, — сказала она, вынимая свой меч. Затем она улыбнулась мне. — Все должны быть только перед тобой. Несложно!

О, она же не....

— Неужели, Эйтиннэ?

Ноги существ очень быстро преодолевают расстояние. Так быстро. Они практически здесь, прямо за тем холмом ...

Я вытасила меч. Я готова. Сейчас. Я пробегаю под массивной фигурой котоподобного *mortair*, его конечности поворачивают ко мне с изяществом реальных животных. Я проскакиваю между ними, прорезая лезвием металл, чтобы достать чудовище.

Поразительно, как эти создания быстро двигаются. Одну минуту я обдумываю свои варианты, а в следующее мгновение я вижу десятки *mortair*, направляющихся прямо на меня. Я пробегаю между ними и рублю их по ногам, чтобы металлические существа пали. Когда они валятся на землю, снег засыпает их и задерживается на моей коже, но я двигаюсь так быстро, что холод едва влияет на меня.

Mortair обрушились на землю, их конечности сотрясли все вокруг нас. Я пошатнулась и попыталась найти равновесие, но земля неровная, и я проваливаюсь ботинками вглубь.

— Кэм!

Я смотрю в сторону, откуда зовет Киаран, и громко ругаюсь. Перед ним еще больше *mortair*, мчащихся из-за деревьев и холма с восточного побережья острова. Их конечности разрушают лес, заставляя ветки и целые деревья отлетать в стороны из-за скорости, на которой проносятся мимо их огромные тела. Это целая армия. Если Эйтиннэ создала *mortair* с наиболее сильным оружием, у нас нет даже шанса против столь многих.

— Нам придется прыгать, — сказал Киаран, беря меня за руку.

Я бегу с ним. Фейрийские создания преследуют нас, обстреливая сквозь ледяной пейзаж. Эйтиннэ подпрыгивает, чтобы разрубить очередного фейри своим мечом.

Киаран приводит меня на ледяной склон скалы к утесам, наши ботинки пробиваются через снег. Здесь так холодно, что пальцы ног цепенеют, я едва могу бежать дальше. Киаран проталкивает меня вперед, поскольку механические создания стреляют по нам. Когда мы достигли края утеса, я посмотрела вниз и увидела бушующие волны и долгий путь вниз.

Киаран смотрит на меня оценивающее. О, Христос, он действительно решил прыгать.

— На счет три, — сказал он, притягивая меня к себе.

Я плотно сжала свои руки вокруг него. Рядом с нами Эйтиннэ произнесла:

— Смотрю вы оба наготове!

Боже, помоги мне!

Эйтиннэ издает возглас ликования и с разбега спрыгивает с утеса в сольном прыжке, изящно погружаясь в воду. Я даже не увидела ее в воде; Киаран держит меня очень крепко.

— Чтобы ни произошло, — сказал он, — не отпускай меня.

Земля трясется из-за mortair. Они будут здесь в любую секунду. От этой дрожи свободные камни падают с утеса.

— Я? Отпустить? Даже не думала об этом.

— Умница. Готова? — Киаран прижался щекой к моей и прошептал: — Один ... два ...

На счет три, он скидывает нас. Холодный воздух со свистом проносится мимо, поскольку мы мчимся вниз к морю. Все что я вижу — это острые камни под нами, выступающие уподожия скалы. Скалы в этой части Скай выше, а океанские волны такие жестокие, что прыжок — это все что угодно, кроме безопасности. Мы разобьемся о скалы ... если падение не убьет меня раньше.

Киаран перевернул меня так, чтобы он мог держать руку ладонью к морю. Его сила окружила нас во внезапном противной вспышке, которая разорвала бы меня на части, если бы я была в другом положении. Тогда я поняла, что Киаран замедляет наше падение, используя свою силу, так что мы упадем в воду со скоростью вдвое меньшей той, что была в начале. Для меня. Он делает это для меня. Я разобьюсь о камни, если мы приземлимся на полной скорости. Киаран выжил бы, но мое тело было бы полностью разбито.

— Сожми свои руки крепче вокруг меня, — прошептал он, его теплое дыхание коснулось моей щеки.

Я сильнее сжала ладони на его спине и прижалась к нему. Мы замедляем падение, еще медленней, а затем мы скорее полетели, нежели падали. Мы зависли над неистовым морем, воздух вокруг нас не сильнее холодного бриза, который раздражает мои волосы. Тепло Киарана окружило меня, его сила пульсирует и скользит по моей коже, мягкая как шелк. Холодный морской туман окутывает нас. Я задрожала, когда Киаран прижал меня ближе, чтобы дотронуться губами до моей щеки.

Мы ударились о воду. Боже, даже в Форте было не так холодно, когда я упала в него после борьбы со sluagh. Течение не было таким сильным, таким быстротечным. Холод сковал мое дыхание, и мои внутренности заболели, когда мы погрузились под воду. Жестокие волны выбрасывают нас назад, но сила Киарана встречает их взрывом, что замедляет нас, прежде чем мы размажемся о скалы.

Он тащит нас подальше от скалы, проталкивая сквозь воду комбинацией силы и сильных ударов его ног и рук. Волна накатывает и нас тянет под воду. Его хватка слабеет, и меня уносит сильным течением. Я паникую, размахивая руками под водой, чтобы найти его, но мне ничего не видно. Воздух, мне нужен воздух. Я не могу дышать...

Киаран хватает меня за руку, вытягивая вверх. Мы выныриваем, и я вдыхаю холодный воздух в легкие. Это болезненно, как будто сам воздух тверд. Я сражаюсь за вздох, пытаюсь оттолкнуться, но мои конечности оцепенели и не слушаются. Он почти отпустил меня снова, но мои ногти вцепились в его пальто.

— Кэм, — он обхватил руками мое лицо, так, чтобы я скорее посмотрела в его глаза. Спокойствие, он такой спокойный. Его сила греет, успокаивает.

— Нужно плыть, — сказал он, привлекая меня к себе. Он напрягается, чтобы не потерять меня при очередной сильной волне. — Хорошо? Просто плыви, Кэм.

Я никогда не слышала, чтобы он говорил так нежно. Он прижимается своим лбом к моему, удерживая меня от другой волны.

— Я буду здесь, рядом с тобой, — сказал он.

Я кивнула и оттолкнулась. Мои усилия плыть похожи на попытку поднять валун в гору, когда любое движение, в общем-то, не имеет никакого значения. Я задыхаюсь от усилий. Киаран плывет со мной, делая большую часть работы. Его удары сильные, уверенные, как будто его вообще не волнует течение, волны или сильный холод. Он держит мою руку сильным, уверенным захватом, даже когда течение старается разделить нас. Я уверена, у меня останутся синяки от этого.

Волна обрушилась на нас, и я заглотила воду. Ух. Такая соленая, что я задыхаюсь. Я кашляю и кашляю, но все равно отталкиваюсь вперед.

Мы продвигаемся медленно, с агонией. Даже сила Киарана согревающая меня, не останавливает холод, просачивающийся через нее. Я дрожу и уже не могу уследить за своими движениями. Мои брюки и пальто прилипли к моей коже, ботинки тянут меня вниз. Тело тяжелеет, становится как камень, готовый прямо сейчас погрузиться на морское дно.

Я подалась вперед, и Киаран напрягся. Я увидела маленький пляж, расположенный прямо у высоких утесов, и это вынудило меня двигаться быстрее, игнорировать боль в конечностях, истощение и все остальное.

Наконец-то, наконец-то мы выбрались на пляж, покрытый идеально круглыми камнями. Я забралась на них и легла. Спасибо, Господи, я больше не в этой проклятой воде!

Прямо с утесов донеслись звуки оружия *mortair*, и напряглась. Не думаю, что смогу сейчас сражаться. Я не могу даже встать.

Киаран тоже услышал их, но сел рядом со мной на камни, положив руки себе на колени.

— Если Сорча сказала правду, она отошлет их назад, — он просканировал утесы, как будто желая удостовериться. Спустя время, он, кажется, расслабился. — Эйтиннэ, должно быть, поплыла в пещеру с другой стороны утесов. Мы подождем здесь, пока она найдет нас.

Я сажусь на твердую гальку, вздрагивая от того, как много усилий для этого требуется.

— Ты веришь Сорче?

Фейри не могут лгать, но я научилась тому, что у них есть множество способов интерпретировать правду. Они мастера умалчивать или говорить правду, не раскрывая наиболее важную информацию, чтобы обмануть людей, доверившихся им.

Киаран обдумал мой вопрос.

— Правда может быть рассказана частично. Если Лоннрах действительно нашел способ забрать твою силу, она придумает, как использовать это знание для себя, — он откинулся назад на руках, выглядя непринужденно, несмотря на ледяной ветер. — Похоже ее брат больше не доверяет ей в принципе.

Волны плещутся вокруг нас, их сила сбивает камни вместе, снова и снова. Несмотря на холод, Скай умиротворяет. Сейчас тихо, значит *mortair* ушли.

Киаран закрыл глаза. Вода капает с его волос на открытое пространство у ворота. Не могу ничего поделать, но я думаю о его словах, когда он тащил меня сквозь волны.

“Я буду здесь, рядом с тобой”.

Киаран открыл один глаз.

— Ты пялишься, — прозвучало как обвинение.

Я не отвела взгляда.

— Я должна рассказать тебе кое-что.

— Звучит слегка зловеще.

— Что бы Лоннрах не искал, — сказала я, — он знал, что найдет это на Скае от меня.

Из моих воспоминаний, — произнесла я быстро, прежде чем Киаран мог ответить. — Деррик, рассказывал мне, что его дом был на этом острове, поэтому я думала, что Лоннрах ищет город, — я наконец-то отвернулась. — Я не предполагала, что это может быть, что-то другое, пока Сорча не сказала нам.

Что бы ему не потребовалось, чтобы забрать твои силы, оно на этом острове. Это то, что я знаю.

Киаран надолго замолчал. Затем нежно сжал мое запястье, чтобы приподнять рукав вверх. Его пальцы скользнули по углублениям от укусов.

Я фактически захотела показать ему каждое из моих воспоминаний. Там так много о нас двоих. Наша охота запечатлена на моей коже, история о том, как мы прошли путь из простых партнеров до ... этого. Чем бы это ни было.

Сосредоточься.

— Как думаешь, Деррик что-то знает об этом? — спрашиваю я его.

— Нет, — говорит Киаран. — Что-то, что может украсть силу, должно быть древним. Еще до его появления, — его пальцы поднялись вверх, к следующему укусу. — Пиксибыли когда-то защитниками определенных реликвий. Только они были достаточно сильными sithichean, чтобы защитить объект, но не использовать его. Некоторые знали, где живут пикси. Тогда ходили слухи, что они закопали свои реликвии по всему острову, — он поднял свой взгляд на меня. — То, что ищет Лоннрах — эта та же причина, по которой я пришел сюда тысячи лет назад. Я уничтожил дом твоего пикси, чтобы найти это.

Я резко отпрянула от его касаний. Не могу ничего поделать с появившейся виной из-за того, что забочусь о ком-то, кто сделал так много, чтобы причинить боль кому-то, кого я люблю. Киаран больше не Кадамах. Больше нет. Но я ничего не могу сделать с тем, что, когда я забочусь о Киаране, я как будто предаю Деррика. Как будто я тоже причиняю ему боль.

— Что же это тогда? — мой тон даже более жестокий.

Я не пропускаю, как выражение Киарана становится более холодным, как будто он почувствовал, что я отстраняюсь. Теперь и он отстранился от меня.

— Среди моего вида, — сказал он почти механически, — ходят истории о первом sithichean королевстве, которое было построено раньше других миров, кроме этого. Это было место огромной силы, созданное старой магией, которой больше нигде нет, кроме как у Кайлих.

Кайлих. Имя заставляет меня вспомнить, что Лоннрах говорил мне в тюрьме.

Никто не видел Кайлих тысячи лет.

Киаран заговорил снова прежде чем я успела обдумать это.

— Враждебность между сторонами достигла высшей точки и вылилась в войну, которая разрушила королевство и привела к созданию отдельного мира. Они говорили, что кристалл находится все еще здесь, где-то спрятанный. Полный старой магии.

— Ты так и не нашел его?

Он покрутил головой.

— Но если Лоннрах узнает где он, он использует его, чтобы забрать твою силу и убить

Благого и Неблагого правителей.

“Наследники, которых она оставила править... недостойны. Без правителя вSith-bhruth будет зима. Кто-то должен занять ее место”.

Я должна знать.

— Зачем ты искал кристалл?

Киаран не сразу ответил.

— Я был Неблагим, Кэм. Как ты думаешь? — Его глаза стали дикими, жестокими. — Я хотел найти его для того, чтобы убить Благоую Королеву.

Мое дыхание сбилось. Прежде чем я смогла ответить, я услышала Эйтиннэ.

— Так, вы двое собираетесь просидеть здесь весь день или мы вернемся в город? Не знаю, как вы, а я голодна.

Я поворачиваюсь, когда Эйтиннэ выскакивает из-за камня, который выпирает под утесом. Она приземляется с мягким глухим звуком, выглядя очень довольной собой. Ее одежда влажная, с волос капает, каждый дюйм ее покрыт песком. И это кажется ее нисколько не волнует.

Эйтиннэ проложила свой путь по большим пляжным валунам прямо к нам, ее движения изящны.

— Вы выглядите несчастными.

— Я замерзла и промокла, — сказала я. — Я ощущаю себя несчастной, и мой мушкет, вероятнее всего, уничтожен водой. Не нужно указывать на очевидное.

Она взглянула на своего брата.

— Я полагаю, твое лицо только придерживается сказанного?

Киаран поднялся на ноги, и я сделала то же самое.

— То, что ты видишь — это постоянный, серьезный вид кого-то в обличии твоего брата.

— Ха-ха, — Эйтиннэ сосредоточила свое внимание на мне, наклонив голову. — Знаешь, у меня был кyлое, которая смотрела на меня точно, как ты сейчас. Ее волосы были похожего цвета и все такое прочее.

Я взглянула на нее.

— Ты же сейчас не сравниваешь меня с коровой?

— Нет, нет. Я сравнила выражение твоего лица с ее. Коровы, действительно, такие изумительные создания, не так ли? — усмехнувшись, она сказала: — Не переживай, я исправлю это прямо сейчас!

Прежде чем я успеваю возразить, она кладет свою руку на мое плечо. Ее сила накрывает так неожиданно, такая сильная, что у меня сводит живот. Я разрываюсь от подавляющей, неприятной сладости на моем языке. Когда все отступает, я понимаю, что моя одежда высохла, волосы высохли, и мне тепло — как будто я только что вышла из солнечного света в теплый летний день.

Я выпрямляюсь с угрюмым видом.

— Ты могла бы спросить.

Эйтиннэ начала идти к той части, что проходит между утесами, Киаран и я последовали за ней.

— Ты сказала бы “нет” из чистого человеческого упрямства, и заболела бы на пути назад этой ... этой... как вы называете ее?

— Истощением, — сказала я, поднимаясь по пути. — Уверена, мне надо подремать.

Она не слушает. Щелкает пальцами.

— Пневмония! Точно. В любом случае, ты бы заболела и умерла, тогда где были бы мы? Не за что.

Ну, вижу, что она не отличается от Киарана с таким же уровнем такта. Я расправляю свое недавно высушенное пальто и стряхиваю песок, проводя по нему пальцами.

— А как же ты? Ты будешь сушиться сама?

Эйтиннэ пожимает плечами.

— Я люблю воду. Напоминает мне о доме.

Краем глаза я заметила, как Киаран напрягся от ее слов. Небольшое движение примечательное только потому, что я стала настолько хорошо знать то, как он стоит, как держит себя. Когда он заговорил, его голос был таким же холодным, как ветер.

— Мы должны возвращаться.

Мы прошли через проход в лесу. Он проходит ниже уровня моря, просто один из многих тоннелей вокруг острова, который ведет в город фейри. Над нами я могу слышать шум волн, когда они накатывают на берег, пока мы пробиваемся мимо темных блестящих скал. Тоннель проводит нас к границе между фейрийским и человеческим частями города: поля seilgflur — это линия защиты, бессловесный способ напомнить любым заблудившимся людям, что пересечение этой местности приведет их на территорию фейри.

После того, как Эйтиннэ прошла в дверь фейри, Киаран задержался со мной около дорожки через seilgflur. Мы не говорили с тех пор, как были на пляже. Я бы хотела знать, что сказать ему, мне бы хотелось, чтобы мои чувства не были путаницей того, что хочется, что требуется и что привлекает меня.

— Хочешь, чтобы я пошел с тобой? — спросил Киаран, когда мы остановились у лестницы, ведущей в основную часть города. — Я не доверяю Видящим, как бы они не сделали что-то глупое.

Я боюсь представлять их лица, но я не скажу ему это.

— Я ценю это, но не уверена, что твое появление там исправит ситуацию.

— Нет, — сказал он. — Но мне не нравится, что ты будешь одна с ними. Не после того, что они сделали с тобой, — он замотал головой. — Меня не было с тобой оба раза. Я не допущу, чтобы это случилось снова.

Я чуть не сказала ему, что еще не простила Гэвина. Еще нет.

— Тебе не все равно? — я затаила дыхание. Я знаю, что не все равно, но я хочу услышать это от него. Мне нужно услышать, что он скажет это.

Кадамаха ничего не заботит, и тем более ты.

Я бы очень хотела выкинуть слова Лоннраха из своей головы. Я бы хотела не проводить в зеркальной комнате так много времени, накручивая себя, что это правда. Что причина, по которой Киаран не находит меня, в том, что он и не искал.

Я закрыла глаза, когда Киаран положил ладонь на мою щеку.

— Кэм, — сказал он, — я только что спас Видящих, прыгнул со скалы и плыл через ледяную воду с тобой в моих руках, — затем он обхватил мое лицо обеими руками. — Что еще я должен сделать, чтобы показать тебе это?

Я трясую головой.

— Боюсь, мне потребуется еще одно доказательство.

— Еще одно доказательство? — Киаран поднял бровь. — Мне не потребуется ведь никакие заверения или высокопарные слова? Я должен встать куда-то?

— Ни каких высокопарных слов. Никаких заверений, — я становлюсь на цыпочки и

шепчу ему на ухо. — Только поцелуй.

Затем его губы оказываются на моих, и это лучше всякого заверения. На мгновение его прошлое исчезает, и мое — тоже. Когда я позволяю себе следовать его прикосновениям, внезапно возникает чувство, что ничего больше не имеет значения, кроме этого. Только он. Только мы.

Я смягчаю поцелуй, до того момента, как его губы едва сталкиваются с моими. С каждым движением я говорю ему: “Спасибо”. “И ты тоже мне не безразличен”. “И, Боже помоги мне, но я доверяю тебе”.

Когда я отклонилась назад, клянусь, он понял все, что я хотела сказать.

— Я должна идти, — прошептала я.

Я наблюдаю за борьбой на его лице, когда он отступает.

— Если они попытаются сделать что-то, пошли пикси.

Я кивнула и начала подниматься по лестнице. Когда я повернулась обратно, он уже скрылся за дверью фейри.

На улицах тихо. Несколько людей рискнули выйти из своих домов, но свет все еще погашен. Облака вернулись, в это время между ними сияет луна. Бульжная улица блестит в ее свете, все еще скользкая после недавнего дождя. Я вспоминаю путь, по которому Киаран вел меня ранее, через темные проходы — в комнату, полную гобеленов с победами пикси.

Я затаила дыхание и вошла. Все немедленно притихли и повернулись. Боже, ощущение, что я сделала что-то ужасно неправильное. Дверь позади меня закрылась с сильным хлопком. Похожим на выстрел.

Сзади Лорн и Тэвиш смотрят на меня с явным подозрением, возможно с капелькой страха. Выражение Гэвина нечитаемое, с намеком чего-то похожим на ... сожаление? В противоположность ему Кэтрин кажется сердитой и обеспокоенной. Второе потому, что, когда она видит меня, она спешит пересечь комнату.

— Кэтрин, не надо.

Это от Дэниэла. Сюрприз, сюрприз...

Она игнорирует его и берет меня под локоть.

— Пойдем со мной. Не обращай внимания на этих идиотов в углу.

Игнорировать? Вижу, беспокойство Киарана не было совершенно необоснованным.

Но Дэниэл уже направляется к нам.

— Позволь, я улажу это, — сказал он ей.

Кэтрин нахмурилась.

— Я так не думаю. Отойди.

Дэниэл вздохнул. В этот раз он посмотрел на меня. Не подозрительный и обвиняющий, каким я привыкла его видеть, он кажется уставшим. Слишком уставшим. Он даже не переоделся, был в том же, что и при поездке верхом.

— Могу я поговорить с тобой? — он спросил меня прямо. Кэтрин открыла рот для возражения, но он поднял вверх руку. — Наедине, если ты не возражаешь.

Я делаю шаг назад от него.

— Уверена, ты понимаешь, что я, скорее, откажусь.

Дэниэл прошелся рукой по волосам.

— Послушай, я не собираюсь причинять тебе вреда, — сказал он, — я только хочу поговорить.

Я посмотрела на Кэтрин. Она колеблется прежде, чем указать, что все в порядке. Полагаю, нам с Дэниэлом надо поговорить в любом случае.

Кэтрин отпустила меня и поднялась на цыпочки, чтобы сказать что-то Дэниэлу на ушко. Он закатывает глаз, когда она улыбается ему и целует в щеку.

Ну ... ну ...

Я не могу управлять внезапным румянцем, который появляется на моем лице при их очень публичном проявлении любви. Это так лично.

Кэтрин одобительно кивает мне, как только ее муж сопровождает меня в темный проход. Я открыла рот, чтобы заговорить, но он прервал меня.

— Не здесь, — сказал он глубоким басом. — Моя жена скорее всего подслушивает через дверь, — видя мое нежелание идти дальше, он говорит: — Обещаю, что не обижу тебя. Пожалуйста.

— Ну хорошо.

Не сказав ни слова, он повернулся и начал спускаться по туннелю, и у меня не было выбора, кроме как последовать за ним. Я едва могу различить где прохожу, тут так темно. Даже свет от фальшивой луны сверху не проникает сквозь тени, окутавшие дома вокруг нас.

— Что она сказала тебе? — спрашиваю я, осторожно шагая, чтобы не споткнуться.

— Она сказала, чтобы я вел себя хорошо.

Я улыбнулась. Это не может быть единственной вещью, которую она сказала.

— Или?

— Та часть предназначена только мне.

Он приводит меня к тяжелой двери из дуба, окруженной плющом. Она стонет на своих стержнях, когда он открывает ее. Ничего не видно по ту сторону; только густая, непроницаемая темнота. Я недостаточно доверяю ему, чтобы заходить в комнату, которую не могу рассмотреть. Откуда мне знать, что это не очередная засада огоньков.

— Что именно ты собираешься делать, раз не хочешь, чтобы это услышала Кэтрин? — спросила я его.

Выражение Дэниэла ожесточается, как будто он оскорблен вопросом.

— Просто поговорить.

— О чем?

— Узнаешь, — он показывает мне жестом, чтобы я входила.

Сохраняя самообладание, я пересекаю порог. Спустя мгновение, как я зашла, все изменилось. Мастерская кузнеца? Айе, это она. Печь, которая нагревает металл, находится в одном углу. Деревянные столы и пол завалены частями металлических, крошечных зубчатых валиков, шпинделей и некоторых более крупных полусобранных механизмов.

Наковальня находится в углу, молоток и долот около него. Здесь пахнет угольным огнем, как в небольшом садовом доме, который я использовала для своей собственной мастерской позади особняка Отца. Когда мы были в городе, я платила другим, чтобы работали для меня.

Только смотря на эти вещи, мне хочется строить снова, взять механические части и сложить их обратно, чтобы сделать что-то новое. Я скучаю по ощущению масла на кончиках моих пальцев и работе с металлом бессонными ночами. Я скучаю по чувству гордости, когда завершаешь что-то и обнаруживаешь, что это работает точно так, как я рассчитывала.

Я легонько касаюсь наковальни, чувствуя отметки в металле там, где молоток ударялся. Я взглянула на Дэниэла.

— Оно твое? Это место?

— Айе, — Дэниэл сел за рабочее кресло, скрестив ноги в лодыжках. — Сделано в точности, как у моего отца.

Так значит, он сын кузнеца. До Дикой Охоты Кэтрин даже и предложить не могла бы, что выйдет за мужчину с таким статусом. Браки были не по любви, а из-за собственности. Это было тем, что внушали леди, то, что мы запросто принимали.

— Должно быть, ты находишь в этом утешение, — сказала я, стараясь быть вежливой, — иметь что-то, что напоминает о нем.

Не уверена, что создала бы место, напоминавшее мне об отце. Айе, мне все еще больно, когда я думаю о его смерти. Я все еще страдаю от сознания своей вины за то, что должно было быть между нами. Даже когда я была маленькой, он никогда не обнимал меня и не говорил добрых слов. Его слова были всегда короткими, абразивными, говорились просто,

чтобы заставить меня уйти. Даже повзрослев, я все еще жила ребяческой надеждой, что он полюбит меня. Он не сделал этого. Это — то, что я буду всегда нести с собой.

Дэниэл горько рассмеялся.

— Это не так. Мой отец был еще тем сукином сыном, — он отодвигает свой воротник, чтобы показать шрам под ключицей, звездообразная отметка от пули. — Я вспоминаю о нем здесь. То как я умер и вернулся обратно Видящим.

Христос, что я могу сказать на это? Я практически сказала, что мне жаль. Но этого не кажется подходящим.

— Тогда зачем ты создал это место? — спросила я его.

— Это напоминает мне о том, что я должен делать. После того, как я вернулся с другой стороны, чтобы мой отец не убил так же и мою маму, — его один глаз жестоко посмотрел на меня. — Что я все еще готов сделать, чтобы сохранить людей, которых я люблю, в безопасности.

— Я так понимаю, ты обращаешься ко мне? — сказала я легко.

— Ты — не человек, — сказал Дэниэл внезапно. Не обвиняя, но ставя перед фактом. — И не притворяйся, что не понимаешь, о чем я. Тэвиш наблюдал за сражением, и я знаю, что видел с холмов.

Ты не человек. Не совсем человек, не совсем фейри. Я не принадлежу ни одному миру, ни миру Кэтрин, ни даже миру Киарана. По крайней мере, до всего этого у меня была фальшивая комфортная зона. Я могла притворяться нормальной, всего лишь очередной дебютанткой. Я могла обернуть себя в ложь, и никто не знал, что я жила неправдой. У меня больше нет этого кокона порядочности, чтобы защитить мой секрет.

— Мистер Рейд...

Дэниэл поднял руку, чтобы остановить меня.

— Нет. Мне не нужны объяснения. Просто ответь на вопрос: они искали тебя?

Я подняла подбородок и встретила прямо его взгляд.

— Так и есть.

Дэниэл тихо выругался.

— Я боялся этого, — он закрыл свой глаз. И я удивилась, когда он сразу не открыл его. Вместо этого он начал стучать пальцем по столу. Не обдуманый ритм, а просто раз два, раз два стук.

— Я ждал этого больше 3х лет, — пробормотал он.

— Чего?

Что он делает?

— Девушку, которая несет хаос, — тук тук. Тук тук. — Смерть — ее бремя. Куда бы она не пошла, она следует за ней. Они говорят, что она может или спасти мир, или покончить с ним.

Моя грудь сжалась. Каждое слово, которое он произносит, похоже на удар, каждый более болезненный, чем предыдущий.

“Они говорят, что она может или спасти мир, или покончить с ним”.

Я. Он говорит обо мне.

— Они? — я, наконец, произношу слово, задыхаясь.

Дэниэл приоткрывает глаз. Он выглядит как стеклянный, несосредоточенный.

— Я не знаю, откуда приходят эти голоса, и мне не особо есть до этого дело. Они просто говорят.

— Ты видишь будущее? Как Гэвин?

— Нет, — сказал Дэниэл. — У меня не бывает видений. Я просто слышу шепот — с тебе. Впервые — более 3х лет назад, а затем в пещере они начались снова, — он изучает меня более близко. — Когда бы я не посмотрел на тебя — они не останавливаются. Они становятся только громче.

“Смерть — ее бремя. Куда бы она не пошла, она следует за ней”.

Я — девушка, которая приносит хаос.

— Когда точно это началось? — спрашиваю я, думая, что уже знаю ответ.

— Перед тем, как фейри все уничтожили, — он колеблется перед тем, как спросить: — Подозреваю, ты была там в ту первую ночь.

Я понимаю, о чем он действительно спрашивает: “Ты собиралась предотвратить это”.

Не удивительно, что Дэниэл не хотел видеть меня в своем городе, почему он говорит со мной с враждебностью, начиная с моего прибытия. Он точно знал, кем я была. Я — девушка, которая позволит городу пасть. Я девушка, которая покончит с миром.

Я девушка, которая приносит смерть и разрушения. Всегда. Всегда.

— Я была там, — говорю я. Мое дыхание задрожало на выдохе. — Так ты хочешь, чтобы я ушла.

Дэниэл умолк, как будто подбирая следующие слова очень аккуратно.

— Я неверно относился к тебе. Я не просил тебя спасти мою жизнь, и я никогда не забуду, что ты сделала для меня. Я твой должник. Но я не могу подвергать людей, которых люблю, опасности, позволяя тебе остаться.

Я тоже этого не хочу. Люди, которых он любит — те же люди, которых люблю я. Я уже сделала достаточно, чтобы разрушить их жизни. Лоннрах ищет меня и он не остановится, пока не найдет, не заберет мои силы и не убьет меня.

— Поэтому ты не хотел, чтоб Кэтрин слышала?

— Нет. Я не хотел, чтобы она слышала мое предостережение о тебе. Она скажет, что это неважно. — он расстроенно пригладил свои черные волосы. — Я должен убедить тебя, что это важно, потому что ты сможешь найти причину для ухода.

Мне кажется я знаю, куда он клонит.

— Не говори мне, что ты хочешь, чтобы я солгала Кэтрин.

— Это не то, о чем я прошу, — сказал он. — Я никогда не лгал ей. Но она лучше воспримет это, если ты скажешь, почему должна уйти, — Дэниэл улыбнулся. — Она упряма, если это затрагивает ее интерес, в случае, если ты не заметила.

Я кивнула, пытаюсь решить, что именно ей скажу. Я уже однажды отсылала ее прочь, потому что боялась за нее. Я в ответе за то, что Кэтрин была в дороге, когда фейри атаковали, и Дэниэл был там, чтобы спасти ее, а не меня.

“Смерть — ее бремя. Куда бы она не пошла, она следует за ней”.

Она преследует меня здесь. Лоннрах найдет меня и убьет их всех. И у меня нет такой силы, чтобы защитить ее...

Слова Киарана всплыли в моей голове. Они сказали, что кристалл все еще здесь, спрятанный где-то. Полный старой магии.

— Ты должен знать, — сказала я быстро, прежде чем остановить себя. Я решила доверится ему, рискнуть тем немногим, что знаю. Все-таки он спас Кэтрин жизнь. Я все еще благодарна ему за это. — Они ищут не только меня. Фейри хотят кое-что еще.

— Ты знаешь, что это?

— Кристалл, который спрятан где-то на острове. Слышал что-нибудь об этом? — он помотал головой, и я сказала: — Я должна найти его прежде, чем это сделают фейри, но Деррик настаивает на том, чтобы пойти со мной. Его не будет здесь, чтобы удерживать защиту, если они нападут.

— О чем ты просишь? — спрашивает он.

— Дай Деррику время, чтобы укрепить ее, прежде чем мы уйдем. — он засомневался, и я добавила: — Пару дней. Вот о чем я прошу.

— Хорошо, — отозвался он неохотно. — Пару дней. А затем..

— А затем я уйду.

На следующий день я стояла у своего окна, когда вновь падал снег в фальшивом Эдинбурге. Всего несколько дней. Я не знаю точно, куда пойду или где найду укрытие. Город пикси не похож на мой старый город в принципе, но иллюзия моей старой спальни, моего старого дома, заставляют меня жалеть об уходе.

Просто на протяжении нескольких часов я испытываю желание притвориться, что это реально, что я вернулась. Что я в моей прошлой жизни до сражения, когда все казалось таким простым.

Деррик прилетел на мое плечо, удивляя меня своим внезапным присутствием.

— Послушай меня, — сказал он серьезно, — это мой дом. Ты не уйдешь. Скажи слово, и я выброшу Циклопа с его задницей.

- “Я ждал больше 3х лет”.

- “Чего?”

- “Девушку, которая приносит хаос”.

Смерть следует за мной; она следует за мной с момента смерти моей мамы. Я — проводник, пытающийся избежать вспышки молнии во время грозы.

— Ты не сделаешь этого, — сказала я мягко. — Его предостережение не было неверным. И мне все еще нужно найти кристалл из старого королевства. Ты же знаешь, я должна.

— Это может занять года, — захныкал он. — Мои предки похоронили все. Черт, они похоронили трофеи своих жертв. На этом острове миллион скелетов. Лоннрах прежде всего должен откопать их.

— А что, если Дэниэл слышит шепот по какой-то причине?

— Мне все равно, — зашипел он. Его ореол загорелся ярко красным, вспыхивая словно пламя. — Я, наконец-то, вернул себе мой шкаф. У меня снова появилась ты. Он все разрушил.

Пауза. Затем:

- Как думаешь, Кэтрин была бы оскорблена, если бы я отрезал ему одно ухо?

Я придерживаю его ладонью, удерживая таким образом, я могу поймать его взгляд.

— Это то, что тебя действительно заботит? Потерять твой шкаф?

— Конечно, — он моргает, такой наивный и невинный. Он совсем не невинен. — Что же еще это может быть?

— Знаешь, Киаран рассказал мне. О твоей семье и твоём доме.

Жар Деррика немедленно гаснет и крылья складываются. Я слышу крошечный сбой в его дыхании, и он отводит взгляд.

— Да, он сделал это.

Деррик потерял свое королевство и всех, кого любил, и, когда я уеду, он будет вынужден выбрать между мной и домом, который только возвратил. Я не обвиняю его в том, что он цепляется за вещи, которые стали такими родными. Такие простые вещи. Его шкаф, гора одежды. Я. Его комната. “Я спал в своей собственной версии твоего шкафа последние три года, и он никогда не пах также.” Даже считая эту комнату подделкой, я должна быть здесь, чтобы сделать ее реальной для него. Вот, что делает семья — вместе с собой они возвращают дом. Я с Дерриком стали семьей.

Я поглаживаю пальцами одно крыло, потом другое.

— Я бы хотела ненавидеть Киарана радитебя, — говорю я ему. — Так же сильно, как ты ненавидишь baobhansìth за то, что она сделала с моей мамой.

— Я не хочу, чтобы ты так делала, — сказал он. И в этом столько боли. Не важно, как давно он потерял свою семью, эта боль до сих пор сжигает его изнутри. — У меня были тысячи лет, чтобы оплакать мою семью. Но знаю одно: не прошло ни дня, когда я не верил, что Киарану так далеко до тебя, что он должен ползать под твоими ногами и быть благодарным, что кто-то решил, что он достоин доброты.

— Тогда что изменило твое мнение? — спросила я серьезно. — Я говорю о желании, чтобы я убила его.

Деррик замолчал надолго, крылья мягко разворачивались. Его золотое свечение медленно возвращалось.

— Я вижу, как он смотрит на тебя.

Я сглатываю, боясь его ответа.

— И как же?

— Как будто он желает быть смертным.

Он взмахивает крыльями, чтобы взлететь с моей ладони.

— Вернусь к шитью. Успокаивает нервы. Я сотку другой уровень вокруг защиты сегодня вечером, но скажу, что одноглазый — дурак, и когда я уйду — удачи им в поиске другого sìthiche для шитья.

Разгневанный он несется в свой шкаф и закрывает дверь позади себя с громким ударом. “Как будто он желает быть смертным”.

Нет, я не могу сосредоточиться на этом сейчас. Я снова взглянула на снег за окном, и на этот раз я решилась. Я выйду наружу, чтобы увидеть город, каким представляю его до того, как была сослана охотится нафейри.

Я расправляю плечи и тяну в сторону панель рядом с окном. Кнопка, которая отделяет эту часть стены, все еще здесь, напротив деревянной обшивки. Прямо там, где я и устанавливала ее в реальной комнате — скрытый проход, чтобы я могла ускользать ночами на охоту.

Затаив дыхание, я нажала на нее. Часть стены опускается как разводной мост к саду, его металлические механизмы, щелкают в процессе. Я дрожу от морозного воздуха и снежинок и жду, пока панель из тика опустится достаточно, чтобы пройти.

Как только оказалась в саду, я закрыла глаза и представила погоду немного теплее, дождь и более мягкий ветер. Погода тут же преобразилась, когда я подумала, что слишком холодно и нужно надеть пальто.

Дождь барабанит по безлистным веткам деревьев, когда я перехожу по газону к задним воротам. Они открываются и закрываются со скрипом стержней, как это было всегда. Мои пальцы сжали металл, когда я шагнула на улицу. Уличные лампы вдоль одинокой дороги включены, влажные булыжники блестят в свете сумрака.

Я никогда не видела город таким тихим, таким пустым, даже тогда, когда отправлялась на позднюю ночную охоту. Даже тогда в зданиях вокруг меня был свет, слуги в подвалах сплетничали, когда заканчивали свою работу по дому. Теперь я иду по пустынной улице без единого звука, только шум дождя и мои шаги. Здания вокруг меня — безупречный белый кирпич и камень, одно прямо после другого — и без души, которая бы занимала их. Площадь Шарлотты, бесплодное место богатых зданий, осталось покинутым.

Ниже на Принцесс-стрит я смотрю сквозь темный парк на остатки замка, взгроможденного на скале. Ничего не осталось, кроме передней части; остальная часть каменной цитадели рассеяна по частям ниже на траве.

Я закрыла свои глаза и представила замок таким, каким он был в моих воспоминаниях прежде. Замок был самым видным зданием в городе, возвышающимся прямо в центре. Он был прекрасен, фундамент выступал так, словно появлялся прямо из скалы.

Когда я открыла свои глаза, замок был цел. Полностью. Еще более красивый. Я чуть было не заплакала, увидев его. “Он не настоящий”, - повторила я себе, — “это иллюзия”.

Пейзаж почувствовал мое настроение, и я увидела, как стены замка распадаются, как будто на картину вылили воду. Целые части здания рушатся и снова обращаются в руины.

Я смахиваю с глаз слезы и иду по улицам моего воображаемого Эдинбурга. Так холодно и пусто, что я начинаю сожалеть о том, что пошла. Я никогда не смогла бы быть одной из тех, кого описывала Кэтрин, кто входит в свои двери, чтобы очутиться в месте, которое они любили, прежде чем умереть. Тут так много боли, слишком тесно переплетенной с моей виной.

Я начинаю замечать, как фальшивы эти ощущения, как ограничено мое воображение. Как, чем дальше от центра города я уйду, тем больше начинается пятен в моей памяти — места и здания — сливаются в пятна.

Когда я достигаю Холироуд, многоквартирные дома мерцают, как будто находятся под водой, в конечном счете превращаясь в то, на что, как я думаю, они были похожи. Все что я помню — это высокие строения, но никаких деталей, никаких вещей, которые делают каждый дом уникальным. Сейчас они выглядят отражением друг друга. Длинный ряд зданий, которые выглядят одинаково. Я пытаюсь изменить их, вызвать ночные воспоминания, когда пробегала по этим улицам во время охоты, но не могу. Кирпич, камень и строительный раствор просто перестраивают себя все в те же копии друг друга.

Я потеряла иллюзию. Я позволяю всему измениться и изобразить здания таким, какими они были, когда я вернулась из Sìth-bhrùth. Стены превратились в разрушенный кирпич и щебень, полностью заросший мхом и плющом.

Это напоминание, послание, что я должна принять: “Это то, что ты уже оставила позади. Здесь больше ничего нет”.

Я закрываю глаза. Моя вина. Все это мой провал. Все, что мне надо было сделать, это запустить механизм и все осталось бы прежним. Все осталось бы так, как было.

Когда я открыла глаза, я была в Парке Королевы. Трава того же самого бледно-янтарного цвета, которым бывает каждую зиму. Дорожка из грязи, которая приводит прямо к Трону Артура впереди, руины Часовни Святого Энтони около меня. Я вдыхаю аромат парка, и запах — точно такой, каким был той ночью: огонь и пепел и дождь.

Вокруг меня замерло сражение — отлично воспроизведенное мое воспоминание. Солдаты фейри окружили меня. Каждый из них остановился точно там, где они были, когда пытались прорваться через поле света, что окружило меня из механизма.

В моих ногах лежит прибор, таким он выглядел во время сражения. Я падаю на колени и прижимаюсь кончиками пальцев к внешнему краю, к частям циферблата, к частям компаса — затем к символам, которые Киаран учил меня рисовать. Механизмы пылают желтовато-коричневым блеском, тик-тик, тикающее в приятном гуле.

— Айлиэн.

Я взглянула поверх плеча, чтобы увидеть Гэвина; я даже не слышала, как он спустился.

Он был в той же самой одежде, в которой ездил на лошади, покрытый грязью, немного кровью.

Ничего не могу с собой поделатъ, мой взгляд тут же падает на его шрамы, те новые особенности на лице, которое я помнила все эти годы. Теперь я оставляю его снова.

— Что ты хочешь, Галловей?

Его внимание сосредоточено на битве вокруг меня и на руинах города вдалеке. Я наблюдаю, как он изучает руины домов. Он напрягается, когда просматривает сражение и то, как каждый солдат замирает в позиции сражения, чтобы напасть на меня.

“Девушка, что приносит хаос”.

— Почему ты вышла сюда? — спрашивает он. — Не делай этого с собой.

Я опять фокусируюсь на механизме. Он не выглядит таким же красивым, как тогда, возможно, потому что это простая вещь из моей памяти, не странное изобретение фейри, которое было столь великолепно, что я мечтала создать.

— Делаю что? — спросила я резко.

— Окружаешь себя этим, — Гэвин обвел рукой город. — Черт побери. Твою комнату я могу понять, но весь этот проклятый город?

— Я представила его, потому что это все, о чем я могу сейчас думать, — я подавляю свое раздражение, мой гнев. — Как ты вообще узнал, где меня найти?

— Просто, — прошипел Гэвин. — Я следовал по дороге вины. Которая выглядит, как улицы из разрушенных зданий.

— Ты вошел в мою дверь. Ты последовал за мной сюда, — напoмнила я ему. — Зачем?

Гэвин сел рядом со мной на холодную траву. Он замолчал надолго. Я наблюдаю за его грудью, как он дышит, медленный вдох и выдох. Наконец, он сказал:

— Я должен объяснить тебе. Почему я сказал те вещи, прежде чем уехать.

Я подняла руку.

— Тебе действительно не нужно. Я понимаю.

— Нет, не понимаешь, — сказал он тяжело. Я вижу, насколько противоречивый он, как будто размышляет, что сказать мне. — Я провел прошедшие три года, убеждая себя, что все это было полностью твоей виной, — наконец его глаза встретились с моими. — Я винил тебя за это. Каждый день.

Я замерла. Боль в груди вернулась.

— Ты винил меня? — говорю спокойно, очень спокойно, голос не передает то, что на самом деле я чувствую.

Я научилась выглядеть так, будто эмоции не затрагивают меня, как будто я больше ничего не чувствую. Но в этом месте погода не лжет. Я не могу притворяться достаточно хорошо для этого, оставаться незатронутой суматой внутри меня. Облака темнеют, тяжелеют и чернеют.

Внимание Гэвина не дрогнуло.

— Тебе не пришлось столкнуться с последствиями здесь, — сказал он. — Ты не видела, как они убивали тех, кого мы знали, и ты не была здесь, когда мы жили в руинах зданий, у которых был запах смерти. Мы собирались каждое утро и перемещались снова, в надежде, что они не найдут нас. И я винил тебя. Я винил тебя каждый проклятый день. Мы нуждались в тебе, а тебя здесь не было.

Я не могу дышать. Я боюсь, что, если вздохну, я не смогу сдержать слез. Мои глаза жжет из-за них. Облака распахнулись, пошел дождь, крупные капли стекают с моих волос на глаза.

Я даже не почувствовала холода. Я пуста.

— Гэвин...

— Не надо. Дай мне закончить, — гнев, кажется, утих в нем. — Когда я увидел тебя снаружи, и ты не повзрослела ни на день, я подумал ... Христос, — дыхание Гэвина хриплое, его тело дрожит от холода, которым я не могу управлять. — Ты всего лишь один человек, а я виню тебя за то, что не спасла весь мир.

Я наблюдаю как капли дождя стекают с кончиков моих пальцев на механизм. Что я могу сделать, чтобы он понял? Как мне объяснить ему, что Лоннрах забрал у меня, что я заплатила за то, что сделала?

Прежде чем я поняла, что происходит, мои мысли снова изменили пейзаж. Холмы в парке исчезли, и вокруг нас начало формироваться новое место. Здание преобразилось в куполообразную комнату...

— Нет, — шепчу я, отступая настолько быстро, что сталкиваюсь с зеркалом. — Нет, нет, нет!

Я кручусь и бью зеркала кулаками достаточно сильно, чтобы мне было больно. Я царапаю ногтями. Я не могу думать. Я дышу так быстро, что мне не хватает воздуха.

— Айлиэн!

Руки хватают меня сзади, но я вырываюсь.

— Нет! Не подходи ко мне.

Это на самом деле больно.

— Айлиэн, — спокойный голос Гэвина прорывается через мою панику. Он назвал мое имя снова, присев рядом со мной. Он шептал его снова и снова, как будто напоминая, кто я такая.

Я никогда не слышала своего имени в этом месте. Оно никогда тут не звучало. Сначала я была Охотницей, а затем перестала быть даже ей. Я стала ничем. Никем.

Затем я ощутила руки Гэвина на своих. Я выдернула их, но он попробовал снова, так нежно.

— Все в порядке, — сказал он, а затем я позволила его рукам обнять меня. Я зарылась лицом в его плечо, чтобы не видеть. Мое тело задрожало. — Все в порядке.

“Все не в порядке. То, что он сделал с тобой, это не в порядок”.

— Просто дыши, — сказал он мне. — Дыши.

Гэвин держал меня, пока я пыталась взять себя в руки, успокаивая. Я держу мои глаза зажмуренными. Я потянулась кончиками пальцев к отметке от укуса на моей шее. Под этими шрамами ощущается мой пульс. Я сконцентрировалась на ритме, на том, что каждый удар напоминает мне: ты жива. Ты не по-настоящему здесь. Это иллюзия.

Твое имя АйлиэнКэмерон, и ты жива.

Когда я достаточно успокаиваюсь, Гэвин немного отступает.

— Что это за место? — спрашивает он.

— Тюрьма. Где Лоннрах держал меня в Sith-bhrùth.

Мне не нужно видеть Гэвина, чтобы понять, что он удивлен. Я могу почувствовать это в его объятии, как он держится. Я открыла глаза. В этот раз у меня появилась возможность осмотреть место, которое было моей тюрьмой и похоронить страх внутри меня. Куполообразные арки потолка высоко над нами, каждый дюйм пространства покрыт зеркалами. Отражения не показывают Гэвина; они показывают меня, сидящую на полу, мои ногти впиваются в отметки от зубов Лоннрах, когда я пытаюсь вспомнить. Когда я

заставляю себя вспоминать.

Я отодвигаюсь от Гэвина, чтобы потрогать свой собственный двойной шрам на руке. Там, где кожа бугрится под моими пальцами. 82 зуба. 2214 отдельных отметок.

— Зеркала предназначались для того, чтобы усилить мои воспоминания, — сказала я, держа свой голос ровным. — Лоннрах приходил сюда и крал их для информации. Он... — я подняла свой рукав. — Он делал это со мной. Он говорил, что ему нужна моя кровь, чтобы увидеть.

— Айлиэн...

— Эйтиннэ сказала, что он продержал меня тут около двух месяцев по времени фейри — продолжила я, — но это ощущалось дольше. Я не помню... — Я делаю паузу из-за воспоминаний, которые угрожают настигнуть меня.

Когда я заговорила снова, я удержала свой голос обдуманым, почти холодным.

— Понимаешь, почему я не могу простить тебе огоньков, Галловей? Ты бросил меня обратно сюда. После всего, что я сделала для побега, ты был тем, кто заставил меня пройти через это снова.

Гэвин выглядит разбитым. На это раз он даже не потянулся ко мне. Он даже не попытался прикоснуться ко мне. Я наблюдаю, как он рассматривает мои новые шрамы, те крошечные, которые смешались со следами от Лоннраха. Шрамы, за которые он несет ответственность.

— Я не могу выразить то, как мне жаль, — сказал он. — Для этого нет слов. Ничто не оправдывает того, что я сделал с тобой.

Даже после этих слов я еще не готова простить его, но они успокоили меня. Они успокоили меня достаточно для того, чтобы зеркальная комната исчезла, и мы вернулись в Парк Королевы. Солдаты больше не окружали нас. Гэвин и я были совершенно одни, только механизм между нами.

— Ты должен знать, — говорю я, — я тоже себя виню. Я верила, что вы все умерли и то, через что я прошла с Лоннрахом — это мое наказание. Я проигрывала эти последние моменты тысячи раз. Я должна была быть сильнее...

— Нет, — он прерывает, дотягиваясь, чтобы сжать мою ладонь. — Я никогда не говорил тебе о своем видении. Что я видел.

— Что? — шепчу я.

— Когда я собрал все в один кусок, я увидел, как ты атакуешь Сорчу. Она победила, и все произошло бы в любом случае. Это всегда должно было произойти. Я был так зол, что не мог увидеть того, что это никогда не было твоей ошибкой. Действительно, нет.

Я не сказала ему, что действительно об этом думаю: такое чувство, что судьба использует Зрение Гэвина, чтобы жестоко упрекнуть нас в видении будущих событий, которые мы не можем предотвратить. Я не смогла уберечь Шотландию от падения в руины, несмотря на его предостережения. Что хорошего в видении будущего, если ты не можешь его изменить?

— Итак, мы оказались здесь, — сказала я немного смеясь.

— Мы здесь, — повторил Гэвин мягко. Он посмотрел вниз на наши руки. — Некоторые вещи невозможно предотвратить. Я должен был понять это раньше, когда у меня еще был дар.

Это привлекло мое внимание.

— Был?

— У меня не было больше видений с тех пор, как ты ушла.

Я заставляю лицо стать беспристрастным, таким образом, чтобы он не мог узнать, что я прежде думала о его силе, похожей больше на проклятие.

— Мне жаль, — сказала я.

Гэвин тут же улыбнулся.

— Лгунья, — он снова огляделся. На этот раз без солдат вокруг, я замечаю, как его внимание скользит по пейзажу. — Ты так и не ответила на вопрос, почему ты пришла сюда.

Потому что даже зная, что это иллюзия, здесь все еще мои воспоминания. Потому что у меня нет больше дома. Потому что фейри забрали его у меня.

— Я просто хотела увидеть это, — сказала я ему. — Прежде чем уйду.

— Дэниэл рассказал мне, — он остановился. — Он также рассказал мне о голосах.

“Смерть — ее бремя. Куда бы она не пошла, она следует за ней”.

Я бы хотела никогда не слышать предостережений Дэниэла. Я бы хотела забыть его слова.

— Я не хочу подвергать вас опасности, — сказала я.

— Что ты будешь делать, выйдя отсюда? — спросил он.

Лоннрах никогда не прекратит охоту на меня. Бессмертный может позволить себе быть терпеливым; все, что он должен сделать — захватить меня и отправить в Sith-bhrùth снова. На этот раз он запрет меня связанной. И когда он найдет то, что ищет, он вернется, чтобы прикончить меня и забрать мою силу.

— Я не знаю, — говорю я ему. — Если Лоннрах схватит меня снова, я попаду обратно туда, Гэвин. Я не могу...

Теперь ты знаешь точно, какого это чувствовать себя таким беспомощным.

Я не могу стать такой снова. Я не хочу снова оказаться той девушкой, которую увидел Гэвин, скрюченной на полу, переживающей одно воспоминание за другим, пытаюсь вспомнить, что такое быть человеком. Быть любимой.

На этот раз Лоннрах не позволит мне сбежать.

— Он попытается убить меня ради моей силы, а я даже не знаю, как использовать ее против него, — сказала я. Гэвин быстро взглянул на меня, как будто к нему пришла идея. — Что? Что такое?

— Тебе это не понравится.

— В случае, если ты не заметил, — сказала я, — у меня нет богатства вариантов.

Он заколебался.

— Видящие просыпаются с их taibhsearachd после смерти и возвращения оттуда. Так было со мной, когда я был болен. Может твоя сила работает по тому же принципу?

Я обдумываю его слова. Деррик рассказывал мне, что, когда ты умираешь, ты проходишь занавес. Если Дар Видящего передается в вашей семье, и ты сможешь вернуться из мертвых, то возвращаешься со способностью.

Конечно, Деррик рассказал мне об этом очень давно, и что только мужчины имеют Зрение. Здесь нет никакой гарантии, что я возвращусь другой.

Но если получится, Лоннрах никогда не сможет связать меня снова. У меня будет сила противостоять ему, когда он заберется в мой разум. Он не сможет манипулировать мной. Он не сможет сломать меня. И мне нужно помочь Эйтиннэ убить его.

Это стоило бы того, чтобы умереть.

— На что это похоже? — спрашиваю я его. — Смерть?

Гэвин напрягся.

— Я бы хотел забыть это, — сказал он.

— Так плохо? — я надеялась, что смерть будет более умиротворенной.

— Когда ты пересекаешь завес, это не... — он задумался на мгновение. — Это похоже на Чистилище. Созданное, чтобы заманить тебя и вынудить идти дальше, куда бы тебя ни привело.

— Ты видел своего отца? — не могу остановить себя и спрашиваю. Это бы тоже стоило того. Если бы я могла увидеть маму в последний раз.

— Нет, — сказал он мягко. — Он должно быть ушел дальше от того места. Вот почему мертвые в большинстве своем остаются мертвыми. Когда ты по другую сторону, все старается удержать тебя там.

Ко мне приходит мысль.

— Что, если есть кто-то, кто способен вернуть тебя назад?

Гэвин задумался, его глаза поискали мои.

— Тогда это могло бы снизить риск.

После ухода из воображаемого Эдинбурга, я стояла в дверях своего шкафа и рассказывала Деррику мой план. Он шил пальто, пока я говорила, едва подавая любой намек на то, что слушает, за исключением случайного кивка. В конце он замолчал.

— Ну? — зову я.

— Давайте посмотрим... — он поднял подбородок. — Чревато опасностью... Неопределенные шансы на успех... Лично я думаю, что это ужасная идея. Я слышал, что смерть чрезвычайно неприятна.

Я не думала, что Деррик одобрит, но он, по крайней мере, мог бы прояснить в этом некоторые моменты, прежде, чем бы я рассказала ему весь взрывоопасный план.

— Не мог бы ты уточнить, пожалуйста?

— Это неприятно, потому что ты умираешь — вот почему, — сказал он, пришивая карман к пальто.

Он посмотрел на Гэвина.

— Это ведь не ты надоумил ее на это, а? Потому что я все еще ищу причину отрезать один из твоих придатков после того, что ты сделал с ней, и это было бы отличным поводом.

— Ради Бога! — выругалась я.

Гэвин отступил назад с поднятыми руками.

— Не вини меня. Я, возможно, и подал идею, но она сама, обдумывая, потратила на это время.

Деррик сузил глаза.

— Айлиэн, это правда?

— Да, — прошипела я. — Ну, не потратила. Я не трачу время зря.

— Значит ли это, что я сохраню свои придатки? — спросил Гэвин.

— На этот раз, — сказал Деррик, удерживая иглу в положении явной угрозы.

Я осмотрела гору ткани, на которой он сидел и убедилась, что это не просто мое воображение — она стала больше. Похоже, он восполняет три года без пошива женского платья со всем гардеробом за раз. Боже, он почти сделал это! Он собирается создать полный шкаф одежды, которую я не смогу носить или взять с собой.

Гэвин тоже посмотрел на гору одежды.

— Так ты планируешь бал или это то, что пикси делают ради развлечения?

Деррик взглянул на него.

— Это то, что я делаю, чтобы отвлечься, дурень. Я вынужден оставить свой шкаф, потому что твой друг Циклоп слышит какие-то чертовы предсказания, — он приземляется на платье, крылья порхают. — Я, в любом случае, даже не понимаю, почему мы слушаем то, что говорят какие-то непонятные голоса, — выругался он. — Теперь мне придется сжечь весь ее гардероб, прежде чем я начну шить новый снова где-нибудь еще.

— Деррик, я говорила тебе насчет платьев.

Обычно я стараюсь никогда не вставать между одержимым пикси и его созданием одежды, но Деррик действительно мог бы сжечь все, если почувствует себя оскорбленным. Он всегда защищал свои творения, и я никогда прежде не отказывалась от них.

Деррик откладывает иглу и снимает роскошную часть толстой парчи с воротником из меха. Он летит ко мне с какой-то одеждой, его крылья сверкают и пылают золотом.

— Хорошо, больше никаких платьев. Примерь это новое пальто.

Я покорно снимаю свое изодранное и запачканное кровью шерстяное пальто.

— Мне нужно найти Эйтиннэ. Где она?

— Не знаю. Подними свою руку, — я вздыхаю и позволяю ему подогнать пальто под меня.

Это великолепное пальто, которое облегает талию и заставляет меня выглядеть меньше и более изящной, чем я есть на самом деле.

— Зачем тебе нужна Эйтиннэ?

— Потому что она может вылечить меня и вернуть назад.

— О, я вижу, что ты все еще питаешь надежду на эту смешную идею.

Я затихаю, когда он выправляет складки спереди пальто. Деррик знал, что произошло у меня с Лоннрахом, но не думаю, что он понимает, как это отразилось на мне. Как это изменило меня.

— Ты знаешь почему, — шепчу я. — Ты знаешь, почему я должна сделать это.

Он остановился на моем плече, внезапно посерьезнев.

— Я знаю, — сказал он тихо. — Но это не означает, что мне должно нравится это, или что я должен одобрить это.

— Тогда просто прими это, — я постаралась сказать это легко.

Деррик долго смотрел на меня, и я наблюдала, как эмоции мелькали на его лице, прежде чем он, наконец-то, вернулся к разглаживанию складок.

— Хорошо, — сказал он смирившись. — Если мы собираемся сделать это, то потребуется намного большей подготовки, чем просто Эйтиннэ для исцеления тебя. Даже если она будет способна вернуть тебя, это не означает, что она будет способна найти тебя на другой стороне. Что толку использовать тело без разума?

Гэвин обдумал это.

— В этом есть смысл. Я говорил тебе, все сражаются за то, чтобы удержать тебя там.

— Другие идеи тогда? — спрашиваю я Деррика.

— Если ты настаиваешь на том, чтобы довести свой опрометчивый план до конца, — сказал он, медленно двигаясь назад, чтобы осмотреть пальто, — тебе нужен некий ориентир для Эйтиннэ, когда ты пройдешь завес.

Он проносится вокруг меня так быстро, чтобы проверить свои стежки, что я бросаю попытки следить за ним.

— Например, что?

— Brigh, возможно, — сказал он. — Sithichean использовали его в прошлом, чтобы заманить человеческую сущность в ловушку в сосуд урожая, чтобы съесть его позже. Если мы закроем в нем немного твоей энергии, Эйтиннэ могла бы использовать его, чтобы отследить тебя, — он остановился подумать, его крылышки гудят. — С другой стороны, возможно, это не сработает.

— Возможно, нет?

Деррик пожал плечами. Он начинает расплетать стежки на моем плече, затем прикреплять и сшивать снова.

— Я не могу знать наверняка. Ты можешь просто умереть и не вернуться, в принципе.

Полезно. Очень полезно.

— Где мы можем найти его?

— Я слышал, он растет вдоль реки по другую сторону двери, но я туда не пойду.

“Мы не ходим туда. Никогда не ходи туда”.

Как будто он прочел мои мысли, он сказал:

— Нет. Даже не думай об этом.

Полагаю, что было бы не мудро указывать на очевидное: у того Гэвина не было абсолютно никакой проблемы, попросить фейри за дверью подвергнуть меня пыткам, когда я появилась тут.

Я сжала челюсть и отвела взгляд от него.

— Тогда мы можем попросить Эйтиннэ достать его.

— Я бы не стал просить ее делать это, — сказал Деррик. — Ты рискуешь перемешать ее энергию с твоей в brigh. Это могло бы затенить твой путь через завесу.

— Тогда мы пройдем за дверь.

Деррик остановился, только закончив стежок.

— И это я тоже не предлагал.

— У тебя есть лучший план?

— Ну, нет, — он посмотрел на Гэвина, как будто говоря: “Не мог бы ты помочь, пожалуйста?”

Гэвин поднял руки вверх.

— Не смотри на меня в поисках идей. Я всего лишь хочу сохранить в целости части своего тела.

Деррик нахмурился.

— Отлично, — он застегнул пальто. — Вот. Теперь ты не выглядишь настолько неприятной.

Я смотрю на него.

— Ты можешь найти Эйтиннэ?

— Она, скорее всего, будет за дверью с остальными. Там остается ее след, который пахнет подснежниками и дождливым утром, — он выглядит покорным, когда видит взгляд на моем лице. — Очень хорошо. Пойдемте.

Деррик вылетает из шкафа мимо меня и следует за ароматом Эйтиннэ через затемненные лабиринтообразные тоннели к двери фейри за полями seilgfluir. Когда он достигает двери, он проводит пальцами по резным фигуркам и сопит.

— Айе, — сказал он, — она определенно там. Боже, это ужасный план.

Я подхожу к двери и прислоняю к ней ухо, но не слышу ничего, даже успокаивающей музыки, которая привлекла меня к ней в первый раз. Теперь, когда я близко, понимаю, что за символы вырезаны в дереве. Я вдыхаю аромат пепла и хватаю ручку двери.

— Подожди, — говорит Гэвин. — Возможно, Деррик должен пойти вперед и посмотреть, все ли чисто.

Деррик запорхал рядом со мной, на уровне его взгляда.

— О, я понимаю. Просто отправь пикси к волкам, да? — на непонимающее выражение Гэвина он добавил: — Для меня это так же небезопасно, возмутительный придурок! Они думают, что я — предатель, потому что Айлиэн мой компаньон и я разрешил людям остаться здесь. Боже мой, ты ничего не понимаешь?

— Джентльмены, — сказала я резко. Достала свой меч из ножен и взглянула на Гэвина. — Я собираюсь внутрь. Если вы — нет, то ступайте назад.

Деррик немедленно прилетел на мое плечо и уселся там.

— Я тоже иду. Только на тот случай, если этот идиотский план провалится.

Гэвин покорно шагнул рядом со мной.

— Полагаю, что должен пойти с тобой, чтобы убедиться, что ты не начнешь войну, — он резко посмотрел на меня. — Без убийств. Если ты убьешь кого-то из них, ты нарушишь перемирие. Только это останавливает их от убийства всех в этом городе.

Я ненавижу напоминание о соглашении. То, что Кэтрин рассказала мне это, еще не делает его правильным. Это похоже на проживание со львом с широко открытой дверью клетки.

— Хорошо.

— Обещай мне.

Обещай мне? Не могу поверить, что он просит об этом.

— В отличие от тебя, — сказала я плотно сжав зубы, — я всегда держу свое слово.

Гэвин вздрогнул.

— Ауч, — выдохнул Деррик, — ты заслужил это, Видящий.

Вспышка боли пересекла лицо Гэвина.

— Если что-то случится, мы побежим, — сказал он. — Люди из города, которые заходили туда, никогда не возвращались назад.

Я успокаиваю тревогу, которая появилась от его слов, и киваю. Потом расправляю плечи и кручу ручку.

Тут тихо и темно, когда я захожу. Так темно. Так тихо.

— Ты видишь что-нибудь? — шепчу я Деррику. У фейри зрение лучше, чем у меня.

До того, как он смог ответить, внезапно включился свет. Как будто по единственному выключателю щелкнули и все — каждое здание — внезапно осветилось изнутри. Я осматриваю все это — пылающая металлическая архитектура, резные мраморные улицы, изогнутые, согнутые деревья — и я не могу не трепетать перед этой красотой. Он даже еще больше, чем человеческий город. Каждое здание было тщательно покрыто узорами, вырезанными на металле, символами и изображениями деревьев и цветов.

Дома резкие, возвышающиеся. У каждого имеются арки над входами, такие же, как те, что я видела за пределами тюрьмы в Sith-bhruth.

Под стеклянным куполом, который охватывает весь город, мерцают и вертятся огни. Нет — не огни. То, что освещает город, не является электричеством, но это огонь. Мерцающий огонь, который плавает под колеблющимися стеклянными лампочками на всем протяжении города. Они распространяются к небу, отбрасывая тени на дороги.

Сами улицы сделаны из того, что похоже на белый мрамор, но я-то знаю, что мрамор так не сияет. Мрамор не выглядит так, будто внутри него заперли сверкающие драгоценные камни.

— Не могу сказать, что ожидал такого, — Гэвин тихо выругался.

— Шшшш...

Тут до сих пор не было видно фейри. Я аккуратно ступаю вперед и шум с левой стороны поражает меня. Когда я оглядываюсь, то ничего не вижу. Рука Гэвина внезапно хватается за мою. Его ладонь горячая и липкая.

— Не нравится мне это, — прошептал Деррик. — Не нравится...

Еще до того, как я успела моргнуть, появились фейри. Везде. Сползали вниз по зданиям, пролетали по улицам, скользили по мрамору, проходили прямо рядом со мной. Их сотни. У некоторых мелькали зубы, как бритвы, другие с крыльями, которые выглядят достаточно острыми, чтобы разрезать сталь. Их глаза пылают странным светом, они как будто рычат на

меня, встают ближе, группой.

Здесь были фейри, которых я никогда прежде не видела — самых различных видов. Пробежалась в памяти по урокам с Киараном, чтобы идентифицировать их всех. Мои глаза окинули черноглазых, цвета глины, фейри в серых одеждах. Крупные животные из семейства кошачьих размером с волков с двумя рядами зубов — они, рыча, проносятся мимо. Фейри, которые скользят, как тени по земле.

— Я всего лишь скажу, — пробурчал Гэвин. — Я действительно сожалею об этом решении.

Он подпрыгнул, когда котоподобныйфейри выпрыгнул из окна здания возле нас и с легкостью приземлился на лапы.

— Действительно... Действительно сожалею об этом.

Не могу сопротивляться моим инстинктам: я достаю из ножен свой меч и удобней хватаюсь за него.

— Не надо, — шепчет Деррик. — Помни, что сказал Гэвин.

Черт. Я на мгновение закрываю глаза, но меч не убираю. Мне может понадобится пригрозить оружием, чтобы удержать фейри в страхе.

— Два заблудившихся человека, — сказал один из созданий теней. А brollachan, судя по внешнему виду. Это бесформенное создание.

Я наблюдаю, как он скользит к Гэвину. Тот напрягается, его пальцы сжимаются в кулаки.

— Он мне нравится, — шепчет он и ползет по ноге Гэвина. — Пойдем со мной. Я могу взять тебя.

Другая фейри появляется и улыбается острыми зубами. Вода стекает с ее волос и одежды, в то время как ее беспросветные темные глаза уставились на меня.

Внезапно она наклоняется вперед, ее язык высовывается и оставляет влажный след на моей щеке. Я вздрагиваю, и она хватается меня за запястье в сильном захвате, прежде чем я успеваю отпрянуть в сторону.

— Эта пахнет сладко, — она шепчет таким голосом, что я начинаю дрожать.

Деррик срывается с моего плеча и рычит.

— Назад, грязная ведьма.

Ведьма, шипя взамешательстве, отпрянула назад.

— Предатель пикси, — другие фейри зашипели его имя. Они все знают, кто он. — Я могла бы взять твоего человека, — прошептала она, — я съела бы ее и оставила тебе кости.

У меня перехватило дыхание, когда когти прорвали брюки, дотянувшись до моей кожи. Фейри посмотрел на меня пронзительными, как изумруды, глазами, его крылья похожи на черные, вертящиеся листья. Я не помню таких по урокам с Киараном.

Он облизал кровь с моей ноги.

— Соколиная охотница, — прошипел он.

Фейри обнажили клыки, щелкая зубами. Быстрым взмахом меча, я прижимаю лезвие к щеке фейри, который поранил меня.

— Сделаешь это снова, и я перережу тебе глотку.

Гэвин напрягся позади меня. Он не понимает, что это всего лишь угроза, я не намереваюсь ее выполнять, но фейри этого не знает.

— Проклятье, Айлиэн, — выругался Гэвин.

— Убей охотницу, — зашипел один фейри из толпы.

— Высоси из нее кровь, — другие шепоты, — съешь их обоих.

— Айлиэн... — сказал Деррик неопределенно.

Я отошла от толпы настолько, насколько это возможно, но они подступают. Они готовы атаковать.

— Бери Гэвина и найди Эйтиннэ, — говорю я Дерреку. — Остальные последуют за мной. Я побегу и найду brigh.

Некоторые начинают окружать Гэвина, как будто ощущая, что его легче взять. Я должна отвлечь их. Его тело не способно пережить их укусы, если они достанут его, он не сможет бежать так же быстро, как я.

— Река сразу за зданиями, — говорит Деррик понизив голос. — Цветок синий и испускает немного тепла. Ты не пропустишь его. Удачи.

Он перелетел на плечо Гэвина и прошептал ему что-то на ухо.

Готовы.

— Хотите моей крови? — обратилась я к толпе.

Затем подняла меч, заскользила по открытой ладони и удержала свою кровоточащую руку наверху. Создания зашипели, и их глаза вспыхнули в темноте.

— Попробуйте взять меня.

Они бросаются на меня вихрем зубов и когтей. Я отскакиваю в сторону, скользя по гладкому мрамору. Когда я встаю на ноги, тут же бегу. Я ныряю в темный проход между зданиями, громкие крики фейри доносятся сзади.

Я допустила ошибку, посмотрев вверх. Фейри ползут вдоль зданий по обе стороны от меня, когти режут металл. А catsith — гигантские котоподобныефейри — прыгают на меня, разрывают мое новое пальто, едва-едва не достигая кожи.

Деррик убьет меня за порчу его новой работы.

Я пригнулась к земле, уклоняясь от них. Держу в руке меч, когда делаю выпад вперед. Как раз в то самое время, когда я нацелилась в существо, чтобы убить его, я вспомнила. Если убьешь хотя бы одного из них — нарушишь соглашение.

Проклятье. Я сильно бью рукояткой меча в висок кота и пинаю его в ребра краем моего ботинка. Он шипит и воет от соприкосновения.

Я смотрю вверх и вижу, что другие фейри приближаются ко мне. Я сжимаю кровоточащий кулак, таким образом, что кровь капает на землю. Двое фейри остановились, чтобы слизать ее с земли. Другие завyli, быстрее догоняя меня.

Я оббегаю другое здание и вижу впереди ряд темных, изогнутых деревьев. Река. Я ломлюсь к ней, прыгая по траве. Я отталкиваю ветви деревьев, но они цепляются за меня. Вода сильным потоком течет по камням у берега.

“Цветок синий и испускает немного тепла. Ты не пропустишь его”.

Фейри близко. Я могу слышать топот их ног, вибрации проходят через почву. Где же оно, где же оно?

Я просматриваю берега и нахожу клумбы тонких ярких цветов рядом с водой. Я извернулась на одном большом речном камне и схватила растения не останавливаясь. Они вырвались из земли легко, вместе с корнями, затем убрала их в карман пальто.

Пора выбираться отсюда.

Я бегу назад в направлении двери, придерживаясь пустой стороны улицы, мои ботинки стучат по мрамору. Я проскакиваю через скрученные деревья в центре площади, через посадки колючей ежевики и тернистых роз. Моя одежда цепляется за ветки, и я тяну за нее,

разрывая. Башни города вокруг меня кажется никогда не закончатся, и негде спрятаться.

Как раз в то самое время, когда я думаю, что трудное уже позади и достаточно темно, чтобы спрятаться, пылающие огни следуют за мной группой фейри. Моя кровь капает на землю, пока я бегу. Фейри останавливаются, чтобы слизать ее и борются друг с другом, чтобы попробовать ее, прежде чем погнаться за мной вновь.

Как только я заворачиваю за угол Деррик спускается сверху здания.

— Сюда, — говорит он мне, тяжело дыша. Его крылья жужжат, пока он летит передо мной. — Назад к двери.

Я задыхаюсь, ноги горят, когда я пробегаю под стеклянной аркой одного из зданий.

— Где Эйтиннэ и Гэвин?

— Как раз впереди.

Деррик проводит меня по другой улице. Мои мышцы напрягаются, чтобы успевать за ним, он мчится через сквер, который я еще не достигла. Надеюсь, он, черт побери, знает, куда ведет нас.

Рычание позади привлекает мое внимание. Я бросаю взгляд через плечо и вижу, что фейри близко. Так близко, что они практически кусают меня за пятки. Я размахиваю руками, пытаюсь ускориться, когда узнаю проход, ведущий к двери. Прямо впереди, почти на месте. Я бегу быстрее, моя грудь болит, я задыхаюсь.

Лишь перед тем, как достичь дверь, я вижу Эйтиннэ и Гэвина. Эйтиннэ схватила меня за плечи, чтобы я не врезалась в нее. Посмотрев на меня с отчитывающим взглядом, она нежно оттолкнула меня к Гэвину и шагнула между нами и надвигающейся ордой.

Ее глаза пылают, оборачиваясь литым серебром, такими они становятся, когда она использует свои силы. Прежде чем я успеваю заговорить, она протягивает свою руку в направление фейри ладонью вперед. Вспышка силы, что исходит от нее, такая сильная, что обволакивает мой язык и горло.

Рябь проходит сквозь толпу, замораживая всех фейри на месте. Почти так же, как делала Сорча во время сражения. Ни один из них не двинулся.

— Вы все выглядите смешными, — сказала Эйтиннэ с отвращением. — Деретесь за людей, как животные. Неудивительно, что они ненавидят нас, — она сжала свою поднятую руку в кулак, и все они начали задыхаться, как будто их душили. От ее силы мой живот сжался. — Возможно, мне следует сделать им одолжение.

— Эйтиннэ, — резко проговорил Гэвин. — Не надо.

— Мы сами зашли на их территорию, — сказала я. Неважно, какие бы злобными фейри не были, Кэтрин предупреждала меня держаться подальше. — Отпусти их.

Я могу ненавидеть соглашение и факт, что фейри могут забрать любого человека, кто забредет на их территорию, но это мир, который я оставлю позади. Это то, как Кэтрин, Гэвин и их город выживают. Я уже нанесла достаточно ущерба их хрупкому перемирию, только придя сюда и угрожая им мечом.

Эйтиннэ удержала их всех в сильном захвате немного дольше.

— Возвращайтесь обратно, — сказала она фейри. — Все вы. Люди уходят со мной.

Она отпустила их, не обращая внимания на низкое протестующее рычание, когда проводила нас всех к двери.

— Плохая идея, — сказала Эйтиннэ, качая головой, когда сопровождала нас к выходу. — Это была такая плохая идея. Если бы Деррик не пришел за мной, один из этих sithichean, возможно, преподнес бы мне ваш кишечник, чтобы я носила его как ожерелье. А

мне ведь даже не нравятся украшения.

— Но мы нашли тебя, — сказал Дэррик, сияя. — Так что, как видишь, миссия выполнена!

— Немного нелепое выполнение, но, по крайней мере, вы не умерли, — сказала она. — Теперь скажите, что же было такого важного?

Я рассказала Эйтиннэ все, что говорила Деррику, но не рассказала, что я на самом деле думаю. Я не сказала ей, что хочу это сделать, потому что, если после этого я смогу сражаться с Лоннрахом, то это стоило бы того. Я не говорила ей о том, что то, что сделал со мной Лоннрах, так напоминало смерть, что она меня больше не пугает.

Я не сказала ей, потому что она это уже поняла. Могу судить об этом по тому, как она смотрит на меня. Она знает. Она отлично знает почему.

“Мы заставим его заплатить. Я собираюсь помочь тебе”.

Как будто услышав мои мысли, она кивнула, но все равно выглядела озадаченной. Ее взгляд недоверчиво сузился на Гэвине.

— Подождите. Это твоя идея?

Гэвин выпрямляется, его выражение лица изменилось. Я никогда прежде не видела его таким обороняющимся.

— Айе.

Не успела я моргнуть, как она так близко оказалась к Гэвину, что их тела практически соприкасались.

— После того, что ты сделал с Айлиэн, почему я должна доверять тому, что ты предлагаешь?

Гэвин опустил свой взгляд, но ничего не сказал. Ему нечего сказать. Внезапный вкус бутонов на моем языке показал, что Эйтиннэ применяет свою силу, чтобы залезть в разум Гэвина. Она читает его с тем самым отстраненным выражением лица фейри. Его челюсти напрягаются в ответ.

— Ты все еще боишься смерти, — сказала она ему. — Твой опыт прохождения через завесу — это не то, что ты хотел бы повторить, но все же посылаешь Охотницу туда. Это то, как ты искупаешь свою вину за то, что сделал? — ее губы изогнулись. — Ты требуешь высокую цену за свою дружбу.

Гэвин поднял подбородок.

— Если бы я мог пойти за нее, я бы пошел. Если бы я мог сделать так, чтобы она никогда не страдала снова, я бы сделал это.

— Я не верю тебе.

— Ты уже у меня в голове, — сказал Гэвин, и я не пропускаю злость в его голосе. — Смотри сама.

Эйтиннэ изучает его, как будто он и интересуется, и внушает отвращение ей. На мгновение вкус ее силы становится плотнее. Затем она отступает и хмурится на него.

— Уф! Мне нужен был только ответ. Мне не нужно было видеть остальное, — сказала она. — У тебя грязные мысли, Видящий.

— Я так понимаю, тебе не понравилось, что ты нашла там, — Гэвин ухмыляется.

Выражение ее лица тяжелеет, и она переключает свое внимание на меня, игнорируя его вопрос.

— Очень сложно вернуть мертвого, ты понимаешь?

Я потянулась в карман пальто и достала brigh.

— Я взяла его, когда была внутри. Деррик сказал, что это может помочь.

Теперь, когда мы оказались по другую сторону двери, я смогла рассмотреть растение более внимательно. Оно изящное с тонким, подобно виноградной лозе, стеблем с редкими лепестками. Цветок на вершине формой, скорее, как сирень, только с более резкими лепестками. В центре маленький огонек, который испускает красивое синее сияние.

Эйтиннэ взглянула на него.

— Часть твоей энергии в этом поможет, но есть еще цена, о которой я говорю.

— Тогда я заплачу ее, — сказала я быстро.

Деррик щипает меня и шипит.

— Да что с тобой не так? Ничего не говори, не услышав условий. Неужели я ничему не научил тебя?

— Это цена не для нее, пикси. Она для меня, — Эйтиннэ посмотрела на меня. — Но если ты хочешь этого, я сделаю.

— Тогда вам нужен я, — сказал другой голос. Я повернулась, чтобы увидеть Киарана, проходящего между полями seilgflur.

Он выглядит сомневающимся, как будто сожалеет о том, что сказал. И я понимаю, он слышал все.

— Кровь за кровь, Эйтиннэ, — сказал он сестре. — Если ты готова сделать свою часть, я сделаю свою.

Лицо Эйтиннэ смягчилось настолько, что я никогда не видела такого у нее раньше. Она выглядит такой юной по сравнению с ним.

— Никогда не думала, что услышу, как ты предлагаешь это снова.

Следующим утром, когда я переоделась и привела себя в порядок, Киаран вывел нас из города и через длинный тоннель мы вышли к морю. Пляж чуть ниже высокого, зубчатого утеса. Волны набегают на гальку в спокойном устойчивом ритме.

Хотя сейчас только ранний день, зимний свет уже тускнеет к сумеркам, окутывая небо в оттенки светло-синего и темно-синего цвета. Цвета отражаются в океане, превращаясь в поразительный яркий цвет сапфиров.

Когда волны накатывают, камни трутся друг о друга, разрушаясь, как будто бы море стонет от возраста. Ветер бьет по моим щекам, частички песка и соли появляются на губах.

Я одела белое платье, которое сшил для меня Деррик; мягкое, легкое и теплое. Эйтиннэ вплела brigh мне в волосы, пылающие синие цветы формируют корону на моей голове. Когда я умру, часть моей энергии будет поглощена бутонами, маленькая часть моей жизненной силы останется позади.

Киаран провел меня через пляж, оставляя Эйтиннэ, Гэвина и Деррика у входа в пещеру. Как только волна достигла моих босых ног, у меня перехватило дыхание от холода. Мы зашли в воду медленно. Киаран сжал мою руку, и я ощутила его силу, теплую и успокаивающую.

Я послала ему благодарную улыбку. Он не улыбнулся в ответ.

Зайдя в воду, одетая в сорочку и с короной из цветов, я почувствовала себя подобно жертве. Я поймала взгляд, которым Киаран смотрит на меня — как будто бы он думает о том же. Как будто он думает, что теряет меня.

Но у меня нет выбора.

Киаран отвел взгляд. Несмотря на его силу, морская вода морозит все сильнее, чем дальше я иду, тем холоднее, мои легкие сжимаются. Я становлюсь все более оцепенелой с каждым шагом. Снег начинает падать вокруг нас, когда волны доходят до талии.

Рука Киарана напрягается вокруг моей, и внезапный приток силы снова согревает меня. Его тепло — невероятная вещь, исходящий жар, который прикасается к моей ладони.

— Я удивлена, что ты согласился на это, — сказала я, оглянувшись на берег. Эйтиннэ ждала там с Гэвином, Деррик сидел на его плече. Снег собирается вокруг них.

— Если бы был другой выход, нас бы здесь не было. — мы зашли достаточно далеко, и Киаран остановил меня. Его руки на моих предплечьях поглаживают вверх-вниз, как будто согревая меня. — Я дал тебе обещание, — сказал он мне. — И я все еще собираюсь сдержать его.

— МакКей, я...

Что? Такое чувство, что я должна сказать ему что-то важное, в случае, если я не вернусь. Что-то значащее. Что-то, что скажет ему, что я хочу нас такими. Я хочу нас такими и даже больше.

Он будто бы прочитал мои мысли и нежно поцеловал меня. Затем отошел назад, а я хотела, чтоб он не делал это.

— Я должен буду отпустить тебя в последнюю секунду, — сказал он. — Или я нарушу свою клятву.

— Верно, — мне нельзя умирать, пока он держит меня под водой или же клятва фейри убьет и его тоже. Только его смерть будет намного длительней и болезненней.

— Кэм, — его глаза насыщены, как будто ему нужно, чтобы я поняла, — в этом нет ничего постыдного, чтобы поменять свое решение.

— Я знаю, — что, если Эйтиннэ не сможет вернуть меня назад? — Думаешь это больно?

Он прижал меня ближе, и тепло его тела пробилось через холод. Снег падает с его волос на ресницы и тает на коже. Его глаза так красивы, отражая синевато-серое небо, его радужная оболочка цвета лаванды.

— Я не знаю, — сказал он.

Я слизываю лед с губ, ощущая на них соль. Вокруг так тихо, только океанские волны обрушиваются вокруг нас. В такие моменты я понимаю, что мое время с Киараном — такая хрупкая вещь. В любой момент моя человеческая жизнь может закончиться, а он все еще будет так же неизменчив как море.

— Не будет даже полулжи? — сказала я. — Так не похоже на тебя.

Он провел кончиками своих пальцев по моей щеке, и я закрыла глаза.

— Никакой полулжи, — ответил он. — И никаких заверений. Просто вернись назад.

Я кинула взгляд на остальных на пляже. Ждут, наблюдают.

— Вы с Эйтиннэ ведь позаботитесь об остальных, если я не вернусь? — спросила я его. — Обещай мне. Всего лишь еще одно обещание.

Он опустил свою руку. Воздух вокруг нас внезапно стал таким холодным, что я почти перестала дышать. Снег стал гуще. Каждый вдох становился болезненней. Выражение лица Киарана быстро сменилось с мягкого до жестокого. Кадамах в нем, он все еще здесь, несмотря ни на что.

— Нет, — сказал он, его взгляд прожигает меня. — Я не дам тебе повода не бороться, как черт, на той стороне.

— МакКей...

— Знай это, — его ужасающий холодный голос фейри вернулся. Слова слетают с его языка и заставляют меня дрожать. — Если ты не вернешься, я оставлю их всех на милость Лоннраха.

Я отшатнулась от него, мои пальцы сжались в кулаки. К черту все, он нарочно разрушает наше прощание.

— Ты не сделаешь этого.

Киаран наблюдал за мной с тем же отстраненным выражением, таким холодным и обдуманым. Его маска фейри. Часть его, о которой я забываю, когда он поглаживает мое лицо, шепчет мне что-нибудь на своем языке или дает мне обещания. Часть его, что всегда скрывается прямо под поверхностью. И это не добро. Это не нежность. Кадамах в нем скрыт под обликом, который является тонкой паутинкой.

— Они ничего для меня не значат, — его голос мягкий, мелодичный.

— Тогда почему ты сражаешься на моей стороне, спасая их? Ты мог бы дать Видящим умереть вчера и это было бы неважно.

— Потому что это было бы важно для тебя.

После этого моя злость уходит. Я подвинулась ближе к нему до тех пор, пока наша холодная, мокрая одежда не сцепилась вместе и его губы не оказались так близко с моими.

— Кто я для тебя, МакКей? — прошептала я.

Он прижал меня к себе, и прошептал слова от которых мурашки побежали по моей коже.

— Thamiduilich, — выдохнул он у моего виска так медленно, чтобы только я их слышала. — Когда ты вернешься, я покажу тебе.

— По крайней мере, это — обещание?

— Айе, — я почувствовала улыбку, когда его губы оказались на моем лбу, такие легкие. Такие ноюще мягкие. — Не забывай, почему ты там, — сказал он мне. — Те, кто будут на другой стороне, не захотят, чтобы ты вернулась. Turasmhathleat. Готова?

Я вздохнула и кивнула. Киаран толкнул меня под ледяную воду.

Поначалу все было в порядке. Затем мои легкие начали гореть. Даже зная, что должна делать, я не могу не сопротивляться. Я вырываюсь из хватки Киарана, пытаюсь выбраться на поверхность, чтобы вздохнуть, но он крепко держит меня, его тело прижимает мое. Холод — непроницаемая вещь, настолько тяжелый на моей коже. Я открываю рот, чтобы вздохнуть, но не могу. Вскоре мое тело становится мягким.

Киаран отпускает меня. Я понимаю это в последний момент, когда мое мнение меняется. У меня еще есть достаточно силы, чтобы вернуться на поверхность. Это больно. Боль распространяется в моей груди...

Нет. Я должна сделать это. Я остаюсь под водой, чувствуя, как мое тело опускается ниже и ниже, пока спина не оказывается на гальке на дне моря. Мое последнее воспоминание — как губы Киарана прижимаются к моим.

Я в темном лесу. Деревья высокие, словно башни, с острыми, как лезвия, ветками. Я не могу рассмотреть, где они заканчиваются, только звезды над ними, такие яркие — светятся зеленым, синим, бирюзовым. Небо — ярко темно-синего цвета, настолько красивое и не похожее ни на что, что я когда-либо видела прежде. Я опускаю свой взгляд, чтобы осмотреть узкую тропинку, которая простирается через лес. Арка из деревьев обрамляет проход в оба направления, и кажется, что тропинка в любом случае выведет из густого леса.

Спустя мгновения нерешительности я выбрала направление и побежала по мягкой, покрытой мхом земле. В лесу не слышно ни звука, даже моих шагов. Нет животных, нет никакого другого шуршания. Я продолжаю бежать через свод деревьев, мое дыхание учащается. Я бегу, пока пот не выступает бисером на лбу, пока мое дыхание не превращается в рев.

Деревья вокруг меня, кажется, становятся выше, гуще и темнее, но я фокусируюсь на тропинке. Определенно, это не может быть далеко. Кажется, что конец пути прямо здесь, столь близко. Я бегу до тех пор, пока не начинаю думать, что мои легкие сгорят, и в груди не начинает болеть. Деревья вокруг вытягиваются прямо к звездам.

Мне пришлось замедлиться до бега трусцой. Дыхание становится урывчатым. Я сглотнула, но в горле сухо. Голос зашептал у меня в голове. Киаран. “Просто вернись назад”.

Когда я не смогла бежать даже трусцой, я пошла. Я сосредоточилась на имени Киарана, на том, что должна делать. Я вспомнила его слова в воде, прежде чем мне стало так холодно, что ощутила, как мое тело умирает. Что на другой стороне не захотят, чтобы я вернулась.

Тогда эта тропинка действительно никуда не ведет. Как много глупых душ купилось на это, убегая в любую сторону, только чтобы попасть в никуда? Я не могу тратить время.

Я схожу с тропинки, пробираясь сквозь деревья, медленно обхожу изогнутые стволы. Даже с осторожными, обдуманнами шагами, я спотыкаюсь о корни и упавшие ветки. Вскоре я ничего не могу разглядеть. Я попала в такую густую темноту, что сюда не проникает ни капельки света.

Тогда я слышала крики. Люди выкрикивали мое имя, голоса, которые знакомы мне по моей жизни в Эдинбурге. Те, кто умерли во время атаки фейри. Они вопят, винят меня, проклинают мое имя. Это тысячи голосов, от которых я не могу сбежать, приходят из всех направлений.

“Ты провалилась”. “Ты позволила нам всем умереть”. “Ты провалилась”.

Вина физическим грузом сваливается мне на плечи, грудь, пока все мое тело не отяжелело ею. Вина вынуждает меня вспомнить те заключительные моменты рядом с печатью, когда я замешкалась, чтобы поставить последний символ на место — и это все, что потребовалось. Один момент — единственная секунда — замешательства, и на этом все закончилось.

“Смерть — ее бремя. Куда бы она не пошла, она следует за ней”.

Как только я начала думать, что больше не выдержу, я вспомнила слова Гэвина: “Она бы убила тебя, и это бы все равно случилось. Это всегда должно было случиться”.

Это всегда должно было случиться. Я никогда бы не одержала победы. Не важно, что произошло, я бы все равно оказалась здесь. В этом лесу.

“Не забывай, почему ты там”.

Я удержала написание Киарана и пошла по веткам. Я попыталась уйти от голосов, но они становились только громче.

“Ты виновата”, - их обвинения неумолимы в темноте. “Твоя вина, твоя вина, твоя вина, моя вина...”

Я проглотила назад слезы. Сосредоточься. Я тянусь вперед, заставляя себя бежать. Я вдыхаю воздух, который становится внезапно холодным — очень болезненно — когда я прокладываю свой путь через деревья. Я концентрирую свои мысли на людях, которые живы и которым нужно, чтобы я вернулась обратно. Я не подведу их снова.

Как будто почувствовав мое сопротивление, голоса стали громче, превращаясь в бесконечную какофонию. Три ветки поймали и попытались задержать меня. И вдруг я поняла, это не ветки — это руки.

Холодные пальцы сжались на моих руках достаточно сильно, чтобы оставить синяки. Их прикосновения такие ледяные, что обжигают кожу. Я удержала в себе крик, когда попыталась вырваться из их захвата, но они зажали сильнее, очень сильно. Мое дыхание участилось, пока я прорывалась через черноту. Мне нужно продолжать идти.

Они кричали мое имя. Они умоляли помочь им. Они царапали меня, и у меня текла кровь. Больше рук неумолимо хватали меня, но я шла дальше.

Внезапно они исчезли. Голоса, ледяные руки, тьма. Передо мной костер посреди леса. Я падаю перед его теплотой, мое дыхание убыстрется.

Столь же быстро я понимаю: этого не должно быть здесь. Этого не должно...

— Нашла тебя, — прошептал голос позади меня.

Я обернулась. Среди деревьев стоит фигура, тяжелый плащ затеняет любые черты, но я уверена по ее хрупкому, крошечному телу, что это женщина. Ее волосы длинные, седые, цвета кости, и тонкие, как паутина. Их пряди отражают звездный свет и блеск, как кварц. Несмотря на темноту, ее глаза блестят, и она наблюдает за мной так, как можно было бы наблюдать за насекомым в банке.

Наконец, она шагнула в освещаемую костром зону, и холодный ужас наполнил меня. Ее черты так сложно различить; одно мгновение — она молодая женщина, почти дитя, с пухлыми щеками и румянцем на коже. В следующее — она старая, костлявая и хрупкая. Плащ на ней не из ткани, а из теней, плотных, темных и огибающих по краям.

Каждое мгновение лицо женщины меняется, то старое, то молодое, то еще моложе. Она не говорит, просто изучает недоступным пониманию взглядом.

Ее лицо заставляет меня отпрянуть назад. Я узнаю ее.

Она из моего кошмара.

Я спиной прижалась к стволу дерева, и беспомощно огляделась, ожидая увидеть смеющихся ворон, с капающей из клювов кровью.

— Ты была в моем сне, — говорю я. — Кто ты?

Я говорю осторожно, зная, что в любой момент она может напасть, и у меня есть два варианта: сражаться или бежать.

— Ты читала старые истории, Айлиэн Мойра РоссалинКэмерон, — сказала она, ступая дальше от теней... — Ты знаешь мои имена, так же, как я знаю все твои.

Любое удивление, которое я испытала бы услышав все свои имена — которые я не слышала длительное время и которые она не должна знать — затмилось внезапным страхом при виде ее посоха. Пульс ускорился, и я не могу отвести взгляд от того, как трава под древним посохом сохнет и покрывается льдом, пока она приближается.

Никто не видел Кайлих тысячи лет.

Это она. Я знаю это из историй. Я чувствую это костями.

— Ты Кайлих, — прошептала я.

Тонкие губы на ее костлявом лице изогнулись в улыбку, одновременно теплую и пугающую.

— Айе, monighean.

Неуверенная, я замираю. Кайлих — самая старая фейри, самая могущественная из них. Некоторые считают ее богиней, но я едва знаю, как древние люди обращались к бессмертным фейри: все же богов следует задабривать.

Когда-то она была единовластной королевой Благого и Неблагого Дворов. Они сказали, что она покинула человеческий и фейрийский миры, создала еще одну сторону в этой реальности — место между жизнью и смертью.

У Кайлих так много сторон: она могла радовать людей так же легко, как и вселять в них страх. Ребенком я читала истории, в которых утверждалось, что она создавала горы и реки ударом молота, и приносила зиму своим посохом. В хорошем настроении она давала людям плодородную землю, водный источник, и все, что необходимо для жизни. В приступе гнева она могла все разрушить и убить каждого на своем пути.

Я резко закрываю глаза. Кайлих, должно быть, хочет моей смерти. Она бы не оставила мне то послание во сне, если бы не хотела. Я, скорее всего, была на грани смерти от яда фейри, раз уж тогда она вторгалась в мои сны.

— Что ты хочешь от меня? — спрашиваю я. Мой голос не дрогнул. Я отказываюсь казаться слабой, даже для Кайлих.

Уверена, она слышала незаданный вопрос в конце: “Ты здесь, чтобы уничтожить меня”? У Кайлих только два предназначения: помогать или разрушать, и никогда ничего среднего.

Температура вокруг меня упала, так бывало, когда Киаран начинал злиться. Только сила Кайлих делает это намного ощутимей: удушающий холод, который заставляет меня обнять себя, чтобы согреться. Пальцы немеют, а кожа горит. В глазах пляшут звезды, и вдалеке я слышу оглушительный грохот молний.

Кайлих протянула руку и схватила мой подбородок, ее ногти впились в мою кожу. Затуманенным взором я встретила ее глаза, холодные и бесконечно черные. В этом взгляде нет ни капли человечности, нет сострадания.

— Я здесь, чтобы убедиться, что в этот раз ты не вернешься назад, — говорит она мне голосом, от которого позвоночник покрывается льдом.

“После этого твои дни сочтены, Охотница. Скоро увидимся”.

Она притворялась моей мамой. Она вторглась в мой разум. Одна эта мысль превратила мою кожу в пылающую от гнева. Я сузила глаза и начала бороться против ее контроля. Выпрямилась. Я позволила холоду пройти сквозь меня. Я не позволю ей контролировать меня.

Клянусь, она практически улыбнулась. Она отпустила мой подбородок, и температура внезапно повысилась. Меня оставили, тяжело дышащую, качающуюся от головокружения, но мне удалось устоять.

— Почему? — выдавила я между вздохами.

— Ты — Соколиная Охотница, — сказала она просто, вставая рядом с огнем. На мгновение он осветил ее неизменные черты: высокие скулы и сердцеобразной формы губы. Лицо, такое же безукоризненное, как и у других фейри.

Я услышала двойной смысл в ее утверждении: “Ты убиваешь мой вид”.

Я посмотрела по сторонам в поиске любого пути убежать. Побег обратно в лес приведет меня снова к голосам. Сражаться с самой старшей фейри в мире может быть ужасающе не мудрым...

— Смотри на меня, — срывается она. Ее голос холодным лезвием ударил по моим рукам, это вернуло мое внимание обратно к ней.

— Моя дочь, Эйтиннэ, никогда не должна была создавать твой вид, — сказала она. — Твое существование — это катастрофа и для людей, и для sithichean, — она изучает меня темными и бескрайними глазами. — Уверена, ты ведь сама это видишь?

Я уставилась на нее, холод пробрался в самое сердце. Никогда не должна была создавать Соколиных охотниц. Создавать Соколиных охотниц.

Я медленно складываю вместе все кусочки, что знаю об Эйтиннэ. Она сражалась на стороне Охотниц. Она была заперта во время битвы с фейри. У нее есть способность исцелять. Возвращать назад мертвых. Дар созидания, унаследованный от Кайлих. Ее матери.

Матери Киарана.

— Соколиные охотницы — люди, — прошептала я. — Фейри не могут создавать людей. Я вспомнила слова Дэниэла, такие сухие: “Ты не человек”.

Глаза Кайлих скользнули по мне. В них были тысячи мыслей, в которых она жалела меня. Начиная с жалости, а заканчивала неприязнью. Потому что, несмотря ни на что, люди всегда слабее фейри и по силе, и по опыту. У нас нет тысячелетий, чтобы устранить наши эмоции.

Мы горим ярко, и мы сгораем. Вот, что значит быть человеком.

Тени из плаща зазмеились к ее бледным пальцам — длинным, скрюченным и морщинистым от возраста. Она наклонилась и ненадолго прижала кончики пальцев к влажной почве. Пока я наблюдала, кожа на ее руке стала более молодой и мерцающей.

Из земли поднялась одиночная виноградная лоза. Длинная и толстая, как ветка дерева, она изгибалась вокруг себя снова и снова, пока не приобрела форму кресла. На виноградной лозе распустились цветы, яркие лепестки переливаются бирюзовым.

— Садись, — указала Кайлих. — И я покажу тебе правду. Все, что пожелаешь.

Я замешкалась. Фейри не предлагают ничего просто так, только взамен.

— Что ты хочешь за это?

Я могла бы умереть в холоде от улыбки Кайлих. Я чувствую вес ее возраста, как будто бы меня проглотила земля, сила толкнула меня вниз на землю.

— Ах, monighean. Я уже взяла кое-что у тебя, — пробормотала она. — У меня есть твоя жизнь. Ты больше ничего не можешь мне предложить. Я могла бы держать тебя в моем лесу вечно, но вместо этого я предлагаю тебе правду. Это не то, что я даю бесплатно.

Та версия правды, что предлагает Кайлих, всегда жестока, я не хочу соглашаться. Если то, что она сказала ранее, правда, тогда она тянет мое время, так чтобы Эйтиннэ не смогла меня найти.

“Если ты не вернешься назад, я оставлю их на милость Лоннраха”.

Если Киаран сын Кайлих, то это не та угроза, которую я не должна воспринимать всерьез. Я доверяю ему свою жизнь, но не жизни моих друзей — не Гэвина, Кэтрин или Деррика.

“Они ничего для меня не значат”.

— А если я откажусь? — спрашиваю я осторожно. Мне позволят отказаться?

Отказать фейри — значит пробудить в ней злость, а гнев Кайлих не знает себе равных.

Выражение лица Кайлих безжалостно.

— Конечно же, выбирать тебе, — сказала она легко, но слова не отражались на ее лице. — У меня, возможно, и ограниченное количество сил в твоём мире, но я знаю, что все, кого ты оставила, находятся в том королевстве пикси. Определенно, ты бы хотела их безопасности?

Вот что значит выбор в понимании фейри: откажи мне, и я убью всех, кого ты любишь. Откажи мне, и я заставлю тебя пожалеть.

Мне придется согласиться. Я найду способ обмануть Кайлих, если придется, но прямо сейчас я не могу отказаться от ее предложения.

— Хорошо.

Она потянулась ко мне рукой, которая была настолько тонка, что виднелась кость. Ее лицо снова сменилось, именно так я и представляла Смерть — костлявая, с глазами, напоминающими бездну.

Кайлих дотронулась до венка на моей голове и, прежде чем я смогла сделать что-либо, brigh, который был у меня в волосах, упал на землю. Цветы увяли и умерли, сияние в центре бутона тут же пропало.

Ее пустые глаза встретили мои.

— Только я и ты, monighean. Теперь моя дочь никогда не найдет тебя.

Я почувствовала первое ледяное прикосновение страха, затем ее пальцы прошли по моему лицу. Ее прикосновение было подобно лезвию, прошедшему по моему черепу. Я прикусила язык, чтобы удержаться от крика.

— Открой глаза, — сказала она мне. — Смотри.

Я сделала, как она приказала, и поняла, что мы больше не в лесу, не рядом с костром. Я не сижу в кресле из виноградной лозы и цветов. Мы на поле, окруженные мертвыми.

Человеческие тела лежат у наших ног, разбросаны посреди темного луга. Большинство из них женщины. У некоторых перерезаны горла, а другие лежат спинами вверх, как если бы они пытались убежать. Их кровь блестит в свете луны, аромат смерти витает в воздухе.

О Боже. Я сложилась пополам. Меня чуть не вырвало содержимым моего желудка. Я не смогла сделать и шага, и упала на траву.

— Кто это сделал?

Кайлих не выдала никаких эмоций.

— Мой сын.

Киаран. Это сделал Киаран.

— Почему? — я едва могу говорить.

Я подумала о том, как Киаран смотрел на меня, когда мне удавалось пробиться к нему, как он смотрел, когда говорил, что скучал по мне. Как его губы прижимались к шрамам на моем горле...

“Я убивал людей каждый день. Пока не произнес клятву”.

Он сделал это. Он убил всех этих людей.

— Большинство людей не могут сопротивляться заманиванию на Дикую Охоту, — объяснила Кайлих. — Каждое стадо должно прореживаться, monighean, даже человеческое. В этом предназначение моего сына.

— Это не предназначение, — сорвалась я. — Это бессмысленное убийство.

Кайлих выглядит разочарованной от моего ответа.

— Смерть всегда служит цели.

Она двинулась среди тел с изяществом воды. Наклонилась и слегка коснулась лица молодой девушки. На моих глазах плоть девочки исчезла с черепа. Ее кости рассыпались и превратились в пыль. И из земли вырос единичный цветок, красивый и совершенный.

— Мой сын — огонь, что уничтожает лес, — продолжила Кайлих. — Моя дочь — это дождь, которая заставляет его снова зеленеть. Этим путем мы следуем тысячи и тысячи лет.

Я хочу сказать Кайлих, что не думаю, будто массовое убийство является естественным ходом вещей. Что я никогда не соглашусь стоять в стороне, пока фейри охотятся в моем городе — то как я поступила, когда Сорча убивала мою маму — только потому, что они это делают. Люди существуют не для того, чтобы быть убитыми фейри, когда бы они того захотели. Именно этой цели они служат?

Я проглотила назад свою злость и спросила:

— Зачем ты показываешь мне это?

Кайлих сорвала цветок и сжала его в своем кулаке. Он словно пепел посыпался с ее пальцев.

— Здесь все началось. Эта Охота, это поле, и эти смерти. Кадамах объявил войну именно здесь.

Войну?

— Значит, они Соколиные Охотницы, — решительно проговорила я.

— Нет, — сказала Кайлих. — У всех мужчин из их деревни было Зрение. Женщины, чьи умерли здесь, не смогли сопротивляться песни Охоты Кадамаха.

Живот сжало еще сильнее. Если эти женщины не были Охотницами, они были беспомощны. Они были всего лишь напуганными людьми, которые попали на Дикую Охоту, и Киаран убил их, будто бы они были никем. Они не могли защитить себя, у них не было силы против него. Мужчины — Видящие — которые лежали на этом поле, должно быть, умерли, пытаюсь их спасти.

— И предположу, фейри было плевать на них, — сказала я с горечью.

Она повернула ко мне свой взгляд, он был жестким, беспощадным.

— Множество из sithichean умерли на этом поле наряду с твоими людьми.

Боже, я практически сказала вслух, но не стала.

— Полагаю, и их смерть так же не была бессмысленной? — сказала я, пытаюсь удержать свой тон ровным.

— Не зли меня, дитя. Это было необходимо, чтобы обеспечить будущее нашему виду. Кадамах превосходно сыграл свою часть.

Я окидываю поле взглядом сотни мертвых мужчин и женщин, и не могу управлять своими мимолетными, ужасающими мыслями. Те, что чаще появляются, слова Лоннраха: тебе следовало убить Кадамаха, когда у тебя был шанс.

Прошное Киарана буквально связано со смертью, его секреты могут заполнить пространство между галактиками. Он заманивал людей той же песней, которую использовали солдаты Лоннраха, чтобы убивать в моем городе: мою семью, людей, которых я знала в прежней жизни. И прямо как те солдаты, он так же оставлял людей, разбросанных по полю, как отходы.

— Я не понимаю, — сказала я. — Какую часть?

— Проживать ту же историю на протяжении веков, — сказала она тихо, почти для себя. Затем:

— Мы все создания войны, monighean. Кадамах ведь научил тебя этому? Битва в нашей крови, — Кайлих развернулась, тень накидки извивалась подобно змеям на земле. — Так наша цивилизация развивалась. Так мы стали завоевателями.

Кайлих скользит через ряды тел, каждое из которых погружается в землю, когда она проходит.

— Пойдем. Мы еще не закончили.

В мгновение ока мы идем по дорожке между крошечными каменными хижинами с соломенными крышами, в деревне темно и тихо. Никакого щебетания птиц на деревьях. Снег падает вокруг нас, тает, как только достигает земли. Кайлих осторожно переходит дорогу, хилая походка старухи, спина сгорбилась, седые волосы рассыпались по плечам. Ее кожа вновь облепила кости, сухая, морщинистая и старая.

Прямо за поворотом — костер. Пылающий пепел возносится в небо и разрушается, оставляя после себя аромат горящего тиса. Тринадцать женщин собрались в полукруг рядом с танцующим пламенем. Некоторые их голоса раздавались в ночи испуганным шепотом, другие устойчивыми голосами, все на языке, которого я не слышала ранее. Они одеты в грубо окрашенные многослойные капюшоны и платья, чтобы защитить себя от холода.

Я узнаю одну из женщин. Эйтиннэ. Ее глаза светятся серебром и золотом в свете костра, ее волосы гладкие и черные, как сажа. Она выглядит, как богиня, сияющая в лунном свете. На ее обнаженное плечо садится сокол. Даже его солидные когти не могут проколоть ее неуязвимую кожу фейри. Он кажется довольным, сидя там, его крылья сложены, спина прямая и гордая.

Эйтиннэ подняла руку, чтобы замолчали хриплые голоса женщин вокруг костра. Когда я посмотрела на их лица, увидела там слезы, злость, их осязаемое горе. Никогда не видела людей, выглядящих так беспомощно. Так безнадежно.

— Кто они? — спрашиваю я Кайлих.

— Первые Соколиные Охотницы, — сказала она. — Они были единственными женщинами, выжившими в той деревне. Моя дочь спела песню, чтобы приманить их сюда.

Я напряглась, ожидая худшего после того, что увидела на поле. Когда Кайлих обещает правду, это всегда больно. Это снимает завесу с секретов, которые хранят люди, и обнажает все до такой степени, что ты хочешь никогда не знать об этом. И ты желаешь никогда не принимать этого.

Эйтиннэ манипулировала этими женщинами, чтобы они пришли сюда. После того, что я узнала о Киаране, я ожидала, что она убьет их прямо передо мной. “Не заставляй меня ненавидеть тебя”, — думаю я, — “пожалуйста, не заставляй меня ненавидеть тебя”.

Я изучила женщин: на их лицах разводы грязи, одежда забрызгана и пропитана кровью, дорожки слез на их щеках. Они не воины, не суровые амазонки из мифов, как я думала. Вместо этого, они напуганные женщины, которые только что потеряли свои семьи, они из первых рук знают, насколько жестоки могут быть фейри.

Когда Эйтиннэ заговорила, все было на другом языке, но я понимала слова. Кайлих позаботилась.

— Я позвала вас сюда, чтобы договориться, — сказала Эйтиннэ командирским голосом, который я никогда не слышала от нее. Одна женщина начала возражать, но сила Эйтиннэ рассекла костер так резко, что заткнула ее. — Я не давала тебе разрешения говорить.

Я дернулась, вспоминая голос Лоннраха у моего уха, шепот сквозь сжатые зубы. “Я не говорил, что ты можешь двигаться”.

Это не та Эйтиннэ, которую я знаю, Эйтиннэ, что спасла мне жизнь. Которая предложила забрать мои воспоминания о Лоннрахе, чтобы облегчить мою боль. Она говорит, как он, будто ей плевать на людей.

Более того, она стоит со всей уверенностью воина, лидера: плечи отброшены назад, подбородок высоко поднят, и те странные глаза, полные огня. Сокол на ее плече вскидывает крылья и резко взмахивает ими. Она ощущается неумолимой, могущественной, устрашающей, как ее мать.

Эта Эйтиннэ никогда не запиралась под землей на две тысячи лет мучений.

Она снова заговорила, обходя костер по кругу и наблюдая за женщинами тем непроницаемым взглядом.

— Никому из вас не следует бояться меня. Я не из тех, кто убивал ваши семьи. — она остановилась, ее кожа светилась. Она великолепна: устрашающая и такая бесчеловечная. — Но я могу предложить вам отомстить тому, кто сделал это.

Я посмотрела на Кайлих. Ее взгляд ожесточился, глаза запали в костлявое лицо. Что бы Эйтиннэ ни собиралась сделать — это источник гнева ее матери.

“Моя дочь, Эйтиннэ, никогда не должна была создавать Соколиных Охотниц”.

Волна непонимания прошла через группу. Женщина, которая пыталась говорить ранее, внезапно обрела голос, хриплый, едва слышимый.

— Это ловушка.

Я ожидала, что Эйтиннэ ответит так же жестко, как делала раньше. Но вместо этого я увидела вспышку в ее взгляде, слабость за этой тяжелой броней. Она тоже горюет.

— Никаких ловушек. Никакого обмана. Я хочу, чтобы вы взяли у него то, что он украл у вас, — затем прошептала. То, что только я могла едва уловить: — То, что он украл у меня.

— Что это значит? — спросила я Кайлих. Я не хотела спрашивать, но мне надо знать. — Что он украл?

Кайлих облокотилась на свой посох; отчего земля промерзла вокруг моих босых ног.

— Она горюет о потери своих подданных. Которых убил мой сын. Моя дочь родилась такой мягкой. Призвать людей, чтобы сражались на ее стороне в войне... — она скривила губы в отвращении. — Я бы сама убила ее за это, если бы могла.

Ее подданные? Кусочки начали складываться: я сложила вместе истории и все, что знала о Киаране и Эйтиннэ. Все, что выучила о фейри.

Два королевства: светлое и темное, каждое со своим монархом, и фейри каждого королевства служили своей цели: темное королевство приносило смерть, а светлое королевство созидало.

Мое сердцебиение застучало в ушах. Женщины вокруг костра встали, но я больше не могла сфокусироваться на том, что они говорят. Все, о чем я могла думать, это Киаран, сидящий на каменистом берегу после сражения с mortair.

“Зачем ты искал кристалл”?

“Я был Неблагим, Кэм. Как ты думаешь? Я хотел убить Благоую Королеву”.

— Эйтиннэ — Благая Королева, — шепчу я. — Ведь так? — затем я произношу слова, которых не хочу, часть истории, которая я надеюсь была неправдой, но все во мне знает, что так и есть. — А Киаран — Неблагодой Король.

— Айе, — тихо проговорила Кайлих.

Воспоминаниями я возвращаюсь к тем временам, когда пыталась объединить прошлое

Киарана, и я перебирала каждую возможную комбинацию — каждая более ужасная, чем предыдущая — но я не могла вообразить этого, только не это.

Моя привязанность к Киарану ослепила меня. Даже с проблесками, когда я видела Кадамах, я никогда не могла в действительности постичь те ужасные вещи, которые он делал, потому что часть меня не хотела этого. Я не хочу думать о тысячах людей, за чьи убийства он ответственен. Потому что Неблагой Король не сравниться с другими фейри. Он живет и дышит смертью. Он сожжет мир дотла.

“Ты всегда будешь Киараном для меня”.

Кадамах. Его зовут Кадамах, и он Неблагой Король.

Теперь я понимаю, почему столько замешкавшихся, когда Кайлих предлагает им правду. Правда никогда не бывает привлекательней лжи. Никогда не бывает такой привлекательной. Это как меч в животе, то, что напоминает нам, что некоторые люди не те, за кого мы их принимаем.

Правда вынуждает нас противостоять самым ужасным частям людей, которых мы любим. Чудовищным частям.

Я опустила взгляд.

— С меня хватит.

Кайлих не двинулась, лицо снова приняло красивую форму. Теперь, когда я увидела ее снова, я понимаю, как сильно она похожа на своих детей. Те же темные волосы, безупречные черты лица и бездонные глаза.

— Ты приняла мое предложение, — сказала она, ее посох ударяет по земле. Снег падает вокруг нас. Холодный ветер режет по моей шее, и я дрожу. — Я еще не закончила.

- Почему тебя волнует, узнаю ли я правду? — говорю я с горечью. — Ты хотела, чтобы я оставалась мертвой. Ты показываешь мне все это лишь для того, чтобы удержать меня здесь.

Красивое лицо Кайлих в мгновение ока превратилось в череп. Она — это океан тайн, фейри такая же старая, как смерть. А еще ... а еще есть что-то почти уязвимое в том, как хрупка она становится порой, как смотрит на меня.

— Это только половина правды, *monighean*, — сказала она дрожащим голосом, так говорят люди в преклонном возрасте, в их уходящие часы перед смертью. — Я говорила тебе: я так же взяла от тебя. Раз уж я не могу предложить тебе жизнь, я предлагаю тебе это. Это все, что мне осталось тебе дать.

— Ты взяла...

Нас прервал крик агонии. Женщина преклонила колени у костра, руки Эйтиннэ по обе стороны ее головы. У обеих течет кровь, у Эйтиннэ из рук, у женщины из порезов на ее лице. Сокол исчез.

Выражение лица Эйтиннэ полностью сконцентрированное, глаза плотно закрыты. Она выглядела также, когда лечила меня. Боже, как это больно. Женщина снова закричала, а я была шокирована, когда свет, кажется, начал исходить из-под ее кожи.

— Что она делает? — спрашиваю я. Другие женщины выглядят одинаково обеспокоенными, подозрительными, но они остаются на своих местах в полукруге вокруг огня.

— Вот как вы получили возможность убивать мой вид, — сказала Кайлих уставшим голосом. Она оперлась о посох, будто уже не могла стоять на своих ногах. — В тебе кровь моей дочери, ее сила. Моя кровь.

Значит, это не моя сила. Охотницы были созданы, потому что Эйтиннэ не смогла

решиться убить собственного брата. Мы были созданы для их войны.

— Тогда я частично Благая. Не человек, после всего этого, — сказала я с горечью.

— В тебе достаточно от человека, — прошипела Кайлих.

Я наблюдаю, как Эйтиннэ отступила от женщины. Одна за другой будущие Охотницы приклонялись перед ней; снова и снова раздавался крик агонии. Ни одна из них не отказалась. Ни одна из них не решилась уйти, не съежилась от страха. Это то, кем они станут: воительницами. Боль — это просто первая составляющая сражения.

Я думаю над словами Эйтиннэ, когда встает последняя женщина. В конце концов, все мы олени.

Единичный крик птицы доносится из леса, а затем их дюжина. Я тут же отступаю назад, поскольку из-за деревьев появляются соколы, их крылья раздувают огонь. У каждой птицы есть черные и белые полосы, которые бегут от самых кончиков крыльев через их оперенные тела. Они бросились к женщинам, каждый сокол к своей. Их когти впиваются в нежную женскую кожу, вызывая кровь, когда они взгромождаются на их плечи, успокаиваясь. Женщины задыхаются от боли, но ни одна не кричит.

У каждой есть сокол, привязанный к ней кровью. Они закрепили свои титулы. Seabhagair. Соколиная Охотница.

Последний сокол подлетел к Эйтиннэ и занял свою позицию у нее на плече. Но ее руки дрожали, а из носа текла кровь, капая на ее губы и ниже на бледную кожу ключицы. Она больше не держала себя с той собранностью и силой, в позе “спина-прямо-плечи-назад”. Ее кожа потеряла часть своего блеска, не много, но все же примечательно.

— Это ослабило ее, — сказала я тихо.

Кайлих снова посмотрела на меня и это было старое, морщинистое лицо, кожа бледная и тусклая. Ее седые волосы больше не сияли; они были волокнистыми и тонкими.

— Как последняя Соколиная Охотница, в тебе сосредоточена вся сила, которую она потеряла в эту ночь. Когда ты умрешь, она вернется в нее. Она снова будет цельной.

Если только кто-нибудь не украдет ее первым, поняла я. “У тебя есть кое-что, что я хочу”, - сказал Лоннрах в ночь сражения. У меня есть кровь Эйтиннэ внутри. Кровь Кайлих — старая магия.

Если Лоннрах добьется успеха в нахождении кристалла и заберет мою силу, он будет в состоянии убить Киарана и Эйтиннэ.

“Без монарха vSìth-bhrùth будет зима. Кто-то должен занять ее место”.

“И ты считаешь, ты достоин”.

“Нет, но буду”.

Что-то, видимо, отразилось на моем лице, потому что Кайлих сказала:

— Теперь ты видишь, почему я не могу позволить тебе жить, — она отвернулась от меня, от костра, и вновь пошла по дороге, ее хрупкое тело кажется таким худым под тенями.

— Пойдем, monighean. У меня есть кое-что еще показать тебе.

Мы в Sith-bhruth, на пляже, куда однажды привел меня Киаран. Тут я впервые увидела Сорчу и попыталась убить ее. Место выглядит совсем по-другому, чем, когда я видела его в последний раз: озелененное, плодородное. Здесь все еще ночь, звезды над нами кружатся в разных замысловатых узорах и оставляют за собой дорожку света по всему небу. Деревья — такие высокие вокруг — полны ярко-зеленых листьев; когда я видела их в последний раз, они были безлистными, мертвыми. Я посмотрела поближе и увидела вкрапления в коре: синие, зеленые и красные, как у опала.

Краем глаза я увидела фигуру. Эйтиннэ. Она шла по воде, и складывалось такое впечатление, будто она проходит между звезд. Она выглядела еще более человеческой, чем, когда мы покинули костер. Более похожа на Эйтиннэ, которую я знаю.

Она огляделась, как будто бы ожидала кого-то. Встреча? Киаран однажды сказал мне, что это место всегда было нейтральной землей, единственное место, где Благой и Неблагой могут встретиться без конфликтов.

Когда Эйтиннэ достигла камней у берега пляжа, она уставилась прямо перед собой, и я поняла, что в деревьях кто-то есть, фигура в тени.

— Ты посылал за мной, Кадамах, — сказала она нежно.

Я уловила замешательство в ее голосе, неопределенность. Интересно, сколько времени прошло с тех пор, как они говорили?

— Дай мне увидеть тебя.

Я резко вдохнула, когда Киаран выскользнул из-за деревьев: высокий и красивый, одетый во все черное. Его темные волосы убраны с лица назад, его кожа безупречная и сияющая. Его глаза — они совсем не похожи на его.

Не Киаран. Кадамах.

Я думала, что видела проблески Кадамаха ранее, когда взгляд Киарана просто становился пустым. Такие ожесточенные, как будто он сжигал все новые эмоции, потому что это менее болезненно, если не чувствуешь.

Кадамах не похож на это. Его глаза не просто пустые, они пустынные и темные, как холодный укус зимнего ветра, который уносит прочь каждую унцию тепла из твоего тела. Там ничего нет. Ничего.

Я практически сказала Кайлих увести нас отсюда. Я не хочу видеть. Каким бы откровением это ни было, еще одна ужасающая правда, что будет разъедать меня изнутри. Теперь я понимаю, почему Киаран и Эйтиннэ оставили свое прошлое позади, почему они держали это в тайне. Каждая новая правда хуже предыдущей.

“У меня нет прошлого, достойного восхищения, Кэм. Я никогда не позволял тебе думать, что было”.

Знать некоторые вещи, что делал Киаран, и видеть их — не одно и то же.

Потом я заметила, что Киаран что-то несет: молодую женщину. Он держал ее на руках словно убаюкивал, ее кровь размазалась темным пятном на бледной коже его рук. Она истекала кровью так сильно, что кровь капала на камни у его ног. Кап, кап, кап, кап...

Внимание Эйтиннэ переместилось на забрызганные кровью камни, на его руки. Я заметила ее резкий вдох, неравномерное, поверхностное дыхание.

— Значит, ты принес мне еще один подарок, — прошептала она.

Я тяжело сглотнула, мне стало плохо.

— Я не разделяю твоего энтузиазма по поводу убийства, Кадамах, — говорит Эйтиннэ. Руки сжались в кулаки; они предают ее чувства. Как сильно ее это задело. — Ты должен был послать sluagh доставить ее, как и остальных.

— Это не то, что ты думаешь, — проговорил он. Его голос омыл меня, будто река зимой. Я могла бы утонуть в его холоде. — Не в этот раз.

Киаран встал на колени и положил женщину на камни. Ее лицо повернулось ко мне, глаза закрыты. Она не так красива, как Кэтрин. Но она поразительна: ее черты сильны и прекрасны. Блондинка с длинными волосами, такими бледными, почти белыми, они заплетены в длинную косу, которая покоится на камнях. Цвет ее волос контрастирует со смуглой кожей. Шрамы усеивают щеки, подбородок, брови. Даже мертвая, она выглядит как воин.

Я узнаю намек эмоции в отяжелелом взгляде Киарана, подобно первым каплям дождя в огромной пустыне: тоска. Он провел пальцем по щеке женщины, оставляя кровавую дорожку.

Боже, это же она. Она. Соколиная Охотница, которую он любит.

“Я недостаточно ее любил”.

Эйтиннэ смотрит на него, в ее взгляде очевиден шок.

— Кадамах?

Он отдернул руку от лица женщины, как будто бы оно жгло.

— Верни ее назад, — сказал он резко.

Я тут же зажмурила глаза, вспоминая его слова. Киаран наблюдал за ее смертью, а затем наблюдал, как умираю я. Прямо как тогда.

Эйтиннэ холодна.

— Нет. Не проси меня об этом.

Киаран встал, его злость темна и порочна. Тени отделяются от земли: густые, тяжелые и голодные. Стало так холодно, что мои пальцы покраснели и онемели. Тонкий слой льда покрыл берег. Иней образовался на ветках деревьев вокруг нас и на влажной гальке у моих ног.

— Ты создала их вид, — его голос — свирепый шепот. — Ты послала их убивать моих подданных, потому что не смогла сделать это сама. Я хоть и начал войну между нами, Эйтиннэ, — голос упал до утробного рева — но ты задолжала мне это.

Ее голова откинулась назад, глаза пылали.

— Я ничего тебе не должна. Ты не единственный потерял тех, кто был под твоей защитой. Ты пролил первую кровь, Кадамах.

Киаран посмотрел вниз на тело женщины, его гнев рассеялся.

— И как дорого я заплатил за это.

Что-то смягчилось в Эйтиннэ. Как будто она никогда не видела эту часть его прежде — или видела, но не слишком долго.

Я могу почувствовать историю между ними, годы, проведенные до войны. Были ли когда-то они семьей? До всего этого? Киаран готов был провести вечность в ловушке, чтобы спасти Эйтиннэ. Они разделяют такое долгое прошлое. Интересно, как это вообще зажило.

— Я никогда ни о чем не просил тебя, — сказал он тихо. — Никогда. Верни ее назад. Верни свою чертову Охотницу назад.

— Я не могу, — проговорила Эйтиннэ. — Прости, я...

— Тебе нужна моя кровь, — сказал он так безжизненно.

Он достал кинжал из ножен и полоснул лезвием по ладони. Я вздрогнула одновременно с Эйтиннэ, наблюдая, как кровь заполняет ладонь. Наблюдая, как холод уходит из его взгляда, пока все, что остается у него, это часть, о которой я волнуюсь. Киаран.

— Возьми ее, — говорит он ей. — Возьми столько, сколько потребуется.

“Если ты согласна сделать свою часть, я сделаю свою”.

“Никогда не думала, что услышу, как ты предлагаешь это снова”.

Его кровь. Киаран предложил ее для нее, и он предложил ее снова, чтобы вернуть меня. В этом отличие Киарана от Кадамах. Он по своей воле пытался спасти нас.

— Кадамах, — командный голос Эйтиннэ прорезал темноту, вечный. Она не поддалась, хотя ее взгляд полон жалости и горя. Я вижу, что она хочет помочь ему. — Кадамах, — повторила она снова, более нежно в этот раз. — Я сказала, не могу.

— Почему? — он говорит в гневе, но я слышу поражение, разбившуюся надежду.

— Потому что, *mobrathair*, — отвечает она, — Я не могу вернуть тех, кого ты убил.

Воздух вырывается из меня. Он убил ее. Он убил ее.

“Я любил ее недостаточно сильно”.

Не удивительно, что он отпрянул от меня, когда я сказала ему, что Кадамах был способен на любовь. Сентиментальная дура — так он назвал меня. Потому что уже тогда он убил женщину, которую любил.

— Почему? — не знаю, спрашиваю я себя или Кайлих. — Почему он это сделал?

— Я говорила тебе, — порицательно произнесла Кайлих. Она наблюдала за сценой перед нами, как будто бы видела это тысячи раз, без признаков сочувствия. Как будто бы ей плевать, как сильно ее сын горюет, и находит это немного разочаровывающим, что он так поступает. — Кадамах не создан для любви. Его дар — смерть.

“Скажи, как много тебе нужно узнать о моем прошлом, прежде чем ты поймешь, что во мне нет ни частички от человека”?

Может он и не человек, но, когда я смотрю, как он оплакивает женщину, что потерял — женщину, которую он любил — я вижу, что она оставила в нем кусочек человечности.

Я ошиблась прежде. Первая эмоция, которую я увидела в Киаране, была не тоска, это был стыд.

Правда в том, что мы оба бежим от судьбы, которая была уготована для нас. Он — фейри, чей дар — смерть, а я девушка, чей дар — хаос.

Мы существуем вместе, как огонь и зола.

“Куда бы она не шла, смерть следует за ней”.

Интересно, те голоса, что слышит Дэниэл, говорили о всех тех людях, что я потеряла, или о Киаране? Возможно, он мое проклятье. Возможно, я его слабость. Вместе мы оставим мир в руинах.

Киаран снова пробежался пальцами по лицу женщины, проводя по шраму, что рассекал ее бровь. Я видела, он хотел ее. Она заставила его чувствовать, а он потерял ее. Мне было больно за него.

— Я не смог остановиться, — сказал он. Голос спокойный и собранный, но я видела, как поднимаются и опускаются его плечи, дыхание дрожит. — Я не смог...

— Шшш... Я знаю, — Эйтиннэ встала на колени рядом с ним. Они соприкоснулись лбами, и на мгновение я представила их, когда они были младше, сидели так же, делились секретами, как это делают близнецы. — Я знаю.

— Ты сделаешь кое-что для меня, Эйтиннэ? — сказал Киаран, зажмуривая глаза. — Больше никто не способен передавать силу. Вытащи это из меня. Чем бы это ни было, оно вынуждает меня охотиться. Я больше не хочу этого.

Она отпрянула назад. На мгновение я подумала, что она откажет ему, но знаю, она не сделает этого. Не так их история начиналась.

— Я не могу забрать это все, иначе ты умрешь, — сказала она. Киаран отвернулся, как будто бы ожидал разочарования, но она ухватила его за руку. — Но я могу забрать достаточно, чтобы у тебя был выбор. Кого ты убиваешь, и хочешь ли ты этого. Тебе не понадобится больше Дикая Охота, чтобы выжить.

Киаран кивнул, а Эйтиннэ уставилась на него. Я вижу, что она любит его. Не важно, что он делал, и как жестоко начиналась их война, она все еще любит своего брата.

— Я заберу ту часть, которая имеет здесь власть.

— Я знаю это, — сказал он ей.

— Нет. Кадамах... — Она крепко сжала его руку. Я вижу, как он удивился этому, как будто бы она не прикасалась к нему с чувствами уже долгое время. — Тебе нужно понять: та часть тебя, что принадлежит Неблагим исчезнет, — сказала она. — Ты больше не сможешь попасть в Sith-bhruth и тебе придется пожертвовать своим королевством. Один шаг за пределы нейтральной территории убьет тебя.

— Так тому и быть, — проговорил он.

Промелькнуло воспоминание, где мы с Киараном были на этом берегу, теперь кажется, что это было миллион лет назад. Мы сидели на этих же самых камнях, Киаран смотрел с тоской на водную гладь.

“Это жертва, которую я принес, Кэм. Я никогда не вернусь туда”.

Его выбор. Это был его выбор — начать все сначала в человеческой реальности.

Затем я моргнула, и мы с Кайлих снова оказались в лесу у костра. Я все еще сидела в кресле из виноградной лозы и синих бутонов, моя кожа холодная, как лед. Кайлих отпустила меня. Она выглядела еще более старой и хрупкой, чем когда-либо, тонкие кости ее плеч виднелись из-под плаща из теней. Она облокотилась на посох и посмотрела в огонь, пламя отразилось в пустом, темном взоре.

— Что случилось? — спросила я. — Когда Эйтиннэ забрала его силы?

— Моя дочь была молодой дурой, она не понимала, что, когда ты забираешь силу, тебе нужен сосуд, чтобы удержать ее. Кто-то другой должен принять ее.

— Или?

Тонкое тело Кайлих задрожало.

— Она разделится, monighean. Ты уже знаешь это по опыту: когда Охотница умирает, ее сила распределяется среди выживших. Сила моего сына перешла в каждого sithichean, кто обитал в Sith-bhruth. Благие стали Неблагими, те, у кого была сила созидания, теперь сеют смерть. Они не могут выжить без убийств, так же, как не мог мой сын. Когда он сделал этот выбор, королевства пали. Мои дети уничтожили оба.

Я мысленно вернулась в зеркальную комнату, когда наконец-то прервала молчание с Лоннрахом и спросила его, почему он так сильно ненавидит Киарана.

“Твой Киаран худший вид предателя, и его сестра не лучше. Теперь пришло время мне исправить их ошибки”.

Лоннрах был Благим, Эйтиннэ была его королевой, и она пожертвовала своим тронном. Так же, как и Киаран. Теперь я понимаю, что имел в виду Лоннрах, упоминая об их ошибках.

Слова Эйтиннэ в разрушенном Эдинбурге мелькнули в моей памяти: “Ты не несешь ответственности за то, что начали мы”.

С Киарана и Эйтиннэ все началось: Охотницы, сражение, после которого Лоннрах с солдатами оказались запертыми под землей. Они — причина, по которой каждый фейри, на которого я когда-либо охотилась, существовал только для убийства. Лоннрах даже упоминал о некоторых людях, соблазненных фейри в подземелье, что их едва хватало, чтобы не голодать — потому что они нуждались в человеческой энергии, чтобы выжить.

Есть еще кое-что. Одна последняя правда, которую мне нужно услышать.

— Что ты имела в виду, — спросила я тихо, — когда говорила, что уже взяла что-то от меня?

Кайлих, как впалая оболочка, тонкая и пустая. Ее плащ из теней соскользнул, открывая ключицу. Ее ребра выделялись из-под тонкой кожи ее груди.

— Ты ведь не думаешь, что baobhansìth действительно смогла бы убить всех потомков Соколиных Охотниц? — сказала она зловещим шепотом. — Не тогда, когда мой сын защищал их. Его силы намного выше ее.

Клянусь, мое сердце остановилось. Я не могу дышать. Я уставилась на древнюю форму Кайлих и старый гнев внутри меня разгорелся вновь. Внезапно я вспомнила слова Сорчи на снежных утесах, когда она заморозила всех тех солдат. Что она рискует разгневать ее, предупреждая Киарана. Ее.

— Ты помогла ей убить Соколиных Охотниц. Не так ли?

— Айе, — сказала Кайлих. — Я воспользовалась той силой, что осталась у меня в твоём мире, чтобы вмешаться, — думаю, она смотрит на меня, но я не могу увидеть взгляд впавших в череп глаз. — Я помогла ей забрать у тебя мать.

Гнев во мне тут же непрощено и неумолимо усилился. Я почти забыла, как это ощущается, как его жар обжигает мою кожу, как он шепчет мне на ухо и говорит, что моя цель — месть. Возмездие.

Я поднимаюсь с кресла из виноградной лозы медленными, обдуманными движениями убийцы. Во взгляде Кайлих нет страха. Никакого раскаяния. Это заставляет меня хотеть убить ее медленно. И без оружия, я сделаю это голыми руками.

Я прыгаю на нее, готовая сломать ее тонкую, костлявую шею. Вспышка молнии ударяется в землю передо мной. Земля раскололась с оглушающим хлопком, и сила от этого сбила меня с ног, уложив на спину. Я выдыхаю сквозь ужасающую боль, сковавшую мою грудь.

— Так должно быть, — сказала Кайлих, приближаясь ко мне. — Моя дочь должна вернуть свою силу.

— Я так не думаю.

Я подсакиваю к ней, мои пальцы дотягиваются до тонкой кожи на шее Кайлих. Но она движется быстро, ударяя сбоку посохом по моему лицу. Я снова падаю на землю, хватаясь за мшистую грязь. Кровь капает с моих губ и растекается по темной земле.

Кайлих хватая меня за ворот, ставя меня на ноги лишь с небольшим усилием. Ее коготь впивается в мою кожу.

Я встретила с холодным бездонным взглядом и попыталась ударить ее, сделать хоть что-то, но мои руки повисли по бокам, мертвым весом. Вкус ее силы невыносим, он ощущается, как электрические разряды на моем языке.

— Ты не можешь победить меня, — сказала она. — Поэтому я предлагаю тебе просто

принять свою судьбу. Разве это не проще?

Я понимаю, что способна двигать языком, губами.

— Сначала я убью тебя.

Кайлих вздохнула и отпустила меня. И хотя я стою, я все еще не могу двигаться, чтобы ударить ее. Она снова выглядит хрупкой, очень хрупкой. Как будто она может сломаться. Если бы я была лучше, я бы пожалела ее за очевидную слабость. Но я не лучше. Я лучше воспользуюсь ее недомоганием и использую это против нее.

— Я умираю, monighean, — сказала она таким тихим, трясущимся старушечьим голосом.

Я услышала в нем слабую дрожь от страха. Страх бессмертного создания, кто был жив с момента создания гор и движения ледников, кто наконец-то предстанет перед лицом неопределенности смерти.

— Когда я выбрала продолжение рода, — продолжила она, — я отдала свое бессмертие. Как моя мама, которая была Кайлих до меня. — Она протянула руку, кожа снова стала морщинистой и старой. — Это проклятие моего рода. Я умираю так же, как человек, только более медленно. У меня должен быть кто-то, кто займет мое место, прежде чем я уйду.

Мне вспомнились слова Лоннраха о Sith-bhrùth: “Земля была целой, а сейчас она разверзлась прямо посередине. Она разваливается на части”.

Она разваливается на части ... разваливается на части ...

“Без монарха в Sith-bhrùth будет зима. Кто-то должен занять ее место”.

Кайлих — или возможно та, что была перед ней — создала миры, моря, пейзажи. Она сделала их возможными. Если она умрет, они отправятся вместе с ней. Если Sith-bhrùth разваливается на части, то же самое может случиться с человеческим миром. Она создала оба своим молотом и посохом.

Внезапно мой слепой гнев рассеялся, как дым. Я могу думать более ясно.

— Если я умру, — говорю я, — сила Эйтиннэ восстановится, но к Киарану сила не вернется. Это нельзя отменить. Фейри все еще будут испорчены.

Кайлих приготовилась, ее лицо закрылось. Она вернулась молодая: красивая, грозная и сильная — и даже еще более устрашающая.

— Айе. Это то, что твой ... Киаран выбрал. Его нельзя исправить.

Исправить. Как будто он сломан.

— Кадамах всегда был сильнее Эйтиннэ, — сказала Кайлих, возвращаясь к огню. — Он доказал, что достоин занять мое место. Пока не влюбился в этого человека. — ее глаза жестоки и блестят словно сталь. — Моя дочь, может, и создала Соколиных Охотниц, но твоя смерть исправит это. Мой сын ... для Кадамаха было непростительно влюбиться. Слабость, — она выплюнула слово, будто это проклятие. — Он не способен править.

— Это не слабость — любить кого-то или иметь сострадание.

“Ты думаешь я слабая, потому что чувствую”?

“Нет. Никогда. Это то, что делает тебя Кэм”.

— Ты дурочка, — Кайлих срывается, откидываясь своим хрупким телом к огню. — Так всегда должно быть, проклятие моего рода, которое передается годами. Два ребенка, рожденные для власти. Каждый правит отдельным королевством, чтобы доказать, что он достоин. Сильнейший всегда начинает войну и убивает другого. Кадамах провалил свою задачу.

“И убивает другого”.

Голос Эйтиннэ эхом проносится в моей голове в тот день в Эдинбурге, такой

понимающий и грустный: “Мы все олени”.

Она понимала судьбу. Жить, чтобы охотиться или умереть добычей. Потому что они с Киараном всегда предназначались либо для одного, либо для другого.

А еще Эйтиннэ позволила себе любить своего брата, который должен убить ее.

— Ты не должна позволять этому случиться, — сказала я напряженно. — Ты же не позволишь своим детям отправиться на войну?

Она показала свои острые зубы.

— Почему это нет? Моя мама позволила.

Моя кожа стала холодной.

Тени из плаща Кайлих расползаются по земле, завиваясь, как змеи, вокруг моих ног.

— Теперь ты понимаешь, почему Эйтиннэ должна сделать это, — прошептала Кайлих. — Как ты думаешь, что она выберет? — мороз расползается по траве под посохом Кайлих. — Позволит мирам обратиться в пыль или позволит жить брату, который должен убить ее?

— Я не позволю этому случиться, — сказала я. Должно быть другое решение. Должно быть.

— Ты ничего не можешь сделать, — холодно ответила она. — Один из них должен умереть, — ее губы изогнулись. — Это должен быть Кадамах.

Отчаяние придало мне сил, чтобы вырваться из ее пут, которыми она сковала меня, разорвать нити той силы, что удерживала меня здесь. Она покачнулась от внезапного нападения, ее молодое лицо превратилось в форму старой ведьмы.

Я побежала. Я слышала ее крики, когда прыгнула в темные деревья. Я продолжала бежать, пока не перестала видеть, пока меня полностью не окружила темнота. Голоса мертвых снова звали меня по имени. Их руки хватали меня, но я боролась, царапалась. “Киаран, Киаран, Киаран, Киаран”. Я повторяла его имя, как молитву, отчаянную мольбу.

“Один из них должен умереть. Это должен быть Кадамах”.

Потом вокруг прояснилось. Огонь все еще горел. Кайлих стояла впереди меня, спокойная, старая и окруженная тенями своего плаща.

— Ты не можешь убежать от меня, monighean. Не здесь.

Мне плевать. Я пробую опять. Я прорываюсь сквозь деревья. Ветви царапают мою кожу на плечах и шее. Они рвут одежду, когда я пытаюсь убрать их с пути. Я вся истекаю кровью, но не останавливаюсь. Я продолжаю бежать. Я должна добраться до Киарана.

Я снова вернулась к костру, к чертовой Кайлих. Я ударилась коленями в землю перед ее плащом из теней, затем меня подняли в воздух. Первое чувство безнадежности начинает охватывать меня. Она будет удерживать меня таким образом здесь вечно, так, как она сказала, что будет, если я не выберу смерть.

Пальцами она подняла мой подбородок. Я вглядываюсь в ее старое, морщинистое лицо с дрожащим дыханием.

— Это было бы так легко для тебя — позволить всему этому пойти своим чередом, monighean, — сказала она. — Больше никаких смертей, не нужно ни за кого отвечать. Ты могла бы танцевать на роскошных балах вечно, если захочешь.

Нет. Нет. Не хочу балы, или вечеринки, или снова платья. Никаких одиннадцати или четырехчасовых чаепитий, или скорого приближения замужества. Все эти вещи держали меня в клетке, делали из меня девочку, укрытую от осознания любой реальной опасности, пока она не встретила ее на улице с острыми зубами и когтями, пока они не разорвала ее

жизнь.

Но Кайлих — сила, соблазняющая меня. Она заставляет меня хотеть отказаться от всех обязанностей и никогда не возвращаться в тот живой мир, который сделал все настолько трудным, который превратил каждый день в борьбу.

Она потянулась вперед, и я утонула в этом пустом взгляде.

— Ты снова сможешь увидеть свою маму, — прошептала она.

Слова Киарана словно крылья мотылька прошли в моем разуме: “Не забывай, почему ты здесь.” Что на другой стороне не хотят, чтобы я вернулась.

Я больше не девочка, которая потеряла свою маму и может соблазниться тем, чтобы увидеть ее вновь. Я не девочка, настолько ослепленная мстью, что моя единственная цель — охотиться, убивать, калечить.

Я не та девочка. Не та.

Я кто-то другой, созданный в зеркальной комнате, как сталь, которую расплавили и сделали еще сильнее. Мне не нужна месть. Мне нужна только я сама.

Знакомая сила обрушивается на меня, горячая и жестокая. Я ощущала ее прежде, когда убивала фейри, но в этот раз она сильнее, почти всепоглощающая, электрическим зарядом проходит по моим венам, под моей кожей, пока я чуть ли не взрываюсь.

Я отпрянула от Кайлих.

— Нет.

Потом я вытянула руку ладонью вверх, и сила вырвалась из меня и ударила по ней. Она оторвалась от земли, ее тело ударилось об одно из деревьев.

Я встала на ноги и подошла к ней медленно, обдуманно. Сила растет внутри меня, становясь горячее, когда я тянусь к ней. Когда Кайлих посмотрела на меня, я увидела первую вспышку страха в ее глазах.

— Скажи мне, как выбраться отсюда, — сказала я низким голосом.

— Никогда, — в ее глазах горят искры.

Она подняла посох, направив в мою сторону, но я быстрее. Я схватила посох и убрала его подальше. С резким криком она бросается за ним, но я быстрее ее хрупкого старого тела. Я уворачиваюсь от нее.

Без своего посоха Кайлих выглядят даже еще более старой. Ее тело — кости, обтянутые кожей, ее глаза тусклы.

Я снова выпускаю силу. Вспышка ударила ее так сильно, что она наполовину сломала дерево.

Потом я услышала стук ботинок по земле слева от меня. Я повернулась как раз в тот момент, когда Эйтиннэ появилась из-за деревьев, тяжело дыша. Ее трясло от усталости.

— Вот ты где!

Ее руки обвились вокруг меня, и я внезапно позабыла о Кайлих и своей силе. “Забери меня назад”, — практически сказала я ей, — “забери меня с собой”.

— Боже правый, женщина, тебя трудно найти, — сказала она. — brìgh ne...

Она остановилась на полуслове, и все ее тело напряглось. Я поняла, что Кайлих поднялась на ноги. Она уставилась на Эйтиннэ своим молодым лицом, кожа разгладилась до идеальной. Выражение лица нечитаемое.

— Màthair, — прошептала Эйтиннэ.

— Столько времени прошло, — сказала Кайлих.

Эйтиннэ стрельнула на нее взглядом, она слегка покачивалась на ногах. Что это с ней?

— Вообще-то, недостаточно долго, — проговорила она. — Я бы предпочла, чтобы прошла еще тысяча лет, прежде чем увидеть твое лицо снова. А может и две тысячи.

— Дочка... — Кайлих потянулась к ней, но Эйтиннэ дернулась назад, трясая головой.

— Так я снова твоя дочь? После того, как ты хотела, чтобы Кадамах убил меня. — она горько рассмеялась. — Как ты назвала меня после того, как я создала Охотниц? Masladhbith-bhuan, томàthair. Твой вечный позор.

Я резко посмотрела на Кайлих. Прежде, я лишь хотела силой ее вынудить сказать мне, как выбраться отсюда. Теперь я жажду побить ее этим посохом. Из принципа.

— Эйтиннэ, — говорю я неторопливо, прежде, чем могу сделать что-то, о чем буду жалеть. — Пойдем.

Когда мы развернулись, чтобы уйти, Кайлих позвала Эйтиннэ по имени.

— Если ты позволишь Охотнице умереть, ты вернешь назад свои силы. Трон будет твоим.

Эйтиннэ вздохнула, и тогда я заметила, что она дрожит.

— О, Màthair, — сказала она грустно. — Ты ведь никогда не поймешь? Я не хочу его. Не думаю, что когда-либо хотела.

Затем она аккуратно забрала у меня посох. В мгновение ока в ее руке появился меч, разрезающий ее ладонь. Ее рука тряслась так сильно, что порез получился рваным. Она схватилась за мою руку и прижала окровавленную ладонь к непонятным резным фигуркам на посохе.

— Прощай, Màthair.

— Эйтиннэ!

Эйтиннэ подняла посох и ударила им по земле. Кайлих кричала, пока лед из ее посоха морозил землю под нашими ногами. Огонь превратился в дым. Над нами из ниоткуда появились облака, темные и густые. Вдалеке я слышала раскаты грома.

Молния обрушилась на посох, и нас с Эйтиннэ окутало светом.

Я хватала ртом воздух. Пляжные камни впились мне в руки, когда я перевернулась, чтобы выплюнуть воду. Меня вырвало, и я закашлялась, легкие и грудь болели. Вдохнув воздух, я лбом уткнулась в холодные камни. Меня затрясло. Сорочка промокла и цеплялась ко мне, будто лед прижимался к моей коже.

Я ощутила рядом чье-то присутствие, но мне слишком дурно. Единожды мотнула головой.

— Ну вот. Ты вернулась, и стала, как новенькая, — произнес трясущийся голос. Эйтиннэ. Она выглядит слабой и уставшей, из носа течет кровь. Она улыбнулась такой знакомой улыбкой, и произнесла: — Просто.

Прежде чем я успеваю что-либо ответить, громкий визг пронзает воздух. Деррик зарылся в меня, все — крылья, руки, ноги — запутались в моих волосах.

— Ты жива, чертова идиотка, ты жива!

Гэвин присел рядом со мной, его светлые волосы свисали со лба. Он расстегнул свое теплое шерстяное пальто и обернул его вокруг моих плеч. Я приняла его с благодарностью, пальцы настолько онемели, что я едва могла удержать его запахнутым.

— Добро пожаловать назад, на землю живых, — сказал Гэвин. Он махнул рукой со знакомой полуулыбкой. — Полагаю, все сработало.

Тогда я поняла, что капли воды зависли в воздухе прямо вокруг нас. Они сверкали, как миллионы блестящих алмазов, рассыпанных по пляжу.

Поразившись, я прикоснулась к одному. Он заколыхался, когда мои пальца прошли сквозь него, а затем рассыпался на десятки крошечных капелек.

— Это я делаю? — спросила я Эйтиннэ.

Она слабо улыбнулась.

— Придется приложить некоторые усилия, чтобы управлять этим. Если ты спокойно выдохнешь и представишь, как они медленно опускаются...

Я моргнула и капли упали на землю с тяжелым шлепком.

— Ну можно и так, — потом она сказала обнадеживающе: — Ты устала.

— Прости.

У Гэвина заняло мгновение, чтобы привести себя в порядок, проводя по влажным волосам. Он удержал повисший стебель seilgflùr.

— Это может быть не столь впечатляющим как удержание воды, но, полагаю, тебе это уже не понадобится.

Не понадобится? Я дотронулась до основания шеи, ожидая, что чертополох будет там, где я его оставила, но он исчез. Со сбившимся дыханием, я потянулась к Деррику, сжимая его в руках.

— Ух! — крикнул Деррик, хватаясь за пряди моих волос. — Не так сильно. Я пикси, а не чертов цветок.

Вздохнув, он все-таки отпустил мои локоны и сел на мою ладонь. Впервые, я увидела его без помощи seilgflùr. Это настолько отличается, как будто пелена спала с моих глаз. Лицо то же, его эльфийские черты не изменились, но появилось милое искрометное свечение, которого прежде не было — подобно тому, как выглядел Киаран, когда мы впервые были в Sith-bhrùth. Крылья Деррика блестели, как утренняя роса. Крошечные жилки

внутри них выглядят так, будто наполнены золотом.

Деррик переминался от дискомфорта.

— Ты так и будешь пялиться на меня? — он указал на мою одежду. — Эйтиннэ потребовалось чертовски много времени, чтобы вернуть тебя назад.

Вот тогда я посмотрела вниз и увидела, что вся покрыта кровью, мое платье пропиталось ее. Воздух резко вышел сквозь сжатые зубы.

— Черт побери, — пробормотала я. — Что случилось?

Деррик отлетел и приземлился на плечо Гэвина. Молчание было невыносимо. Ответила Эйтиннэ.

— После того, как brìgh потерял твою энергию, мне потребовалось несколько часов, чтобы найти тебя, — ее голос дрожал от холода.

Часов? После того, как цветы завяли из-за вмешательства Кайлих, она, должно быть, перемещала нас по воспоминаниям, чтобы сделать поиски Эйтиннэ еще более сложными. Не удивительно, что она выбрала правду из всех других ‘подарков’, которые могла бы даровать.

Эйтиннэ выглядит такой хрупкой, как будто она вот-вот сломается. Кровь из ее порезов струйками бежит по рукам. Из носа кровоточит так же, как и ее руки, запястья, предплечья. Некоторые порезы тонкие, некоторые почти до кости.

Кровь за кровь, так Киаран говорил. Так вот какую жертву она принесла, чтобы вернуть меня назад? Темные волосы Эйтиннэ выбились из ее пучка, и придерживаемые льдом приклеились к ее лбу. Даже ее кожа посинела.

— Вот, — сказала я, скидывая пальто с плеч, чтобы обернуть вокруг нее. Я взглянула на Гэвина, но он не смотрел на меня. Он наблюдал за Эйтиннэ, как будто он хотел помочь, но не был уверен чем.

Ее раны даже не затягивались, определенно не так быстро, как обычно. Ее кровь капала на пляжные камни.

— Ты не исцеляешься.

Эйтиннэ слегка качнулась, ее кожа стала еще более бледной.

— Часть жертвы, — прошептала она. — Невозможность использовать силы для лечения, и мне пришлось использовать больше крови, чем я ожидала, — ее взгляд ни на чем не сфокусирован. — Знаешь, не думаю, что чувствую себя хорошо. Думаю ...

— Дерьмо, — пробормотал Гэвин, дотянувшись до нее, прежде, чем она резко нырнула вперед. Он сгреб ее в свои объятия.

— Эйтиннэ? — она не ответила; ее глаза закрыты, щека прижалась к его груди. — Мне нужно отнести ее внутрь, — сказал он. Перед его рубашки уже полностью пропитался ее кровью. — Кто-нибудь из фейри мог бы зашить ее раны.

— Нет, — Эйтиннэ внезапно дернулась у него, — не позволяй никому увидеть меня в таком виде.

— Отнеси ее за свою дверь, Видящий, — проговорил Деррик. — Я заштопаю ее сам, — крошечная ухмылка пересекла его лицо. — Я буду нежным.

— Уж лучше это было бы так, — выдохнула Эйтиннэ.

— Где Киаран? — спросила я, когда все решили.

Гэвин с Дерриком посмотрели на воду. Я проследила за их взглядом через пляж туда, где накатывают волны. Киаран стоял полностью одетый, волны плескались вокруг его колен.

Он смотрел на горизонт. Кровь ручейками стекала в воду рядом с ним. Потом он перевел взгляд на пляж, и его глаза встретились с моими. Мое сердце упало. Его глаза. Его

глаза. Взгляд так сильно походил на взгляд Кадамаха. Глубокая, бескрайняя темнота в них. Бездна.

— Он отошел, когда Эйтиннэ не смогла вернуть тебя сразу, — сказал Деррик.

Я собиралась отправиться к нему, когда Эйтиннэ схватила меня за запястье. Ее глаза все еще рассеяны, но как-то она нашла в себе силы притянуть меня вниз, пока ее губы не нашли мое ухо. Ее сообщение, произнесенное шепотом, предназначалась только мне.

— Сегодня это напомнило ему, что однажды он потеряет тебя, — ее следующие слова наполнены сожалением — Охотницы всегда умирают молодыми. Всегда.

Она потеряла сознание, и Гэвин развернулся, чтобы отнести ее внутрь.

Мой взгляд снова встретился с Киараном, и было такое ощущение будто весь мир исчез. “Я знаю, — хотела сказать ему, — я все знаю”.

Он резко отвел взгляд, как будто бы слышал мои мысли. Может, так и есть. Прежде, чем я могла остановить его, он выскочил из воды и направился к темному входу в пещеру.

Позже этим вечером, я устала на гору кусочков на моем рабочем столе. Коллекция, которую Деррик, без сомнения, собирал в течении всего моего трехлетнего отсутствия. Тут сломанные пистолеты с кремневым замком, брелоки часов, зубчатые валики, винтики, металлические детали из разных источников.

— Они для твоих работ, — проговорил Деррик, когда вернулся ко мне, после того как зашел Эйтиннэ. — Посмотри, какие блестящие! Эти мои любимые.

Думаю, то, что случилось со мной, напугало его, хотя он никогда не признается в этом. Эйтиннэ сразу же вылечила мое тело, но она провела несколько часов, разыскивая меня за занавесом. Это казалось намного дольше, будто Кайлих и я перемещались из одного воспоминания в другое вечно.

— Мне нужно побыть одной некоторое время, — говорю я Деррику. — Просто осмыслить, что произошло.

Его крылья сложились вместе.

— Ты хочешь, чтобы я утих?

Я улыбнулась и помотала головой.

— Одна, совсем одна, — рукой погладила его крылья. — Ты можешь снова проверить защиту?

Ничего не могу поделать, я переживаю из-за Кайлих. Даже учитывая, что Эйтиннэ сказала ей, что не хочет трон, Кайлих не оставит меня, поскольку она не принимает ответ “Нет”.

“У меня может быть и ограниченные силы в твоём мире, но я знаю, что все, кого ты оставила, в том подземном королевстве. Уверена, что хочешь их безопасности?”

— Ладно, — промямлил он. — Но тебе лучше рассказать мне все позже.

Он улетел из комнаты в потоке света. Я вздохнула и посмотрела в окно. В фальшивом разрушенном Эдинбурге снова падает снег. Мой дом единственный еще стоит на площади. Отсюда я могу видеть разрушенные стены замка — то, как парк на Принцесс-стрит зарос виноградной лозой.

Я решила, что нужно пожелать комнату в каком-нибудь другом месте. Возможно, в Аргентине. Или Западной Индии. Где-нибудь, где тепло. Что не похоже на Шотландию, где я смогу закопаться пальчиками в теплый песок и забыться ненадолго.

Но затем я посмотрела наружу и понаблюдала, как снег падает на мостовую, которой больше не существует, и мне больше ничего не хотелось.

Один из винтиков Деррика скатился на пол с резким скрежетом, что вывело меня из задумчивости. Я подняла его и положила среди металлических деталей. Мой взгляд побродил по формам, размышляя, во что их соединить.

Когда-то я была способна соединить их в целое, прикладывая совсем немного усилий. Мне не требовалось планировать или заранее продумывать; работа приходила ко мне так же естественно, как и дыхание. Изобретение нового оружия было похоже на сбор сложного пазла — увлекательное новое открытие. По крайней мере, это предотвращало мои кошмары.

Теперь у меня нет даже этого маленького кусочка комфорта. Сегодня детали кажутся незнакомыми. Я даже не могу понять, могут ли они соединиться вместе. Я не знаю, что сделать, или как это сделать.

Я поднимаю кусочек и удерживаю часть старого циферблата. Что же мне делать с тобой?

Неосознанно я чувствую, как во мне пробуждается сила. Она проходит по венам в моих руках, вниз, к запястьям, и выходит из ладоней, ее тепло окутывает металл. Циферблат возвышается и скручивается, принимая форму лепестков. Остальные кривые металлические детали рядом формируют цветочный стебель, сделанный из пылающего, расплавленного золота.

Так красиво. Я трепещу. Я сделала это. Я сделала.

Быстрый стук в дверь разрушает мою концентрацию, и я с грохотом роняю металлический цветок на ковер.

Дверь в мою спальню позади меня открылась и с тихим щелчком закрылась.

— Деррик, — вздохнула я, поворачиваясь на кресле, — я же сказала тебе...

Дыхание остановилось. Киаран. Он все еще промокший от волн и дождя. С одежды капает на ковер. Теперь, когда у меня есть Зрение, я понимаю, насколько он сияет, вижу золотистый блеск на его сияющей коже. И его глаза такие светящиеся, яркие. Я ошибалась, сравнивая цвет с сиренью. Цветок бледнеет в сравнении с ним.

Его рука перевязана полосками ткани, кровь просачивается через материал от порезов, как у Эйтиннэ, которые все еще не зажили.

Я уставилась на темно-красные пятна, распускающиеся на белой ткани и вспомнила, как он проводил по лицу мертвой Охотницы, оставляя красную полосу на ее загорелой коже. Я вздрагиваю и разворачиваюсь обратно к металлическим кусочкам, даже не видя их.

Что мне сказать? Я даже не знаю, с чего начать.

— Как твоя рука?

О, ради Бога.

Киаран не ответил. Его ботинки протопали по ковру, и внезапно он оказался рядом со мной, так близко, что мы почти соприкасались.

— Что произошло на той стороне? — спросил он.

Когда я не ответила, он положил руку на мою щеку и повернул меня лицом к себе. Его глаза так отличаются от тех, что были в прошлом. Нет пустоты.

— Кэм?

И что мне сказать ему? Правду, которую мне показала Кайлих? Киаран так сильно старался спрятаться от той части себя. Он сменил имя. Он пожертвовал троном. Он отказался от всего, и я не должна была знать об этом, пока он не будет готов сам все рассказать.

То, как он смотрел на другую Охотницу, как прикасался к ней ... я в любом случае не

должна была видеть это. Я вторглась в его самые интимные личные воспоминания. Прямо, как Лоннрах врывался в мои.

Я отвернулась от него и снова посмотрела, как снег падает большими пушистыми снежинками, которые покрыли землю и сделали деревья белыми.

— Прости, — сказала я.

— Кэм, — его голос тяжелый, — скажи мне.

Просто не смотри на него.

— Я видела Кайлих.

Если бы я не прислушивалась, я могла бы пропустить его резкий вдох. Воздух между нами стал ледяным. Он отошел назад.

— Тогда она что-то предложила тебе. Догадываюсь, что это была не жизнь.

Теперь снег падал сильнее и сильнее. Даже передних ступенек у дома не видно.

— Она предложила мне правду.

Молчание между нами растянулось надолго; казалось оно длится часами. Если бы я взглянула на него снова, знаю, я бы увидела холодное и просчитывающее варианты выражение лица, как будто он решает, что сказать следующим. Киаран очень осторожен в этом.

— Понятно, — наконец сказал он.

И все. Он не объяснялся; ему и не нужно. Он знал, что я видела и что узнала.

— Почему ты убил ее? — я удерживаю взгляд на снежной буре, которая усилилась, хотя даже сквозь нее я все еще могу слегка различать руины города. — Это единственное, чего я не понимаю.

Мне не нужно пояснять, о ком я говорю. Он знает. Я могу судить об этом, как он напрягся позади меня, как он стал таким тихим.

— Ничто никогда не удивляло меня так, как она, — сказал он. Он встал за моим креслом и смотрел, как падает снег. — Я никогда не думал, что способен хоть что-нибудь чувствовать, пока не встретил ее. Я никогда не думал, что мог бы ... хотеть кого-то. Не так, как я желал ее.

Но ты убил ее, я практически указала на это. Я ничего не сказала; я удерживаю взгляд на сугробах снаружи, освещенных золотом уличных ламп.

— Даже Сорчу? — спрашиваю я неуверенно, а затем желаю, чтобы я этого не делала. Это только предположение, глупое предположение.

Киаран тут же посмотрел на меня, но я не встретила его взгляда.

— Она и это тебе показала?

Хотела бы я быть не права. Я не хотела быть правой. Слезы выступили из глаз.

— Ей не нужно было, — сказала я. — Я видела, как Сорча смотрит на тебя, — точно так же, как делаю это я.

Рука Киарана сжалась в кулак.

— Сорча была моей супругой, — ровно проговорил он.

Мои пальцы дотянулись до шрама, который удерживал воспоминание о том, когда я впервые встретила Сорчу, когда я впервые поняла, что они с Киараном знали друг друга. “Ты все еще связан своей клятвой со мной. Feadhgachre. Всегда и навечно, помнишь?”

— Тогда твоя клятва...

— Это древний обычай давать клятву своему супругу. Поэтому я произнес ее, и это связало нас вместе.

“Он заставит тебя думать, что заботится о тебе. Кадамаху на всех наплевать, и уж точно на тебя”.

Мне бы хотелось, чтобы Киаран рассказал мне все это, прежде чем мы начали бегать по улицам ночью и убивать монстров. Ничего из этого не было важно тогда, потому что Киаран был моим средством достижения цели. С ним я планировала достигнуть своей мести. Обучиться всему, что он знает, и вырвать ее сердце так же, как она сделала с моей мамой. Зуб за зуб.

Но теперь ... теперь мне бы хотелось, чтобы у него не было прошлого, чтобы он начал с чистого листа, когда спас мою жизнь и прошептал четыре слова: мы убьем их всех. Тогда не ранило бы так сильно то, что фейри, убившая мою маму, была так же его супругой.

— Тогда как ты встретил Охотницу? — спросила я, больше не желая говорить о Сорче.

Легкая улыбка заиграла на его лице.

— Она пыталась убить меня.

Большинство людей было бы встревожено попыткой убийства, но Киаран, кажется, рассматривает это как флирт или лесть — возможно оба варианта.

— И это, должно быть, согрело твое темное Неблагое сердце.

— Конечно же нет, — произнес Киаран. — Но после нескольких попыток я начал восхищаться ее упорством, — его лицо смягчилось. — Это была первая эмоция, которую я познал за тысячи лет, и я захотел узнать ее.

Что-то пробудилось во мне, что-то, чего я не чувствовала долгое время. Я с трудом узнала это вначале, это так странно для меня: я ревную. Я знала о другой Охотнице, и что Киаран любил ее, но слушать об этом — все равно, что нож повернули в моем животе.

Я ничего не говорю, если бы сказала, то не уверена, что смогла бы удержать ревность вдали от голоса.

— Мы месяцами тайно встречались. Пока один мой подданный не привел мне Видящего, — сказал он. — Это было одной из моих забав: вырывать их глаза, прежде чем убить их, просто, чтобы видеть их последнее видение.

Я пыталась не представлять этого, но у меня не получилось.

— Видение было о том, как я убил ее. — Киаран говорил настолько машинально, как будто практиковался в этом. Он не наблюдал за снегопадом; он заново проживал свое воспоминание, момент своего прошлого, который все изменил.

— Я думал, что могу предотвратить это, если прекращу видеться с ней, — его челюсть сжалась и он посмотрел вниз. — Если перестану охотиться на людей.

Он замолчал, и я не знала, продолжит ли он. Внезапно стало так очевидно, почему он отказывался рассказывать мне о видении Гэвина перед сражением. Ты отчаянно будешь стараться предотвратить это, но каждое принятое решение, которое ты сделаешь, только приблизит тебя к нему.

Киаран сделал вдох.

— Без Дикой Охоты я начал умирать. Мое Королевство начало рушиться. Когда я был наиболее слаб, Сорча привела мне человека. Она пыталась спасти мою жизнь — наши жизни, — он зажмурился. — Я не мог остановиться. И из всех людей, которых Сорча могла выбрать, она убедилась, чтобы это была...

— Твоя Охотница, — закончила я за него. Я разрывалась на столь многие эмоции. Печаль. Ревность. Гнев на Сорчу.

И ... и ... желание. Какими же упрямыми могут быть эмоции, какими сложными и

трудными. Несмотря на все те вещи, что сделал Киаран — вещи, которые я видела — я все равно переживаю за него. Я хочу его. Я хочу его так же, как и он хотел, будучи в тех ледяных волнах, шепча заверения в мое ухо. Я хочу его таким, каким он был в руинах Глазго, проводил по моим шрамам, как будто запоминал их. Я хочу его просто такого, открывшегося и уязвимого. Я хочу.

И я начинаю задаваться вопросом, был ли он когда-нибудь действительно моим, чтобы хотеть.

— Катриона, — выдохнул Киаран так, что сердце у меня заболело. — Так ее звали.

Его имя скатывается с его языка плавно, как вода. Он произносит его почтительно. Проговорил его так, будто повторял каждый день своей жизни. Катриона, Катриона, Катриона.

— Красивое имя, — говорю я ему. Я стараюсь держать тон ровным.

Он не слушает меня. Он все еще прибывает в своих воспоминаниях.

— Я поклялся, что больше никогда не заберу человеческую жизнь. Поэтому я попросил свою сестру.... - он взглянул на меня. — Но ты уже знаешь остальное.

— Айе, — тихо ответила я.

Королевства так или иначе пали, а он с Эйтиннэ были прокляты. Боже, бремя, что они несли... Знание, что выбор, который они сделали для себя — идти против решения Кайлих — стал тем, что уничтожит все. А еще был тем, что сделало из него Киарана.

Он так близко, я снова могу чувствовать его тепло. Я пытаюсь выкинуть из головы все, что Кайлих мне показала, все, что только что услышала. Я хочу забыть все, что он чувствовал к Катрионе, и чем он пожертвовал, когда она оставила в нем тот маленький кусочек человечности. Я хочу, чтобы он помог мне забыть об этом.

Затем он прикоснулся к моему плечу, а я отпрянула назад, потому что не могу притворяться.

— Нет, — сказала я тихо, — я не она. — Я отодвинула стул, создала дистанцию между нами и перешла ближе к двери, но этого недостаточно. — Я не хочу быть заменой ей.

Он тут же оказался рядом. Схватил за предплечья и насильно развернул к себе. Его глаза сверкали. В них появился странный жар, который я не ощущала прежде с человеческим зрением. Это гипнотизирует.

— Так вот о чем ты думаешь? Что ты ее замена?

Я попыталась отодвинуться, но он прижал меня ближе.

— Что еще я должна думать? Мы обе Соколиные Охотницы.

— Для меня это не имеет никакого значения, — сказал Киаран. Он прижался своей теплой рукой к моей щеке. — Кем ты являешься никогда не было важно. Я хочу тебя, потому что я никогда не чувствовал себя более живым, чем, когда я нахожусь с тобой. Я хочу тебя, Кэм.

Затем его губы обрушились на мои, и он поцеловал меня. Боже помоги мне, но я ответила на поцелуй. Я прижалась своим телом к нему и...

Нет. Я должна знать.

— Ты любишь меня? — прошептала я у его губ. — Так же как любил ее?

Киаран отпрянул назад — и его резкий вдох сказали мне все, что я должна была знать.

— Кэм.

Я отшатнулась, пытаясь не обращать внимание на удивление и боль на его лице. Он потянулся ко мне, но я увернулась от него.

— Я не могу, — прошептала я. — Я не могу сделать это. Мне нужно идти.
Я вылетела за дверь.

Я прошла через туннель на темный пляж. Мне нужно обо всем подумать. Я удивилась, увидев Эйтиннэ. При накатывании пенистые океанские волны едва касались ее ног. Она закатала свои брюки, голени голые. Ее пальто колыхнется за ней, а длинные волосы свободно спадают в беспорядке.

Луна проливает свой свет дорожкой через прибой, которая приводит прямо к ней, и кожа Эйтиннэ, кажется, светится в ответ.

Я плотнее завернулась в пальто и присела на пляже, недалеко от того места, где Эйтиннэ стояла в воде — безопасное расстояние до прилива. Я не рискую подойти хоть немного ближе. На сегодня я уже достаточно промокла.

— Вижу, ты была абсолютна серьезна, когда говорила, что любишь воду, — говорю я.

Эйтиннэ долгое время ничего не отвечала, просто откинула голову назад, подставляя лицо лунному свету. Наконец, она вышла на пляж, изящно двигаясь по гальке, и села рядом со мной.

Не могу ничего поделать, но замечаю бесчисленное количество швов на ее руках. Хотя сшито отлично — совершенно точно Деррик не сделает что-либо неидеально ни при каких обстоятельствах — темные стежки контрастируют с ее бледной кожей. Так много порезов. Десятки.

— Кажется, есть что-то особенное в море, да? — спросила она, ее голос удивил меня. — Мой вид всегда верил, что оно может показывать скрытые вещи, — она взглянула на меня. — Даже самые глубочайшие страхи.

— Правда? — сказала я без эмоций. Я бы предпочла забыть какого это — тонуть, забыть то, что я видела на другой стороне.

Меня преследовали голоса, выгибающие мое имя, ощущения их рук, хватающих меня за одежду, чтобы удержать там.

— Если мы чувствовали себя достаточно смелыми, — продолжила она, — мы погружались в воду и шептали *innisdhomh*. Скажи мне. Волны показывали нам наше прошлое, наше будущее — тайны, что затрагивали наши жизни. Иногда они рассказывали нам вещи, которые мы бы хотели не знать.

— Эйтиннэ, — говорю я. — Ты ходишь вокруг да около. Просто спроси.

— Это не вопрос — наблюдение. У тебя такой вид, будто ты не можешь принять какое-то решение, с тех пор, как мы встретились за завесой. Поначалу я думала, что это связано с мамой, пытающейся убить тебя, но ...

Я уставилась на океан и попыталась не думать о Киаране.

“Ты любишь меня? Так же как любил ее?”

Киаран оставил след на мне. Он не физический, не как от Лоннраха. Это похоже на то, будто, когда моя память была пуста, мой разум заполнил ее кусочками Киарана, чувствами, которые удерживали меня нормальной в зеркальной комнате. Он сделал это, не понимая, и я позволила ему, тоже не понимая. Боже, как я желаю, чтобы этого не было.

— Охотница?

— Почему ты не хочешь трон? — вдруг спросила я.

Она пожала плечами.

— Это постоянные сражения, поединки, дела двора. Люди намного интереснее. У вас

есть красноречивые выражения и пироги...

— Эйтиннэ. Теперь ты ходишь вокруг ответа.

Она замолчала, пока наблюдала, как прибывают и убывают волны, будто бы океан дышит.

— Я всегда знала, что его займет Кадамах или я, — сказала она. — Я не смогла сделать ему больно. Однажды думала, что смогу, но... — Эйтиннэ пожала плечами. — Поэтому я смирилась с тем, что умру.

Я посмотрела на нее, и не увидела той Эйтиннэ, что была у костра, фейри, которая сказала первым Охотницам стремиться к отмщению и заставить заплатить ее брата. Эйтиннэ не ожесточилась в результате войны; война очеловечила ее. После всего того, что сделал Киаран, она все еще любила его. И никогда не перестанет.

Я ничего не сказала. Боялась, что скажу что-то не так, или она просто прекратит говорить. Есть еще столько всего, что я хотела бы знать об их прошлом.

Эйтиннэ снова приподняла голову к луне.

— Ты уже знаешь, Кадамах и я были созданы вместе. Наши разумы когда-то были неразличимы, — выражение лица стало суровым. — Затем нас разделили, растили в разных королевствах, и обучали как уничтожить друг друга. Когда он убил моих подданных на том поле, я знала, следом он придет за мной.

— Поэтому ты создала Соколиных Охотниц, — сказала я.

— Соколиных Охотниц, *themortair*, — ответила она мягко. — Я построила армию, чтобы отправить их против него. Только у Кадамаха и у меня есть силы убить друг друга, — голос стал жестким, — но я хотела разрушить его королевство за горе, которое он вызвал во мне.

— Кайлих показала мне то, что он сделал. — я наблюдала, как накатывают волны и старалась не вспоминать этого. Я не смогла. — Где он начал сражение. Хотела бы я забыть.

— Я знаю, что ты видела, — ответила она тихо. — Именно это подвигло меня создать твой вид.

— Но ты так и не убила его. Почему? — я бы охотилась за ним за то, что он сделал. Я бы насладились поиском и убила его.

— Я не смогла сделать этого, — прошептала она. — Я недостаточно сильно его ненавидела. Думала, что достаточно, но когда он попросил меня о помощи... — она посмотрела на меня. — Мы просто провели так много времени воюя, что не могли вспомнить ничего другого.

Я прижалась к ней плечом. Она благодарно улыбнулась.

— Я снова могу чувствовать его здесь, — она дотронулась пальцем до виска, — а мы так долго не были связаны подобным образом. После всего, через что мы прошли, я не предаю его. Не тогда, когда я только вернула его. Я бы хотела, чтобы у нас были еще тысячи лет, чтобы наверстать все то время, что мы потеряли.

— Мы найдем способ спасти миры без того, чтобы кто-то из вас умер, — говорю ей. Это единственное, что могу сказать. Я не могу сказать ей “выбирай”, я не могу позволить ей выбрать. — Клянусь.

Она что, собирается заплакать? Раньше никогда не думала, что смогу заставить фейри плакать — кроме Деррика, и то, это было лишь когда я читала ему Рождественскую песнь о том, как Скрудж перестал быть ублюдком; Деррик сказал, что ему что-то в глаз попало.

— Правда?

— Мы же друзья, — сказала я решительно. — Ты встала против своей маниакальной

мамы...

— Смертоносной, — прервала Эйтиннэ. — Почему бы не сказать прямо?

— ... чтобы помочь мне. Я возвращаю долг. Просто позволь мне помочь вам. Какими бы не были трудности.

Эйтиннэ улыбнулась.

— Я хочу, чтоб ты знала, я никогда не жалела, что создала Соколиных Охотниц. Какую бы силу я не потеряла ... это сделало меня немного человечней.

— Как плохо, что мы все умираем молодыми, — сказала я легко. — Ты вернешь их себе, когда меня не станет.

Эйтиннэ не отвела взгляда. Ее радужки стали будто расплавленная сталь.

— Айе. Это единственное, о чем я жалею, — она вздохнула. — Мне все еще нужен отдых после сегодняшних событий. Я не чувствую своего обычного состояния. С тобой все будет в порядке?

Я кивнула.

— Мне еще нужно несколько минут.

Эйтиннэ оставила меня, ее шаги были тихие из-за песка, когда она возвращалась в пещеру.

Я осталась на пляже и наблюдала за тем, как дышат волны, как камни прижимаются и кружатся друг против друга со стоном, как лодка, качающаяся на волнах. В конечном счете моя сила ослабевает и исчезает самостоятельно, оставляя мою кожу снова холодной. Поднимается морозный ветер, и я спешу уйти в тепло города.

Я направилась к пещере и заметила силуэт на входе в пещеру. Киаран.

— Дай-ка угадаю, — сказала я, подходя ближе, — твоя сестра сказала, где найти меня.

Его улыбки не видно в темноте, но я могла услышать ее, когда он заговорил.

— Напротив. Она сказала, что я выгляжу так, будто мне нужен свежий воздух. Это было не так, пока я не увидел тебя, и понял, что она решила заняться своим вторым любимым хобби.

— Хитрить?

— Я собирался сказать “совать нос”, но ты не так уж и неправа.

Киаран шагнул вперед, а я отступила назад, прежде чем успела понять это. В то же время, улыбка, которой мне даже не нужно было видеть, исчезла — я могу почувствовать это по тому, как напряглось его тело. Как бы я хотела видеть его выражение. Слишком темно, даже для моего нового зрения.

— Кэм...

— Не надо, — я подняла руку вверх и прошла мимо него в пещеру. Мерцающие фонари освещают проход в город... — Здесь правда нечего объяснять.

Прежде я успеваю моргнуть, Киаран встает прямо передо мной, блокируя мне дальнейший путь. Боже, его глаза всегда так сияли? Так красиво?

— Ты не дала мне и шанса ответить тебе, — сказал он. — Если бы дала, я бы ответил, что тут не с чем сравнивать.

Нерешительно он потянулся ко мне. Его пальцы проследовали по моей шее, проложив путь к плечу. Я закрыла глаза от ощущений, то как он прикасается ко мне, будто ему все мало.

— Это все? — я стараюсь удержать голос устойчивым.

Киаран двинулся ближе, нежно скользя рукой обратно вверх к моей шее.

— Я никогда не сражался на ее стороне. Никогда не стоял против армии с ней и не поражался, насколько изящна она в сражении. Я никогда не лечил ее ран, не смотрел с ней на звезды и не сходил с ума, пытаясь ее найти, — его лоб прижался к моему, и я уже не могу думать, не могу пошевелиться, не могу дышать. — Я хочу тебя, Кэм. И я должен был сказать тебе это уже так много раз. Я должен был сказать тебе это в Sìth-bhrùth.

Я не смогла сдержать улыбки.

— Я думала тебя создал Лоннрах, помнишь? Я и слову из этого не поверила бы.

Киаран улыбнулся в ответ.

— Я бы нашел способ убедить тебя. Для начала использовал бы свой язык: Thagaolagamortle m' uilechridhe, Кэм. — он выдохнул слова у моей кожи. — Затем я бы перевел это и сказал, что лю...

Я прижалась к его губам.

— Ни каких высокопарных слов. Никаких заверений, — я поднимаюсь на цыпочки и шепчу в ухо. — Ты дал обещание, МакКей. Покажи мне, что я для тебя значу.

— В твою комнату. Сейчас же, — он будто затаил дыхание.

Затем взял меня за руку, и провел по туннелю обратно в город, мимо мигающих уличных ламп и темных пространств. Уже настала поздняя ночь и улицы были почти пустые, прямо как в Эдинбурге. Мое сердце заколотилось, когда мы дошли с ним до моего балкона, а затем и комнаты. Дверь закрылась с хлопком. Никаких признаков Деррика, слава Богу.

Киаран схватил мою рубашку и поцеловал меня, сильно прижавшись своими губами к моим. Как будто забывшись, он бормотал на своем языке, снова и снова. Слова каскадом слетали с его языка непрерывным акцентом, который заставляет меня жаждать большего, который заставляет меня безумно хотеть.

— Расскажи мне, о чем ты говоришь. Переведи, — я прижалась губами к внутренней стороне его подбородка, выше его плеча. Я буду целовать его везде.

— Ты хочешь знать, что значишь для меня, Кэм? — его губы проследовали вниз по изгибам моей шеи. — Каждый день я задаюсь вопросом, когда твоя человеческая жизнь закончится, и это до ужаса пугает меня, — его слова жгут мою кожу. — Из-за тебя я не хочу, чтобы у меня была вечность.

Соколиные Охотницы всегда умирают молодыми. Всегда. Как бы я хотела, чтобы эти слова не были правдой. Я бы хотела, чтобы он был человеком или чтобы я была фэйри, и у нас было бы тысячи лет жизни для этого.

Его руки по обе стороны от моего лица, самое нежное из прикосновений.

— Aoramdhuit.

Я буду поклоняться тебе. (В оригинальном переводе первой части “я буду служить тебе”, имеется в виду так же боготворить — прим. переводчика)

— Ты говорил, это обет. Мне тоже сделать так?

— Нет, Кэм, — его глаза поймали мои, прямо перед тем, как он поцеловал место на моей шеи, где ощущается пульс. Затем губы переместились к моему уху, шепча, — позволь мне соблюсти мои слова.

Я больше не могу сдерживаться. Прежде чем я успеваю понять, я хватаю его за рубашку, моя спина прижимается к стене, и я целую его, и целую его, и целую. Он смеется, удивленный, когда я дотягиваюсь до пуговиц на рубашке — расстегивая одну, вторую, третью — пока он нетерпеливо не срывает их.

Затем его губы снова оказались на моих. На щеке, плече, ниже. Наша одежда разбросана

по сторонам, и я мельком увидела его мускулистое, мерцающее тело, прежде чем он прижал меня к стене. Киаран схватил меня за ягодицы, приподнимая, чтобы я обернула ноги вокруг его талии.

Он сдержал свое обещание. Я не могу насытиться его губами, поцелуями, руками, касаниями. Везде.

И я, наконец-то, познала, какого это, когда тебе поклоняются.

Иногда ночью я открывала глаза, чтобы найти Киарана спящего рядом со мной. Мы лежали лицом друг к другу, наши голые ноги переплелись вместе под тяжелым одеялом. Почти полная луна ярко светила через окно, она освещала его черты, блеск кожи был еще ярче при попадании света.

За все то время, что я знаю Киарана, я никогда не видела его спящим. Сон смягчает его черты. Он выглядит моложе, практически уязвимым. Он крепко удерживает меня в объятьях, его пальцы запутались в моих волосах, и что-то в этом жесте заставляет чувствовать меня в безопасности, уютно.

Затем мой взгляд зацепили отметки на его плечах и ниже по рукам. Я видела, когда целовала его ранее, что они так же проходят вниз по его торсу и по всей спине, красивые витиеватые узоры расположились по всей коже, как будто порезы, нанесенные острым лезвием. Я потянулась прикоснуться к ним кончиками пальцев.

Губы Киарана изогнулись в улыбке.

— Нравится то, что ты видишь?

Проклятье. Я покраснела, лицо запылало, и я убрала руку назад.

— Как ты делаешь это? Как ты постоянно умудряешься ловить меня на том, что я рассматриваю тебя?

— Ммм, — Киаран прижал меня ближе, нежно целуя лоб, щеку, изгиб шеи. Легчайшие касания, которые пробудили воспоминания о том, как его руки, губы были везде. — Я превосходно умею угадывать, — сказал он мне.

— Да? Тогда о чем я сейчас думаю?

— Что тебе нравится это, — рука Киарана скользнула вниз по моему бедру. — Что ты хочешь, чтобы мы остались такими, как сейчас.

Что-то в том, как он это произнес, заставило меня замереть.

— Думаешь, мы не останемся?

— Кэм...

— Подожди, — я прижала палец к его губам. — Я передумала. Не отвечай.

Киарана кажется это позабавило.

— Тогда что я должен сказать?

— Что-нибудь еще. Тогда мне не придется думать о тебе и обо мне, или о Лоннрахе, или где этот чертов кристалл находится. Какой твой любимый цвет? У тебя есть любимый цвет? Насколько точно ты можешь воспроизвести число Пи?

— Кэм.

— Нет. Не это. Давай начнем сначала, — я подперла руками подбородок. — Скажи мне... — губы Киарана обрушились на мои. — Скажи мне... — он снова поцеловал меня, сильнее. Что я собиралась сказать? Не могу вспомнить. — Ты специально это делаешь.

— Научился у тебя, — ответил Киаран. — Импровизирую.

Я должна была догадаться, что он использует тот поцелуй после атаки огоньков против меня.

— Очень умно.

— Ты говорила про начать сначала, — Киаран провел своими губами по линии челюсти. — Мы должны начать снова? Я — Киаран, — еще поцелуй. — Ты — Кэм, — еще

один. — Приятно познакомится.

Я засмеялась.

— Знакомство обычно не включает поцелуев, МакКей.

— Это включает.

— Это делает все намного проще для меня, — сказала я. — Сначала я должна очаровать тебя. Затем я поймаю тебя в ловушку, когда ты меньше всего ожидаешь, — быстрым движением я перевернула нас, забираясь на него сверху. Наши тела идеально сошлись, прижимаясь ближе. Я обхватываю его запястья с триумфальной усмешкой. — Ха! Ну вот. Ты мой, Киаран МакКей.

От того, как он смотрит на меня, у меня перехватывает дыхание. Он смотрит вверх на меня, будто я могущественна. Будто я великолепна. Не думаю, что когда-либо чувствовала себя более красивой.

Затем он высвободился из моего захвата и прошептал мне в губы.

— Так и есть, — проговорил он. — Я твой.

Я проснулась и нашла Киарана, стоящего у окна спиной ко мне. Луна снаружи окутала его в ореол света. Я изучаю часть его спины вдоль позвоночника. Узоры, запечатленные там, должно быть, выжжены металлом фейри.

Я поднялась с постели и встала позади него. Он ничего не сказал, когда я скользнула кончиками пальцев вверх по коже плеча, чтобы исследовать узоры. Некоторые завитки крошечные, некоторые огромные. Это самые красивые искусные работы, которые я когда-либо видела.

— Что они значат? — спрашиваю его. Я следую по линиям снова и снова, чувствуя, как кожа приподнимается на крошечных, запутанных рисунках.

— Когда sìthiche дает клятву, его кожа отмечается ею. Это напоминание, которое мы носим постоянно, покаяние, — говорит он. — Эта — мое обещание Катрионе.

Боль появилась в моей груди, тупая пульсация.

— Твое покаяние?

Киаран закрыл глаза и потянулся за моей рукой, как будто он нуждается в уюте от прикосновений. Как будто я могу исчезнуть.

— Каждый знак свидетельствует о человеке, которого я убил.

Я задержала дыхание, мои глаза прошли по всей длине узора. О Боже. Если бы я попыталась сосчитать их, я бы сбилась со счета. Так много завитушек, слишком много. Ничего не могу поделать, встаю на носочки и скольжу рукой по узору, от запястья к внутренней стороне предплечья.

Киаран позволил мне продолжить мое исследование дальше по участку спины, по плечам, к другой руке. Тысячи витков. Тысячи.

Я уже не могу дышать, когда достигаю другого запястья в том месте, где узор наконец-то заканчивается. Я вспоминаю его бесконечную темноту и безнадежный взгляд, когда видела его в прошлом.

“Кадамах не сделан для любви. Его дар — смерть”.

Киаран носит свои отметки прямо как я. Они — воспоминания, и стыд, и боль — все в одном. Если хоть кто-нибудь когда-нибудь спросил бы меня, что случится, когда хаос и смерть встретятся, я бы сказала им, что вместе мы несем шрамы от наших даров. Они — напоминание о том, что случилось, когда мы пытались выбрать нашу собственную судьбу.

— Кэм, — прошептал он.

И это все. Только мое имя, как будто он говорит: “Ты понимаешь?”

— Ты выбрал человеческое имя, — говорю я мягко. Я даже не понимала этого, пока не сказала. — Киаран МакКей — человеческое имя.

— Айе, — ответил он.

— Почему? — я проследила по отметкам вверх по его позвоночнику и почувствовала его мурашки от моих прикосновений.

— Я хотел что-нибудь свое, — сказал он. — Поэтому я выбрал себе имя.

Вся жизнь Киарана была спланирована за него с того момента, как он родился и до смерти — шаблон, прямо, как Кайлих описала. Это удивительно, как нечто такое маленькое и простое может стать таким важным. Что-то, что говорит: “Это — мое”. Я выбрал его. Я принадлежу ему.

Имя. Просто имя. Если бы я начала все сначала, возможно я бы не выбрала Леди Айлиэну Кэмерон, дочь Маркиза Дугласа. Или даже Соколиную Охотницу, девушку, чей дар — хаос. Возможно, я была бы просто Кэм — девочка, которая выжила.

Я нашла ответвление в узоре, которое было меньше и более витиеватей других, и прикоснулась кончиком пальца к каждому завитку. Один за другим.

— Что заставило тебя охотиться на собственный вид? — спрашиваю я. — Я всегда задавалась этим вопросом.

Киаран почти повернулся, но я остановила его. Я пробежалась руками по его плечам, по тем жизням, что он забрал. Я запоминала его отметки, прямо как он мои. Моя очередь.

— Я видел часть себя, которую пытался уничтожить, в них, — слова слетели с его языка, с эмоциями в голосе его акцент стал более заметен. — Поэтому я убивал их всех.

Я замерла. Разве я не делала то же самое? Фейри, которых я убила, занимали место Сорчи. Когда бы я не смотрела на них, я видела ее. Каждый раз, когда я убивала одного из них, в мыслях я убивала Сорчу и мстила за мамину смерть.

Лбом я прислонилась к его спине. Я почувствовала выпученную кожу под собой и мне стало любопытно, кто все эти люди.

“Его дар — смерть”.

“Куда бы она не пошла, смерть следует за ней”.

— Ты когда-нибудь чувствовал себя проклятым? — шепчу я напротив его шрамов. Я, да.

— Каждый день, — говорит он.

Киаран поворачивается лицом ко мне, и я не могу ничего поделать — прижимаюсь с поцелуем к его ключице, пальцы проводят по тому месту, где заканчиваются отметки.

— Дай мне взглянуть на твою клятву Сорче, — говорю я. Потому что это все, что я могу сказать. Покажи мне. Мы можем сравнить наши проклятья. Ты уже знаешь все о моем.

Он берет мою руку и прижимает к своей груди. Этот узор через его грудную клетку отличается от других. Это грубые и рваные линии, тернистые ответвления, которые расползаются сетью, начинаясь прямо над его сердцем.

Этот узор не красив. Это клятва — обязательство, традиция, не результат любви. Я ненавижу способ, которым Сорча отметила его тело. Я ненавижу, что на нем обещание ей просто потому, что этого ожидали.

— Теперь я понимаю, — прошептала я.

— Что?

Я встретила его глаза.

— То, что ты сказал мне тогда в Глазго, когда я обвинила тебя, будто ты хочешь, чтобы

я прятала шрамы. Я смотрю на него и ненавижу ее еще больше.

Он переплел свои пальцы с моими.

— Это так же напоминание мне.

— О твоей клятве ей?

— Нет, Кэм, — говорит он. Он смотрит на мои шрамы, просто на мое плечо. Один, два, три укуса. Пятнадцать воспоминаний.

— Вся моя жизнь была распланирована еще до моего рождения. Эта отметка говорит мне о том пути, которым я мог бы пойти. Это напоминает мне, что я лучше умру на своих собственных условиях, чем буду жить на чьих-то других.

Сегодня Хогманай (Канун Нового Года), последний праздник перед Новым Годом. Скоро наступит 1848, но, несмотря на все то время в плену, я все еще чувствую, будто должны идти последние недели 1844. Все то время, что я пропустила... мне трудно поверить, что оно ушло.

Я прогнала все эти мысли из своей головы, встала напротив зеркала в спальне в наряде, который для меня создал Деррик. Он насыщенного темно-красного цвета, что более подходит для моей кожи. Рукава закрывают шрамы, а высокий воротник подчеркивает наклон плеч. Талия обхвачена в экстремальном изгибе, прежде чем взорваться пышными юбками, драпированными белым кружевом.

Под слоем юбок я одела привычные ботинки и брюки. Несмотря на это, я нахожу себя столь же обмотанной, как одна из тех чертовых рождественских елок посреди площади Шарлотты. Теперь я точно знаю, почему терпеть не могу эти проклятые вещи.

— Я не могу дышать, — говорю я Деррику.

— Я сделал тебе платье, которое в случае необходимости, можно по щелчку превратить в пальто, а ты жалуешься на способность дышать? Как неблагодарно! — он перелетел на мое плечо и сморщил нос. — Ух! Ууууух! И ты пахнешь как *daoinēsīth*. Он оставил свой запах на тебе, как будто дерево пометил.

— Деррик!

Он улетел с моего плеча, будто за ним гнались все гончие ада, вместо этого усевшись на моем грязном пальто. Представляю, как оно пахнет грязью, потом и мной.

— Теперь я не могу даже посидеть у тебя на плече, — прохныкал он. — Он все разрушил. Не могу поверить, что ты с ним после всего того, что рассказала Кайлих.

Я взглянула на него и снова проверила платье. Он даже вшил в него скрытые карманы для оружия. Я вложила меч Эйтиннэ в специальный карман, где он ощутимо повис у моего бедра — но просто взглянув на меня, вы не узнаете, что он там. Боже правый, Деррик потрясающий, моя жалоба на невозможность дышать осталась в стороне.

— Ты говорил, что не хочешь, чтобы я ненавидела его, — напомнила я.

Деррик надулся, его крылья запорхали сильнее.

— Это было до того, как он испортил твоё такое идеальное плечо, на котором я обычно сижу, своим ужасным запахом.

— Ну хорошо, — я смахнула его с пальто и на мгновение укутала этой тканью свои плечи. Я пыталась не съежиться от того, как это пахнет. И обо что я только терлась на том пляже? — Вот. Теперь я воняю морскими созданиями. Доволен?

Деррик подлетел ко мне и понюхал. Он все еще не выглядит особо довольным, но все-таки приземлился среди моих волос.

— Пойдет. Полагаю.

Я вздохнула.

— Ты собираешься вплести больше сил в защиту? Мы, вероятнее, отправимся в путь завтра.

— Айе. Мне, возможно, придется сделать это еще несколько раз к уходу, чтобы удостовериться, что она будет держаться, — он полетел к двери, затем остановился, усмехаясь. — Хочешь пойти со мной? — посмотрев, на выражение моего лица, он

продолжил: — Ты умерла, тебя вернули, и тебе ни капельки не любопытно увидеть, какие еще дары ты получила вместе со Зрением?

— Конечно, хочу.

После металлического цветка, который я создала, я хочу испытать пределы своей силы. Я хочу увидеть, что смогу сделать Лоннраку, когда снова его увижу.

Я окинула взглядом свое отражение в зеркале, ожидая увидеть хотя бы крошечные изменения. Возможно, более фееподобную себя. В конце концов, во мне кровь Благой Королевы. Увы, я все та же веснушчатая рыжая девчонка, которой я была вчера, и даже ни капельки, хотя бы чуть не более блистательная.

— Я не чувствую изменений, — говорю я.

— Конечно же, нет, — ответил Деррик. — Ты уже была рождена с силой, глупышка. Ее просто нужно было пробудить, — он полетел к двери. — Ну?

— Я обещала Гэвину, что спущусь еще полчаса назад, — я наклонилась к нему и прошептала: — Прилетай за мной через пятнадцать минут, просто в случае, если меня придется спасти.

— От кого? — Деррик встрепнулся крыльями. — Только не говори, что ты уже готова сражаться с Киараном после того, как ты и он...

— Ради Бога, — я уставилась на него, — не от Киарана. Дэниэля. Или, возможно Кэтрин. Я ей еще не сказала, что мы уходим.

Деррик зашелся смехом.

— Не сказала...? Ох, не могу дождаться, чтобы увидеть это.

Я посмотрела на него.

— Пятнадцать минут.

— Тридцать. Я планирую съесть все пироги со столов.

— Ты можешь съесть все за десять. Дам тебе двадцать пять только в случае, если тебе придется выйти наружу, чтобы прочистить желудок.

Он выглядел удовлетворенным.

— Договорились.

Я кивнула раз и вышла из комнаты. Меня тут же охватил аромат сосны, мясных пирогов, огня и специй от подогретого с пряностями вина. Я сразу вспомнила о доме, торжествах в Залах для приемов, танцевальных залах, освещенных светом от камина. В то время я считала их такими приземленными, такими унылыми и утомительными. Теперь я никогда не перестану наслаждаться ароматом, теплом, огнями танцевального зала.

Фонари парят вокруг зданий, освещая некоторые самые темные переулки между высокими многоэтажными домами.

А если вдруг какое-то, относительно затемненное, место фонари пропускали, огоньки, натянутые от окна до окна, более чем исправляли это. Город — сверкающее место, оживленное, красивое и яркое. Оркестр расположился в центре площади, скрипачи играют мелодию, которую я помню со своего пребывания в стране. Люди танцуют в центре вокруг костра, веселый танец с хлопками, смехом и кружением юбок. Они все выглядят такими счастливыми, такими радостными, как будто ничего ужасающего не происходит за этими стенами или в их прошлом. Я восхищаюсь ими за это.

Деррик пролетел мимо меня, ликуя.

— Прошу прощения, уверен, я видел несколько мясных пирогов, которые срочно должны оказаться в моем рту, — подмигнув, он устремляется вниз и энергично

набрасывается на стол с пирогами.

Улыбнувшись, я покачала головой и облокотилась о перила. Я напеваю мелодию, играющую внизу, покачиваясь в такт музыке. Если я закрою глаза, то смогу притвориться, будто вернулась в Зал для приемов в Эдинбурге. Слушаю похлопывания танцующих, смех и разговоры. Скрипачи играют энергичную мелодию.

Вот поэтому мне не хочется уходить. Время, проведенное здесь, может и не было идеальным, нослышать, как люди танцуют, смеются, играют на инструментах — мне не хватало этого. Когда я была в плену, думала, что больше никогда не увижу другого человека. Я не слышала музыку. Не было радости или голосов, кроме тех, что были в моих воспоминаниях.

Если я уйду завтра, не знаю, когда снова все это получу.

— Ты собираешься спуститься вниз или будешь просто смотреть? — сказал голос.

Я обернулась и обнаружила на балконе позади меня Гэвина, держащего две дымящиеся кружки. Он одет прямо так, как я его помню — совершенным джентльменом. Черное трико и шелковый жилет, темно-синий шейный платок, завязанный отличным узлом, безукоризненно сидевшее на нем пальто. Я узнаю эту одежду. Он одевал ее в ночь сражения, когда должен был сопровождать меня в Зал для приемов для объявления о нашей помолвки. Даже волосы удалось приручить, они приглажены, как положено. Все это, в отличии от его шрамов (несовершенство, которое, с другой стороны, было безупречным) было внешним видом джентльмена.

Шрамы Гэвина служат мне напоминанием, что он не тот мужчина, которым когда-то был. Ни один из нас уже не тот.

— Буду ли я там желанна, если спущусь?

Гэвин вручил мне одну из кружек. Аромат подогретого с пряностями вина заполняет все мои чувства: пьянящие специи, сладость. Боже, я обожаю этот аромат. На протяжении зимы мама часто звала меня в библиотеку на вино с пряностями. Мы пили его у камина и играли в шахматы или собирали паззлы, если снаружи шел дождь. Это были спокойные дни, безопасные. Моя мама обычно делала глоток вина и каждый раз заявляла, что оно идеально.

— Конечно же, будешь, — сказал Гэвин, его голос прервал мое воспоминание. — Только потому, что ты уходишь, не значит, что ты не желанна.

— Предсказания Дэниэла пугают его, — говорю я. — Я не виню его за то, что он не хочет, чтобы я оставалась здесь.

— Айе, — сказал он тихо. — Но это не значит, что я не хочу, чтобы ты осталась.

— Может после того, как я убью Лоннраха. Но до этого... я не хочу рисковать, — я положила руки на балкон, посмотрела вниз туда, где Кэтрин танцевала со своим мужем. — Я все еще не знаю, как сказать Кэтрин.

— Это просто. Просто произносишь слова.

Дэниэл покидает свое место в кадрили, чтобы покружить Кэтрин, движения полностью выбиваются из ритма. Она смеется.

— Просто? — я грустно засмеялась. — Что будет, когда она узнает, что во мне кровь фейри?

— Эйтиннэ все мне рассказала, пока Деррик зашивал ее. О Королевствах. О тебе. Знаешь, о чем я сразу подумал?

— О чем? — я боюсь того, что он скажет.

Гэвин пожал плечами, небольшая улыбка промелькнула на его лице.

— Что это полностью все меняет.

Я врезала ему по плечу.

— Ты подлец. Ты специально пугаешь меня.

Его улыбка исчезла.

— Айлиэн. Это всего лишь одна вещь из того, что делает тебя той, кто ты есть. Как цвет глаз или волос, или веснушки у тебя на носу, — его глаза встретились с моими. — Думаешь, от этого ты будешь меньшей подругой, чем была? Менее значима? — его голос стал еще тише. — Менее человечней?

Я отвела взгляд. Сразу же вспомнились слова Киарана прошлой ночью: “Каждый день я задаюсь вопросом, когда твоя человеческая жизнь закончится, и это чертовски пугает меня”. Может, в моих венах и течет кровь фейри, но однажды он потеряет меня.

— Нет, — шепчу я. — Я никогда не чувствовала себя более человеческой. — потому что Охотницы всегда умирают молодыми. Всегда. А я уже однажды обманула смерть. Так же, как и Гэвин. — Ты никогда не рассказывал мне, что ты видел на той стороне.

Гэвин напрягся. Я вижу отражение парящего фонаря в его глазах, такого яркого и красивого. Энергичная музыка начала замедляться и переходить на вальс, а песня заставила мое сердце болеть. CuachagnanCraobh, “TheCuckoointhegrove”.(название песни и исполнителя). Я не слышала ее многие годы, с тех пор, как была ребенком.

— Нет, — сказал он тихо, — не рассказывал.

— Все в порядке, — я наблюдала за людьми внизу, как они кружатся и кружатся в вальсе. Их смех не соответствует моему внезапному мрачному настроению, — ты не обязан.

Мне стало интересно, если бы у меня был выбор, я бы сохранила в секрете все, что мне рассказала Кайлих? Возможно, я бы похоронила все эти воспоминания о Киаране глубоко в самом дальнем уголке своего сердца, где заперта моя скорбь. Мне бы не хотелось помнить его убийств, его даров.

Я могла бы целовать Киарана, а он мог бы касаться меня и шептать мне слова, и я могла бы притвориться, что Кадамах был совершенно отдельной личностью; двойник, дьявол. Мне бы не хотелось знать, что эта часть его все еще здесь, и единственное отличие лишь в том, что Киаран лишился своей силы, выбрал человеческое имя, и что у него были тысячи лет, чтобы нести отметины каждой жизни, что он забрал.

Гэвин и я теперь молчали. Он наблюдал за танцующими внизу и отпивал свое пряное вино. Напряженность в его теле была совершенна очевидна по тому, как крепко он держал кружку.

— Ты когда-нибудь слышала историю о Томасе Рифмоплете? — спросил он внезапно.

Я покачала головой. Я помню это имя, но никогда не читала истории. Я перестала читать человеческие истории о фейри после смерти моей мамы. Именно эти истории научили меня тому, что железо защитит меня. Что все, что мне надо сделать — это пересечь воду, и я буду в безопасности. Что, если я буду держаться города, то фейри никогда не найдут меня. Правда в том, что это ложь, которую люди рассказывают, чтобы чувствовать себя в безопасности от фейри. И эта ложь чуть не убила меня.

— Сэр Томас уверял, что Королева фейри забрала его в Sìth-bhrùth на какое-то время. Когда он вернулся, у него был дар пророчества, — в голосе Гэвина звучит горечь, как будто он вспоминает историю, которую ненавидит с каждым разом все больше. — Он предсказал войну и смерть в стихах, — потом он посмотрел на меня загнанным взглядом. — Я читал ее, когда обрел Зрение. Я задаюсь вопросом, может, Томас все понял превратно? Может, он

думал, что находится в реальности фейри, но вместо этого на самом деле умер?

Гэвин остановился и, когда казалось, что он уже не продолжит, я подалась вперед.

— И что же?

Мне бы хотелось забрать его воспоминания. Мне бы хотелось забрать все плохие и закрыть их в том же месте, где я храню свои.

Он допил вино.

— По правде говоря, Томас был лживым ублюдком. Если бы он видел хоть долю того, что видел я за завесой, он бы не написал поэмы. Он бы пожелал остаться мертвым.

Ты тоже предпочел бы оставаться мертвым? Я почти задала ему этот вопрос, но потом решила, что лучше не надо.

Гэвин уставился вниз на танцующих.

— Знаешь, я видел их, — он продолжил спустя некоторое время. — Всех тех людей, что так и не удалось спасти от фейри. Я смотрел, как они умирают, их трупы придавливали меня к земле, пока я больше не мог дышать. Мне пришлось прорываться через них.

Я замешкалась, а потом взяла его за руку. Это такой знакомый жест, но я не уверена, что должна была это делать. Затем его пальцы сжали мои, и я почувствовала загрубевшие мозоли, которых не было до моего пребывания в Sìth-bhrùth. Его гладкие руки джентльмена стали грубыми, трудолюбивыми руками выжившего.

— Я не стала рассказывать Эйтиннэ всего, — сказала я. — Я пропустила ту часть, где они зывали ко мне. Все, кто умер в Эдинбурге — я дотронулась до лица Гэвина, потом до его шрамов. — Ты намного смелее меня. Ты видел, как это случилось. Я бы хотела избавить тебя от этого.

Как будто он и не слышал моих слов. Этот загнанный взгляд никогда не покидал его лица.

— Ты говоришь о храбрости, — сказал он. — Я никогда не чувствовал себя храбрым.

Я улыбнулась.

— Тебе и не нужно ощущать себя таковым, чтобы это было правдой.

Я допила свое пряное вино. От напитка покраснели щеки, напоминая мне о днях, когда я не сражалась с фейри и была лишь девочкой в белых платьях.

Я снова могла побыть той девочкой, всего лишь на несколько часов. Только этой ночью.

— Так ты собираешься пригласить меня на танец?

Призрачная улыбка заиграла на его губах.

— Кажется я совсем забыл о манерах, да? — он вытянул руку ладонью вверх. — Окажете мне честь?

— Всегда, — говорю ему.

Мы опустились с балкона в город внизу, и Гэвин сопровождал меня в центр площади. Никто не остановился, чтобы посмотреть на меня. Никто не заставил меня чувствовать себя нежеланно или некомфортно. Не было напряженности среди танцующих, никаких повернутых шей или перешептываний о смерти моей мамы. Здесь у меня не было прошлого, не было репутации, которую нужно поддерживать. Никакого титула, который нужно чтить.

Гэвин и я начали шаги шотландки, и меня захватили воспоминаниями о том, как мы детьми танцевали в его гостиной. Я снова девочка в белом платье. Я смеялась и кружилась, мы переплетались с другими парами. Пьянящий вкус подогретого с пряностями вина дошел до моей головы, и от огней закружилась голова. Это не та официальная шотландка, к которой я привыкла. Это простой задорный, радостный танец со скрипками, хлопками и

смехом.

— Я не видел, чтобы ты так смеялась, — сказал Гэвин, когда танец закончился, — с тех пор, как мы были детьми.

Я улыбнулась ему.

— Могу сказать тоже самое о тебе.

Он взял мою руку, склонил голову, и быстро поцеловал. Этим все было сказано: прощение, раскаяние, сожаление. Надежда.

Кто-то позади нас прочистил горло. Я повернулась и увидела неуверенно стоящего Дэниэла. Его одежда и близко не была так хороша, как Гэвина, но он все же хорошо одет, привлекательно. Предположу, что фейри что-то сделали, чтобы все сегодня были хорошо одеты.

— Леди Айлиэн, могу я поговорить с вами? — он посмотрел на Гэвина. — Ты же не возражаешь?

Я удивленно уставилась на Дэниэла, но Гэвин заговорил первым.

— Конечно нет, дружище, — он хлопнул его по плечу. — Тогда мне нужно просто найти другого партнера, да?

Дэниэл предложил свой локоть, чтобы сопроводить меня. Чуть замешкавшись, я приняла предложение. Он повел меня в тихий уголок на площади, рядом с дымящимися кружками подогретого пряного вина, и вручил мне одну. Я сделала глоток, ожидая, что он заговорит, но он молчал. Как будто бы теперь он не знал, что сказать.

— Мне очень жаль, что я вел себя так, пока ты была здесь, — наконец, сказал мне Дэниэл. — Я хотел, чтобы ты знала это.

— Это Кэтрин тебя надоумила?

Дэниэл оглянулся на свою жену. Гэвин увел ее у партнера и затанцевал с ней вокруг другой пары.

— Я так и не сказал ей еще, — он заметил мое лицо. — Вижу, и ты тоже.

— Честно говоря, я избегала этого, — сказала она. — Я сомневаюсь, что она будет рада слышать это от любого из нас, — особенно от меня. В прошлый раз, когда я хотела удержать Кэтрин в безопасности, она чуть не погибла. — Я собиралась сказать ей завтра, прямо перед тем, как уйти.

Я пыталась подумать о месте, куда пойду. У меня нет дома. Мне снова придется оставить всех, о ком я забочусь, чтобы они были в безопасности. В любом случае, разве не такова жизнь Охотницы? Не имеет значения, как хорошо я сражаюсь или насколько сильна, само мое существование всегда будет подвергать риску людей, которых я люблю.

Спустя мгновение, Дэниэл прочистил горло и сказал:

— Ты же знаешь, она захочет, чтобы ты осталась.

Я уставилась на Кэтрин в ее длинном платье, смеющуюся, пока она танцует с Гэвином. Несмотря на все то, через что она прошла, она все та же. Ее сердце не ожесточилось, и она не сломлена, она никогда не теряет веру в меня. Никогда. Мы, может быть, и не связаны мамой или папой, но Кэтрин моя сестра и всегда ею была. Мы сильнее крови.

— Мы оба знаем правду, не так ли, мистер Рейд? — говорю я. — Мы должны сделать все, что можем, чтобы выжить, и пожертвовать всем для тех, кого любим. Иногда в этом нет места сантиментам.

Дэниэл сделал глоток своего напитка, и я заметила, что это не подогретое пряное вино — это виски. Отличный выбор.

— Никогда не думал, что настанет день, когда Эдинбургская дебютантка скажет такое, — он долго и тяжело посмотрел на меня. — Я готов был поспорить, что скорее вытащу золото из своей задницы.

Я улыбнулась.

— Как ты думаешь, чему нас учили на уроках этикета?

— Полагаю, как заманить в ловушку мужа? — он растягивал слова в своем грубом акценте.

— Неверно, — говорю я, — в том мире, мы выживали в замужестве. В этом учимся приспособливаться. Эдинбургская дебютантка научена самосохранению с детства. Это все, что мы знаем.

Впервые за то все время, что я видела Дэниэла, он выглядел настолько ошеломленным.

— Получается, у нас есть кое-что общее?

Я вспомнила, что он говорил о своем отце, его первой смерти.

— Айе. Я просто надеюсь, что ты понимаешь, насколько тебе повезло. Она удивительная женщина, которая считает тебя достойным.

Дэниэл уставился на свою жену.

— Это так, — сказал он. — И поверь мне, я это знаю.

Как будто услышав их, Кэтрин взглянула на Дэниэла, и я увидела, как сильно она его любит. Как ее глаза засветились, а губы изогнулись в улыбке от взгляда на него.

Я посмотрела вниз на вино и сделала глоток.

— У меня так и не было шанса поблагодарить тебя.

Он нахмурился.

— За что?

— За то, что спас ее жизнь, — говорю я. — Это из-за меня она оказалась на той дороге. Если бы я...

— Они приходят быстро, как ночь, — прервал он. — Они спускаются, как тени. Ты могла закрыть ее в подвале, и они все равно нашли бы ее. Знаешь, что является на самом деле бременем в имении Зрения? — он посмотрел на Кэтрин, как она танцует. — Это знание, как быстро они убивают. Что если ты спасаешь одного человека, ты не можешь спасти еще сотню других. Это знание, что я оказался на той дороге, когда ее экипаж атаковали, вместо того, чтобы оказаться на другой дороге с другой каретой. Там, где другие люди не выжили. И жить с этим каждую ночь. Ты же кое-что знаешь об этом, да?

— Айе, — шепчу я. — Я знаю. Я...

Толпа замолчала. Весь город погрузился в совершенную тишину вокруг нас. Скрипачи перестали играть, и все прекратили танцевать. Я слышала несколько почти беззвучных шепотов и посмотрела на источник их внимания.

У меня перехватило дыхание. Это были Киаран и Эйтиннэ, каждой мелкой деталью выглядящие, как правители фейри. Эйтиннэ надела изящное сиреневое платье, которое струится, как водопад по ее длинным ногам. Никаких нижних юбок, никакого корсета. Просто красивое, обтягивающее фигуру платье, которое блестит так, как будто усеяно звездами. Ее длинные темные волосы распущены и, сияя, спускаются вниз к талии.

И Киаран ... я уже видела его, одетым как джентльмена, но никогда — так. Не в вечерней одежде, с темными брюками, жилетом и отлично завязанным шейным платком. Затем его глаза встретились с моими. И я никогда прежде не видела такого неприкрытого желания в них. Как будто он поглощает меня. Я могла бы утонуть в его взгляде.

Теперь он направляется через молчаливую толпу прямо ко мне, и внезапно оказывается здесь, моя рука в его руке. Его губы у моего уха.

— Потанцуй со мной.

А потом мы танцевали, и больше ничего не имело значения. Его рука прижималась к моей талии, наши тела сближались, когда мы кружились. Как будто мы были одни. Никто и ничто не имело значения. Ни музыка, ни шепот, ничего. Только Киаран и я, и этот наш первый танец. И это так же изящно и плавно, как, наши сражения. Мы связаны вместе, мое тело напротив его, его щека прижимается к моей, пока мы кружимся.

— Ты никогда не говорил мне, что умеешь танцевать, — замечаю я.

Я почувствовала его нежную улыбку.

— Разве не этим мы занимались каждую ночь? — прошептал он у моей кожи. — Мы всегда дрались, подобно этому. Как будто вальсировали.

Потом я открыла глаза и увидела море людей вокруг, уставившихся на нас. Не знаю, как долго мы танцевали без музыки. Это могло длиться минуты. Могли быть часы. Это неважно.

— Все плятятся, — шепчу я.

— Конечно, они плятятся.

Глаза Киарана встретились с моими. Теперь, когда у меня есть Зрение, я увидела насколько они яркие. Я вижу прожитые годы. Боль, восторг, даже проблески Кадамаха. Но это неважно, потому что он смотрит на меня и видит меня, и он — Киаран, а я — Кэм.

— Они задаются вопросом, почему я пришел этой ночью, — говорит он. — Почему я выбрал тебя, — его губы касаются моей щеки. — Почему я целую тебя.

— Почему ты выбрал меня? — это все что я могу сделать, чтобы удержать свой трезвый ум при себе, когда он целует меня так. Потому что, когда Киаран целует, он делает это каждой частичкой себя.

Он кружит меня вокруг себя с таким изяществом, как будто совсем не прикладывает усилий.

— Потому что ты бросаешь мне вызов, — сказал он. А потом мы больше уже не танцевали. Мы стояли прижавшись друг к другу, наши руки переплетены. — Я выбрал тебя, потому что ты — равная мне.

Потом мы поцеловались прямо там, на глазах у каждого. И ничего больше, похоже, не имело значения. Определено, никакой этикет, или, о чем подумают остальные. Только его губы на моих, нежный нажим. Только мы. И я не могу прекратить...

Именно тогда из ниоткуда появился Деррик и постарался расположиться на моем плече беспорядочно перебирая крыльями и конечностями.

— Привееееет! Не обращайтесь внимания, я всего лишь прерываю ваши наглые крепкие объятия, чтобы украсть леди на пару минут.

Ох, проклятье, только не сейчас. Теперь я действительно сожалею, что не дала Деррику сверх того те пять минут.

— Деррик, — говорю я сквозь стиснутые зубы. Я делаю шаг назад от Киарана и пытаюсь поймать извивающееся тело пикси в моих волосах. — Нет...

— Мой Бог, — Деррик приземлился на мое плечо. — Я объелся пирога. Я едва могу передвигать крыльями. Я... — он искоса смотрит на Киарана и восхищенно улыбается. — Оу, привееет, мерзкое ничтожество!

Киаран явно не впечатлён этим.

— У тебя крошки от выпечки на жакете.

Деррик подхватил кусочек и съел его.

— Просто приберег немножко на потом, — захихикал он.

О, ради Бога.

Я умоляюще посмотрела на Киарана.

— Просто ... сохрани ту мысль. Никуда не уходи, — я бы хотела продолжить поцелуй. — Я вернусь назад...

— Киараааааан, — хихикал Деррик. — Или предпочтешь, чтобы я называл тебя мерзким ничтожеством? Я так и не спросил.

Киаран приподнял бровь.

— Думаю это зависит от того, предпочитаешь ли ты называться занозой в моей заднице?

Деррик взорвался в приступе смеха.

— Задница! Айлиэн. Он сказал задница.

— Черт, — выругалась я. — Простишь меня, я на минутку?

Я не ждала ответа Киарана. Забрала Деррика с собой к лифту и ни слова не сказала пока мы не достигли четвертого этажа.

— Позволь мне просто сказать, если кто-то дал тебе мед, я...

— Нет, нет, нет, — говорит Деррик, соскальзывая с моего плеча. Теперь он выглядит подозрительно трезвым. — Ты сказала спасти тебя по прошествии двадцати пяти минут. Я так и сделал.

— Я сказала спасти меня, если рядом будет Дэниэл, и, если я, очевидно, буду в беде, — не тогда, когда я целую кого-то, явно получая удовольствие.

— Во-первых, я из тех, кто был в беде, наблюдая как ты целуешь Киарана и ууууххх, — Деррик пальцем тыкнул в меня. — И во-вторых, ты ничего не говорила про быть в беде, ты сказала...

— Забудь, что я сказала, — я сузила глаза. — Хочешь сказать, что внизу ты все разыграл?

Он усмехнулся.

— Я был бы отличным актером, ты это хотела сказать?

— Святые небеса, — пробормотала я. По крайней мере мне не придется иметь дела с пьяным пикси. — Давай просто проверим защиту, ладно?

Я последовала за Дерриком на балкон и передвинула рычаг в верхнее положение. Когда мы поднимались над городом, музыка эхом преследовала нас до вершины пещеры. Ясная луна освещает празднество, добавляя свой свет к свету парящих фонариков. Выглядит так, будто это все не наяву.

Балкон поднимал нас все выше и выше, мимо фонариков и ближе к лунному свету. Все пространство сверху занимали ниши, вырубленные в скале. Сверху не было дверей, людей, ничего, кроме черных кристаллов, специально расположенных вдоль ниш, один за другим. Различных размеров — некоторые маленькие, с мою ладонь, а другие длинной в мою руку.

Я замерла, когда увидела их, тут же обдумывая слова Киарана. Они говорили, что кристалл из дворца все еще здесь, спрятанный где-то.

Кристалл. Прямо как этот.

— Кристаллы? — спросила я настороженно.

— Конечно, дурочка, — сказал Деррик перелетая весь балкон. — Кристаллы лучше всего подходят для направления силы. Все это знают.

Я вздохнула с облегчением и открыла балконные ворота, чтобы последовать за ним. Мое платье шелестело от взаимодействия со скалой, пока я продвигалась к Деррику, который завис перед кристаллами. Хотя выступ обрамляют перила, я достаточно высоко, из-за чего мой живот сжимается.

Деррик прижался руками к наиболее большому кристаллу.

— Эти связаны с neimhead, — сказал он с нежной улыбкой. — Город построен прямо поверх него.

— Кэтрин говорила мне об этом, — проговорила я. — Как вы пользуетесь им?

— Сюда, — Деррик пригласил меня поближе.

Он обхватил один мой палец и прижал к поверхности кристалла.

Внутри камня свет стал ярче. От давления моего пальца поверхность зарябила, как вода. Я почувствовала, как электрический ток прошелся по моему телу, от макушки до пят, кристалл настолько наполнен энергией, что я задрожала. Это не неприятное чувство, а теплое, могущественное.

— Чувствуешь это? — на мой кивок, он продолжил. — Это neimhead.

— Ты никогда не рассказывал мне об этом, — говорю я, прижимая палец еще сильнее к камню. Как будто кристалл взаимосвязан с чем-то внутри меня. Энергия проходит по моим венам, под моей кожей.

— Большинство были уничтожены человеческими разработками, — сказал Деррик. — Это королевство расположено на самом могущественном neimhead из сохранившихся. Вот почему нам никогда не нужно было быть частью королевств, чтобы процветать отдельно, — он с гордостью улыбнулся. — Мы не нуждались в этих ублюдках.

Энергия из кристалла даже заставила почувствовать меня легкое головокружение. Не удивительно, что фейри строили старые королевства на них, если они так могущественны.

— Тогда что же они делают?

Деррик подлетел и уселся на выступ кристалла. Как только он прикоснулся к нему, свечение внутри усилилось, как свет под водой.

— Они накапливают силу, которая питает весь город. Я слышал, что она может много для чего использоваться, но прямо сейчас мы используем ее для того, чтобы усилить наши силы для удержания защиты, — он коварно ухмыльнулся. — Почему бы тебе не попробовать?

Я отпрянула назад, выпучив глаза.

— Мне?

— Нет, другой рыжеволосой, одетой в платье достаточно большое, чтобы спрятать стадо рогатого скота, — он потянулся за моей рукой и схватился за палец, я хотела вернуть палец назад, но оставила на месте. — Давай же. Не время быть трусишкой. Разве не хочешь увидеть, на что ты способна?

— Ну, конечно хочу...

— Тогда попробуй... — Деррик подбадривающе мне улыбнулся. — Просто выдохни это, как воздух. Это не сложно, — он махнул рукой. — Сейчас закрой глаза.

Я подняла бровь и вздохнула.

— Серьезно?

Он посмотрел.

— Если ты не закроешь глаза, я изменю это платье так быстро, что ты будешь выглядеть, как пушистый цитрусовый фрукт, прежде чем сможешь обозвать меня ублюдком.

Я нахмурилась, но сделала, как он просил, он запорхал крыльями, как колибри, и его ноги оказались на моем запястье, когда он прижал кончики моих пальцев к кристаллу.

Я снова ощутила ее, силу внутри меня, как будто вода стекает по моим ладоням. Меня окружил аромат моря — соль, песок и ветер над городом — как будто прикосновение воды стало током, который проходит по моей коже, через мои вены. Как будто все нагревается вокруг меня, воздух становится гуще и с каждым вдохом становится все труднее дышать. Жгучая боль распространяется по моей груди.

Деррик тоже тяжело задышал.

— Чувствуешь это? — на мой кивок, он продолжил. — Хорошо. Это твоя сила.

Боль распространяется, становясь более острой. Поначалу я пытаюсь вытолкнуть ее, но затем она словно копьями прошла через мое тело, быстро и болезненно. Я еле сдержалась от крика.

— Это больно.

— У тебя ее слишком много, — сказал он коротко. — Теперь толкни ее в кристалл, глупышка, пока не ослабела.

Выдохни, так он говорил.

Я сделала это медленно. С каждым выдохом, я подталкиваю силу вниз по руке. Прижимаюсь ладонью к твердой поверхности кристалла. Он отвечает мне, снова становясь спокойным током — как будтоволна подавляет огонь. С каждым выдохом боль начинает спадать, пока, наконец-то, не проходит полностью. И у меня такое чувство, будто я только что пробежала через полностью перерытую местность.

Я открыла глаза и увидела Деррика, уставившего на кристалл с растущей улыбкой на лице.

— Ты сделала это, — воскликнул он. — Посмотри!

Кристаллы сияли, и, когда я посмотрела вглубь одного из них, увидела, будто звезды вращаются там. Целые галактики, которые я создала. Вся линия кристаллов опалена светом, который украшает вершину строения, как маяки.

Когда я смотрю на них, то не чувствую радости, восторга, или облегчения. Отдача слишком, слишком сильна. Это ощущалась так, будто я провела три раунда с красными колпаками и практически проиграла. Что-то не так.

Слова Киарана снова и снова проигрывались в моей голове. Истории о первом королевстве sithichean.

“Место огромной силы, созданной старой магией, которой больше не существует ...”

“Место огромной силы. Наподобие сильнейшего neimhead из оставшихся”.

— Деррик, — шепчу я, страх заполняет меня. — Что такое neimhead?

Деррик выглядит сбитым с толку.

— Я же говорил тебе, это...

— Нет, — мой тон резок. — Как оно выглядит? Из чего сделано?

— Я не знаю! Оно было здесь еще до моего рождения... — я замерла. Глаза Деррика расширились, как будто он внезапно понял, о чем я спрашиваю. — Ты думаешь, что я думаю, о чем ты подумала?

Я уже начала двигаться, прежде чем он успел сказать еще хоть слово, побежала через балкон к лифту. Сердце бешено колотилось в груди, от страха кожа горела. Мы должны выбираться отсюда. Надо сейчас же выводить всех отсюда.

Деррик пронесется рядом со мной.

— Мне следовало бы знать, — говорит он. — Я черт побери, должен был знать.

— Не зацкливайся на этом теперь, — я передвинула рычаг, чтобы лифт начал опускаться. — Лети и предупреди Киарана и остальных. Поторопись!

Он пронесся вниз к толпе. И секунды не прошло, как вокруг меня вспыхнула предупреждающая сирена, резкий визг проник в мои уши. Ниже, в городе, я слышу, как люди начинают разбегаться.

Они уже здесь. Слишком поздно.

Балкон остановился, и я поспешила открыть ворота.

— Киаран! — я вижу, как он расталкивает толпу, зовя меня по имени. Когда он достигает меня, я пытаюсь говорить через сбившееся дыхание.

— Это peimhead. Вот что Лоннрах хочет. Они...

Внезапная боль пронзает мою голову, от чего я шатаюсь. Я кричу и падаю на колени.

— Кэм?

“Охотница, — голос Лоннраха эхом разносится у меня в голове, отчего внутри все холодеет. — Нашел тебя.”

“Бегите”, - пытаюсь прокричать, но слова застревают в горле. Влияние Лоннраха не прошло, он придавливает меня, я не могу пошевелить языком. Я взываю к своим силам, дыша так, как говорил Деррик. Лоннрах сильнее сжимает хватку, это больно, как и его укусы.

Сирена внезапно замолкает и громкий “Бум!” сотрясает город, словно раскат грома доносится с вершины улья. Все замолкают. Я прослеживаю за их взглядом — это все что я могу сделать, все, что Лоннрах мне позволяет.

Сверху пещерыпоявляется трещина, трещина в скале. О Боже. Еще один “Бум”, щелк, и трещина расширяется. Сила кристаллов — Деррика и моя сила, не пускающая других фейри — деформирована, проверяется на прочность. Фейри наверху снова атакуют.

Я кричу от боли. Киаран сжимает мои руки, но я едва могу слышать, что он говорит, через всю эту боль. Я могу чувствовать, как мои силы напрягаются, чтобы избавиться от воздействия Лоннраха и в то же время удерживать защиту.

Голос Лоннраха снова врывается в мой разум. Клянусь, я могу слышать его улыбку.

“Ты не сможешь сдерживать их долго. Сдавайся сейчас”.

Еще один удар фейри по защите. Мое тело трясет от усилий. Я смутно понимаю, что из моего носа течет кровь, и люди толкаются вокруг меня, убегая. Киаран кричит что-то, но я не могу услышать его в нахлынувшем потоке тепла от силы во мне, я едва могу продержаться дольше.

Снова.

И я чувствую первую каплю воды у себя на лице. Ледяная, прямо как море.

— Бегите! — прокричал кто-то, и понимаю, что это была я.

В одном последнем, отчаянном усилии я выталкиваю свои силы из себя, как делала это с кристаллом, чтобы избавиться от влияния Лоннраха надо мной. Только тогда я осознаю свою ошибку — моя хватка над защитой рушится. Я напрягаюсь, чтобы стабилизировать силы и удержать фейри снаружи, но я слишком отвлечена хаосом вокруг себя. Внезапно все бегут в задний конец пещеры, распихивая друг друга по пути.

Мой контроль ломается, и верхушка пещеры падает вниз. За ней следует стена морской воды, которая устремляется вниз.

Я хватаю Киарана за руку, и мы бежим через городскую площадь, чтобы избежать водопада. Вода все прибывает. Волны обрушиваются вокруг нас, ледяная вода уже по щиколотку. Низ моего платья промок насквозь, материал стал тяжелым.

— Кэм! — Киаран останавливает нас, когда мы уже достаточно далеки от каскада. Все же я едва могу слышать его в возникшем хаосе за падающими обломками. — Мы должны сейчас же вывести людей!

Люди кричат, их крики заглушаются, когда на них обрушиваются потоки водопада. Немешкая, Киаран останавливает нас и вытягивает ладонь. Вспышка силы, исходящая из него, довольно сильная, отчего мне становится дурно.

Затем, время как будто остановилось. Стена воды замерла, над нами все затихло. Люди, разбрызгивая воду, прокладывали свой путь мимо нас, чтобы сбежать отсюда, кто-то выкрикивал указания и слова подбадривания.

— Ты можешь ее сдерживать? — спрашиваю я Киарана.

Он выглядит так, будто едва может выдать ответ.

— Пока что.

Я пользуюсь затишьем, чтобы сдернуть свое платье, отрывая верхний слой так, как Деррик показывал. Потом я быстро избавляюсь от юбок, сбрасывая их на затопленную улицу. Оставшаяся ткань выглядит, как длинное пальто поверх моих брюк, свисающее прямо до ботинок. Если уж мы собираемся драться, я хочу быть готовой.

Лицо Киарана — маска глубокой концентрации, его глаза светятся этим странным ярко-сиреневым цветом.

— Они борются со мной, — говорит он. — Я не смогу удерживать всех от проникновения.

Я кивнула и направилась через воду к Гэвину и Дэниэлу, которые помогали Кэтрин с ее отяжелевшим, пропитавшимся водой платьем. Люди останавливаются, засмотревшись на Киарана, на застывшую стену воды.

— Вперед! — призываю я.

Дэниэл смотрит на меня, когда я приближаюсь, затем оглядывается на людей, мчащихся из пещеры.

— Туннель ведет к подземной реке в одну из глубоких пещер. Она выводит к морю. Феи построили нам корабль в случае чрезвычайной ситуации.

— Возьми его, — говорю я. — Не останавливайся ни для чего. Мы задержим их.

Затем я слышала его — отдаленный грохот, которого я боялась. Mortair. Они прибывают, прорываясь через пробоины наверху. Огромные куски скалы падают сверху пещеры и ударяются о воду в нескольких футах от нас.

Ох, черт. Они разбивают верхушку пещеры, для того чтобы попасть внутрь.

— Кэм! — предупреждающий крик Киарана эхом разнесся по пещере. — Они начинают проскальзывать!

Гудение привлекает мое внимание, когда Деррик слетает с верхнего балкона.

— Айлиэн, — задыхается он, сев ко мне на плечо, — Лоннрах уничтожил кристаллы. Я не смог укрепить защиту...

— Я знаю, — сказала я, сжав зубы. — Я не смогла удержать их, — я не могу взглянуть

на лицо Деррика. Не тогда, когда знаю, что его дом снова уничтожен, теперь из-за меня. — Помогите другим выбраться в безопасное место.

— Но...

Треск над нами заставляет меня подпрыгнуть. Другой крупный кусок падает сверху скалы и врежется в один из домов, отчего стена с шумом рухнет на землю. Затем вода обрушивается, забрызгивая все вокруг, достаточно высоко. Я не могу видеть..

Когда вода улеглась огромное котоподобное металлическое создание встало во весь рост. Оно гладкое и сияющее, как серебро, с которого капает вода, когда он возвышается над домами через площадь.

— Бегите! — снова выкрикиваю я.

Котоподобный *mortair* направляется к нам. Его гладкое металлическое тело рассекает воду, как лезвие, посылая разрушающие волны по городу. Его внутреннее оружие развернулось и начало вращаться, сияющие конечности направились вперед с головокружительной скоростью. Люди никогда не смогут убежать от такой штуки. Они не успеют отчалить, если я не сделаю что-нибудь.

Я вытаскиваю меч из скрытого кармана моего платья-превращается-в-пальто и устремляюсь прямо к *mortair*. Эйтиннэ появляется рядом со мной, как будто бы из ниоткуда. Одета в брюки и короткий черный жакет, не меньше.

— Привет! — усмехнулась она. — Я ведь ничего веселого не пропустила?

— Где, черт побери, ты была?

— Проверяла, чтобы остальные феи безопасно покинули место вместе с людьми. А сейчас, если ты извинишь меня, — подмигнула Эйтиннэ, — этот мой.

Она подняла меч, который я ранее не видела, золотой и блестящий.

— Мне нужно испытать новое оружие.

Прежде чем я успеваю возразить, она с разбегу прыгает вперед, чтобы приземлиться на тело *mortair*. Такая же плавная и быстрая, как хищник, она перебирается на его спину и отсекает ему голову одним взмахом своего нового лезвия.

Я останавливаюсь, чтобы восхититься, как эффективно она убивает. Работа чертовски хорошо сделана.

Мое восхищение длилось недолго, поскольку сверху спрыгнул другой *mortair*, и еще один, и еще... Я не могу уследить за ними. Волны разбрызгиваются высоко и окатывают меня ледяной морской водой. Я едва могу устоять на ногах от нескончаемых волн, брызги настолько интенсивные, что я не могу сквозь них разглядеть металлических созданий.

Как только наступление заканчивается, у меня едва появляется момент, чтобы прийти в себя, прежде чем я оказываюсь между массивными ногами двух *mortair*. Я дугой заносу меч и рублю им по щиколоткам. Лезвие легко скользит сквозь них, аромат опаленного металла накрывает мои чувства.

Металл стонет надо мной, когда *mortair* падают, их конечности мечутся в воде. Я прикрываюсь от брызг, соль щиплет глаза. Слишком поздно я замечаю, как *mortair* поднимает лапу справа от меня. Свет оружия вращается очень быстро в его ладони.

Проклятье! Я нырнула под воду, поскользнувшись на влажной улице из булыжника.

БУМ. Строение надо мной разрушилось и упало. Камни летят на землю вокруг меня. Кто-то схватил меня за предплечье сзади. Киаран. Он укрыл мое тело своим, когда стена здания разбилась о его спину.

Он сбросил ее с раздраженным стоном.

— Ненавижу эти проклятые вещи.

— Просто продолжай удерживать море и так много фейри, как сможешь. Мы с Эйтиннэ сделаем остальное.

Он одарил меня взглядом.

— Просто продолжай удерживать море, сказала она, — помотав головой, он снова занял свою позицию, глубоко сконцентрировавшись.

Я снова присоединилась к Эйтиннэ в борьбе с mortair. Мы шли за ними, один за одним, с таким рвением, что дождь из грязи и камней окружил нас.

Киаран использует свою силу, чтобы защитить нас — но mortair все еще прибывают. Их, по крайней мере, дюжина, возвышающихся над городскими строениями. Их большие тела занимают так много места внутри центральной части пещеры, что я едва могу видеть здания вокруг нас.

Все, что я вижу, это металлические конечности и вращающиеся оружие. Это удушающе. Среди воды и mortair места становится все меньше — ощущения горящего металла такое подавляющее, что я едва могу вынести его.

Моя сила разворачивается внутри, сильная и горячая, она проходит по моим венам. Она делает меня более быстрой. Держит сосредоточенной. Мое тело — оружие, изящное и плавное. Я вращаюсь в воде, как танцор, как фейри, отрезая и пронизывая так же быстро, как Эйтиннэ. Вместе мы всех их уничтожим.

Затем я подняла взгляд и увидела, как один из mortair направляется прямо за Киараном, и я даже не задумывалась. Я прыгнула перед ним, внезапное воспоминание голосом Кайлих всплывает в моей голове: “В тебе течет кровь моей дочери, ее сила. Моя кровь”.

Время проверить, на что еще я способна.

Я наблюдаю как котоподобный mortair идет на меня, его острые, как лезвия, металлические зубы обнажены, он скалится. Я вытягиваю руку, и моя сила проходит внутри меня. “Остановись”, - это все, о чем я думаю, — “остановись”. И меня омывает сжигающее ощущение огня, проходящее по венам.

Когда я открываю глаза, замечаю, что окружена светом. Он золотой и такой яркий, что обжигает глаза. Это так отличается от того, когда я ощущала силу Киарана. Это не сила за пределами меня, не что-то, что находится вне моего контроля, или будто она не принадлежит мне.

Это я, это то, для чего я предназначена. Эта сила в моих венах, свет в моей крови и прекрасное ощущение освобождения ее. Она моя.

Я остановила создание на полпути. Острый запах сгоревшего металла заполнил мой нос, когда я глубоко вздохнула, вспоминая слова Деррика. Ты просто выдыхаешь это, как воздух.

Мои глаза встретили его, и я увидела там намек на разум, боль, которую я вызвала, но мне все равно. Я выталкиваю больше этого света. Он вырывается из меня, пульсирует, расширяется, и я даю только одну команду: “Гори!”

Воздух между нами накаляется, становится плотнее и переливается, как мираж. Создание светится красным и плавится, как металл под воздействием огня. Точно так же, как я делала металлический цветок, созданный из часов, я скрутила его конечности. Я заставила их обернуться вокруг друг друга.

Я заставила воду подняться, потянув капли усилием мысли, пока mortair не скрылся в воде, чтобы остудить горячий металл. Я выпустила вспышку, единичный импульс из глубин

себя, вытолкнула силу, которая разрушила металл, словно стекло.

Создание рухнуло в спокойную воду, как пепел. Ничего не осталось, кроме одного клыка размером с мою ладонь. Он подлетел ко мне, и я зажала его в кулак. Сувенир. Драгоценность. Трофей.

Затем одновременно вся эта сила вернулась обратно в меня. Мне стало больно от того, что весь этот свет снова наполнил меня до такой степени, что закружилась голова, а в глазах все расплылось. Когда все исчезло, я шаталась на своих ногах.

Кто-то обхватил меня за талию, ликуя. Эйтиннэ.

— Ты сделала это! — она смотрит с гордостью, с гордостью за меня. — Ты была великолепна.

Я расплавила *mortair*, используя силы, прямо как фейри. Не человек.

“Достаточно человечна”, - голос Кайлих шепчет в моей голове, когда я раскрываю кулак и смотрю на одинокий металлический клык. Он отпечатался в ладони, от чего пошла кровь. Достаточно человечна.

Киаран прокричал мое имя, и я подняла взгляд, чтобы увидеть, как еще больше *mortair* прыгают через разлом сверху и приземляются с другой стороны площади. И не только *mortair*, но также и другие фейри. Красные колпаки, *cùsìth* и *daoinesìth*, и все сопротивляются силе Киарана. О Боже, я не могу сражаться с таким количеством.

— Время бежать, — говорю я Эйтиннэ. И уже бегу, разбрызгивая воду. — Киаран, уходим!

Стена воды рухнула вниз. Мы все бежим, огромная волна позади нас заполняет город с невероятной скоростью. Эйтиннэ прокладывала нам путь впереди по улице, пока мы старались не отставать.

Вода сбивала нас с ног, замедляя движения, но мы продолжали, продолжали бежать. Я слышала щелчки и нарастающие удары металлических конечностей позади себя, и поняла, что создания прямо за нами, преследуют нас по воде.

Моя одежда прилипла к коже, ограничивая движения и заставляя прикладывать больше сил для бега. Тело замерзло, конечности окоченели и устали, одна только воля заставляла меня продолжать.

Эйтиннэ направила нас через туннель, прямо к другому узкому проходу со светом в конце. Единичной вспышкой силы она разрушила часть пещеры позади нас. Прибывающая вода замедлилась, но все же просачивалась через камни; вскоре она продолжит свой путь.

“Продолжай бежать”, - думаю я, — “продолжай двигаться”.

И тогда я увидела, что Дэниэл, Кэтрин и Гэвин все еще в туннеле, Деррик отчаянно жужжал вокруг них.

— Они ранены, — сказал Деррик, достигнув меня. — Вода добралась через другой выход.

У меня едва было время заметить глубокую рану на лбу Кэтрин и то, как кровоточит нога Гэвина.

Кэтрин ослабла и Киаран подхватил ее на руки.

— Через другой путь! — прокричал Дэниэл.

Позади нас вода врывается в туннель, разрывая каменную дамбу на части.

Если мы хоть на немножко замедлимся, она потопит всех нас. Мы не выживем. Я думаю о свете, о силах, раскрывшихся в результате моей первой смерти, и принимаю решение.

Я останавливаюсь, чтобы противостоять стене воды.

— Кэм, не надо! — слышу, как кричит Киаран позади меня.

Я смотрю на него, затем на Кэтрин в его руках.

— Спаси ее, будто ты спасаешь меня.

И поворачиваясь лицом к воде, откуда приближаются металлические создания, шепчу:

— И позволь мне дать вам больше времени.

Я снова разворачиваю свои силы. Весь свет, что есть внутри меня, становится одним потоком, который ударяет в стену воды и механических созданий с такой силой, что я скольжу назад на ногах. Я пытаюсь вытолкнуть еще, но в этот раз у меня не хватает сил. Недостаточно.

“Достаточно человечна”, - думаю я, — “слишком человечна”. Я стараюсь сфокусироваться на том, чтобы сдержать воду и фейри за ней. Я отпускаю все мысли прочь; боль от использования такого большого количества силы растет и растет до тех пор, пока из меня не вырывается крик.

Я рухнула на колени, и первые потоки воды пробились и нахлынули на меня.

Я оглянулась назад, чтобы убедиться, что мои друзья почти в конце туннеля. Почти там. Почти. Мне только нужно продержаться чуточку дольше.

Вода обрушивается на мое укрытие из света быстрее и быстрее. Чернота просачивается на внешних краях моего зрения и начинает смыкаться вокруг меня темными щупальцами. Всего лишь немного дольше.

Затем я ощущаю чье-то присутствие. Эйтиннэ. Встает рядом со мной, несмотря ни на что. Она хватается меня за руку, и своим пропадающим зрением я встречаюсь с ее поразительными глазами.

— Я не хочу, чтобы ты умерла молодой, — шепчет она. — Ты позволишь мне показать тебе?

Я кивнула — единственное движение, на которое я еще способна.

Ее сила проходит через меня потоком, который заполняет меня и заставляет вены гореть раскаленным добела огнем, будто я разрываюсь на части. И все что я могу — это слышать голос Кайлих у себя в голове, шепчущий: “Достаточно человечна достаточно человечна достаточно человечна...”

— Ты сопротивляешься, — говорит Эйтиннэ, — позволь всей твоей силе выйти.

Я чувствую, как мое тело шатается от усталости. Мое человеческое тело. Мое человеческое тело, которое никогда не предназначалось для удержания силы фейри или владения ею подобным образом. Мое тело сильное для человека. Для человека мое тело исключительное. Но этого недостаточно, чтобы удержать силу Эйтиннэ. Это оболочка смертности. Опустошенная вещь с кожей и костями.

Я покачиваюсь вперед. Рука Эйтиннэ сильнее сжимается на моей ладони.

— Просто дыши. Позволь всему выйти, — шепчет она. — Ты справляешься. Ты можешь закончить это.

И я делаю. Я чувствую, как свет выходит из меня, и чувствую, как это, словно, ломает мои кости. Словно, моя кожа горит. Словно, я отделилась и у меня больше нет формы. Механические создания вопят, горят докрасна, и рассыпаются пеплом.

И тьма наконец-то смыкается вокруг меня.

Я уловила аромат огня, слышала треск дерева и почувствовала тепло пламени. Я прижалась пальцами к земле — едва уловимые движения, которые только и смогла сделать — и поняла, что лежу на толстом шерстяном одеяле, которое так мягко ощущается под моими пальцами.

Все, что я помню, это как нас с Эйтиннэ вынесло из пещеры. Остальные помогли нам пробираться через лес, поскольку в глазах все кружилось, кружилось и кружилось. Я не помню, как отключилась, когда мы только нашли место, чтобы переждать остаток ночи. Я даже не помню, как закрыла глаза.

Все тело болит. Глаза так устали и веки отяжелели, что я едва открываю их. А когда открываю, я вижу деревья, возвышающиеся надо мной. Они покрыты снегом, с голыми ветками, которые трещат и стонут. Снег падает на мои ресницы, щеки, охлаждая меня.

Шорох донесся откуда-то неподалеку, но я не могу повернуть голову. Лицо Кэтрин внезапно появляется в поле видимости, ее брови нахмурены от беспокойства.

— Ох, слава Богам. Я боялась, что ты ... ну... Ну, ты знаешь, — она оглянулась через плечо. — Она очнулась.

Внезапно, гигантский шар света мчится на меня. И вот Деррик у моей шеи, его крошечные руки прижимаются к моей коже.

Он вьется вокруг меня, теплые крылья трепещут о мою кожу.

— Ты что, собираешься стать мученицей? Это единственное объяснение, почему ты осталась в этой пещере с гигантской стеной воды, ты чертова сумасшедшая, — он запутал себя в моих волосах, крылья щекотали мое ухо. — Позволь мне просто сказать: тебе везет, ты как чертова кошка с девятью жизнями, иначе ты была бы морским кормом. С возвращением!

Я сглотнула. Горло сухое, болезненно сухое.

— Что случилось после того, как мы выбрались из пещеры? — мои слова больше похожи на карканье, едва различимый хрип. — Я мало что помню.

— Немного. Ты уничтожила практически всех фейри в том туннеле, поэтому нам удалось сбежать через лес, пока остальные перегруппировывались. Вам с Эйтиннэ едва удалось это, и теперь вы обе выглядите неважно, — он передернул плечами.

Мне удалось повернуть голову — мучительное движение — чтобы увидеть рядом все еще спящую Эйтиннэ. Она была укутана еще больше, чем я, ее легкие формы потерялись в этом море одеял. Кожа бледная. На ресницах снег, а губы синие.

“Я не хочу, чтобы ты умерла молодой”.

Эйтиннэ столько раз помогала мне. Она могла позволить мне умереть и получить всю свою силу назад, все свои силы в качестве Благой Королевы. Она была бы той фейри у костра: высокой, гордой и ужасающе красивой, способной заткнуть кого-то взмахом руки. Она могла бы дать этой стене воды

добраться до меня, отступить назад и снова занять свое место в качестве монарха. Но она не стала. Она не дала мне умереть.

Какие бы силы я не потеряла ... это сделало меня немного более человеческой.

Игнорируя боль в мышцах, я потянулась под одеяло, чтобы сжать ее руку. Даже под теплым мехом ее пальцы на ощупь ледяные и вялые в моих ладонях. И когда я прижимаюсь своей кожей к ее, я чувствую ее силу также уверено, как свою. Кровь к крови. Вид к виду.

Как будто мы продолжение друг друга.

Крылья Деррика болезненно задели мою чувствительную кожу.

— Я не понимаю, как они нашли нас с поднятой защитой.

— Лоннрах уничтожил бы весь остров, пока не нашел бы его, — сказала я. — Это был лишь вопрос времени.

Интересно, помогла ли им Кайлих. Не думаю, что у нее остались силы снова расширять свое влияние через завесу, нет, учитывая, что моя мама была последней Соколиной охотницей, которую она помогла убить. Но, возможно, она попыталась в последний раз.

— Я так сожалею. Обо всем, — проговорила я, посмотрев на Кэтрин.

— Это не твоя вина, — она резко посмотрела на меня

Я почти сказала ей, что Лоннрах знал, что город находится на Скае, потому что извлек это из моих воспоминаний. Я была довольно-таки наивной, веря, что защита сможет сохранить нас в безопасности. На самом деле, они никогда не будут в безопасности. Не тогда, когда он все еще жив.

Кэтрин снова посмотрела на огонь, ее глаза сузились от злости.

— Правда в том, что они просто выжидали день, когда найдут и убьют нас всех.

Мои веки снова стали тяжелыми, и я зажмурилась, затем спросила:

— Остальные? Что с ними?

Кэтрин задрожала и укрылась одеялом, потуже обернув вокруг себя. Она одета лишь в нижнее белье, ее бальный наряд, должно быть, промок и порвался при беге. Мои собственные брюки и рубашка теперь, кажется, были сухими — спасибо Богам за маленькую услугу.

— Дэниэл, Гэвин и ... и ... Киаран... — она произнесла его имя так, будто говорила его впервые, как будто бы слово не укладывалось на ее языке, — отправились проверить обстановку. Чтобы убедиться, что здесь безопасно. Фейри отступили не так давно.

Я помню слова Лоннраха в своей голове, его ехидство по этому поводу, радость: “Нашел тебя”. Я помотала головой.

— Что с городом? Кто-нибудь еще?

— Некоторые забрали корабль и отчалили вместе с нашими союзниками-феями. Не дождавшись, — она уставилась вдаль. — Это всегда был наш изначальный план. Если на нас снова нападут феи, мы уходим по туннелям, забираемся на корабль и уходим в море. Даже феи не могут открыть портал в открытом море, чтобы атаковать.

Крылья Деррика запорхали у моей щеки.

— Это потому, что им это и не нужно. Я только надеюсь, что ваши люди не попадутся морским sithichean. Они держатся особняком, как пикси. Не являются частью королевств. Отвратительные создания. Они воняют, у них ужасные манеры и они едят людей.

Кэтрин вежливо уставилась на него.

— Мой Бог, ты определенно знаешь, как успокоить леди, не так ли?

— О, я точно знаю, как успокоить леди.

Кэтрин пристально посмотрела на него, а затем сосредоточила свое внимание снова на мне.

— Мы уходили последними, поэтому, я думаю, что практически все выбрались, — ее выражение стало отстраненным, грустным. — Я только видела несколько пожилых людей. Не знаю... — она тяжело сглотнула. И я заметила тогда, что ее глаза стали влажными. — Полагаю, нам просто нужно найти другое место?

Она проговорила это так легко, как будто пыталась не беспокоиться. Но я видела правду, которую она пыталась спрятать. Снова нет дома. Мы все сироты, странники. Ищем дом, пока не будем отколоты друг от друга, или убиты вместе.

Мы все замолчали. Правда, что говорить после потерь? Кэтрин проходила через это так много раз прежде — находя что-то, оставаясь там на короткое время, только чтобы это было уничтожено. И люди каждый раз умирают.

Я потянулась к Кэтрин, движение, которое ощущается так, будто тебя укалывают тысячи иголок. Моя рука легла на одеяла, ладонью вверх. Предложение. Извинение. Просьба о прощении. Она скользнула своей рукой в мою и сильно сжала. Моя сестра, не по крови, но по связи. Разве это не лучший вид сестры?

— Мне жаль, Деррик, — шепчу я, — ты тоже потерял свой дом.

Деррик забивается в пространство между моей шеей и плечом, где толстое шерстяное одеяло соприкасается с теплом моей кожи. Его крылья словно шелк.

— Терял его прежде, — пробормотал он едва слышимым голосом. — Я жил без него тысячи лет. Уверен, что смогу пережить это.

Он пытается спрятаться за беспечностью, но я могу услышать тоску в его голосе. Все осталось там. Его шкаф. Гобелены с изображением его побед. Его прежняя жизнь теперь осталась врагу.

— В любом случае, слишком много печальных воспоминаний.

— И счастливых, — указала я, думая о его гобеленах.

— Ты прекрасно знаешь, насколько запятнанными они могут стать, — сказал он тихо.

Мне нечего сказать на это. Он прав.

— Где мы? — спрашиваю я.

— Лейтир Фура, — сказала Кэтрин. — Или, по крайней мере, где-то поблизости. Отец записывал свое путешествие в дневники, а я часто читала их. Ясень так далеко не распространялся до прихода фей.

До прихода фей. Я смотрю на шрамы на ее запястье, как они обвиваются вверх по ее руке в виде полумесяцев и длинных царапин. До этого, когда Кэтрин не нужно было делать все, чтобы выжить.

— Нам скоро нужно будет двигаться, — проговорил Деррик. — Я могу спрятать нас сейчас, но, если мы останемся на одном месте слишком надолго, они найдут нас.

Кэтрин кивнула, в глазах огонь.

— Конечно, — я услышала легкий скачок в ее голосе. Она звучит нерешительно, отвлеченно.

— Кэтрин?

Она не смотрела на меня.

— Это было так глупо с моей стороны? — она тщательно контролирует свой голос, но я слышу боль под этим. Тоску. Печаль. — Надеяться, что мы наконец-то... — она моргнула и посмотрела вниз, на наши переплетенные руки. — Они же все уничтожат?

Ее глаза встречаются с моими, и я вижу в них огонь. Я узнаю его так же точно, как если бы смотрела в зеркало.

— Я ненавижу их, — яростно шепчет она, слезы наконец-то падают ей на щеки. Я обернула руки вокруг нее, и она всхлипнула у меня на плече, ее слезы горят на моей коже, — я так сильно их ненавижу.

Я держу ее. Не знаю, как долго она плачет. Это могут быть минуты. А могут быть часы.

Я держу ее, позволяю ее гневу выйти. И шепчу ей все это время. Два простых слова:
— Я знаю.

Мой сон наполнен прерывистыми видениями преследующего меня костлявого лица Кайлих, ее иссушенной кожи. В моих снах она шепчет мне на ухо, передает сообщение: “Теперь ты знаешь, что я не могу позволить тебе жить. Теперь ты знаешь, почему я не могу позволить тебе жить”.

Сорча тоже в моем сне. На заднем плане, позади Кайлих. Всегда здесь, всегда наблюдает, всегда ожидает. До тех пор, пока Кайлих не исчезает, и Сорча остается одна напротив меня, говоря на своем языке, слова неразборчивые, хриплые и лиричные.

Затем что-то сжимает мою грудь, а боль, проходящая сквозь меня, заставляет меня покачнуться. А Сорча смеется и смеется.

Я просыпаюсь в напряжении, задыхаясь. Я потею под шерстяными одеялами, дыхание рваное, сердцебиение неустойчивое.

— Плохой сон?

Я поворачиваюсь, Сорча здесь, стоит между деревьев. Она одета в длинное пальто, которое кажется сделанным из шелка, мех идет по краям воротника и окаймляет ее бледное лицо. Она выделяется среди снега, ее губы налиты красным, ее глаза такие зеленые, что едва выглядят реальными. Сорча никогда прежде не выглядела более красивой, более опасной.

“Алый идет тебе больше всего”, - сказал ее голос из моего воспоминания. Я прогнала это воспоминание прочь, зарывая его поглубже внутрь, где я прячу части себя, которые оставляют меня наиболее уязвимой.

Она наблюдает за мной блестящими глазами, заполненными преступным намерением, убийством — а я одна с ней. Огонь догорел, только пустые одеяла вокруг пепла говорят о том, что остальные были здесь вместе со мной.

Моя рука скользит по бедру за мечом, но его нет. Я на мгновение закрываю глаза. Проклятье.

Сорча смеется и вытягивает меч из-за спины.

— Это ищешь? — она попробовала лезвие меча пальцем. — Он просто чудесен, не правда ли? Эйтиннэ всегда делала исключительные вещи. Уверена, тебе он больше не понадобится.

Она отступает и бросает его в деревья, ее фейская сила, запускает его глубоко в лес. Самодовольная ухмылка заставляет меня хотеть перерезать ее горло.

— Если ты обидела моих друзей, я...

— Ты что? Убьешь меня? — сказала она, смеясь. — Я отослала каждого на их собственную охоту. Интересно, как много останутся в живых. Между нами, я ставлю против человеческой блондинки.

Я выкручиваюсь из-под своих одеял и кидаюсь на нее, но мое тело до сих пор такое медленное после использования моих сил. Сорча хватает меня за горло еще до того, как я успеваю моргнуть. С острозубой усмешкой она толкает меня к дереву.

— Сейчас это было некрасиво, не так ли? — Сорча осматривает меня ближе. — Посмотри на себя. Немного менее человеческая, с тех пор как я видела тебя в прошлый раз, — ее пальцы плотнее сжались вокруг моей шеи, и я пытаюсь не задохнуться. — Знаешь, как Лоннрах нашел город? Человек, использующий силу Благой Королевы без знания, как скрыть ее... — она цокнула языком. — Ты подобно маяку в шторм, маленькая Охотница.

Даже щит того пикси не сработал, чтобы заблокировать такое количество энергии.

“Достаточно человечна”, - голос Кайлих прошептал в моих воспоминаниях. Деррик, должно быть, думал, что он спрятал меня, когда я соприкоснулась с peimhead, не осознавая, что часть моей энергии вырвалось наружу. Маяк в шторм. Проклятье.

Я отталкиваюсь от нее, но она стала еще сильнее.

— По крайней мере, ты перестала говорить свою отговорку, что ты здесь чтобы помочь, потому что это еще большая ерунда, и я собираюсь проткнуть тебя чем-нибудь острым.

— О, но ты ошибаешься, — прошептала Сорча. Baobhansìth выдохнула на мою шею, и если бы она захотела, она могла бы выпить мою кровь менее чем за минуту. — Я не могу соврать, Охотница. Я помогала. Только не тебе.

“Что если я скажу, что я на твоей стороне, Кадамах? Что я хочу, чтобы ты победил моего брата?”

— Киаран, — сказала я тихо, — это все для него.

— Это всегда было для него, — сказала она. — В отличии от Кадамаха, я не отказываюсь от своих друзей.

Она протягивает острым ногтем вниз вдоль моего горла.

— Видишь ли, если бы я позволила Лоннраху снова схватить тебя, он бы упрятал тебя в такое место, где никто не смог бы добраться до тебя, до тех пор, пока он не найдет кристалл, даже я. Я не могу рисковать, чтобы он проводил ритуал один, не тогда, когда моя жизнь и жизнь моего супруга на кону.

С рукой на моем горле или без нее, меня чуть не вырвало, когда она назвала Киарана своим супругом. Потребовалось все мое умение, чтобы удержать выражение лица прежним.

— Ты же помогала Кайлих, — когда она заморгала, я продолжила. — Ради Бога. Ты не кажешься мне такой безмозглой. Она хочет смерти Киарана каждой частичкой, так же, как и Лоннрах.

— А, Кайлих, — Сорча смеется. — Если подумать, я когда-то безмерно наслаждалась ее небольшим крестовым походом с целью прервать линию Соколиных охотниц. Но затем я встретила тебя — последнюю.

Ее ноготь двинулся обратно вверх к моей щеке, где он практически поранил кожу.

— Я собиралась убить тебя, но Лоннрах упомянул, что есть способ украсть твою силу и забрать трон себе. Тогда я поняла, как могу использовать тебя. Кайлих будет неважна, — она сверкнула своими зубами в пугающей улыбке. — Что касается Лоннраха, все что мне требовалось сделать, это уверить его, что я поймаю тебя, пока он сосредоточится на поиске, точно, как мне это нужно. Мой брат такой забывчивый. Он был бы ужасным правителем.

Ее голос больше не такой эффектный, как в прошлый раз, когда я видела ее, не такой красивый или успокаивающий. Мои пробудившиеся силы, должно быть, дали возможность слышать, не поддаваясь влиянию ее голоса. Я чувствую ее в своем разуме, как будто бы она решила проверить это. Маленькие, исследующие усики ее силы змеей проползают в мое сознание.

Сорча прорывается в мой разум, а я выталкиваю ее назад. Она выглядит так, словно ей нравится это.

Я сжимаю свои зубы из-за внезапной боли от ее ногтей, что впиваются в мою шею, пуская кровь.

— И как ты собираешься использовать меня?

— Сорча хочет твои силы для себя, — я повернулась, чтобы увидеть Киарана между

деревьями, кровь забрызгала перед его рубашки, с лезвия тоже капает. Он тяжело дышит, как если бы только что убил маленькую армию. — Не так ли? Твой брат ищет neimhead чтобы собрать достаточно энергии для переноса силы, а ты ждешь, когда он его найдет, — он сильнее сжал свой меч. — Ни один из вас не займет место Кайлих. Я убью тебя первым, даже если это будет значить, что умру сам.

— Какое же низкое мнение у тебя обо мне, Кадамах, — улыбнулась Сорча. — Когда все закончится, ты еще скажешь мне “спасибо”.

— Отпусти Кэм, Сорча, — сказал Киаран тоном, который получается, когда сдерживаешься перед тем, как что-то ударить. Он может нанести раны Сорче, даже если не может ее убить.

— Кэм, — Сорча произносить это слово так, будто это грязь. — Так ты зовешь ее? — ее ногти впиваются глубже в нежную кожу на моей шее, и я прикусываю язык, чтобы не закричать. Кровь распространяется у меня во рту, и я ощущаю ее сильный запах. — Твоя последняя маленькая Соколиная охотница, зверушка. Похоже, этому уроку мне придется учить тебя дважды, Кадамах.

Сорча обхватывает меня грубым объятием, и, прежде чем я успеваю моргнуть, уносится со мной прочь со скоростью шторма.

Мы летим над утесами посреди моря, так близко к месту, где был город. Руки Сорчи плотно сжимают меня, и мы начинаем падать, падать, падать.

Она приземляет нас на один из морских утесов в снегу, где волны бросаются на камни и брызгают воду в мое лицо. Феи здесь: cùsìth, красные колпаки и маленькие mortair, механические создания с крыльями и острыми клювами, которые клюют землю.

Они роют глубоко в равнину, что была раньше частью города, красные колпаки раскалывают камни своими молотами и оставляют гончим и механическим созданиям копать оставшуюся часть пути.

Массивная стена морской воды приостановилась с одной стороны от них, колеблясь в воздухе, как будто может упасть в любой момент. Феи, должно быть, убрали прочь все здания города — или возможно большая часть их была уничтожена, когда подводные пещеры были разрушены. Сейчас они используют свои силы, чтобы держать воду подальше, пока ищут кристалл.

Я помню, как Тэвиш наблюдал за ними, когда они нарушили границы, сразу после моего прибытия. Они копали. Я думала — мы все думали — они ищут меня. Но это Лоннрах сделал бы после, он хотел neimhead. И я помогла привести его прямо к нему.

Лоннрах осматривает раскопки с удовлетворенной улыбкой. Его солено-белые волосы развеваются на ветру, пока солнце садится позади него. Он выглядит красивым, каждым дюймо́м Благого фейри, которым однажды был.

Затем пронеслась вспышка воспоминания, прежде чем я успела остановить ее. Второй и третий ряд острых как бритва опускающихся зубов Лоннрах.

Я замерла. Нет. Нет, нет, нет. Я не хочу возвращаться к этому. Я не хочу снова быть его пленницей. Я не хочу позволять ему взять даже маленькую частицу себя снова. Я не хочу позволять ему забрать способность бороться.

Сорча пытается оттащить меня от утесов, но я сильнее отпихиваюсь от нее. Она ненадолго теряет свою хватку, и я ладонью бью ее в лицо.

— Ты отвратительная маленькая..

Я обхватываю пальцами ее запястье.

Плавься. Я выдыхаю свою силу, точно, как меня учили. Я управляю ею. Я чувствую, она ревет в ответ. Плавься. Я хочу, чтобы она умерла как *mortair*. Я хочу увидеть, как она превратиться в пепел. Я хочу...

Пальцы Сорчи внезапно вцепились в мои волосы. Она тянет меня к себе. Ее нос кровоточит, резко выделяясь на ее бледной коже.

Ее губы изогнулись в улыбке.

— Это щекотно, — она притягивает меня ближе. — Пока я связана с Кадамахом, ты не можешь убить меня своей силой. Тебе не хватит ее.

Она тянет меня за волосы по траве. Я пытаюсь снова ее атаковать — пинаю и ударяю кулаком в солнечное сплетение, но она сильнее сжимает мою шею, погружая ногти глубже, пуская кровь. Она использует свою силу на мне, и боль так остра, что я кричу.

Лоннрах оборачивается на мой крик.

— Моя потерявшаяся пленница, — он взглянул на свою сестру. — Это было довольно-таки долго.

Я ненавижу его голос. Я ненавижу то, что он заставляет меня ощущать, будто я вернулась в зеркальную комнату, в его власть. Я снова на коленях, неспособная сопротивляться. Я уже начинаю дрожать, как происходило каждый раз, когда он приближался.

— Мне пришлось иметь дело с тремя людьми, двумя формальными правителями и чрезвычайно злым пикси, — Сорча щелкает своими пальцами. — Справился бы ты лучше?

Взгляд Лоннраха проследил, как Сорча держит меня за волосы.

— Мне никогда не приходилось тянуть ее куда-либо. — Тогда он сверкнул своими зубами, как бы говоря: “Помнишь их?” — У всех есть слабое место, даже у Соколиных Охотниц.

— Ты не сломил ее полностью, — сказала Сорча, — раз уж она сбежала.

Лоннрах сузил глаза, затем продолжил смотреть, как феи копают, с видом сосредоточенности и нетерпения, которое я не ожидала от бессмертного — но он так ждал этого момента.

Губы Сорчи изогнулись в улыбке, когда она склонилась, и я мельком увидела ее гладкие клыки.

— Смотри, Охотница.

Я проследила за ее взглядом и увидела, что фейри внизу увеличили их скорость. Они отбрасывают грязный щебень, их руки и когти сгребают настолько быстро, что превращаются в пятно. Они откапывают что-то. Они скрываются дальше, вниз, и вниз, и вниз, вокруг чего-то — это темный острый камень в почве.

Я затаила дыхание. Это кристалл.

Я не ожидала, что он такой большой. Он великолепен и не похож ни на какой драгоценный камень, который я когда-либо видела. Даже самый полированный из алмазов никогда не сравнится бы с ним в красоте. Он мерцает, как море в полночь, даже с этого расстояния, с неземным внутренним огнем. Тысячи и тысячи огней в нем вспыхивают, блестят, кружатся друг вокруг друга. Они создают свет, который горит словно маяк.

— Он прекрасен, — только когда я слышу слова, понимаю, что говорила вслух.

Глаза Сорчи свирепы, ожидание заставляет ее клыки удлиняться, пока единственная капля крови не появляется и протягивает свой путь вниз к ее нижней губе. Она слизывает ее языком.

— После всех этих историй, — пробормотала она, — мы нашли его.

Она так очарована кристаллом, что хватка, которой она держит мое горло, ослабляется, и, в конечном счете, она убирает руку. Она даже не смотрит на меня. Возможно, думает, что я не смогу сбежать, или, возможно, просто слишком очарована. И Лоннрах тоже. Кристалл огромный, по крайней мере, столь же высокий, как любой из многоквартирных домов в Эдинбурге, и феи все еще не достигли основания.

Сорча взглянула на меня со все еще самодовольной улыбкой.

— И все это время он был под королевством пикси.

Воспоминание в моей голове возвращает меня к гобеленам Деррика: сражения, кровь и смерть изображены на стенах.

Один гигантский гобелен был старше других. Деррика не было на нем. Он показывал, как пикси собирались на бой. Смутное очертание на заднем плане, которое я приняла за замок. Только это не замок: это гигантский кристалл. Феи защищали его. И если они спрятали его, на это должна была быть веская причина.

Я медленно двигаюсь подальше от Сорчи, отступаю из поля ее зрения, пока зрелище ниже захватывает ее внимание. Моя рука скользит к потайному карману для оружия в пальто, что для меня сделал Деррик. Я надеялась на маленькое лезвие, но там ничего нет. Черт бы побрал его.

Я взглянула на Сорчу и Лоннраха. У каждого есть меч, у Сорчи он спрятан под складками ее длинного пальто.

Но меч Лоннраха здесь, в пределах досягаемости руки.

Один шаг назад. Два. Медленней, медленней. Два фейри даже не заметили. Оглушительные звуки скалы и металла, размалывающегося, пока феи откапывают кристалл, перекрывают любой хруст, который разносится от моих ботинок в траве. Я жду, пока металлический клюв *mortair* ударит по камню, и достаю меч Лоннраха из ножен.

Он делает выпад на меня, крича, но моя рука с мечом быстра. Я режу его по туловищу. Кровь пересекла его белоснежную рубашку, когда он падает на колени. Я практически двинулась нанести убийственный удар, но остановила себя.

Его убийство не принадлежит мне.

— Охотница.

Сорча схватила меня за пальто, но я бью своим ботинком по ее бедру. Ее хватка слабеет, и я мчусь туда, где копают фейри, мои ноги скользят вниз в расщелину в леднике, весь вес приходится на лодыжку, которая мучительно болит. Я не останавливаюсь, не тогда, когда Сорча предупреждающе кричит сверху.

Другие фейри повернулись ко мне, их странные глаза заблестели, и они атаковали.

Моя сила отозвалась внутри меня в ответ. Это — жестокая сила, которая принимает меня, зажигает меня. Мой украденный меч становится продолжением меня, горящий пламенем. Я прорезаю первого красного колпака, который пришел ко мне, размахивая молотом, не делая никаких усилий вообще.

Механические создания уже на ногах, и каждый прыгает в воздух прямо на меня. Я режу. Легкие взрывы и мой меч легко проходит через металл.

Затем я слышу крик сверху. Эйтиннэ.

— Уничтожь кристалл!

Уничтожить его?

Еще больше фейри начинают атаковать, прежде чем я успеваю ответить. Я рассекаю

своим мечом воздух, погружая его в другого фейри. Все происходит в одно мгновение. С моей проснувшейся силой я быстрее, проворнее, сильнее. Я внезапно понимаю, что Киаран и Эйтиннэ сражаются с фейри со мной.

Их мечи разрезают, их силы опаляют камень. Я наблюдаю, как скала исчезает, а земля рушится от силы их ударов. Сильные штормовые волны выше наших голов созданы фейри для сопротивления. Вода прорывается из остановленной стены моря сильнейшей волной, которая сшибает меня с ног.

Кристалл. Я должна добраться до кристалла. Я кручусь и режу другого фейри. Мои движения быстры, когда я обрушиваюсь на него снова, мои ботинки быстро передвигаются по неровной земле, пока я уклоняюсь от атак.

Но, прежде чем я достигаю кристалла, появляется Сорча, ее меч движется быстро по дуге и почти достигает меня. Я уклоняюсь и парирую удар. Но она проворная, намного быстрее меня. Я попала однажды, порезав ей щеку. Ее пальцы потянулись к ране, и она взглянула удивлено.

— Что-то на память обо мне, — сказала я ей.

Она сверкает своими зубами, слизывая кровь, и прыгает на меня. Я кручусь, мои движения оборонительные.

С каждым ударом моего меча я напоминаю себе, что, хотя я и не способна убить Сорчу своими силами, но этот меч был выкован из фейского металла. Ее тело не такое неуязвимое, как Киарана. Если я нанесу смертельный удар, Киаран умрет вместе с ней, скрепленный их клятвой.

Я делаю только то, что могу: я защищаю себя от ее нападения, мой меч лязгает против ее, выпуская искры силы. Я отбрасываю его на нее, чтобы оттолкнуть подальше.

Затем я ощущаю ее присутствие в своем разуме. Мощное присутствие, как она давит на меня.

— Ты можешь иметь силу, Охотница, но я знаю все способы, чтобы сломать тебя.

Сорча показывает мне девочку, которой я была когда то, девочку в крови у тела ее матери. Она пытается извлечь это воспоминание из моего сердца.

Она не понимает.

Я больше не создание мести. Я уже не девочка, чей дар — хаос. Я умерла и вернулась. Я девочка, которая пережила это.

Я сбиваю ее с ног. Я заношу свой меч, практически двигаясь в смертельном ударе к ее животу...

“Убьешь ее — убьешь Киарана”.

В последнюю секунду лезвие меняет траекторию, задевая ее плечо. Я шиплю от разочарования, и она улыбается.

— Не можешь убить меня, Охотница? Ты еще не готова попрощаться с Кадамахом.

— Прекрати болтать!

Я бросаюсь на нее, но она поднимается на ноги, прежде чем я успеваю моргнуть, уклоняясь от моей атаки. Она быстра. Она двигается так же быстро, как кошачий охотник, уклоняясь от моего удара.

Она проникает в мой разум, копая, копая, копая. На этот раз не показывает девочку, но пытается повернуть меня к себе. Я отклоняюсь назад, вскрикивая от боли, выстрелившей в моих висках.

Пока я дезориентирована, она выбивает меч у меня из руки и проводит своим лезвием

по моей щеке. Рана жалит, и я чувствую, как кровь стекает по щеке, зеркальное отражение раны, что я оставила на ней.

— Что-то на память обо мне, — шепчет она. Она взглянула туда, где Киаран сражался с mortair, — я надеялась, что он придет за тобой.

Я замерла.

— Что?

— Приманка, — пробормотала она. — Часть плана.

Приманка. Я подняла взгляд на Киарана, изо всех сил борющемся с фейри. Его сила подпаливает черную землю. Приманка. Она знала, что они придут. Я открыла рот, чтобы прокричать ему, чтобы он уходил.

— Киа...

Кулак Сорчи ударил меня по лицу. Я спотыкаюсь, сплевывая кровь на грязную землю. Прежде чем я могу оправиться, она хватает меня за руку и бросает. Я качусь через грязь и врезаюсь прямо в основу кристалла.

— Кэм!

Сорча не останавливается. Как будто бы понимая, другие фейри обрушиваются на Киарана и Эйтиннэ и окружают их. Десятки фейри оттесняют их назад, пока Сорча поднимает меня за шею. Она швыряет меня на кристалл.

— Я ждала этого, — шепчет она. — Последняя Охотница унаследовала достаточно сил Эйтиннэ, чтобы я смогла усилить их через neimhead. Достаточно, чтобы пересилить ее.

Я поднимаю взгляд на нее, слизывая кровь с моих губ.

— Значит, ты хочешь украсть мои силы, чтобы убить Эйтиннэ? — сказала я резко.

— Нет, глупая. Твои силы вернутся назад их законному владельцу, — ее ногти впиваются в мою кожу, достаточно сильно для вмятины. — Видишь ли, это Эйтиннэ связала часть Кадамаха, ту, что делает его Неблагим Королем. Мне нужна ее сила, чтобы вернуть его часть, — ее губы изгибаются в кошмарную улыбку. — Она допустила ошибку, поместив свою силу в человеческие тела. Тела, которые я могу убить, все до последнего. И с помощью кристалла, у тебя есть достаточно сил, чтобы освободить ту его часть. Все закончится с тобой.

Затем она двинула мечом через мою грудь к кристаллу за мной.

Что-то сломалось внутри меня. Фейри перестали сражаться, поскольку Киаран с криком, что пробирает меня до самой души, упал на землю. Тени поднялись из земли, обволакивая его темными щупальцами. Он горбится, его пальцы зарываются в грязь. Внезапно фейри вокруг него так же падают, падают на колени, поскольку его сила покидает их. Даже Сорча корчится в агонии.

Мое зрение затуманивается, но я могу видеть, как тело Киарана дрожит, как трясутся его плечи. Почва разрывается, появляется ужасная трещина на земле вокруг его ладоней. Тени становятся гуще, темнее, пока я больше не могу его видеть. У него нет формы, он стал окутанным тенями.

— Нет, — шепчет Эйтиннэ, бросаясь ко мне. Ее глаза влажные, когда она беспомощно смотрит вниз на меч. — Охотница. Я не могу излечить это, — ее голос ломается.

Я не могу говорить. Я чувствую головокружение, слабость и чувство, как будто я лечу. Я борюсь за жизнь. Но у меня не получается. Я ощущаю, как покидаю свое тело, так же как, когда Киаран держал меня в море. Лечу ... лечу.

Тени рассеялись, и Киаран посмотрел вверх. Во время моего последнего вдоха, я

встретила его темный, голодный взгляд, и я знаю, он больше не Киаран. Он Неблагодой Король.

Я стою на вершине утеса напротив заката. Далеко-далеко подо мной волны обрушиваются на скалы в успокаивающем ритме. Брызги леденят мою кожу. Пахнет свежо: солью, смешанной в воздухе с ароматом вереска.

Деревья простираются вдоль вершины утеса по обе стороны от меня. Цвета, как осенью в Шотландии, красные и оранжевые оттенки, только более яркие. Выглядит, будто вся береговая линия в огне.

“Где я?”

Мимолетная мысль заменена спокойствием. Здесь так умиротворенно и безмятежно. На горизонте глубокие бирюзовые воды встречаются с пылающим небом. Пока солнце опускается ниже, подобные огню облака становятся более насыщенными. Поразительные оттенки, как будто насыщенные мазки краски. Я ненадолго закрываю глаза, ловя прекрасное тепло.

Я ощущаю чужое присутствие за мной, внезапное знакомое ощущение холодных кончиков пальцев по моей спине. Без злобы, как в прошлый раз, без угроз. Напоминание.

Она здесь.

Я не поворачиваюсь, когда она встает рядом со мной на утесе. Уголком глаз я замечаю, что ее лицо не изменилось с того раза. Оно осталось костлявым, кожа ветхой и старой. Ее плащ из теней обвит вокруг нее, глубоких и темных тонов.

Внезапно я все вспоминаю. Сорча направила меч через меня в кристалл. Боль прошла через центр груди, где лезвие пронзило кость. Я прижала туда руку. Я позволила боли успокоиться, прежде чем смогла здраво мыслить.

Киаран. Его темный, голодный взгляд, когда его связанные силы вернулись внутрь него. Теперь ему снова нужна Дикая Охота, чтобы выжить.

“Ты когда-нибудь чувствовал себя проклятым?”

“Каждый день.”

Он вернется в человеческий мир, неся бремя своего проклятья, а я ... Я ...

“Охотница. Я не могу излечить это”.

Слезы щиплют глаза.

— Ты ведь не просто в очередной раз посещаешь меня во сне?

— Нет, monighean.

Я слегка усмехаюсь.

— Полагаю, твое желание исполнилось? В этот раз я правда мертва. Эйтиннэ вернула свои силы. Пришла позлорадствовать?

— Я пришла сделать тебе предложение, — сказала Кайлих мягко. Она кажется такой слабой, ее голос дрожит.

— Тогда я отказываюсь, — говорю ей. — Можешь угрожать сколько хочешь. Я не хочу твоей правды.

На этот раз я встречаю ее древний взгляд. Я удивлена, увидев там печаль, неловкость. Кайлих прожила тысячи жизней. Она создала землю, сформировала миры. И она исчезает, прямо как я. Как человек.

“В конце, мы все олени”.

— Я не правду предлагаю тебе, monighean. Не в этот раз.

Я практически боюсь спрашивать.

— Тогда что?

— Я создала твой и мой миры, — сказала она. — Когда я умру, миры разрушаться. Это уже началось в Sìth-bhrùth. Ты видела это.

— Айе.

— Мои дети отказались от моих сил, — сказала она тихо. — Мне нужен сосуд, чтобы передать их дальше. Я предлагаю их тебе.

Я резко смотрю на нее. Я была бы шокирована, если бы не была такой подозрительной. Фейри не предлагают ничего просто так. В прошлый раз Кайлих угрожала убить мою семью. Она пыталась убить меня.

— Зачем тебе это? Почему я должна доверять тебе?

Теперь она выглядит ожесточено.

— Ты моя единственная кровь.

— Вижу. Ты умираешь, и я твой последний шанс передать твоё наследие.

— Я эгоистична, moníghan, — сказала она напряженно. — Так же, как и ты. Ты хочешь вернуться к своим человеческим друзьям, и я предлагаю тебе ещё один шанс пожить. Ты хоть представляешь, как это редко бывает у людей — вернуться из мертвых дважды?

Кайлих уже пыталась убить меня раньше. Я не могу так просто довериться ей.

— Какая цена?

Когда она отвела взгляд, я почти засмеялась. Конечно же, есть цена. Всегда есть последствия, когда нарушается естественный порядок. Я знаю это лучше других. И даже сама Кайлих не может изменить этого.

— Я могу вернуть тебя обратно к жизни, — говорит она мне, — Но со временем мои силы убьют тебя.

— Значит, я буду мертва в любом случае. Почему я должна принять твоё предложение?

Ее губы сжались в тонкую линию. Я заметила, как дрожат ее плечи, будто она едва способна стоять.

— Спроси мою дочь о leabharcuimhne. Книге воспоминаний. Если ты найдешь ее, ты сможешь снять проклятие. Это мой последний подарок для них, — ее взгляд опустился на океан под нами.

— Проклятие? — спрашиваю я.

— Моя дочь объяснит, — она задыхается. — Прими предложение, дитя.

Я была бы душой, поверив ей, но все же ... Боже помоги мне, но это искушение.

— А если не приму?

— Наши миры будут уничтожены, — я едва могу слышать ее. Каждое слово произнесено с придыханием, как будто это причиняет ей боль. Кайлих внезапно стала выглядеть намного слабее. Она быстро исчезала.

— Книга была потеряна, когда пало старое королевство. Тебе придется найти ее, — прошептала она исчезающим голосом. — Достойный сможет найти дверь.

Достойный?

— Подожди. Где эта дверь? Что за дверь?

Но она увядала, ее кожа отделялась от черепа. Глаза впадали внутрь. Она умирала, ее тело разлагалось и усыхало, как труп.

— Соглашайся, — выдохнула Кайлих. Ее лицо искажается от боли. — Ты должна согласиться сейчас.

У меня едва есть время подумать. Она превращается в пыль прямо у меня на глазах. У меня нет выбора, больше нет времени на другие вопросы.

— Хорошо, — шепчу я. — Я согласна.

В вспышке силы ее костлявая рука хватает мою. Мучительная боль ставит меня на колени. Ее сила разрывает меня, впечатывается в мои кости и оставляет свои отметки в моих венах. Я кричу. Тело как будто разбили пополам, каждый кусочек был перекован мощью ее силы.

Голос Кайлих прозвучал у моего уха.

— Я боюсь, monighean.

Ее иссохшее тело обхватывает мое. Я держу ее, пока ее сила ломает меня. Я держу ее, пока ее кожа распадается, а тело разлагается. Я удерживала ее даже пока ее кости превращались в пыль.

Затем ее не стало, а я открыла глаза.

И я жива.

Больше книг на сайте - Knigolub.net